

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1836 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи предсавлены были въ Ценсурный Комитетъ
три экземпляра. С. Пешербургъ, 30 Декабря 1835 года.**

Ценсоръ *А. Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 1.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Января 1 дня 1836 года.

Случалось ли, чпобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою добро о комъ нибудь сказали?

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КРЕСТЬ НА МОГИЛѢ ПОГИБШАГО.

(Историческая повѣсть.)

Я намѣренъ сообщить вамъ проспую сельскую повѣсть, слышанную мною на деревенскихъ посидѣлкахъ, но прежде всего долженъ войти въ нѣкоторыя мѣстные подробности, необходимыя для ясности моего разсказа.

Между множествомъ проселочныхъ дорогъ, которыя къ несчастію еще и нынче пересѣкаютъ прекрасную Перигорскую провинцію, есть одна болѣе всѣхъ живописная, которая ведетъ изъ Бельвѣза въ Вильфраншъ, и по которой я въ первый разъ проѣзжалъ весною.

Она идетъ по долинамъ, которыя спускаются какъ длинныя зелѣныя ковры, вышитыя пестрыми узорами изъ бѣлыхъ маргаритокъ, лиловыхъ и розовыхъ колокольчиковъ; потомъ начинаются густыя дубовыя и каштановыя лѣса, возвышающіеся одни надъ другими на подобіе амфитеатра, по скалу горы, до самыхъ вершинъ ихъ.—Далѣе

стоятъ уединенныя скалы, съ грозными развалинами феодальныхъ замковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое историческое преданіе, или какой нибудь занимательный анекдотъ.

Новая эпитафия развалины ничто передъ осплками Сенельскаго аббатства, возвышающимися среди мрачнаго Гракканскаго лѣсу. Теперь стоятъ тамъ только двѣ полуразвалившіяся башни и стѣны готической часовни, которыя вѣроятно примыкали къ аббатству; но его давно уже нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Англичане, во время владычества своего въ Гентъ, заложили какое-то новое зданіе на основаніи древняго Сенельскаго замка; теперь это развалины на развалинахъ.— Въ лѣсу вы почти на каждомъ шагу находите груды камней и обломки укрѣпленій, доказывающіе, что окружность, занимаемая аббатствомъ, простиралась очень далеко; на пространствѣ, заключавшемся некогда въ границахъ его, тамъ, гдѣ дорога изъ Бельвѣза въ Суветеръ пересѣкается дорогою, ведущею отъ Перигѣ до Кагора, стоятъ каменное подножіе, на которомъ возвышался прежде бѣлый крестъ, прозван-

ный крестомъ надъ могилою погибшаго. Крестъ эпошъ еще дѣлать за тридцать назадъ видѣнь былъ въ густой чащѣ лѣса.—Преданіе говоритъ, что въ давнія времена какой-то игуменъ аббатства продалъ душу свою дьяволу, и за то былъ сожженъ небеснымъ огнемъ, на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ послѣ поставили эпошъ каменный крестъ.

Я, недавно еще, вторично посѣщалъ эпи романическія мѣста, но, на эпошъ разъ въ самое печальное время года. Однажды поздно вечеромъ заспалъ меня шамъ сильный дождь и принудилъ искать убѣжища въ пракширѣ, стоящемъ недалеко отъ селенія Фрескепа, на одинъ часъ разстоянія отъ Вильфранша. Послѣ ужина, который показался мнѣ лучше, нежели я полагалъ найши его въ бѣдной деревенской харчевнѣ, я опворилъ окно, чпобы посмотришь — нѣтъ ли надежды на скорую перемѣну погоды; но скоро долженъ былъ опскочить, попому что въ эту самую минушу сильный вѣтеръ дунулъ мнѣ прямо въ лицо, и мѣлкій, частый дождь, который гораздо хуже ливня, въ одно мгновение не оставилъ на мнѣ ни одной сухой нишки. Длинныя пѣни уже ложились по Бельвѣзской дорогѣ; шуманъ, какъ сѣрая маншя, обхватилъ горы и долину; сѣверный вѣтеръ кружилъ и гналъ передъ собою желтые листья и, просяжно завывая въ лѣсу, производилъ во мнѣ шо непреодолимое чувство уцннія и скуки, которое бурные осенніе вечера обыкновенно наводятъ на душу.

«Какая досада,» сказалъ я про себя: «мнѣ невозможно будетъ выхашъ опсюда прежде упра!» И возвращаясь опашъ къ очагу, на которомъ съ прескомъ пылали дубовыя поленья, я, шо сердясь на погоду, шо радуясь, что нашелъ теплый и спокойный приушъ, усляся какъ можно глубже въ большія вешія кресла съ пуховою подушкою, которая пракширщикъ успушилъ мнѣ для почести.

Тотъ пойметъ расположеніе духа моего въ эту минушу, кто хопя однажды чувствовалъ блаженство—сидѣшь въ длинный осенній вечеръ передъ яркимъ огнемъ, въ теплой комнашѣ, между пѣмъ, какъ вокругъ

мирнаго приюта бушевалъ вѣтеръ и крупный дождь спучалъ въ закрышыя спавни.— Я наслаждался моимъ положеніемъ и спокойно смотрѣлъ на хлопоты молодыхъ служанокъ, которые занимались приготовленіями къ *посидѣлкамъ*, чистыли, мыли и разспавляли въ шкафу мѣдную посуду, свѣплую какъ зеркало. Спарушка - пракширщица, сидѣла противъ меня и вязала чулокъ; мужъ ея впягивалъ въ себя густыя облака пабачнаго дыму изъ черной, обгорѣлой прубки, которую закурилъ не иначе, какъ съ моего позволенія. Дѣвушки, убравъ комнапу, сѣли въ кружокъ у огня съ прялками; попомъ пришли двое или шрое молодыхъ поселанъ, и нѣсколько пожилыхъ людей — и всѣ услясь передъ очагомъ щипашъ паклю, или шопишь косы и плуги.

Между пѣмъ всё лилъ дождь и буря швмѣла безъ милосердія.

«Признаюсь,» сказалъ я, придвигаясь къ огню: «въ эту погоду лучше сидѣшь здѣсь, нежели скакашь по большой дорогѣ.»

Поселане взглянули на меня съ удивленіемъ.

— Смѣлъ пошь, кто въ эту глухую ночь вздумалъ бы ѣхашъ отъ Вильфранша къ Бельвѣзъ — *тѣмъ* изъ молодыхъ парнемъ.

«А что? развѣ шо спросилъ я.

— Да, пошаливаютъ! — опвѣчалъ ширщикъ: говорятъ, что въ развалинахъ Сенельскаго замка ешь какое-шо подземелье, гдѣ живутъ разбойники.—

«Видно не-христи, что не боялся сидѣшь ночью въ эшихъ закланыхъ развалинахъ!»

— Экой вздоръ! экая болшовня! — подхватила хозяйка, не покидая чулка своего; — давно ужъ не видашь ни одного вора вокругъ бѣлаго креста, да и не слышашъ про нихъ съ шой поры, какъ всѣ они пропали, съ ашаманомъ своимъ *Яномъ Гранканскимъ*, Вотъ, видите ли, сударь, нынче мушнышо спали прусливѣ дѣвокъ,—а когда я бѣла молода, тогда женщины были смѣлѣе

пеперешнихъ молодцовъ.... Развѣ вы не знаете, сударь, про Иоганну *Пенѣтъ*?—

«Нѣтъ! Кто же эпомъ *Янъ* и эпа *Иоганна*?» спросилъ я съ любопытствомъ.

— О, сударь! эпо было такъ давно, что ужъ всё про по забыли; однако тогда былъ спрашный человекъ, который загубилъ много душъ на бѣломъ свѣтѣ. Онъ водилъ съ собою большую шайку, которая прозывалась Сенѣзскою шайкою. Эпи разбойники въ самомъ дѣлѣ прыпались на ночь въ лѣсу и сходились у креста, который называли *крестомъ на могиль погубивго*. Но съ тѣхъ поръ, какъ ихъ переловили, о нихъ и слухъ сгинулъ.—

Повѣсть о разбойникахъ, въ уединенной хижинѣ, передъ огнемъ, въ бурный осенній вечеръ, была для меня совершенная находка; и такъ, я приступилъ къ спарушкѣ, которая отговаривалась недолго — и наконецъ согласилась удовлетворить моему любопытству. Мы всё придвинулись другъ къ другу — и она начала рассказъ свой.

Иоганна Пенѣтъ.

Теперь будетъ-тому лѣтъ сорокъ пять, сударь, когда эпа *Иоганна* была молодою, пригожею служанкою. Она прозывалась *Пенѣтъ*, по имени деревни, въ которой родилась, и можно сказать, что во всемъ околдкѣ вы не встрѣпили бы такого смазливаго личика. Веселая, проворная, она всегда бралась первая за работу, цѣлый день пѣла не умолкаяючи, а по праздникамъ плясала безъ устали. Никто, лучше и скорѣе её, не отвѣчалъ на шутки молодыхъ проѣзжихъ господъ, — никто не подсмѣивалъ забавнѣе надъ нашими деревенскими волокитами, которые наперывъ вертѣлись вокругъ неё. — *Иоганна* также умѣла и поспавить на своемъ, если чего хотѣла; однако со всѣмъ тѣмъ была скромная и покорная дѣвица.

Она была не богата; маленькая еще осталась сиротинкою, и выросла Христа-ради у вдовы *Алари*, содержательницы Фрескетскаго трактира, подъ вывѣскою *Золотаго солнца*. Бѣдняжка дорого платила за чужую хлѣбъ-соль. Она работала денно и ночью — и

всѣ таки скупая и злая трактирщица вращала на неё.

Вамъ не мудроно покажется, сударь, если я скажу, что богатый *Яковъ*, сынъ трактирщицы, всей душой полюбилъ добрую и прудолюбивую *Иоганну*. *Яковъ* былъ не смѣлъ, и такъ боялся матери, что дрожалъ при всякомъ ея словѣ; припомъ она задумала женить его на дочери зажиточнаго крестьянина — и бѣдному *Якову* и въ голову не приходило не послушаться въ эпомъ материнской воли. Думая, что *Иоганна* сама догадается о любви его, онъ не говорилъ о ней ни слова, — да и къ чему, когда у него была другая невѣста? Если же усмѣхался онъ, когда поварищи изъ зависти намѣкали ему объ *Иоганнѣ*, или молчалъ, если злые языки говорили по деревнѣ, что *Иоганна* и онъ любятъ другъ друга: то эпо потому только, сударь, что онъ хотѣлъ показать, будто не принимаетъ всѣхъ сплетней эпихъ къ сердцу — и не для того, чтобы нанести позоръ — честной и спеленной дѣвушкѣ.

Однакожь дурныя рѣчи недолго паялся, и они скоро дошли до ушей трактирщицы. Она хотя и хорошо знала честность *Иоганны*, а всё таки разсердилась на неё, можетъ быть отъ того, что *Иоганна* была не виновата, и её нельзя было выгнать изъ дому.

Вдова *Алари* была горяча — да опходлива и имѣла доброе сердце. Ей жалъ было согнать со двора такую добрую и проворную служанку, какъ *Иоганна*. Припомъ она у неё выросла и не имѣла никого въ свѣтѣ, кромѣ её. Трактирщица ни за что не пустила бы её по міру; однакожь все таки она бранила *Иоганну* и за всякую бездѣлицу звала её дураю, разинею, неловкою. Бѣдная дѣвушка молчала и только обливалась слезами, думая какъ и чѣмъ угодить госпожѣ своей; такъ прошло довольно времени; какъ вдругъ судьба ея переменилась — и всё мы ахнули, когда узнали о томъ, что съ нею случилось.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

ШВЕДСКІЯ МОРСКІЯ СИЛЫ ВЪ 1833 ГОДУ.

I. *Корабельный флотъ.*

Спарѣйшій и лучший изъ Французскихъ морскихъ журналовъ: *Annales Maritimes et Coloniales* въ III и IV NN 1834 года извѣщаетъ, что Швеція въ 1833 году имѣла слѣдующія морскія силы:

1. *Флотъ.*

11 кораблей	{	84 пуш. 4	} два погда еще спроились.
		74 — 7	
8 фрегатовъ	{	60 — 2	} два также бы- ливъ построены.
		48 — 3	
		40 — 2	
4 корветта	{	36 — 1	} одинъ 20 пуш. на спарель.
		20 — 3	
7 бриговъ	опъ	12 до 18	пушекъ.

30 судовъ—и всѣ они исчислены намъ по именамъ, слѣдовательно это извѣстіе, кажется, довольно справедливо, не смотря на то, что другіе журналы показываютъ у Шведовъ только 4 фрегата и 1 корветъ. Французамъ и намъ не почто извѣстны силы сосѣдственнаго государства, находящагося на берегахъ одного съ нами Балтійскаго моря; какой же вѣрности ожидать опъ журнальныхъ извѣстій о Бразильскомъ флотѣ, о флотѣ Сандвичевыхъ острововъ и проч.?—Всякому необходимо знать вѣрно силу своего сосѣда и опасно щипать его слабе, нежели онъ есть. Въ 1830-мъ году, по показанію Военнаго журнала, у Шведовъ было 13 фрегатовъ: неужели же чрезъ три года оспалось ихъ только 4, а прочіе 9 уничтожились?—Спранно! Развѣ предположить, что всѣ они построены были въ одно время, т. е. лѣтъ за 50; тогда будетъ вѣроятнo, что они пришли всѣ вдругъ въ негодность.

У Шведовъ дубовый лѣсъ прежде построенія сушится лѣтъ 5-ть, да сколько же времени попомъ изъ него спроятъ корабль, и всегда подъ крышею: такъ онъ ужъ почто просохнетъ. Передъ спускомъ они заливаютъ въ пустоты между наборомъ составъ изъ жидкой смолы и извести, кото-

рый, исполняя цѣль водяной пробы, т. е. указывая пропуски болповъ и прочее,—до-спавляетъ спѣнъ корабля крѣпость попому, что эпопъ составъ время опъ времени дѣлается пверже и пверже.—Послѣ спуска, годъ или два не обшиваютъ подводной части кораблей мѣдью, для того, что корпусъ корабля въ первое время его службы какъ бы садился.—Впрочемъ, это не важная предосторожность, также какъ и та, что они на зиму часть корабля, обращенную къ югу, и слѣдовательно болѣе на солнцѣ, красятъ дикою или желпою краскою, не оспавляя только черной, которая припягивая большее количество солнечныхъ лучей, сообщаетъ дереву теплому и деретъ его.—Также на зиму баласпъ въ корабляхъ они складываютъ на средину и облегчаютъ оконечности ихъ, вынимая бизань-мачту и бушприхпъ; хотя эта предосторожность опъ перегиба корабля не важна; однако же, сумма многихъ неважныхъ предосторожностей въ цѣломъ — значительно берегаетъ корабль: опъ эпога и служатъ они у Шведовъ лѣтъ 30 безъ *тилберовки*, или главной починки всего корпуса корабля, да *перетилберованные* употребляются еще лѣтъ 20.—Корабль Шведскій *Густавъ Ваза*, построенный въ 1770 году, служилъ 55 л. и былъ только однажды тилберованъ, а сдѣлалъ при похода въ Оспъ-Индію.—Нынѣшній паша Египетскій заказалъ для себя въ Швеціи много кораблей, по ихъ дешевизнѣ и прочности.

Шведскіе корабли и фрегаты сподѣкъ всегда въ Карлскронѣ. Нѣкоторые изъ нихъ помѣщаются въ докахъ, изсѣченныхъ въ гранитъ; тамъ спараютъ сдѣлать по же и для всѣхъ кораблей.—Трудолюбіе Шведовъ, ихъ шерпѣніе и дѣятельность и при самомъ недоспакѣ средствъ, навѣрное все превозможетъ, и Шведы исполнятъ все, что общаетъ имъ принести большія выгоды.

2. *Флотилія, или гребной флотъ, называемый также у Шведовъ армейскимъ флотомъ.*

По показанію того же журнала, гребной флотъ состоитъ изъ 24 шкунъ, каждая о 8 большихъ орудіяхъ;

8 бомбардирскихъ судовъ;

3 королевскихъ лхты;

5 париходовъ (*);

213 на службѣ } канонирскихъ лодокъ и
и 37 строящихся } іолъ:

Шведскій гребной флотъ заведенъ въ 1760 году, по предложенію и настоянію оберъ-адмирала графа *Эренсверда*, создателя Свеаборгской крѣпости. — Исполнителемъ его плана былъ знаменитѣйшій изъ кораблестроителей *Чапманъ*. Онъ первый построилъ канонирскую лодку и іолу; суда, способныя ходить по самымъ мѣлкимъ мѣстамъ и близъ берега, нося на себѣ огромную артиллерію, — суда поворотливыя, не такъ какъ предшественницы ихъ — галеры.

Введеніе палубныхъ судовъ въ гребномъ флотѣ есть рѣшительная и полезная для него реформа.

Голландцы едва ли не прежде всѣхъ ввели это у себя. Они уже очень давно имѣютъ палубныя канонирскія боты, управляемые 30-ю человѣками и имѣющіе отъ 3 до 5 орудій.

Существенная разница новѣйшихъ канонирскихъ судовъ противъ прежнихъ только въ одномъ: они имѣютъ палубу, а это большое преимущество. — Людямъ, по крайней мѣрѣ послѣ работы, есть гдѣ укрыться и на ночь и въ непогоду; они имѣютъ пушъ и постели, которыхъ на прежнія суда гребнаго флота вовсе не брали по недоспащку мѣста; у нихъ есть състные припасы недѣли на двѣ, иногда на мѣсяцъ и болѣе, смотря по величинѣ судна; они всегда могутъ пользоваться теплою и здоровою пищею, потому что на новыхъ лодкахъ бываетъ *калбузъ*, или желѣзная судовая печь, которая на кораблѣ занимая пространство въ двѣ или три квадратныя сажени, кормитъ 500 человѣкъ и болѣе; а пушъ она такъ мала и уютна, что два

человѣка легко переносятъ еѣ на берегъ, къ которому лодка пристаетъ. — На нѣкоторыхъ изъ новыхъ канонирскихъ судовъ палуба такъ устроена, что она не мѣшаетъ спускаться пушки — на время долгихъ плаваній или при сильномъ волненіи — внизъ лодки, на дно ея: это легко дѣлается на судахъ *Чапмановой* конспрукціи. — Окончательная и важнѣйшая выгода лодокъ новаго расположенія и построенія состоитъ въ томъ, что теперь каждая изъ нихъ можетъ плавать отдѣльно, независимо отъ прочихъ, и имѣетъ въ себѣ все необходимое по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли, тогда какъ прежнія канонирскія лодки должны были ходить соединенно и сопровождалась кухонными, муниціонными, провизіонными, гошпитальными, и даже иногда водоналивными ботами. — Теперь суда эти для палубнаго гребнаго флота не будутъ болѣе нужны, развѣ только гошпитальныя, если больныхъ нельзя свозить на берегъ. И это легко можетъ исправлять одинъ небольшой париходъ, въ военное время вооруженный пушками.

Стокгольмъ и Готенбургъ — два главные порта Шведской флотилии. По соединеніи ихъ каналомъ, она, можно сказать, совершенно свободно можетъ обратиться въ портъ или другой портъ, смотря по надобности, не боясь препятствій отъ бурь или непріятельскаго флота: первый въ каналѣ неопасенъ, а послѣдній самъ въ него не пойдеть.

Готскій каналъ, проведенный первоначально для обхода пороговъ *Троль-Гетта*, потомъ соединяющій озеро Венеръ съ озеромъ Гильмаръ и Меларъ, началъ въ 1793-мъ году и открытъ 27 Сентября 1832 года. Онъ болѣею частію высѣченъ въ гранитѣ и имѣетъ на себѣ 8 шлюзовъ; почти весь сработанъ солдатами, и со всѣмъ тѣмъ обошелся въ 18 милліоновъ франковъ; $\frac{1}{2}$ этой суммы пожертвовало Правительство, а $\frac{1}{2}$ собрана по подпискѣ на акціи.

Каналъ этотъ, перерѣзывая всю Швецію по наибольшей ея ширинѣ и соединяя два первѣйшіе города въ государствѣ по торговлѣ, будетъ имѣть значительное влияние

(*) Самый большой париходъ въ Швеціи во 100 силъ, а самый малый въ 6 силъ. — Париходство началось въ Швеціи съ 1820 года; теперь тамъ частныхъ париходовъ 14. — Они ходятъ изъ Стокгольма въ разные порты Балтійскаго моря и изъ Готенбурга въ Датскіе порты. — К—р—евъ.

на усиленіе оной вообще; придасть ей бо-
лѣе живоспи и дѣяпельности; жителѣмъ
около себя доспавивъ разные способы къ
улучшенію своего соспоянія; обезопаситъ
положеніе гребнаго флота, какъ уже сказа-
но и, наконецъ, принесетъ, хопя со време-
немъ, Швеціи новый доходъ. Я разумю
подъ эпимъ денежный сборъ съ судовъ, про-
ходящихъ по каналу; сначала деньги сіи
употреблятсѣ на покрывіе расходовъ, а по-
томъ соспавятъ чиспую государспвенную
прибыль.

И эпю новое сообщеніе морей Балпійска-
го и Сьвернаго грозитъ Даніи уменьшеніемъ
ея доходовъ съ кораблей, проходящихъ
Зундъ, и едва ли не заспавитъ еѣ убавитъ
взимаемую памъ пошлину, попому чпо въ
суда, копорымъ позволяетъ, полько величи-
на и копорымъ назначено плыть изъ Ка-
пегата въ Шведскія или Русскія гавани
Балпійскаго моря, предпочлутъ върояпно
Готскій каналъ, какъ дорогу ближайшую и
безопаснѣйшую Зунда. И обратпо суда, дол-
женспвуюющія плыть изъ заливовъ Бопни-
ческаго, Финскаго и даже Рижскаго, по шѣмъ
же причинамъ изберутъ сей новый пушь;
полько идущимъ изъ Нѣмецкаго моря въ
Пруссію, или обратпо, выгодые проходитъ
чрезъ Зундъ. Доходы Шведовъ въ эпюмъ
случаѣ зависятъ опъ нихъ же самихъ; если
они назначатъ пошлину съ судовъ, плыву-
щихъ Готскимъ каналомъ, сравпительно
менѣ Зундской: по успѣхъ ихъ несомни-
теленъ. — Впрочемъ, число судовъ, прохо-
дящихъ Зундъ въ послѣдніе пять лѣтъ—и
по другимъ причинамъ годъ опъ году умень-
шается. Въ 1830-мъ году Данія имѣла опъ
нихъ до милліона рихсдаллеровъ (*) одного
таможеннаго сбора; эпю сумма, соспавляю-
щая слишкомъ полпора милліона рублей,
естъ доходъ собственно короля.

3. Морскіе гины и команды.

а) Морскіе и поршовые.

9 адмираловъ.

24 капипана кораблей, всѣ въ коман-
дорскомъ чинѣ.

(*) Шведскій рихсдаллеръ равняется 1 р. 60 копѣйкамъ
на ассигнаціи. — К—въ.

16 капипановъ фрегатовъ.

100 лейтенантовъ 1 класса.

76 — — — — 2 — —

340 унперъ-офицеровъ. для разныхъ дол-
жностей на службѣ.

555 человекъ, приговляющихся въ ун-
перъ-офицеры, раздѣлены на 7 ротъ.

400 юнговъ, обучающихся въ школь; ихъ
4 роты.

784 мастеровыхъ.

13,706 мапросовъ на службѣ.

8,079 мапросовъ резервныхъ. Они соспа-
вляютъ 33 роты.

б) Морскіе Инженеры.

Для спроепія судовъ 17 офицеровъ и для
гидравлическихъ работъ 12.

в) Полкъ Морской артиллеріи.

33 офицера, 40 унперъ-офицеровъ и 1,500
канонеровъ, раздѣленныхъ на 3 баталіона,
изъ коихъ въ каждомъ 5 ротъ.

Мапросовъ въ Швеціи набираютъ изъ
приморскихъ областей. — Тѣ изъ нихъ, ко-
торые не находятсѣ въ дѣйспвительной
службѣ; но уже записаны въ неѣ и гоповы
по первому пребованію неспи ея обязанно-
спи, содержатсѣ подпискою въ округахъ.—
Каждый округъ обязанъ имѣть одного ма-
проса, кормитъ его, завеспи ему необходи-
мыя вещи, кромѣ одежды; копорая выдается
опъ казны—и замѣнитъ его—въ случаѣ
смерпи, увѣчья или дряхлости—другимъ.

Спарыхъ инвалидовъ округа содержатъ
изъ человеклоубія, а не по обязанноспи:
ибо само Правителспство не оспавляетъ
безъ призора заслуженныхъ и раненыхъ
воинзовъ, а опредѣляетъ имъ пенсіи.

Резервный мапросъ, поступивъ на слу-
жбу, получаетъ опъ казны жалованье и все
содержаніе, не лишаясь того, чѣмъ пользо-
вался онъ въ округѣ, и чпо выдается тогда
его семейспву. Годовой бюджетъ эпюй мор-
ской силы проспирается до полупора мил-
ліона рихсдаллеровъ.

С. К—въ.

Апрѣля 22 дня 1835.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

27.

Недавно у насъ въ Петербургѣ, по книжной часпи, случилось мудрёное, и едва ли прежде когда бывалое на св. Руси приключеніе, *казусъ*, какъ говорятъ юриспруденсы.

Иванъ Григорьевичъ *Бутовскій* превосходно перевелъ Исторію Крестовыхъ походовъ, сочиненную г. *Мишо*, членомъ Французской Академіи, и напечаталъ её на щегольской бумагѣ, прекраснымъ *Дидотовскимъ* шрифтомъ. Въ то время, какъ печаталась прелесть часпъ апаго важнаго творенія, г. *Ертовъ*, сочинитель Всеобщей Исторіи, выдалъ въ свѣтъ также Исторію Крестовыхъ походовъ, въ одномъ помѣ.

По справкѣ оказалось, что г. *Ертовъ* заимствовалъ изъ перевода г. *Бутовскаго*—18 листовъ печатныхъ.

А. Кораблинскій.

25-е Октября
1855.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГОРЯЧІЙ ИСТОЧНИКЪ.

Спруею жгучей выбѣгаешь
Изъ подземній водный ключъ.
Не видный жаръ его пашаешь;
Не жаромъ солнца онъ кипучъ; —
О нѣшь, сокрытое горнило
Живую влагу раскалило!
Ядра земнаго глубинамъ
Огонь завѣщанъ самобышной:
Ошпуда гостъ горячій къ намъ
Изъ двери вырвался границпой.

Такъ въ мрачныхъ сердца глубинахъ
Порою пѣснь любви родится,
И хлынувъ въ пламенныхъ волнахъ,
Предъ міромъ бѣшено клубится;

Но не прелестной дѣвы взоръ
Её согрѣлъ, её лелѣешь. —

Нѣшь, часто эгопъ метеоръ
Мелькаешь, блещешь, но не грѣешь!

Жаръ сердца самъ собой могучъ:
Ошпуда пролиптый въ нѣтъвы

И подъ холоднымъ взоромъ дѣвы
Бѣжишь любви горячій ключъ.

В. Бенедиктовъ.

КЪ АДЕЛАИДѢ.

Нѣшь, красавица, напрасно
Твой языкъ лепечешь мнѣ,

Что родилась ты въ ненаспной,
Въ нашей хладной споронѣ.

Нѣшь, не вѣрю: изъ далека
Бурный вѣспрь тебя увлѣкъ;

Ты—жемчужина Воспока,
Поля жаркаго цвѣпокъ.

Чѣрный глазъ и чѣрный волосъ —
Всѣ не нашихъ русскихъ дѣвъ,

И *брильянтовый* пвой голосъ
Сыплешь рѣчь не на распѣвъ.

Нѣшь въ лицѣ пвоемъ шумана,
Грудь не сжана у тебя,

И извивъ живаго спана —
Азіатская змѣя!

Ты глядишь, очей не жмуря,
И въ очахъ кипишь смола,

И пропическая буря
Дышишь пламенемъ съ чела;

Фосфоръ, въ бѣшеномъ блистанѣ —
Взоры быспрые пвои,

И сладчайшее дыханье
Вѣешь мускусомъ любви!

В. Бенедиктовъ.

ОМОНИМЪ.

Ребяща въ деревняхъ

И даже въ городахъ

Играюпъ льпомъ нами:

Насъ спавяпъ въ конѣ гнѣздами;

Попомъ его сбиваюпъ нами.

Но чтобы прежде имя узнашь,
Кому из игроковъ всѣхъ прежде въ насъ бросаешь—
Кидашъ на землю насъ: — мы жохомъ, плоской
ляжемъ

И первенство между робляшь укажемъ.

Но перейдемъ скорѣй

Мы къ дѣлу опъ игрушекъ:

Ты видишь въ насъ спарушекъ

Повипушекъ,

Воспринимающихъ при родинахъ дѣшей.

M O D E S.

Il ne nous manque plus, chère sœur, que le retour des hirondelles pour nous croire au printemps, tant la température est douce en ce moment; mais il ne faut qu'un instant pour changer cette atmosphère tempérée, et peut-être quand vous recevrez cette lettre fera-t-il un froid glacial. Les fournisseurs se plaignent que cette température inaccoutumée nuit au commerce; que beaucoup de femmes ne se munissent pas de tout cet *attirail* contre les frimas, qui consiste autant en objets de luxe que d'utilité; cependant les provisions d'hiver sont faites maintenant, qu'il fasse froid ou chaud, on dansera et s'amusera *quand même*. . . . Que l'aiguille du baromètre monte ou descende, les robes se faneront et se remplaceront. Je crois donc que les fournisseurs peuvent se rassurer et que les marchands de bois seuls auront à se plaindre.

Ce n'est guère maintenant que sur l'assemblage et la composition des toilettes que peuvent porter mes observations, les coupes et formes pour l'année sont fixées; mais ce qui varie à l'infini, ce sont les ornemens, l'harmonie des couleurs. Parlons un peu chapeaux; c'est pour ainsi dire le principal objet d'une toilette; une femme bien coiffée est à moitié parée. Un chapeau en velours *scabieuse*, garni de rubans de satin même couleur avec une guirlande de paquerettes et deux touffes de même fleurs sous la passe.—Un autre *vert myrthe* en satin, avec un liseré *citron* garni d'un ruban vert, moins foncé, tel que le vert *arménien*, ou vert *corysande*.—Un autre en satin noir, orné de ruban de satin *flamme samnite*.—Un autre en velours *solitaire*, orné d'une plume *solitaire* à tête bleue; le ruban *solitaire* bordé de bleu *Raymond*.

Pl. No 1. Bonnet de dentelle.—Redingote de mouseline de laine à pelserine plissée.—Métier à broder et table.

Pl. No 1. Travestissement.

М О Д Ы.

Недосаждаетъ только жавронковъ и ласпочекъ, любезная сестра, чтобы мы почти пеперешнее время года весною, столько погода тепла; но одно мгновение можетъ измѣнить эту умѣренную атмосферу, и, можетъ быть, когда ты получишь это письмо, будетъ сильный холодъ. Всѣ купцы жалуются, что эта необыкновенная погода вредитъ торговлѣ; что многія женщины не запасаются всѣмъ эпитъ *приборамъ* опъ спужи, который состоитъ равно изъ роскошныхъ и полезныхъ предметовъ; однако всѣ зимніе запасы уже сдѣланы, тепло будетъ или холодно; будутъ танцовать и забавляться, не смотря ни на что. . . Спирѣлка барометра будетъ опускаться или возвышаться, платья поблекнутъ и будутъ замѣнены. И такъ, я полагаю, что купцы могутъ успокоиться, и что жаловавшиеся могутъ одни торгующіе дровами.

Мои замѣчанія могутъ только опноспиться къ составу и собранію нарядовъ, покрой же и фасоны утверждены на цѣлый годъ, но измѣняющіяся до безконечности опдѣлки и опношенія цвѣтовъ. Поговоримъ немного о шляпкахъ, это почти главная опрасль наряда; дама, у которой голова хорошо убрана—въ половину наряжена. Я видѣла бархашную шляпку цвѣта *scabieuse*, опдѣланную апласными лентами подъ цвѣтъ съ гирляндой *paquerettes*, два кускиа шѣхъ же цвѣтовъ подъ полетъ. Другая апласная зеленого миршоваго цвѣта съ желтою выпушкой и зелеными лентами, цвѣта свѣтлѣе шляпы, зеленого *arménien* или *corysande*.—Еще черная апласная, опдѣланная апласными лентами цвѣта *flamme samnite*.—Другая бархашная цвѣта *solitaire*, опдѣланная перомъ такого же цвѣта съ голубой верхушкой; ленты такого же цвѣта съ каѣмками голубаго цвѣта *Raymond*.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ)

Карп. No 1. 1) Кружевной чепчикъ.—2) Реденгошь изъ шерстяной кисеи съ пелериною.—3) Рабочій сподикъ.

Карп. прибавочная No 1. Маскерадныя платья.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 2.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ЯНВАРЯ 4 ДНЯ 1856 ГОДА.

Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней риема, младость?
Ужель и вправду наконецъ
Увяжь, увяжь ея вѣнецъ?

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КРЕСТЬ НА МОГИЛѢ ПОГИБШАГО.

(Продолженіе.)

Разъ вечеромъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1790 года, *Иоганна* и хозяйка ея суешились около спола, за которымъ ужинали проѣзжіе и нѣсколько человекъ поселянь. Подъ конецъ ужина, всѣ заговорили громче, закурили трубки, и спали рассказывать о спранныхъ видѣніяхъ у каменнаго креста, ночью грабежъ по большой дорогѣ и чашныхъ убійствахъ возлѣ развалинъ Гранканскаго аббатства. Утверждая, что извѣстная Сенельская шайка собиралась въ Гранканскомъ лѣсу, и что главнымъ ашаманомъ ея былъ *Янъ*, славный и спрашный во всемъ Сарландѣ проворствомъ своимъ и ужасными варварствами.—Какъ водится, иные слушали, дрожа отъ страха, — другіе не вѣрили ни чему и смѣялись надъ легковѣрными.

Въ эту минушу какой-то человекъ, одѣтый какъ зажиточный поселянинъ, вошелъ въ залу, спросилъ буюпылку вина, сѣлъ на

самомъ концѣ спола и съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ рассказамъ.

— Въ прошлую ночь, — говорилъ одинъ изъ крестьянъ: *Вильгельмъ Менардъ* шелъ съ *Вильфранскаго* рынка мимо развалинъ, какъ вдругъ, откуда ни взялись, чепыре человекъ въ маскахъ — бросились, повалили его на земь и опняли всѣ деньги, которыя бѣднякъ вынулъ за скоть свой. —

«*Вильгельмъ Менардъ* шрусъ и лгунъ, — можно ли вѣрить ему?»

— Ну, такъ повѣрь этому: прешьяго дня въ самую полночь *Петръ Лафонъ* ѣхалъ верхомъ по лѣсу и смолрѣлъ на часовню; вдругъ опшуда вышла какая-то пѣнь и ну за нимъ бѣжаць... *Лафонъ* скакаць опъ неѣ, не шупъ-то было, пѣнь все бѣжала за лошадыю возлѣ большой дороги, да такъ скоро и лѣтко, что казалось до земли не допрогивалась. Только, когда онъ удерживалъ лошада, по тогда и она оспанавливалась; однако всегда далеко, чпобы онъ не могъ разсмопрѣшь еѣ. Бѣдный *Лафонъ* дрожалъ опъ страха, какъ осиновою лиспъ, — а какъ дохалъ до креста

надъ могилою погибшаго, такъ и свѣту не взвидѣлъ, потому что кто-то совсѣмъ возлѣ него назвалъ его по имени и гаркнулъ спрашнымъ голосомъ; *Лафонъ* поспѣхъ узналъ *Яна*. . . —

«Ты что дурища разинула ротъ и стоишь какъ вкопаная?» сказала хозяйка, толкнувъ *Иоганну*, которая такъ заслушалась, что забыла служивъ госпямъ. Дѣвушка вздрогнула—выронила изъ рукъ блюдо и оно разбилось въ дребезги. — Можете вообразить какъ разсердилась пракширщица! всѣ прочіе захохотали.

«Дура полоропая!» закричала она: «спы всё у меня перебила и перепоршила. Ну, тебѣ ли спонять выпуча глаза и слушать, что говорятъ добрые люди! Еще пугается, какъ будто горожанка! — Я право не знаю, за что я держу её у себя и давно не выгоню её изъ дому.»

Въ первый разъ еще въ жизни вдова *Алари* такъ грубо поступила съ *Иоганною*; бѣдная дѣвушка замылась слезами, а другіе продолжали разговоръ свой.

— Ну, такъ *Петръ Лафонъ* узналъ *Яна*. . . и разбойникъ приспая къ груди его цисполеть, закричалъ ему спрашнымъ голосомъ: Ага! дружокъ, попался наконецъ къ намъ! давно я жду тебя здѣсь! слезай-ка добро съ лошади, мнѣ пора раздѣлаться съ тобою. Вотъ онъ свиснулъ—и толпа разбойниковъ окружила *Лафона*, и въ одну минуту обобрали его какъ липочку.

— Правду сказать, эпа бѣда случилась съ нимъ на щастье и избавила его отъ шюрмы, куда должники давно хотѣли посадить его. — Когда же *Лафонъ* разсказалъ имъ, что его ограбили разбойники, то они сжалились и согласились на отсрочку. Между нами сказать, *Петръ Лафонъ* не плохъ,—и мнѣ кажется, что всѣ сказки о разбойникахъ походятъ на эпу. —

«Право?» подхватилъ вдругъ незнакомецъ, который еще въ первый разъ вмѣшался въ рѣчь нашу. . . «Конечно не всѣмъ сказкамъ можно вѣривъ, но я радъ биться объ закладъ, что изъ всѣхъ тѣхъ, которые смѣются разсказамъ о здѣшнихъ разбояхъ, никто не рѣшился бы итти теперь одинъ въ *Гранканской* лѣсъ. . . Эпи при ефимка шому молод-

цу,» сказалъ онъ бросивъ на сполъ деньги: «кто согласится пойми сейчасъ къ бѣлому кресту—углемъ написавъ на немъ имя свое и принеси вѣшвъ съ дикаго кашпановаго дерева, которое распеть возлѣ него.»

Всѣ взглянули на незнакомца съ удивленіемъ и не отвѣчали ни слова; онъ смотрѣлъ на нихъ съ какою-то злою насмѣшкою.

Вдругъ бѣлая рука молодой дѣвушки легла на плечо его, и *Иоганна* сказала со слезами на глазахъ:

— Дай эти деньги мнѣ . . . я иду къ кресту покойника. —

«Ты, красавица?»

Крестьяне захохотали и забили въ ладоши—ай да *Иоганна*! слышите ли, она идетъ; она! . . . ха! ха! ха!

— Иду, сейчасъ иду; — сказала она рѣшительно, и взявъ уголь, взглянула на пракширщицу.

— Теперь узнають, — сказала она: что я не такъ пуглива, какъ горожанки. —

Якова не было дома; пракширщица хотѣла было отговорить её, но она, не слушая ничего, взяла деньги, и не смотря на то, что была полночь, вышла со двора.

Иоганна хотѣлось показать госпожѣ своей, что она храбрѣе городскихъ дѣвушекъ; припомъ пракширщица грозилась выгнать её изъ дому, и это бѣдно кольнуло её въ сердце. Вотъ почему вызвалась она итти къ бѣлому кресту. Но когда бѣдняжка вышла изъ дому и очутилась одна въ открытомъ полѣ, далеко отъ селенія, въ томъ мѣстѣ, о которомъ она только что слышала спрашныя разсказы, тогда душа замерла въ ней отъ страха, и д. не знаю, какъ она рѣшилась итти далѣе.

Она вошла въ темный *Гранканской* лѣсъ, и увидѣла вдали спрашныя спѣны аббапства: вдругъ завылъ вѣтеръ, набѣжали тучи, нависъ надъ землею густой туманъ, и мѣсяцъ, то выглядывалъ изъ-за тучъ, то бѣжалъ по небу и припался за облаками, и тогда *Иоганна* шла совсѣмъ въ попьмахъ.

Скоро черные зубцы развалившейся часовни вышли изъ сѣраго тумана и сердце бѣдной дѣвушки замерло отъ страха. — Её пугало всё—и эти спрашныя башни и длин-

ныя вѣпви плюща, копорья вились около развалинъ, и ночь, и эпошь каменный крестъ, копорый бѣлѣлся на подножии своемъ, и, какъ пуспынникъ, стоялъ у трехъ дорогъ, копорья всѣ перялись въ дремучемъ лѣсу!

Она, подходила къ кресту тихо, легко, едва дыша, едва спулая, какъ будто безплотный духъ, копорый, говорящъ, живетъ въ пуспыхъ спѣнахъ Сенельскаго аббатства, и по ночамъ гуляетъ по лѣсу. Вдругъ въ часовнѣ блеснулъ свѣтъ и возлѣ неѣ, что-то зашумѣло; она оглянулась и увидѣла возлѣ себя навьюченную лошадь, привязанную къ дереву, копорая ржала и рыла копытами землю: *Иоганна* поняла, что она ждала господина своего и что разбойники были недалеко.

Она съ благоговѣннемъ спала на колѣна передъ крестомъ и начала чипать моливы, — потомъ дрожащею рукою сорвала вѣпвь съ кашпановаго дерева, написала кое-какъ углемъ имя свое на подножии креста и хопѣла опромешью бѣжать домой, какъ увидѣла человекъ, копорый вышелъ изъ часовни и въ ту же минушу показался на верхней галереѣ; потомъ раздался въ лѣсу пропѣжный свистъ и какой-то голось закричалъ ей: стой!

Иоганна подумала, что одна смѣлость можетъ спасти еѣ въ эпошь спрашный часъ; свистки перекрещивались въ развалинахъ и опѣвчали одинъ другому; но ней выстрѣлили изъ пистолета, но къ счастью за темною пою не могли допастъ въ неѣ; она не смутилась; проворно опвязала лошадь, вскочила на неѣ и во всю прынь поскакала по Фрескепской дорогѣ.

Минушь черезъ десянь остановилась она у воропъ пракпира и запыхавшись вошла въ залу. Всѣ хвалили ея смѣлость — *Яковъ* молчалъ и смотрѣлъ на неѣ съ любовью. Онъ воропился домой скоро послѣ неѣ; очень испугался, когда сказали ему, куда пошла она, и хопѣлъ самъ ѣхать въ Гранканской лѣсъ. Она рассказала всѣ, что было съ нею; еѣ хвалили безъ умолку, осмопрѣли лошадь, копорую она завладела и догадались, что господинъ ея долженъ былъ непременно быть апаманъ шайки. На лошади былъ чемоданъ;

его опкрыли и нашли въ немъ множество мужскаго плащя и 3,000 ливровъ золота. — Это еще больше заспавило хвалишь *Иоганну*, и всѣ сказали, что деньги по праву принадлежатъ ей. Трактирщица опъ радости чуть не задушила еѣ поцѣлуями, и не сказавъ ни слова, заперла деньги въ ларець, а лошадь велѣла опвесити въ конюшню.

Въ эту минушу только замѣтили, что незнакомца не было въ залѣ, но никпо не могъ сказаць, какъ и когда онъ скрылся.

На другой дѣнь было воскресенье; пракпирица вспала рано, одѣлась опрянше, чтобъ иппи къ обѣднѣ въ Вильфраншъ и объявишь памъ полиции о всемъ, что случилось. Ей очень хопѣлось удержавъ за собою деньги и лошадь.

«Прощай, душа моя,» сказала она *Иоганнѣ*: «вымети кухню и пригоповъ завтракъ, мы съ сыномъ скоро воропимся домой.»

— Мы сего дѣня поидемъ съ побою на панцы въ Пенепъ, — прибавилъ *Яковъ*, посмопрѣвъ на нее, какъ смопрятъ на пѣхъ, кто милъ намъ.

«А я привезу тебѣ изъ города шафпанный передникъ и Руанской пунцовый плапокъ съ большими клѣпками,» подхвапила пракпирица, поцѣловавъ еѣ въ лобъ.

— Не унывай, — шепнулъ ей на ухо *Яковъ*: все уладится, мнѣ такъ сдается. — И онъ пожалъ ей крѣпко руку. —

«Прощай *Иоганна*, проспи дочъ моя, пы останешься одна, такъ пожалуй запри ворота и всѣ двери, да примись скорѣе за спрятню.»

Иоганна не помня себя опъ радости, долго стояла у воропъ и смотрѣла, пока *Яковъ* съ матерью совсѣмъ исчезли изъ глазъ ея. Потомъ пошла въ кухню и принялась за дѣло, беспрестанно думая оптомъ, что *Яковъ* сказалъ ей на ухо.

Если-бъ кто.нибудь въ эту минушу вздумалъ взойти на высокую Гранканскую гору и взглянуть съ нее на большую дорогу, то онъ увидѣлъ бы высокаго человекъ, закупаннаго въ широкій плащъ, копорый пайкомъ вышелъ изъ лѣса, посмопрѣвъ вслѣдъ *Якову* и пракпирицицѣ, и потомъ, когда они за-

шли за поворотъ дороги, тихонько пошелъ къ Франканскому прапширу.

У *Юанны* было на душѣ легко и весело, хотя она и оспалась дома. Никогда во всю жизнь свою не была она такъ щасплива; чего еще желать? думала она; хозяйка назвала меня дочерью своею—и это не даромъ, а *Яковъ* пожалъ мнѣ руку и не велѣлъ унывать.

Въ этихъ двухъ словахъ была вся судьба *Юанны*.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

ПАВЕЛЬ ЛАНДЕРЪ.

(*Тридцатилѣтняя исторія, или тому назадъ 30 лѣтъ.*)

Лука Ландеръ былъ человекъ довольный пѣмъ, что имѣлъ. Онъ былъ щаспливъ спольку, сколько возможно бытъ щаспливу человекъ въ посредственномъ состояніи, окруженному благодатнымъ семействомъ.

Нѣсколько лѣтъ *Лука Ландеръ* провелъ свято и тихо съ женою въ уединеніи. Дѣти ихъ росли и разливали радость въ ихъ сердца. Характеры двухъ сыновей совершенно были разны: *Эгардъ*, младшій, былъ здоровый, пригожій, сильный и рѣзвый мальчикъ; веселъ и смѣлъ, онъ, казалось, былъ не способенъ къ горестнымъ ощущеніямъ, хотя имѣлъ сердце доброе и чувствительное. *Павель*, старшій, напротивъ былъ спененный мальчикъ, крошкій и разсудительный. Онъ просиживалъ по нѣсколькимъ часамъ сряду за своими учебными книгами и, рѣдко, очень рѣдко учипели его жаловались на его лѣность. *Павель* часто былъ свидѣтелемъ проказъ своего брата, иногда смѣялся, но никогда не подражалъ ему; безпреспанно занимался книгами, и когда ему удавалось укрьпиться отъ своего шумливаго шалуна-брата въ какое нибудь уединенное мѣстечко: то забывалъ время и не думалъ, что пора спать съ милыми ему книгами; вкусъ къ ученью превратился у него въ сильную спрасть, до того, что онъ болѣе ни чѣмъ не занимался и сдѣлался равнодушенъ ко всему, даже и къ своимъ родителемъ; это

ихъ огорчало. Одинъ изъ его друзей доспалъ ему книги глубокомысленныя, и онъ по нимъ, безъ помощи учипели, приобрѣлъ великія и обширныя познанія.

Молодой поселенинъ научился также рано любить *Анну Гадеваль*, дочь одного крестьянина; онъ ей сказалъ это, и преспо-сердечная дѣвушка взаимно полюбила его. *Гудля* иногда вмѣстѣ, добродушная *Анна* любила слушать о всемъ томъ, что его занимало. Когда онъ переспавалъ говорить, она отбрасывала его белорусыя кудри, которыя наводили тѣнь и закрывали милое лицо его; смотрѣла на него съ воспоргомъ, почипала себя щаспливою, что онъ ей пересказывалъ такія спрачныя, чудесныя вещи, и часто слушала и вѣрила всему тому, что онъ ей ни говорилъ; даже и тогда, когда не всё понимала. Для неѣ *Павель* былъ проповѣдникомъ истины; основаніе ея вѣры была любовь. Когда же замѣчала, что воображеніе ея друга начинало бродить въ дальнихъ и высшихъ сферахъ, она возвращала его на землю, къ настоящей жизни... нѣжнымъ поцѣлуемъ.

Послѣ нѣсколькихъ щасливо проведенныхъ лѣтъ безъ тѣни горести, блаженство ихъ возмутилось. Много причинъ этому способствовало: рѣдко нещастіе не ведетъ за собою другаго. Подлый поступокъ одного коварнаго друга довершилъ разореніе старика *Луки*. Этого друга, воспользовавшись его довѣренностью, уговорилъ его за себя поручиться въ весьма значительной суммѣ; скрылся прежде срока и взвалилъ всю отвѣспвенность на бѣднаго *Луку*, который пораженъ былъ симъ ударомъ, и потерялъ бодрость духа. Поведеніе *Павла*, котораго онъ не понималъ, также его не мало огорчало.

Часто горестный старикъ спойлъ неподвижно по нѣсколькимъ часамъ на одномъ мѣстѣ, рыдая и проливая слѣзы.

Тогда его бѣдная жена оспанавливалась и смотрѣла на него съ неизьяснимою печалью; когда же клала руку на плечо его, онъ вздрагивалъ и смотрѣлъ на неѣ мупными глазами. Часто она нѣжно ласкала, упѣшала его, говоря: *Лука, Лука!* у тебя оспа-

лась еще жена! Сердце спарика, казалось, хотѣло вырваться. Тогда меньшей сынъ его начиналъ ушѣшать и съ нѣжностью выговаривалъ, что грѣхъ и спыдно пакъ опчаявапсья, что должно надѣяться на него, что онъ молодецъ, здоровъ и будетъ прудиться за всѣхъ, и чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ больше лицо его сіяло радостью, а глаза блиспали яркимъ огнемъ,—рука его сжималась силою. *Павель* ничего не говорилъ, его глаза наполнились слезами, онъ уходилъ плакать. Среди эпихъ печальныхъ сценъ онъ безпреспанно занимался своими книгами. Двѣ недѣли спустя послѣ сего ужаснаго удара судьбы, въ день срока подписаннаго поручительспва, въ которъй надобно было плащпть, несчастный отецъ, не могши улежашъ на постелѣ, куда щепенно призывалъ его сонъ—вспалъ и пошелъ къ воропамъ. Онъ нашелъ ихъ полураспворенными, а калитку запертою одною защолкою.

Испуганный спарецъ бросился въ спальню къ сыновьямъ: *Эгардъ* спалъ крѣпкимъ сномъ, а *Павла* не было; онъ куда-то ушелъ. Всегда разбросанныя по полу его бумаги были подобраны, и не видно было ни одного листочка. Отецъ вспревожился, разбудилъ меньшаго сына; но напрасно его спрашивалъ. Когда *Эгардъ* спалъ засыпашъ, братъ его писалъ, сидя за споломъ, и онъ не слыхалъ какъ онъ вышелъ. Прошелъ цѣлый день, а *Павель* не возвращался; паспушилъ вечеръ, и несчастный отецъ и братъ щепенно искали его тамъ, гдѣ онъ любилъ гуляшъ; сошла ночь, и мѣсяцъ, которъй всегда заспавалъ его въ его комнатахъ за работою, освѣшилъ еѣ, уединенную и печальную. Горы и долины кликали его по имени: онъ не опвѣчалъ.

Почпи безъ ума опъ гореспи, *Лука* не хотѣлъ, чтообъ его ушѣшали. Недоумѣвая о спранныхъ поступкахъ и мнимомъ равнодушп *Павла*; отецъ чувспвовалъ къ нему какое-то невольное влеченіе, которое дѣлало ему эпаго чудака любезнѣ *Эгарда*. Не умѣя дашь самъ себя опчета, онъ гордился спепенностью и блѣдностью лица спаршаго своего сына.

Первые лучи солнца освѣщили эпю печальное семейспво; вмѣсптъ ожидавшее возвращенія *Павла*, какъ вдругъ услышали спукъ въ дверь. «Дитя мое, *Павель!*» вскричалъ спарикъ, бросясь опирашъ еѣ. Первый обнялъ милаго сына, прижалъ къ сердцу и вскричалъ: «О, я теперь ничего не боюсь!» Нетерпѣливою рукою закинулъ онъ назадъ его волосы и опкрылъ блѣдное и холодное чело его. *Эгардъ* схватилъ руку родпшеля и крѣпко жжалъ еѣ. Машъ смопрѣла на него съ восторгомъ, въ которомъ видѣнь былъ еще оспашокъ гореспи. Всѣ они проливали пихія и теплыя слѣзы, благодашныя, какъ теплый лѣщній дождь. Одинъ *Павель* не плакалъ и не говорилъ; онъ, казалось, былъ занятъ совсѣмъ другими мыслями. «Сынъ мой, *Павель, Павель!*» повпоряли нѣжнъй отецъ и чадолюбивая машъ: «спы ли эпю?» Наглядѣвшисъ на него до сына, они спали обнимашъ его, желал осязаніемъ увѣрпшся—почпо ли эпю былъ онъ. Тогда *Павель* почпипельно вырываясь изъ ихъ объпшй, сказалъ: «Бапшошка, я успалъ до смерпи; мнѣ надобно уснупъ, у меня голова какъ разбиная, я почпи ничего не вижу передъ собою—сонъ подкрѣпшть меня.»

Не прошло недѣли, какъ *Лука* получилъ письмо, въ которомъ предупреждали его, что если онъ не заплащпть черезъ пѣри дни денегъ по поручптельспву: то опшщупъ его имѣнне, захвапашъ его самаго и все, что у него найдѣтсся—и поступлено будетъ съ нимъ по всей спрогоспи закона. Чпо дѣлалъ безъ друзей, безъ надежды; никакого способа избѣгнупъ несчастной участи, которая хуже всякой смерпи. Тюрьма!... Былъ заключену въ мрачную темницу, не сдѣлав никакого преспупленія, съ чпспою совѣспью, былъ присоединену къ тѣмъ преспупщикамъ, которые на все готовы, и не предвидѣшь возможности выпшп изъ сего униженія! О, мой Боже! Эпаго ужъ спшкомъ много! Возми жизнь мою прежде, нежели опчаянне лишпшъ меня разсудка; попомъ посмопрѣлъ онъ на свою хижину, прежде споль веселую, на жену, угнепенную гореспью и близкую къ ужасному опчалнью, на дѣшеп своихъ. *Лука*

не могъ плакать, онъ смотрѣлъ по на того, по на другаго, попомъ вскричалъ глухимъ голосомъ: жена моя! дѣти мои! скажите мнѣ— мерзвы чпо ли вы? О, нѣтъ! вы бы не оставили меня одного въ такомъ несчастіи. Они плачутъ; да, плачьте, я плакать не могу, глаза мои пылаютъ, они пересохли, я не могу пролить ни одной слезы. Вечеромъ, наканунѣ назначеннаго дня, они собрались, чпобы просишья навѣки со всѣмъ пѣмъ, чпо ихъ окружало; огонь погашенъ; все было въ безпорядкѣ, комнапы не подмешены, посуда и мѣбели не прибраны.

Жалкій, несчастный Лука находился въ ужасномъ положеніи; жена его, казалось, ожидала смерти. Павелъ разсѣянно поглядывалъ въ открытое окошко, и, казалось, совершенно былъ погруженъ въ мысли, совершенно чуждыя горестной сценѣ, его окружающей; иногда прислушивался онъ къ уличному шуму, и качалъ головою, удословряясь, чпо это шумъ вѣтра или паденія листьевъ. Пылкій Эвгардъ также очень перемѣнился; его широкая грудь казалась готовою разорваться опъ напряженія горести. Но какъ описать ужасъ каждаго, когда спарикъ вскричалъ: они вдушь!... Жена моя, дѣти мои, спасите меня!... Выговоря эти слова, Лука упалъ безъ памяти на полъ.—Да, сказалъ Павелъ,—они вдушь! Карета поспѣшно подъѣхала, и черезъ нѣсколько минушь два челоувѣка подошли тихо къ хижинѣ... крѣпко начали спучать. Эвгардъ вскочилъ на приполку окошка и спросилъ скорымъ и грубымъ голосомъ: чпо вамъ надобно, чго вы хотите? — «Не здѣсь ли живетъ Лука Ландеръ?» спросилъ незнакомецъ.—Ну чпо-жь, а послѣ?—Голосъ Эвгарда дрожалъ и едва его можно было слышать.

Незнакомые имъ путешественники оспановились. Одинъ изъ нихъ сказалъ Эвгарду крѣпкимъ голосомъ: «Топѣ, кто съ вами говоритъ—другъ вашъ.»—Другъ!—повпорилъ молодой челоувѣкъ съ недовѣрчивостью. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ припши въ себя опъ изумленія, Павелъ бросился къ двери, опворилъ ее и оспановился передъ незнакомцами. Сумракъ вечера еще болѣе придавалъ

блѣдности лицу его; онъ опбросилъ волосы, и открытый видъ его, будучи полонъ рѣшимости и опваги, внушалъ уваженіе эпимъ людамъ, можетъ быть, какъ знаютъ? его злодѣямъ. Онъ спокойно ожидалъ, чпобы они объяснили причину ихъ посъщенія.— «Государь мой!» сказалъ одинъ изъ нихъ, пораженный благороднымъ выраженіемъ его лица: «я ищу Павла, сына Луки Ландера, и онъ безъ боязни долженъ протянуть руку Сиръ-Джелль Уэстбери;» прибавилъ поклонясь незнакомецъ.— Я Павелъ Ландеръ! — «Нѣтъ, нѣтъ!» вскричалъ горестный опецъ, бросающъ между имъ и незнакомцемъ, на котораго бросилъ безумный взглядъ: «Я Лука Ландеръ, несчастный вашъ должникъ; понимаете ли?»

Незнакомецъ опспунилъ два шага назадъ; но почти опгадавъ печальную испину, вошелъ одинъ въ хижину, а слугъ велѣлъ дожидаться у кареты. Бѣдный опецъ шатался на ногахъ—и уже обезнамяпѣлъ опъ того, чпо его впереди ожидало. Незнакомецъ взялъ опяпъ за руку молодаго челоувѣка, и повпорилъ снова: «И такъ, вы Павелъ Ландеръ?»—Я.—«Вы сочинили проэкпъ о***, который присланъ ко мнѣ назадъ пому ровно мѣсяць?»—Я!—пробормопалъ Павелъ. «За чеспъ почитаю съ вами познакомипсь, милоспивый государь! Я пріѣхалъ сюда нарочно за пѣмъ, чпобы предложипъ вамъ мою дружбу и покровительствво; копория вамъ, можетъ быть, не будутъ безполезны. Они могутъ возвратить радость и благоденствіе въ хижину, въ которой замѣтны слѣды нищеты и бѣдствія.»—Щастье, щастье!—вскричалъ Лука, не ясно понимая, чпо около его происходило. Кто говоритъ о щастьи?—Успокойтесь, батюшка!—сказалъ Эвгардъ, поддерживая спарца. «Да, сударь, щастье!» продолжалъ незнакомецъ, оборотясь къ нему: «вашъ сынъ едѣлся знаменитымъ между нашими учеными.»—Павелъ упалъ почти безъ памяти на спуль. Почтенный посъпитель оборопился къ Павлу: «Комипетъ лордовъ-комисаровъ адмиралтейства разспапривалъ и нашелъ: чпо ваши открыпія могутъ принести великую пользу морской службѣ, а попому поручилъ мнѣ предложипъ вамъ, м. г., 200 ф.

спермиговъ (5000 рублей) и объявить, что такая же сумма назначена вамъ въ пожизненный пенсіонъ.»

Не говоря болѣе ни слова, незнакомецъ взялъ руку старца, и насыпалъ ему полную горсть золота. Лука поглядѣлъ на деньги, потомъ на уполномоченнаго опъ адмиралтейскаго комиссера, на сыновей, на жену и на свою хижину.—Ахъ! ахъ! Павелъ, Павелъ! сынъ мой! Щаспье, щаспье! жена моя!—Незнакомецъ поддержалъ его, когда онъ чуть не грянулся на полъ опъ сильнаго ощущенія.

Мало по малу блѣдное семейство поняло испину, и пролила обильныя слезы благодарности. Павелъ стоялъ блѣдный, неподвижный, покрытый холоднымъ потомъ, безъ слѣзъ и безъ чувствъ... вдругъ послышался легкій шумъ: двѣца тихо прокрадась въ хижину и, никого не вида, не говоря ни слова, кинулась на колѣни передъ Павломъ, и прижимала слабую руку его съ умилениемъ къ своимъ устамъ. Онъ увидѣлъ полныя слѣзы ея глаза; всмотрѣлся въ блѣдное, исхудалое лицо ея и безпорядочно разбросанные волосы; узналъ ея и прижалъ къ своему сердцу. И скоро слѣзы любви и счастья ручьями полились изъ глазъ его.

Радость опять облеснула хижину Луки.— Чшожь касается до Павла, по его имя сдѣлалось однимъ изъ знаменитѣйшихъ въ Великобританіи.

Н.

15-ое Ноября

1835.

С. П. Б.

ПУДЕЛЬ, РАЗНОЩИКЪ ГАЗЕТНЫХЪ ЛИСТКОВЪ.

Въ Лондонѣ одинъ изъ разнощиковъ извѣстной газеты занемогъ—и послалъ своего сына разнести листки. Сынъ, не зная, гдѣ имѣютъ жишельство подписчики, взялъ съ собою пудель, который вседневно хаживалъ съ его опцомъ на разноску. Умный пудель оспанавливался у каждой двери, гдѣ надлежало опдать номеръ журнала.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

28.

Въ одномъ Русскомъ журналѣ, не помню, въ концѣ Феврала, или въ началѣ Марта, была напечатана заманчивая спашейка: *Предсказаніе о нынѣшнемъ (1835) годѣ, по аналогіи.* Въ ней между прочимъ сказано: «Настоящій (1835) годъ замѣчательнѣе всѣхъ прежнихъ (для Лифляндіи) годовъ: ибо въ Январѣ даже не было у насъ дурной Германской зимы; въ концѣ Феврала уже о зимѣ и помину не было; въ Мартѣ всѣ поля уже вспаханы, и права росла съ величайшею силою. Въ Апрель, передъ Юрьевымъ днемъ (23-го числа), можно было снать всякой хлѣбъ, еслибъ было нужно.»

Примѣчаніе. Это что-то не такъ! Ниже сказано: Въ Мартѣ уже цвѣтъ повсюду озимый хлѣбъ. Слѣдственно, озимаго, п. е. ржи, жать нельзя было; яровые же хлѣбы: овесъ, ячмень, конопля, грѣхча, полько съюхся въ концѣ Апрѣля и по Николинъ день, п. е. по 9-е Мая. Какіе же хлѣба могли созрѣть 23-го Апрѣля?

Воля ваша, господинъ юный соприудникъ, а это что-то не такъ!

Въ этой же спашейкѣ, шестью спроками ниже, напечатано: *Прелестнѣйшая погода продолжалась до 25-го Сентлбря. Въ этомъ мѣсяцѣ было много дождя.*

Примѣчаніе. Воля ваша господинъ юный соприудникъ, а это что-то не такъ! Если шли проливные дожди: то погода не могла быть прелестнѣйшая. Если же стояло вѣдро: то не шло много дождя.

А. Кораблинскій.

21-е Октября,

1835.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

З А Р Я.

Тебя межъ ноцію и днѣмъ
Поспавилъ Богъ, какъ вѣчную границу;
Тебя облекъ онъ пурпурнымъ огнѣмъ;
Тебѣ онъ далъ въ соупницѣ Денницу.
Когда на небѣ голубомъ
Ты свѣшишь, тихо догорая,

Я мыслю, на тебя взирая:
Заря! тебѣ подобны мы,
Смѣшенье пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и пьмы.

А. Хомяковъ.

ENIGME.

Nous sommes deux, lecteur, qui voulons en ce jour,
T'intriguer un moment, par un léger détour.
Cherche bien. Nous t'offrons une même figure,
Même nombre de pieds, enfin même structure;
Mais par un double sens nous frappons tes esprits;
On t'éblouit par l'un, par l'autre tu vieillis.

Въ No 1-мъ, помѣщенный ономимъ значить: *Бабки*.

MODES.

La mode des cheveux à l'anglaise diminue un peu le volume des ornemens qui se portaient cet été sous les chapeaux, avec les bandeaux; cependant on en place toujours au-dessus du front et jusqu'à la naissance des tresses, dont la frisure commence fort bas. On porte beaucoup à cet effet de fleurs en velours. A propos de velours, il est en grande vogue pour redingotes garnies de fourrures, et malgré la multiplicité d'étoffes de fantaisie il est toujours de mise fort distinguée, même pour grande soirée.—Une robe de velours bleu ornée d'une échelle de rubans en tablier, corsage plat, garni d'une mantille de blonde, larges sur-manches en velours, un nœud sur chaque épaule, manches longues en blonde. Cette robe était une des plus riches toilettes qu'on puisse voir; pour compléter cette toilette, un chapeau de crêpe relevé avec deux plumes sur le côté gauche; du côté droit, une rose blanche avec deux boutons. La femme, la robe, le chapeau, tout cela était si frais et si joli, que le salon de la comtesse de B... en retentit d'admiration. On voyait à cette même réunion, une toute jeune femme avec une robe de satin mille raies, imprimée feuilles de corail veiné de noir. Au-dessus de l'ourlet de la jupe, une petite guirlande de feuilles découpées en sa-

tin rouge. Le corsage drapé avec agraffe de corail au milieu de la poitrine, les manches courtes à la grecque, relevées d'une torsade rouge et rattachées sur l'épaule avec une agraffe également en corail. Les cheveux à la Louis IX avec un bandeau d'or, au milieu duquel se voyait un magnifique camée en corail; par derrière, les cheveux relevés sur le haut de la tête et retenus par une flèche.

МОДЫ.

Мода на Англійскіе локоны уменьшаетъ отдѣлки подъ шляпками, какія были въ употребленіи пинче льтомъ, съ гладкими волосами; однако все продолжаютъ отдѣлывать надъ лбомъ и до начала локоновъ, кошорыхъ завивка начинается весьма низко. Для этаго въ большомъ употребленіи бархашные цвѣты. Кстапи къ бархашу: изъ него много дѣлаютъ редингошовъ, обшитыхъ мѣхомъ, и не взирая на множество другихъ матерій, бархашъ всегда щипается ошлнзньшею одеждою, даже на большой вечеръ. — Голубое бархашное платье, отдѣлачное въ видѣ передника льсенкою изъ леншъ, лифъ гладкой съ манжилею изъ блонды, широкіе надрукавники изъ бархаша, банты на плечахъ, длинныя блондовые рукава. Это платье было изъ блистательнѣйшихъ нарядовъ, какіе можно видѣть; для довершенія этаго наряда, креповая шляпка, приподнятая съ лѣваго боку двумя перьями; съ правой стороны бѣлая роза съ двумя распуколками. Дама, платье; шляпка, все это было такъ свѣжо, такъ красиво, что зала графини *de B...* загремѣла восклицаніями удивленія. Въ этомъ же собраніи была молодая дама въ платье изъ апласа съ мелкими полосками, печашаннаго коралловыми листьями съ черными жилками. Сверхъ рубца юбки гирланда изъ лншьевъ, вырѣзанныхъ изъ краснаго апласа. Лифъ драпированный съ коралловою застежкой въ срединѣ груди, рукава короткіе à la Grecque, подхваченные краснымъ шнуркомъ и прикрѣпленные къ плечу также застежкой изъ коралловъ. Волосы à la Louis IX съ золотою повязкою, въ срединѣ кошей видѣнь былъ великолѣпный коралловый апласъ; задніе волосы приподняты на верхъ головы и прихвачены золотою спрѣлою.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 3.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ЯНВАРЯ 8 ДНЯ 1836 ГОДА.

Подруги милыя! въ безопасности игривой
Подъ плясовой напѣвъ вы рѣзвивесь въ поляхъ:
И я, какъ вы, жила въ Аркадіи щастливой,
И я на упрѣ дней въ сихъ рощахъ и лугахъ
Минутны радости вкуса:
Любовь въ мечтахъ златыхъ мнѣ щастіе сушила;
Но чпоужь досталось мнѣ въ прелестныхъ сихъ мѣстахъ?
Могила!

Батюшковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КРЕСТЬ ЧА МОЩИЕ ПОРИБНІАГО.

(Окончаніе.)

Вдругъ кто-то постучался у дверей.

Иоганна отворила — и осполбенѣла отъ удивленія. Передъ ней стоялъ тотъ самый незнакомецъ, съ которымъ она вчера билась объ закладъ, что поидетъ къ кресту покойника. — Иоганнъ спало что-то спрашно.

«Ну что, красавица!» сказалъ онъ: «такъ ты смѣялась надъ Гранканскою шайкою?.. Божусь, что я бы никогда не думалъ найтти столько смѣлости при такой хорошенькой рожицѣ и съ такими миленькими глазками!»

Сердце у Иоганнъ перевернулось отъ спраха, когда она услышала эпомъ голосъ.... — Чпо хочешь ты сказать? — спросила она запинаясь.

«Слушай, красавица! Я не хочу припворяться съ тобою: я попъ Янъ Гранканской шайки, у котораго ты такъ искусно отняла деньги и лошадь, и я пришелъ спросить тебя, какъ ты осмѣлилась опкрыть пайну Сепельскаго аббатства?»

Иоганна упала на оба колѣна передъ разбойникомъ. — Ради Бога пощадите меня, господинъ воръ! — закричала она: возьми свое золото, свою лошадь, только не убивайте меня! —

Янъ захохоталъ... «Убить тебя!.. Возможно ли это? Кто бы хотѣлъ сдѣлать тебѣ какое нибудь зло? Да припомъ, кака я мнѣ въ эпомъ польза? Нѣтъ, красавица, я пришелъ не за тѣмъ, чтобы убить тебя, а вопъ за чѣмъ — послушай: мнѣ очень поправилась вчерашняя явоя смѣлость... ты моя невѣста; ты сама обручилась мнѣ въ эпую ночь, когда написала на крестѣ имя свое... и я клянусь самимъ дьяволомъ, что увезу

тебя съ собою въ Гранканскія развалины... Да, да! ты будешь жена моя, любовница, сестра—что тебѣ угодно!»

— Пресвятая Богородица! что будешь со мною!—закричала она, ломая руки.

«Чего ты боишься? со мною будешь тебѣ раздолье; я дамъ тебѣ денегъ, платьевъ—сколько угодно. Вѣдь я не простой воръ, *Иоганна*: у меня въ командѣ сотни удамыхъ молодцовъ, которые боялись моего взгляду и спануть почипають тебя, какъ царицу свою... У насъ ли не жилось въ нашихъ развалинахъ?—Сама увидишь!... Что, тебя пугаютъ мои густыя брови и усы, что ли? Ты привыкнешь къ нимъ и полюбишь меня. Чортъ меня возьми, если я когда нибудь умѣлъ угождать красавицамъ щегольской одеждою или пріятнымъ взглядомъ, нѣтъ, это не мое дѣло, но за то, подъ грубымъ кафтаномъ моимъ бьется сердце полное любовью,—оно пѣетъ на вѣки.... Ну, полно же упрямиться, дурочка, и если еще никто другой не приглянулся, то позволь мнѣ обнять тебя и поцѣловать въ алмыя губки.»

Иоганна бросилась на другой конецъ залы, и поставила споль между собою и *Яномъ*, надѣясь, что воръ побоится этой ограды. — Нѣтъ, кричала она опшуда, — я не люблю тебя никогда: я люблю *Якова Алари*, сына трактирщицы.... Когда упадетъ первый листъ, тогда будетъ наша свадьба. О, господинъ разбойникъ, не погубите меня!—

«Лжешь, лжешь! ты не любишь никого, или я убью тебя.» И разбойникъ, выхвативъ изъ-за кушака большой ножъ, бросился къ сполу, и ударилъ въ него съ такою силою, что ножъ воткнулся въ дерево.

Однакожь онъ остановился, когда увидѣлъ, что бѣдная дѣвушка поблѣднѣла какъ мертвая. «Нѣтъ, нѣтъ, я только пощупилъ,» сказалъ онъ. «Но знай, красавица, что я не привыкъ просить, а умѣю только приказывать. Ты моя! будь въ томъ увѣрена. Ты не побоялась итти въ Сенельскія развалины и развѣдать, что тамъ дѣлается; такъ знай же, что и мы не плохи—и не очень пола-

гаемся на твою скромность; а потому я убью тебя, или увезу съ собою... слышишь ли? Теперь поди, принеси сюда завтракъ и нѣсколько бутылокъ вина, я жду сюда своихъ поварищей; а до ихъ прихода надѣюсь уговорить тебя.»

Иоганна думая, что *Янъ* займется завтракомъ и забудетъ её, поспѣшила накрыть споль, зажгла свѣчу и сошла за виномъ въ погребъ, который былъ путь же подъ поломъ и закрывался опускною дверью.

Лишь только сошла она внизъ, какъ услышала за собою шаги *Яна*.

Спрахъ придавъ ей смѣлость, она задула свѣчу, скользнула въ потьмахъ мимо разбойника, и прежде, нежели онъ могъ опомниться—взбѣжала быстро на верхъ, проворно опустила дверь—наставила на цѣѣ лавки, спулья, все, что попало ей на глаза. Потомъ бросилась на колѣна и спала молившись Богу.

Бѣдная Иоганна!

Она прислушивалась къ голосу разбойника, который страшно кричалъ въ западнѣ своей и билъ кулаками въ дверь и стѣны... вдругъ опять другой спухъ въ ворота, и *Иоганна* догадалась, что пришли поварищи *Яна*—ихъ было двое.

Ворота были заперты; она подбѣжала къ двери изъ сѣней и заперла её на ключъ.—Поспучавъ нѣсколько разъ сряду и удивляясь, что никто не выходитъ на спухъ ихъ, разбойники толкнули въ ставень окна, которое, по щастію, было съ желѣзною рѣшеткою, и заглянувъ въ залу, увидѣли тамъ *Иоганну*, которая дрожала отъ спраху и не прогала съ мѣста.

Разбойники были покрыты нищенскимъ рубищемъ, и просили милоспыню. «Добрая дѣвица,» сказалъ одинъ изъ нихъ, смиреннымъ и плаксивымъ голосомъ: «не оставьте бѣдныхъ спрашниковъ! Мы идемъ издалека, и со вчерашняго дня не видали еще крохи хлѣба.»

— Богъ дастъ! Здѣсь ничего нѣтъ!—оплѣчала *Иоганна*.

«Мы уснули и проголодались до смерти: пусть же насъ хопь отдохнушь у себя!»

—Нельзя! Убирайтесь отсюда!—

«Какая немилосердая!» продолжалъ нищій, которому грубые отвѣты и бѣдность *Иоганна*—казались подозрительны. «Скажи, красавица, не проходилъ ли по дорогѣ мимо васъ высокой человекъ въ темномъ плащѣ и въ большой шляпѣ съ широкими полями?»

—Никто не проходилъ, я здѣсь одна, и не видала никого, — проговорила она скоро. Люди эти не подходили отъ окошка.

Въ эту минушу *Янъ* сильно ударилъ въ полъ и закричалъ изо всей силы: Друзья, на помощь, освободите меня отсюда!

«А! это что? Кто шумъ у тебя, красавица!» сказали воры своимъ голосомъ и переспавъ припворяться. «Слушай, голубушка, сейчасъ опирай ворота, или мы познакоимъ тебя съ нашими ножами.»

Иоганна собрала послѣднія силы, полкнула ставень въ окно, и схвативъ со стѣны ружье *Якова*, вбѣжала въ верхнее жилье, подошла къ окошку, прицѣлилась и грозила ворами выстрѣлить въ нихъ, если они не опойдутъ отъ дому; а чтобы они не думали, что она спрашиваетъ ихъ попустому — она выстрѣлила на воздухъ и потомъ зарядила ружье въ другой разъ.

Воры, поговоря между собою, спали опять ломились въ ворота, которыхъ къ щасію были довольно крѣпки. Потомъ другой воръ пошелъ кругомъ осмошрѣть, не было ли гдѣ какого нибудь другаго входу. Тогда *Иоганна* сбѣжала въ кухню, заперла весь домъ и калитку со двора.

На дворѣ лежала куча соломы; вътеръ дулъ въ другую сторону, совсѣмъ въ поле, и *Иоганна* видя, что пожара опасаться нечего, зажгла лучину и бросила её на скирдь: въ одну минушу солома вспыхнула, и красное пламя освѣщило всё селеніе. *Иоганна* ударила въ колоколъ, который былъ повѣшенъ на дворѣ, чтобы скликать работниковъ, и начала звонить безъ умолку, чтобы созвать крестьянъ на помощь.

—Колдунья проклятая! черповка! уймешь-ся ли ты звонить?—кричали разбойники.

«А вотъ, постой!» сказалъ одинъ: «мы скоро уйдемъ тебя.»—И онъ перелѣзъ черезъ заборъ и взбирался на кровлю, а потомъ влѣзъ въ трубу, чтобы черезъ неё пройти въ кухню.

Иоганна вбѣжала съ горстью щепокъ, бросила ихъ въ печь на горячіе угли; разбойникъ задохся отъ дыму,—упалъ изъ трубы въ печь—и скапился опшуда мерпвый на полъ.

Въ эту самую минушу дверь въ кухню выломали. *Иоганна* было ахнула отъ ужаса; но это были поселяне, прибѣжавшіе пушить пожаръ, и она узнала между ними госпожу свою и *Якова*. Бѣдная дѣвушка безъ памяти упала къ нему на руки.

Не нужно, я думаю, сказывать вамъ, что разбойники были пойманы и казнены. *Иоганна*, за услугу, которую она оказала всему округу, присудили отдать въ приданое лошадь и все золото, которое она такъ проворно увезла изъ Сенельскихъ развалинъ. Вдова *Алари*, изъ благодарности, позволила сыну своему жениться на ней, и свадьба ихъ, какъ сказала сама *Иоганна* разбойнику, была сыграна лишь только упалъ первый листъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, вдова *Алари* умерла, и *Иоганна* сдѣлалась содержательницею прачкира, въ которомъ такъ долго служила работницей.

«Признаюсь,» сказалъ я, выслушавъ этоиъ занимательный анекдотъ: «*Иоганна* заслужила больше этой смиренной награды — и я бы охотно отдалъ золотую свою цѣпочку, чтобы въ то время знать эту милую дѣвушку, и получить отъ неё поцѣлуй, въ которомъ она отказала разбойнику.»

— Это, сударь, легко и пеперь, — сказала прачкирищица съ коварною улыбкою: вы видите передъ собою *Иоганну* и *Якова Алари*.—

Правду сказать, взглядъ на эту сдую, сторбившуюся спарушку, очень прохладилъ энтузіазмъ мой къ молодой, хорошенькой служанкѣ Фракетскаго прачкира; но со всѣмъ тѣмъ это обстоятельство удвоило для меня удовольствіе вечера, и мнѣ весело

было видѣть эту *Юганку*, героиню повѣсти, въ помѣ самомъ практирѣ, который былъ пеатромъ геройства ея. На концѣ залы существовала еще опускная дверь въ погребъ, или лучше сказать въ западню, куда попался Гранканскій разбойникъ.

На другой день я проспился съ добрыми моими хозяевами и отправился въ Перигё по Вильфранской дорогѣ. Проезжая мимо развалинъ спрашнаго Сенельскаго аббатства, я смотрѣлъ на нихъ съ особеннымъ чувствомъ; но оно сдѣлалось еще живѣе, когда я выѣхалъ на то мѣсто, гдѣ соединяются дороги въ Совпёръ и Бельве, у древняго подножія, на которомъ некогда возвышался *крестъ покойника*.

Т.

ПОСИДѢЛКИ.

Спарушки, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоить, любили и любятъ рассказывать, и опъ пого онѣ изъ спари слывуть рассказыцами. Надѣясь однакожь, что почтенныя бабушки, тѣтушки, няни и мамы нашего времени, не обидятся эпимъ названіемъ, особливо когда мы прибавимъ къ нему другое, не меньше имъ приличное и которое носилъ знаменитый рассказчикъ древности *Гомеръ*, прозванный *хорошимъ и забавнымъ сказогникомъ*. И такъ, мы въ свою очередь величаемъ спарушекъ нашихъ эпимъ лестнымъ именемъ, никакъ не сравнивая ихъ съ *женщинами-писательницами*, которыя сочиняють длинныя, остроумныя или чувствительныя романы.—О, это дѣло другое! ихъ сказки не сказываются, а пишутся на веленовой бумагѣ и шиваются голубыми и розовыми шнурочками;—ихъ печатають типографски, поправляютъ поэты, пускають въ свѣтъ книгопродавцы и хвалятъ журналы.—Наши же сказочницы не знаютъ такихъ запый. Добрая спарушка, садится на деревянную скамейку у очага, поправляетъ дрова,—береть прялку свою и задумывается,—между тѣмъ, какъ на коленяхъ ея лежатъ двѣ или три бѣленькія кудрявыя головки, съ опкрытыми ропика-

ми и смотряеть приспально на бабушку.—За нею возвышается амфитеатромъ рядъ молодыхъ румяныхъ поселянокъ, которыхъ веселые, блестящіе глаза съ неперпѣниемъ устремлены на рассказицу. По другую же сторону очага сидитъ пунѣшественникъ, опершись руками на спранническій посохъ свой—и грѣясь у огня, ждетъ повѣсти.

Буря, которая спрашно шумѣла передъ захожденіемъ солнца, начинаетъ утихать, но грозныя опзывы ея еще слышны издалека—и дождь не перестаетъ спучать въ кровлю.—Всѣ сидятъ спокойно и наслаждаются пишиною мирнаго убѣжища—не рассыпаясь въ краснорѣчивыхъ похвалахъ своему блаженству.

Наконцѣ спарушка придвинулась къ очагу—кашлинула, посмопрѣла вокругъ себя—и начала:

Я спану рассказывать вамъ, что случилось въ 1789 году, въ Нолбрѣ мѣсяцѣ и почно въ такую погоду, какъ пеперь.—Это было въ Рошкотскомъ замкѣ, гдѣ я тогда была кормилицею графскаго ребенка.—Ахъ, что это за мальчикъ! кажется, онъ и пеперь еще сидитъ у меня на рукахъ, въ длинномъ платьицѣ, обшитомъ тонкимъ кружевомъ и подпоясанный голубымъ апласнымъ кушачкомъ. Что за ребенокъ! сердце бывало ненарадуется на него!—А графиня-то какая красавица!—и какъ она любила его,—бывало цѣлуешь его, цѣлуешь, вопъ рада бы кажется съѣсть его!—Только бѣдняжка все грустила, да плакала.—Богъ знаетъ, что у неѣ было за горе,—видно по словица правду говоритъ, что и черезъ золото слѣзы льются!—

—Что, сударь, вы не подвинитесь поближе къ огню?—сказала она незнакомцу, перервавъ вдругъ рассказъ свой.—«Благодарствуй, бабушка, мнѣ и такъ хорошо».—Какъ, хорошо? васъ бьепъ съ холоду какъ опъ лихорадки,—сидьте куда вамъ угодно,—только будьте у насъ какъ дома.—Что бишь я говорила?... Да!—Вопъ она все плакала, да ласкала *Владислава*, а я, глядя на неѣ, жалѣла о ней и дивилась, опъ чего она—когда приходилъ графъ, потчасъ проворно обширала слѣзы, и улыба-

лась, какъ будто у неѣ и горя не было, — или какъ будто она при немъ боялась плакать. — Вопль моему графчику минуло полтора года, его опияли опъ груди; онъ спалъ ходилъ и лепеталъ; а меня не оппустили и опредѣлили къ нему въ няньки. — Это мнѣ было совсѣмъ не тяжело, потому что мой мужъ работалъ въ замкѣ, сынъ мой любилъ быть со мною и оба ѣли съ господскими людьми.

Однажды вечеромъ сдѣлалась спрашная буря, въперъ рвалъ крышки, дождь лилъ какъ изъ ведра, и спарожилы дивились, что въ такую глубокую осень гремѣлъ громъ и сверкала молнія. Вдругъ какой-то господинъ верхомъ подѣхалъ къ крыльцу и послалъ слугу своего на верхъ спросить: хотѣшь ли принять его? — Какъ не принять человека, который въ такую грозу ѣхалъ издалика — и былъ за милю еще опъ деревни? Его позвали, и я сама видѣла его за споломъ, когда во время ужина привели *Владислава* проспиться съ господами. Графиня сидѣла какъ мраморная — ни кровинки въ лицѣ! а гость приспально посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ что-то слугѣ своему — только на какомъ языкѣ — я и сказала не умѣю, — да и имя-то его было такое мудреное, что казался на этомъ свѣпѣ никто такъ не прозывается, — и я никакъ его не припомню. Когда графчикъ мой поцѣловалъ маменьку и папеньку, я опвела его въ дѣтскую и уложила почивать. Господи Боже мой! какъ теперь гляжу на него: онъ лежалъ въ люлькѣ бѣлинькой, полнинькой, точно херувимчикъ! Тутъ я въ первый разъ подумала: опъ чего онъ бѣлокурый, а мать и отецъ черноволосые? подумала и легла спать. — Вдругъ ночью, не знаю въ какомъ часу, меня какъ будто что-то толкнулъ, — я проснулась, и чтожь вы думаете? передо мною спяло что-то, чего я и назвать ума не приложу; что-то высокое, бѣлое, какъ большой церковный сполбъ, — и этотъ сполбъ двигался и смотрѣлъ на меня яркими глазами. Я не вспомнилась опъ ужаса, — мнѣ потчасъ пришелъ въ голову покойный отецъ графа, который, говорили, часто ходилъ ночью по замку и въ саду, гдѣ садовница не разъ ви-

дала его на цвѣпочныхъ грядахъ и въ большой алей. — У меня опъ спраху зашумѣло въ ухахъ — забилось сердце; я сошворила молитву, закупала голову въ одѣяло и опяшь уснула до утра. — Ахъ, друзья, что сдѣлалось со мною, когда я проснулась и не пашла младенца въ люлькѣ! Это ужъ было хуже ночной грезы! — Я ахнула, закричала; — побѣжали по всему дому — искали, искали — пропалъ нашъ графчикъ, да и полько. — Объявили полици, послали въ городъ, по дорогамъ, по деревнямъ — все напрасно; я знала и говорила всѣмъ, что демонъ, копораго я видѣла почью, и копорый какъ двѣ капли воды походилъ на гостя, унесъ ребенка — никто не вѣрилъ мнѣ — и всѣ сума сходили опъ горя; полько графиня хопъ и плакала, да однакожь не сполько, сколько мужъ ел — и даже, разъ, когда сестра ел прѣхала къ ней и еѣ упѣшала, что я слышала, что она сказала ей пошохоньку: Жертва ужасная; но я клялась: онъ пошребовалъ опъ меня. — Пресвятая Богородица! не ужьли она говоритъ это о сынѣ своемъ? подумала я, не вѣря ушамъ своимъ — и подлинно тупъ что-то было не съ просту. Потомъ графъ спалъ угрюмъ, сердитъ, и однажды, сидя съ графинею въ кабинетѣ, за что-то крѣпко бранилъ еѣ; потомъ вышелъ и хлопнувъ дверь, спрашнымъ голосомъ закричалъ: Теперь я знаю все. Это имя *Владислава* объясняетъ пайну. — Что онъ хотѣлъ сказать, неизвѣстно, и мы никогда, какъ ни спарались опгадать, не узнали ничего. Пришла революція, — графъ уѣхалъ изъ Франци, а графиня опалась въ замкѣ — занемогла и скоро умерла на рукахъ моихъ, все швердя о какой-то ужасной жертвѣ. —

«Она умерла!» закричалъ вдругъ незнакомецъ, такъ что, казалось, всѣ спяны задрожали.

— Умерла, сударь, умерла, бѣдна, горькою сиропю, и когда мы погребали еѣ, то... —

«Прощай, спарушка! — вопъ тебѣ за постой!» сказалъ онъ, бросивъ еѣ на колѣна нѣсколько червонцевъ.

Онъ скрылся; — спарушка посмотрѣла ему въ слѣдъ — перещицала червонцы и призадумалась.

—Господь съ нимъ!—сказала она помолчавъ: только его деньги мнѣ чпо-то спрашны.— Когда онъ вдругъ вскочилъ и закричалъ: она умерла? мнѣ показалось, чпо онъ какъ будто ни дашь, ни взянь походилъ на дьявола, который ночью унесъ нашего графчика, и на госпя, который ужиналъ въ замкѣ... да это вздоръ — мнѣ померещилось!... Не бойпесь, дѣпушки... завтра чѣмъ свѣтъ пойду къ обѣднѣ и опсдужу на его деньги панихиду по графинѣ, а на остальные напеку вамъ въ воскресенье сладкихъ пироговъ.— Чпо я за дура, развѣ пошь, кпо даешъ десятъ червонцевъ за по полько, чпо погрѣлся у очага, можешь бышь дурнымъ человекомъ? Однакожь — вы молодцы — не пускайте его впередъ оспанавливанься въ нашей деревнѣ.

Но съ тѣхъ поръ путешесственикъ никогда уже не являлся въ этомъ селеніи.

T.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

АВСТРІЙСКАЯ АРМІЯ, ПО ВОЕННОМУ ПОЛОЖЕНІЮ.

Пѣхота.

43 полка пѣхошы, каждый изъ 1,892 чел. въ мирное время, имѣеть въ военное 2,572 человекъ, т е. 680 чел. больше, а во всѣхъ на лицо вмѣсто 81,356 110,356 чел.

Составляются прешы баталіоны сихъ полковъ и первые баталіоны Земскаго ополченія (Landwehr), всего 86 баталіоновъ, въ каждомъ по 1,296, а во всѣхъ 111,456 —

Третьи баталіоны 15-ти Венгерскихъ и Трансильванскихъ полковъ, въ коихъ должно бышь 19,620 —

По 2 роты вторыхъ баталіоновъ Земскаго ополченія назначаются для опиравленія дѣспвичельной службы при обозахъ, магазинахъ и лазаретахъ, всего 86 ротъ, по 180 чел. въ каждой 15,480 —

Резервъ пограничныхъ войскъ 30,000 —
Венгерское поголовное Земское ополченіе (Ландстурмъ) 23,000 —

По 2 роты ошь вторыхъ баталіоновъ Земскаго ополченія, всего 86 ротъ, по 180 чел. въ каждой 15,480 —

Призываніе. 4 роты составляютъ вторые баталіоны Земскаго ополченія; онъ всегда оспающа на своихъ мѣспахъ для обученія ре-

круштъ. Всего 86 ротъ, по 180 человекъ въ каждой.

И того, съ прибавочными 244,276 человекъми, Австрійская армія имѣеть во время войны въ полѣ. 420,656 чел.

Конница.

Венгерскаго поголовнаго Земскаго ополченія 16 полковъ. 10,744 —

И того всей конницы въ военное время . 55,714 —

Артиллерія, Инженеры, Саперы, Минёры, Пионеры, Фуришаты.

По военному положенію 30,857 чел.

Вся же Австрійская армія въ военное время заключаетъ въ себѣ 527,224 человекъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

29.

На послѣдней Святой недѣлѣ, между балаганами былъ одинъ съ надписью Неманъ. Это спекуляція на *Лемана*, и вмѣстѣ самая жалкая карикатура на славнаго мастера представлять фокусъ-покусъ въ новомъ, улучшенномъ видѣ.

У насъ въ Москвѣ кпо-то далъ заглавіе своей книгѣ повѣстей и рассказовъ *Марлинскаго*, эпига бурнаго, эпига пламеннаго поэта-разскащика, въ которомъ даже самъ *Виссаріонъ Бѣльинскій* замѣщилъ искру таланта.

Примѣръ заразиелень! Въ Октябрской книжкѣ Библиотеки для чпенія, какой-то неизвѣстный писатель, подъ повѣстью *Турецкая Цыганка*, подписался *Бѣлкинъ*. Извѣстно, чпо это пседонимъ нашего геніальнаго поэта, нашего очаровательнаго прозаика, А. С. *Пушкина*. Бѣдняжка, навьюча на себя это знаменитое имя, забылъ, чпо оно задавишь его, какъ *Ахиллова* броня *Оирса*.

Дорого бы мы дали, чпобъ узнать имя эпига господина; мы только можемъ по слогу догадываться.

21-е Октябръ,
1835.

30.

Увѣичанный лаврами сочинитель Пѣвца въ снахъ Русскихъ воиновъ, Свѣпланы, Эоловой арфы, Двѣнадцати спящихъ дѣвъ, Посланія къ Императору Александру, къ Батюшкову, къ Войкову, Пѣвца на Кремль, славный переводчикъ Гете, Шиллера, Бюргера, съ восторгомъ отзываясь о стихотвореніяхъ Бенедиктова.

Никакими заслугами незамѣченный, ничего не сочинившій, не переводившій ни Гете, ни Шиллера, ни Бюргера, временный издатель Московскаго безжизненнаго журнала, напечаталъ, что эти пламенные пищическія вдохновенія «обращаютъ на себя вниманіе не собственнымъ достоинствомъ, которое очень не велико; но шумными обстоятельствомъ, сопровождавшимъ ихъ появленіе въ Свѣтъ.» Какое?

А. Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Други! Повѣсьте, по смерти моей,
Скромную лиру съ розовой лентой
Тамъ на кладбищѣ, гдѣ блекнуть вѣнки
Дѣвы, почившей сномъ непробуднымъ.
«Видишь,» путешнику скажешь тогда спражь погоста:
«Видишь лиру, висящую съ розовой лентой,
Алые банты робко спустившій
На задремавшія тихія струны?»

Въ часъ румяный вечерней зарницы
Вдругъ, проснувшись, зашепчутъ унылыя струны;
Дѣти, безопасно рѣзваясь на кладбищѣ,
Видяшь, какъ тихо вѣнки шевелятся.

Съ Нѣм. Я. Ар—овъ.

О М О Н И М Ъ.

Изъ кожи на ногѣ я чѣрная бываю,
Когдажъ изъ сахару: по бѣлизной блиспаю;
Когда же изъ людей: тогда бѣла, черна,
Пуста, полна;

Но въ каждомъ городѣ одна
Бываю я видна.

Въ № 2-мъ, помѣщенная загадка значить: *Lustre*.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Бетти и Томсъ или Докторъ Эннеръ и его открытіе. *Нравоучительная повѣсть для дѣтей и родителей.* Перев. съ Нѣмцу. изъ сочиненій Густава Ниришца, С. П. б. 1836 г. Дерптъ. Ц. 5 р., за пересылку прилагается 1 р. (*).

На этотъ разъ не одинъ Петербургъ, но даже и меньшей братъ его Дерптъ, подарилъ дѣтей прекрасною дѣтскою книгою, чтеніе коей завлекательно, пріятно, полезно. Одна только мапушка-Москва блококаменная; при помощи г. Гурьянова (ради Бога не смѣшивайте его съ Петербургскимъ молодымъ императоромъ Викпоромъ Бурьяновымъ, издавшимъ: *Прогулку съ дѣтьми по земному шару*), — выбрасываетъ намъ дурно переведенныя, а еще хуже изданныя книжки Лонгиновской и Пономаревской типографіи: непрочной, грубой и сработанной на авось. — *Бетти и Томсъ или Докторъ Эннеръ* есть одна изъ такихъ книжекъ, изданіе которой приноситъ честь издавшему ее, равно какъ автору и переводчику, исполнившимъ дѣло свое прекрасно. Читателямъ, думаю, не безызвѣстно, что докторъ Эннеръ въ 1775 году открылъ свойство коровьей оспы защищать шло наше отъ натуральной и спасать множество несчастныхъ жертвъ, пожираемыхъ этимъ чудовищемъ, ниспосланнымъ Небомъ на кару людей. Съ Глочесперскаго кантона началось распространеніе этого благодѣтельнаго для челоѣчества открытія и распространилось повсюду. Исторія этого открытія изложена въ разбираемой нами книжкѣ въ видѣ пріятно-разсказанной повѣсти, гдѣ двое дѣтей играютъ важную роль. Родители могутъ также прочесть эту книжку съ пользою, и

(*). Продается въ оплочно-хорошемъ и богатомъ книгачи магазинѣ И. Т. Лисенкова, въ домѣ Пажескаго Корпуса.

вспомнишь о томъ, какъ необходимо щипательное и своевременное оспопрививаніе. — Книжка эта напечатана прекрасно и украшена пятью раскрашенными картинками въ родъ тѣхъ, какими украшаются Парижскія дѣтскія книжки, надъ которыми работаетъ рука *Жоанно*. Желательно, чтобы у насъ побольше выходило подобныхъ сочиненій и переводовъ, и какъ можно поменѣе Московскихъ изданій, опъ которыхъ нельзя не предостеречь покупателей.

М О Д Е С.

La coiffure d'une jeune personne attira particulièrement mon attention; ses cheveux blonds, relevés à la grecque, étaient retenus par huit bandelettes de rubans de laine bleue; c'est une charmante coiffure de jeune personne, mais il faut être fort jolie pour la porter. Les bandes larges d'un doigt seulement entouraient la tête jusqu'à la natte qui était placée très en arrière. On porte, pour aller au bal, des mantelets en satin noir garnis de dentelles, comme ceux de cet été; on leur a seulement ajouté un petit capuchon, si léger, si artistement placé, qu'on peut le mettre sur la tête sans qu'il gêne en rien la coiffure.

Une chose à laquelle les femmes ne s'attachent peut-être point assez, c'est la façon du corset qu'elles portent; c'est pourtant la base de la toilette d'une femme, car du dessous, dépend beaucoup le dessus, et avec un corset qui prend et dessine bien les formes, il faudrait tomber sur une couturière bien maladroitte, pour être mal habillée. Je conseillerai donc à toutes les femmes de ma connaissance, pour trouver dans un corset toutes les qualités que je viens d'énumérer, de s'adresser à *Mme Aimable Arnaud*, cette dame, élève de *M. Lacroix*, a inventé des corsets sans goussets, et où les baleines et le busc, sont remplacés par des élastiques. Ces corsets, qui habitent parfaitement, maintiennent la taille sans gêner la poitrine; — perfectibilité qui n'avait point été atteinte jusqu'à présent.

Mon Dieu, chère sœur, je suis effrayée de mon bavardage, pardonnez-moi et aimez-moi comme je vous aime. — *Sarah*.

М О Д Ы.

Прическа одной молодой дѣвицы привлекла особенно мое вниманіе; ея бѣлокурые волосы, зачесанные по Гречески, были прихвачены осмью повязками изъ голубой шерстяной песемки; эта прическа прелестна для молодой особы, но надо быть пригожею. Полоски не шире пальца окружали голову до косы, положенной весьма назадъ. Когда вдушь на балъ, то надѣвають черныя атласныя майшилы, обшитыя кружевами, сдѣланныя на подобіе льпныхъ; къ нимъ прибавили только небольшой капишонъ, легкой и искусно сдѣланный, который надѣвается на голову и несколько не портитъ прически.

Одно, чѣмъ женщины не довольно занимаются, можетъ быть, это фасонъ корсета; это, однако, основаніе женскаго наряда, потому, что верхняя одежда много зависить опъ нижней, и съ корсетомъ, хорошо обозначающимъ шлію и формы, надо попасъся весьма неискусной швеѣ, чтобы быть худо одѣшой. Я совѣтую всемъ моимъ знакомымъ дамамъ, желающимъ найши въ корсетѣ достоинства, мною описанныя, опноситься къ г-жѣ *Aimable Arnaud*. Эта воспитанница *Lacroix* изобрѣла корсеты безъ шнурованья, и гдѣ кости и планшетка, замѣнены эластиками. Эти корсеты, одѣвающие превосходно, поддерживаютъ шлію, не спѣсня грудь; совершенство, котораго до сихъ поръ не могли достигнуть.

Боже мой, любезная сестра, я ужасаюсь своего болновешья; проси меня и люби, какъ я тебя люблю. — *Sara*.

Поправка.

Въ Но 2-мъ *Лит. Прибавленій*, стр. 15, столбець 2, въ слѣдствіи *Литературныхъ Замѣтки*, два раза напечатано 1835, а надобно бы 1735.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Издатель *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду* спѣшилъ предупредить иногородныхъ любителей опешивенной словесности о томъ, что подписка на его листки у *А. Ф. Смирдина* не принимается, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ издатели *Сѣверной Пчелы* и *Энциклопедическаго Лексикона* прекратили у него г. *Смирдина* подписку на свои изданія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 4.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бурѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Января 11 дня 1856 года.

Отъ чаю, говорятъ, понятіе оспрится:
Кто много пьетъ его, умнѣй пошъ становится.
Сіе простиительно тому лишь утверждать,
Сафона нашего кто не изводишь знать.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Т Р И Ж Е Н Ы .

Въ Бассорѣ жилъ когда-то мудрецъ, ко-
торый былъ ученъ, славенъ и проситъ серд-
цемъ.—Онъ назывался *Гассаномъ*.

Проведя всю жизнь свою въ изученіи при-
роды и людей, онъ сознался наконецъ, что
всѣ знанія человѣческія вздоръ, и нимало не
ведутъ къ счастью. Однакожь онъ написалъ
исполкованіе на Коранъ, сочинилъ нѣсколь-
ко легкомысленныхъ и непонятныхъ фило-
софическихъ книгъ—и, въ какомъ-то неиз-
вѣстномъ уголкѣ неба, открылъ пристра-
шескъдесять пять тысячъ звѣздъ, который
до него не были еще ни къмъ примѣченны.
Сверхъ того *Гассанъ* былъ одинъ изъ тѣхъ
великихъ астрономовъ, которые предска-
зали, что въ Августѣ мѣсяцѣ 1835 года из-
вѣстная комета сожжетъ землю нашу, если
изъ 32 миллионныхъ возможныхъ для неѣ пу-
тей, вздумаетъ избрать именно пошъ, на
которомъ она непременно должна сполк-
нуться съ земнымъ шаромъ.—Но, къ счастью,

философы принуждены были сказать намъ,
что міръ можетъ еще полагаться на благо-
расположеніе къ нему случая.

Однажды мудрецу нашему пришла вдругъ
страшная охота жениться: не потому,
чтобы онъ полагалъ большое счастье въ су-
пружествѣ или имѣлъ едншкомъ высокое мнѣ-
ніе о женщинахъ.—Нѣтъ! но пошому только,
что становился спаръ, начиналъ дряхлѣть
и съ эгоизмомъ, свойственнымъ спарикамъ и
философамъ, любилъ самага себя болѣе всего
на свѣтѣ. Сверхъ того, *Гассанъ* былъ ошъ
природы немного любопытенъ.

Онъ пошелъ къ одному почтенному дер-
вишу, давнишнему пріятелю своему и про-
силъ его совѣта. Дервишъ, который былъ
также великій мудрецъ, одобрилъ его на-
мѣреніе, и говорилъ ему такъ:

«Я бы могъ сказать тебѣ поже, что ска-
заль однажды Юпиперъ жрецу своему *Гирею*:
«Если тебѣ надобно жену—то возьми коровью
кожу, распели еѣ на солнцѣ, и когда она вы-
сохнетъ, тогда женись на ней.»—Но мы съ
тобою знаемъ, что это такая же сказка, какъ

басня о фонарѣ *Диогеноволикъ*, слѣдовательно лучше говоришь дѣло.—Слушай же другъ; у меня есть три сестры; всѣ дѣвицы, всѣ взрослые, скромныя и очень не глупы.—Правду тебѣ скажешь, мнѣ бы не хотѣлось выдать ихъ за мужъ, но для тебя охотно переменяю свое намѣреніе, и ты можешь выбрать изъ нихъ любую.»

Гассанъ призадумался, но вспомнивъ, что дервишъ былъ ему другъ и имѣлъ прехъ сестеръ, которыхъ отдавалъ ему на выборъ, рѣшился жениться на одной изъ нихъ, и просилъ его велѣть позвать ихъ.

—Послушайте, красавицы мои, — сказалъ онъ имъ безъ дальнихъ околичностей:—я намѣренъ жениться; которая изъ васъ хочешь быть моею женою?—

Вмѣсто отвѣта всѣ при бросились къ нему на шею и спали цѣловать его. Мудрецъ заключилъ изъ эпизода, что онѣ были истинно цѣломудренны, хотя впрочемъ онъ мало заботился объ эпизодѣ обстоятельстве. —Тише, тише, любезныя мои, —сказалъ онъ имъ: мнѣ надобна одна жена, а не три,—я многоженство ненавижу, и потому прошу васъ отойти немного подалеже, чтобы я могъ разсмотрѣть васъ.—

Гассанъ нашель, что всѣ онѣ были немного худы и блѣды лицомъ; но вспомнивъ, что погода было время Рамазана, онъ заключилъ, что дѣвицы испощались постомъ и молитвою—и внушительно хвалилъ въ нихъ такое оптимное благочестіе. Наконецъ онъ выбралъ спаршую изъ сестеръ, какъ самую благоразумную, и отвелъ ея въ домъ свой.

Послѣ свадьбы, *Гассанъ* занялся хозяйствомъ и нѣсколько времени все шло какъ нельзя лучше въ домъ его.

Скоро однакожь мудрецъ замѣнилъ непонятныя спранныя въ женѣ своей; на неѣ часто находили минуны какого-то духовнаго испуга, въ продолженіе которыхъ хозяйство шло какъ ни попало. Она чинала *Коранъ*, вмѣсто того, чтобы варить похлѣбку; шла въ мечеть, когда надобно было идти на рынокъ; отвѣчала Алла и Магометъ, если мужъ говорилъ съ нею о про-

гулкѣ или о бесѣдахъ съ друзьями—и встрѣчала каждаго мрачнымъ привѣтствіемъ: Помни часъ смертный, братъ или сестра моя.

Всякой согласился, что всё это было не чужь не забавно.

Терпѣніе мужей, говорящихъ, непродолжительно;—терпѣніе философа еще короче.—*Гассанъ* недолго попокалъ женѣ своей и наконецъ сказалъ ей:

— Милая, я люблю, чтобы у меня былъ гоповъ обѣдъ, когда я голоденъ; люблю гулять и веселиться съ друзьями, и хотя чпу законъ и пророка, но занимаюсь ими въ свое время. Хотя опъ всего сердца моего вѣрю безсмертію души и будущей жизни, однакожь не пренебрегаю настоящей, и потому желаю умереть какъ можно позже; и такъ, не угодно ли тебѣ оставить домъ мой и возвратиться къ свому брату?

—Ну, благословенныя же созданія женщины, если всѣ онѣ похожи на жену мою,—говорилъ онъ самъ съ собою, когда шелъ къ другу своему, дервишу.

—Скажи любезный,—спросилъ онъ ея: не находили ли когда нибудь на сестру твою припадки сумасшества? Мнѣ кажется она очень склонна къ нимъ?—

«Признайся,» отвѣчалъ дервишъ: «въ ней являлись иногда такія спранныя причуды, что мнѣ и самому казалось, что мозгъ ея былъ не совсѣмъ въ здоровомъ состояніи; впрочемъ она всегда была добрая и кропкая дѣвушка; но если она тебѣ не нравится, выбери другую сестру.»

—Хорошо,—отвѣчалъ *Гассанъ*: авось на эпизодъ разъ мой выборъ будетъ щасливъ.—

Но философъ не спалъ больше выбирать; онъ рѣшился взять другую сестру на удачу, и—ошибся опять.

Новая жена *Гассана* была родъ какой-то *Сивиллы*, или волшебницы. Она съ утра до вечера предсказывала будущее, говорила одними вздохами; закатывала глаза подъ лобъ, какъ нѣжная голубица.—и ходила на цыпочкахъ, какъ будто желая лепѣть

на небо, или боясь допронуться до земли. Ей случалось почти умирать отъ радости, безъ всякой известной причины, или плакать такъ, что слёзы ея могли бы расплыть камень, и въ эти минуты грусти, она ворчала про себя какіе-то спранные и непонятные напѣвы.

Гассанъ не выдержалъ и эпаго опыта. — Вотъ еще новое—думалъ онъ: откуда свалилась ко мнѣ эта сивилла? Въ нее вѣрно вселился злой Караа, или Магометъ помяшалъ пальцемъ въ мозгу ея. Спранные сестры у друга моего дервиша! —

— Почтенная супруга, и великая волшебница!—сказалъ онъ женѣ своей: жаль мнѣ съ побою распаться, но ты воплощенная гурія и сотворена для рая Магометова, а не для моего смиреннаго жилища; и потому я прошу тебя не оспаваться въ немъ долѣе и депивъ, если угодно, на придевашное небо. —

И онъ пошелъ съ нею опять къ дервишу.

«Спранно!» сказалъ дервишъ: «однакожь не хочешь ли взять прешью сестру?»

— Пусть такъ! но эпо ужъ въ послѣдній разъ! —

«Да у меня и сестеръ больше нѣтъ.»

— Слава Богу!—проворчалъ *Гассанъ*, и повель къ себѣ прешью жену свою.

Она казалась такая скромничья, въ чертахъ ея изображалось столько чувствительности и доброты, что бѣдный мужъ разнѣжилъ и въ сердечномъ умиленіи благословлялъ судьбу, увѣнчавшую наконецъ спаросить его пѣмъ, хотя позднимъ, но совершеннымъ блаженствомъ, котораго мы ожидаемъ всю жизнь свою, какъ лакомага блюда, сбереженнаго на закуску.

Но увы! скоро сладкая закуска эпа показала *Гассану* горьче хрѣну! На споль его часно спояли одни пустыя блюда, потому что добрая, чувствительная жена его отдавала всё кушанье нищимъ, не думая, что будетъ ѣсть мужъ ея. Милосердіе и соспранданіе ея были такъ велики, что если ночью забирались къ нимъ воры и обкрадывали

домъ ихъ, то она на другой день хлопотала о нихъ въ полиціи, говоря, что грѣхъ обижать ближняго. Перѣдко уходила она съ ушра, бродила по пустымъ, опдаленнымъ и грязнымъ кваршамъ, чтобы опыскивать бѣдныхъ, и возвращалась въ вечеру, окруженная полною бродягъ, которыми отдавала она хлѣбъ, мясо, плашье и бѣлье; когда же наконецъ въ теченіе двухъ недѣль не оспалось въ домѣ ничего, тогда она, распорядивъ окно на улицу, спала бросать горсти золота—и народъ, дивясь такой новостіи, собрался подъ окошкомъ—и подбирая деньги, прославлялъ великодушіе и доброту эпой щедрой покровительницы немущихъ.

Эпо было уже сверхъ силъ бѣднаго *Гассана*. Онъ позвалъ жену, и съ трудомъ удерживаясь отъ ярости, сказалъ ей: Послушай, душенька (не такъ, правду сказать, слѣдовало бы мнѣ называть тебя), но такъ и бышь, слушай же: одна сестра пвоа была сумасшедшая, другая колдунья, однакожь по крайней мѣрѣ обѣ, онѣ хотя и не очень занимались хозяйствомъ, но были добрыя женщины и не разорили меня. Что-жь касается до тебя, то благодаря пвоему челоувѣколюбію, я оспался нищимъ. Иди себѣ куда хочешь, только сдѣлай милость оспавь домъ мой. Пусть Магометъ дастъ тебѣ мѣсто, гдѣ ему угодно; но заклинаю тебя, всѣми высокими добродѣтелями пвоими, не живи больше со мною.—

И въ прешій разъ *Гассанъ* пошелъ къ дервишу.

— Я ошибся, другъ мой... не мнѣ знашь щастіе супружеской жизни, я не сотворенъ для него. Пусть дурачатся другіе, — но я покорный слуга! Вотъ сестры пвои; клянись, что я не обидѣлъ ихъ ничѣмъ; возьми ихъ опять къ себѣ, и Богъ съ ними и съ побою! —

Возвратясь домой, *Гассанъ* признался самому себѣ, что онъ былъ вовсе не такой великой мудрецъ, какимъ слылъ въ свѣтъ, и что ему многому еще надо было учиться. И такъ онъ оспавилъ въ покоѣ звѣзды и кометы, и, для развлечения, написалъ пре-

полстную книгу о прехъ главныхъ челоѵ-ческихъ добродѣтеляхъ, дополненную, какъ водился, цѣпапами и примѣчаніями.

Копія съ манускрипта *Гассанова* хранится и понынѣ во Французской Академіи наукъ.

Т.

ПАРФЕНТЬЕВЪ.

Русскій Леонидъ.

Истинное мужество и твердость духа познаются въ несчастіи. Россіане привыкли побѣждать, но въроломное нападеніе убійць, въ Апрель 1794-го года въ Варшавѣ, на Русскіе полки, мирно расположенные; многочисленность Поляковъ, сто орудій противъ сорока, положеніе мѣста, бѣшенство буйной черни, деньгами ясновельможныхъ пановъ поджигаемой, придавали сілу непріятелю, и дѣлали его смѣлымъ. Уже Россіане лишились во мракѣ ночи множества братій своихъ; уже, сражаясь 36 часовъ, съ именемъ Бога, Опечества, *Екатерины*, они громилы заговорщиковъ, падали сами и, вспрѣчая на каждомъ шагу тысячу смертей, пробивались сквозь городъ, подъ начальствомъ подполковника *Титова* и премьеръ-маіора *Батурина*.

Подполковникъ Кіевскаго гренадерскаго полка *Парфентьевъ*, Русскій *Леонидъ*, будучи опрѣзанъ съ нѣсколькими ротами солдатъ полку своего, не могъ опспушить вмѣстѣ съ ними. Онъ оспался въ Варшавѣ и занялъ домъ главнокомандующаго; оспался посреди сполицы, гдѣ все вооружилось противъ него. Онъ удерживалъ однако нападеніе свирѣпствующаго народа съ такимъ успѣхомъ, что завладѣлъ двумя пушками. Не разъ опражалъ онъ нападенія со всѣхъ споронъ; но видя, что не можешь малочисленностію своею защищать весь домъ, оспавилъ одну часть. Поляки ворвались въ нее; *Парфентьевъ* съ своими храбрыми офицерами и солдатами дорого успушалъ непріятелю каждую комнапу, каждый шагъ; наконецъ, въ зазженной со всѣхъ споронъ оспальной половинѣ, еще сражался. Пламень быстро

обнималъ весь домъ и гоповъ бѣль поглупилъ оный. *Парфентьевъ*, усмопрѣ неизбѣжную гибель, собралъ оспальныхъ 40 гренадеръ, почти всѣхъ израненныхъ, спуспился изъ оконъ на улицу, наполненную тысячами вооруженныхъ, испугалъ ихъ опчаяннымъ подвигомъ, бросился на Поляковъ со шпыками, опрокинулъ, перекололъ все, что дерзнуло ему пропивиться, и по шѣламъ опкрывъ себѣ пупъ, прошелъ по нимъ Медовую улицу, Красинскій дворъ и на Святоярской улицѣ палъ мерпвъ съ оспальными оспію Россіанами.

Такъ кончилъ дни свои Русскій *Леонидъ*, *Парфентьевъ*.

Это повѣспвуютъ о немъ не Россіане; они не были свидѣтелями его подвиговъ; а сами непріятли — Поляки, которые съ почтеніемъ воспоминаютъ имя его, и высоко цѣнятъ героизмъ и во врагъ своемъ.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

АВСТРІЙСКАЯ АРМІЯ ПО МИРНОМУ ПОЛОЖЕНІЮ.

Народонаселеніе 33,630,381 душа.

Пълота.

58 полковъ линейной пѣхоты, полкъ изъ 2 баталіоновъ, по 6-пи ротъ въ баталіонѣ; въ эпомъ числѣ:

7 полковъ Австрійскихъ,

9 — — Богемскихъ,

5 — — Силезскихъ и Моравскихъ,

11 — — Галиційскихъ,

3 — — Илирійскихъ,

8 — — Импанскихъ.

43 полка, каждый изъ 1,892 чел.; всего. . . 81,358 чел.

15 полковъ Венгерскихъ и Трансильванскихъ, каждый изъ 2,616 чел.; всего. . . 39,240 —

20 гренадерскихъ баталіоновъ, каждый изъ 6 ротъ и 900 чел.; всего. . . 18,000 —

1 егерскій полкъ изъ 4-хъ баталіоновъ . . 2,320 —

12 егерскихъ баталіоновъ, каждый изъ 580 чел. 6,960 —

17 полковъ, по военнымъ границамъ расположенныхъ. Изъ нихъ:

7 Венгерскихъ,

6 Иллирійскихъ.

13 полковъ, изъ 2,725 чел. каждый; всего	35,399	чел.
4 полка Трансильванскіе, каждый изъ 2,482 ч.	— 7,446	—
4 гарнизонныхъ баталіона, кажд. изъ 1,414 ч.	— 5,656	—

Всей пѣхоты Австрійская армія, по мирному положенію, имѣетъ: 196,377 чел.

Конница.

8 полковъ Кирасирскихъ, по 824 чел. въ кажд.	6,592	—
6 — — Драгунскихъ, — 824 — — —	4,944	—
7 — — Легкоконныхъ, — 1,134 — — —	7,938	—
12 — — Гусарскихъ, — 1,698 — — —	20,376	—
4 — — Уланскихъ, — 1,280 — — —	5,120	—

Всей конницы: 44,970 чел.

Артиллерія.

5 полковъ полевой артиллеріи, изъ 2,763 чел. въ каждомъ	15,815	—
1 отрядъ бомбардировъ и фейерверкеровъ.	1,075	—
14 артиллерійскихъ гарнизоновъ, по числу округовъ	2,400	—
Масперовыхъ	500	—

Всего артиллеріи 17,790 чел.

Инженеры.

Корпусъ инженеровъ, изъ 6 ротъ саперовъ, составляющихъ 970 чел., и 2-хъ баталіоновъ пионеровъ, въ обонхъ 1,109 чел.; вообще	2,079	—
5 ротъ минеровъ	721	—
1 Понтонный баталіонъ изъ 1,067 чел. и 1 баталіонъ чайкистовъ изъ 1,200 человекъ; вообще	2,267	—

Примѣчаніе. Чайкистами называются экипажи канонерскихъ лодокъ, именуемыхъ чайками и употребляемыхъ на рѣкахъ Савъ и Дунавъ.

Обозы.

Артиллерійскаго обоза и фуришапа	8,000	—
--	-------	---

Войска, не входящая въ составъ арміи.

1 Ломбардскій полкъ конныхъ Жандармовъ	640	—
9 баталіоновъ Кондусовъ по границамъ Австріи, Богеміи, Моравіи, Силезіи и Галиціи.	3,200	—
Инвалидовъ	10,800	—

Императорская лейбъ-гвардія.

Дворянскіе стрѣлки: 4 офицера, 63 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ	67	—
---	----	---

Венгерская лейбъ-гвардія (gardes du corps):	
3 офицера и 55 рядовыхъ	58 чел.
Драбанты: 4 офицера и 94 рядовыхъ въ Вѣнѣ и 33 чел. въ Миланѣ	131 —
Дворцовая рота: 4 офиц. и 218 рядовыхъ	222 —
	Всего: 15,118 чел.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

31.

Крипическими спашьями различного объема и содержанія богаты были Дерптскія Лѣтописи. Каждая книжка сего, внимательнаго ко всѣмъ явленіямъ Опечесственной литературы журнала, содержала въ себѣ или подробные разборы новыхъ, замѣчательныхъ книгъ и журналовъ, или крапкія на нихъ рецензіи. Мы укажемъ нашимъ читателямъ на слѣдующія изъ нихъ: г. Рейцъ разобралъ изданную въ Пепербургѣ въ 1833 году книгу «Опытъ Государственнаго Права Россійской Имперіи, сочин. кандидата Дерптскаго Университета К. Д...», изложилъ цѣль и планъ автора, пользу и важность труда его и источники, коими онъ пользовался; докторъ Мейеръ, сопутствовавшій профессору Ледебуру въ его Алтайской экспедиціи, разсмапривалъ сочиненіе г. Левшина «Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ степей», и, отдавая должную похвалу этому полезному труду, указываетъ на нѣкоторыя, вкравшіяся въ него недоспапки, происшедшія отъ того преимущественно, что г. Левшину неизвѣсна была восточная часть сей страны и нѣкоторыя новѣйшія описанія ея. Рецензентъ замѣчаетъ также, что авторъ, не будучи коропко знакомъ съ науками Еспесивенными, не соблюлъ почности въ названіяхъ многихъ распеній и живопныхъ, имъ описываемыхъ. Г. Ленцъ разобралъ два примѣчательнѣйшія явленія въ нашей ученой литературѣ: *Физику* г. Павлова и *Руководство къ Физикѣ* г. Перевощикова. Въ первой рецензентъ видитъ стремленіе создать новую, собспвенную теорію науки, но разсмапривая эту теорію со взглядомъ атомистической системы, находилъ въ ней многія несообразности; книга же г. Перевощикова, какъ собраніе старыхъ и новыхъ мнѣній, ка-

жепся ему болѣе удачнымъ предпріятіемъ въ своемъ родѣ. Трое нашихъ романистовъ: Гг. *Грегъ*, *Загоскинъ* и *Булгаринъ* нашли себѣ цѣлнпелей въ этомъ журналѣ. Г. *Браккель*, въ спашь: *О романахъ Загоскина*, кратко описываетъ ходъ Русской литературы съ самаго рожденія ея и до временъ новѣйшихъ, изображаетъ чувство любви къ родинѣ, составляющее характерическую черту Русскаго народнаго характера, и замѣчаетъ, что, при всеобщемъ стремленіи къ народности, романъ, созданный *Вальтеръ-Скоттомъ* и изображающій жизнь народную, необходимо долженъ былъ получить право гражданства въ Россіи. Исчисляя Русскихъ романистовъ, рецензентъ назначаетъ г-ну *Загоскину* первое между ими мѣсто, и видитъ въ обоихъ первыхъ романахъ, *Юриіи Милославскомъ* и *Рославлетѣ*, пламенную, но благородную и чистую любовь къ родинѣ. Это чувство не доходитъ однако до приспиритія, вредящаго истинѣ: авторъ не скрываетъ или не украшаетъ недоспапка Русскаго народа, но съ особеннымъ удовольствіемъ выказываетъ всѣ прекрасныя черты его. Г. *Гейне* (Максимиліанъ) въ спашь: *О романахъ Грета*, помѣщенной въ XI книжкѣ Дерпшскихъ Лыпошсей, такъ описываетъ о *Польдкѣ въ Германію*: цѣль эпикаго романа состоитъ въ изображеніи нравовъ и обычаевъ Нѣмецкихъ жителей С. Петербурга, и онъ въ особенности выказываетъ юмористическій и сатирическій талантъ автора, но сатирическій бичъ, которымъ онъ безжалостно поражаетъ злоупотребленіе и пороки, въ полной силѣ видѣтъ во второмъ его романѣ *Черная женщина*, который являетъ успѣхи какъ самаго автора на избранномъ имъ поприщѣ, такъ и Русской словесности. Г. *Грегъ* изучалъ школу *Гёте*, *Тина* и другихъ корифеевъ Германской литературы, и въ послѣднемъ произведеніи своемъ кажется болѣе національнымъ, нежели оригинальнымъ писателемъ, постоянно удерживая наклонность къ юморизму. Главныя лица романа у него не всегда занимательны; за то въ описаніи нравовъ и обычаевъ видѣтъ талантъ его въ полномъ блескѣ: здѣсь все истинно, все подслушано у природы. Интереснѣйшее изъ дѣйствующихъ

лицъ, по мнѣнію рецензента, есть *Ветлингъ*, и эпизодъ, въ коемъ рассказывается жизнь его, доставоченъ (замѣчаетъ рецензентъ) для доставленія славы автору, если бы даже онъ ничего не написалъ болѣе. — Г. *Фон-дер-Боръ*, упомянувъ вкратцѣ о романахъ г. *Булгарина*, обращается къ послѣднему его произведенію—*Мазель*, и излагаетъ содержаніе его. Сознавая опдѣльныя красоты сего произведенія, онъ замѣчаетъ, что созданіе его неудовлетворительно; оно въ особенности кажется ему проповиднымъ по эпической справедливости въ развязкѣ судьбы *Мазель*: вмѣстѣ съ смертію сего злодѣя читатель видитъ погибель всего прекраснаго, что онъ успѣлъ полюбить въ разнообразныхъ группахъ, окружавшихъ героя романа. Таковая незаслуженная участь добродѣтели наравнѣ съ порокомъ оставляетъ тяжелое впечатлѣніе на душѣ читателя. Съ другой стороны, рецензентъ хвалитъ опдѣльныя красоты эпикаго романа и слога его.

Невгровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭПИГРАММА

въ модно-критическомъ родѣ.

Прочь съ презрѣнною толпою,
Цыцъ, сластасники, молчацѣ!
Вамъ ли чѣрствою душою
Жаръ поэзіи понялъ?
Дико, бѣшено стремленье,
Чѣмъ поэтъ одушевлѣнъ:
Тамъ въ безумномъ упоеніи
Богъ поэтовъ, Аполлонъ,
Съ Марсіаса содралъ кожу!
Берегись его дѣтей:
Эпиграммой хлопнутъ въ рожу,
Римой бѣшеною своей
Въ поэтическія плечи
Пріударятъ дураковъ,
И позоръ вашъ, мрака дѣля,
Опдадутъ на свисль вѣковъ.

L O G O G R I P H E.

Sous moi, contre l'orage, on est bien abrité;
 Mais autrement interprété,
 Ma piquante figure
 Charme les yeux d'un enfant d'Épiscure,
 Mon chef à bas, jamais, je ne serai fermé.
 Sur quatre pieds, je suis toujours aimé
 Des vrais amis de la nature.
 N'ayant plus que trois pieds, ma charmante blancheur
 Vous plaît chez l'aimable Eugénie.
 Sur trois pieds j'offre encor cet insecte rongeur
 Qui nous visite après la vie.

Въ № 3-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Голова*.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Русскія повѣсти, рассказы и драматическія сочиненія для юнаго возраста. *Книжка первая*.—С. II. б. 1835 г. (*).

Правдали, нѣтъ ли, не знаю, а слухи носилса будто эта книжка издана молоденькими дѣвушками, воспитанницами какого-то пансіона, и что учитель, преподающій дѣвушкамъ энциклопедическую Русскую словесность, вслѣдствіи спаралелнаго объ употребленіи изданія книжки, такъ названнаго по книгопродавческой спекуляціи на громкое названіе книги *Марлинскаго*. Эге! да видно и учитель и ученицы не промахъ на шпуки. Дѣло не въ томъ однако, а въ томъ, что и ученицы и ихъ учитель Русской словесности, если правда будто книжка издана ими, издавая Русскія повѣсти, рассказы и драматическія сочиненія для юнаго возраста, забыли, что при этомъ случаѣ надобно обращать тщательное вниманіе на основаніе словесности, на правописаніе, которое у нихъ такъ хорошо,

(*) Продается у бр. Мамв. и Мих. *Заикиныхъ* и у *Плюшара* подлѣ Главнаго Шпаба и Англійскаго магазина въ д. *Ворожкова*, также и у *Т. Лисенкова*, у котораго имѣются всѣ книги, отъ другихъ книгопродавцевъ публикуемыя.

что ему только могла бы позавидовать въ орфографической правильности одни лишь романы *Гурьянова* и Александра Анфимыча *Арлова*. Въ этой книгѣ пишуть: *блсъда*, *резвый*, *поспья*, *предмьтъ* и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. И все это не опечатки, потому что все это, повпорядку по нѣскольку разъ, не включено въ длинный рядъ опечатокъ, помѣщенный въ концѣ книги. Галлицизмовъ также можно встрѣтити довольно много въ эпихъ *Русскихъ* повѣстяхъ, рассказахъ и пр., передѣланныхъ довольно неловко съ Французскаго языка. На стр. 33 этой книги приложена безобразная карпинка, верхъ безвкусія и неумѣнья. Къ довершенію всего этого книжка эта стоитъ 5 рублей, т. е. по же самое, что и 2 тома *Прогулки по земному шару*, *Павильонъ* и *Дѣтскій театръ*, изъ которыхъ каждый томъ опмѣнно убористой печатью заключаетъ при такихъ томахъ, какъ эти рассказы,—и кака я разница въ изданіи, и кака я разница во внутреннемъ достоинствѣ: день и ночь.—Издатели объявили, что это первая книжка, изъ чего заключить можно, что будетъ вторая, третья и т. д.—Только Бога ради въ такомъ случаѣ, г-нъ и г-жи издатель и издательницы, постарайтесь не соперничествовать въ неправильности слога и грамматики съ гг. *Селивановыми* и *Сиговыми*, и вы будете имѣть успѣхъ, потому что спашь, наполняющія эту книжку, щастливо выбраны и удачно принаровлены къ дѣтскимъ понятіямъ.

Б.

M O D E S.

Souvent femme varie,
 Bien fol est qui s'y fie!

Voilà ce que disait François Ier, ma chère sœur, comme vous le savez. On pourrait en dire autant de la mode, plus coquette que toutes les femmes, prenant mille formes différentes pour séduire, puis, quand nous croyons l'avoir saisie, nous quittant inconstante et légère, pour aller, sous un autre aspect, faire de nouvelles conquêtes. Telles étaient les réflexions qui me venaient en foule en parcourant les ateliers de modes qui contiennent une variété si prodigieuse de jolies nouveautés. J'y remarquai entre autres un chapeau

en velours, gros bleu, orné d'oreilles d'ours en velours bleu. — Un autre en velours épinglé rose, avec de grandes plumes roses de pose contrariée. — Un autre moins habillé en velours *ramona*, orné de rubans *rubantés*. La forme était assez basse derrière, la passe très relevée du milieu, descendant sur les joues, et retournée tout autour de la largeur d'un doigt. C'est avec les capotes plissées, le genre de mode qui paraît devoir être adopté cet hiver. Pour toilette de soirée et de spectacle, les chapeaux à la *Jean de Paris* découpés et retroussés sur le côté sont en grande vogue. On les fait en crêpe, en velours, ou satin ornés de plumes. A mon avis, ceux de crêpe sont les plus élégans et les plus commodes. Un chapeau de velours, qu'on est obligé de conserver *cinq heures* sur sa tête, malgré la chaleur d'un *raout*, ou d'une salle remplie par tous les amateurs qu'attire la voix de Mlle *Flècheux* ou celle de *Rubini*, est une chose, à mon avis, qui doit augmenter du double, le budget des migraines d'une petite maîtresse. D'ailleurs, cette transparence du crêpe sied à ravir. Puisque nous en sommes, ma chère *Nancy*, sur le chapitre des coiffures, je ne puis passer sous silence une délicieuse invention de Madame *Perrot*. C'est une coiffure en plumes blanches bordées en fil d'or et barbes de plumes de *paon*; c'est de l'effet le plus ravissant. Trois de ces plumes réunies en bouquet se placent sur le côté de la tête; on y ajoute un bandeau de grains d'or. Tout cela posé sur une coiffure à la *Pompadour*, et exécutée par MM. *Sergent* et *Jouenne*, est d'une séduction irrésistible. Ces deux coiffeurs, dont la vogue égale le mérite, savent donner aux cheveux un tour inimitable, qui s'harmonise avec toutes les physionomies. Aussi leur réputation devient-elle *colossale*.

Pl. No 2. 1) Coiffure ornée de velours. — 2) Coiffure ornée de resille. — 3) et 4) Chapeaux et capote de satin. — 5) Col de batiste bordé de dentelle. — 6) Pélerine de satin et fourrure.

М О Д Ы.

Souvent femme varie,
Bien fol est qui s'y fie!

Вотъ что говаривала *Франциска I*, любезная сестра, какъ ты знаешь. Можно бы поже сказать о модѣ, болѣ кокеткѣ, нежели всѣ женщины, принимающей для оболъщениа тысячу разныхъ

видовъ; попомъ, когда воображаемъ, что схватили еѣ, непостоянная оспавляетъ насъ, чтобъ въ новомъ видѣ дѣлать новыя завоеванія. Вотъ размышленія, кошпорья входили мнѣ въ голову, когда пробѣгала модныя рабочія, заключающія такое разнообразіе красивыхъ новостей. Я замѣпила пашъ шляпку, изъ синяго бархапа, съ *медвежьими ушками* изъ голубаго бархапа. — Другая изъ розоваго булавчатаго бархапа, съ большими розовыми перьями, положенными въ разныя спороны. — Еще шляпка, не шакъ нарядная, изъ бархапа *ramona*, опдѣланная лентами *rubantés*. Тулья сзади довольно низкая, поле очень поднятпо въ срединѣ, спущено на щеки и заворочено вокругъ шириню въ палець; эта мода и капоты въ складкахъ кажеться приняты на всю зиму. Для вечеровъ и спектаклей въ большомъ употребленіи шляпки à la *Jean de Paris*, вырѣзанныя и приподнятыя на боку. Ихъ дѣлають изъ крепа, бархапа или апласа и опдѣлываютъ перьями. По моему мнѣнію, креповыя всѣхъ щеголеватѣе и покойнѣе. Бархатная шляпка, которую должно имѣть на головѣ въ продолженіе пяти часовъ, не взирая на душный рауть, или въ залѣ, наполненной любителями, привлекаемыми туда голосомъ г-жи *Flècheux* или *Rubini*, должна удвоить, кажеться, бюджетъ мигреней какой нибудь щеголихи. Сверхъ того эта прозрачность крепа чрезвычайно идетъ. Если уже мы разговорились о уборахъ, то не могу умолчать тебѣ о прелестной выдумкѣ г-жи *Perrot*. Это уборъ изъ бѣлыхъ перьевъ, обложеныхъ по краю золотью проволокою и бахрамою павлиньихъ перьевъ; это имѣеть восхитительный видъ. Три такихъ пера букетомъ прикалываются на боку; туда прибавляютъ повязку изъ золотыхъ бусъ. Все это несравненно, и дѣтше съ прическою à la *Pompadour* и выподненное г-ми *Sergent* и *Jouenne*. Эти два парикмахера, слава которыхъ равняется ихъ достоинству, умѣють придашь волосамъ неподражаемый видъ, соотвѣтствующій всякому выраженію лица. И потому ихъ репушация дѣлаеться колоссальною.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карп. No 2. 1) Прическа съ бархатомъ. — 2) Другаго рода причёска. — 3) и 4) Шляпки апласныя. — 5) Вапсисовая манишка съ кружевами. — 6) Пелеринка апласная на мѣху.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ШВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 5.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Января 15 дня 1836 года.

Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣришь мы,
Что намъ безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья!

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИСЯЖНЫЙ.

Двѣнадцать присяжныхъ, копорые должны были произнести смерпный приговоръ убійцѣ *Вангалу*, ужъ десять часовъ сидѣли въ камерѣ совѣщанія, между тѣмъ, какъ неперпѣливая публика, ожидавшая въ залѣ, не могла понять причины такой странной медленности. Дѣйствительнѣю, дѣло *Вангала* было такъ просто, доказательствъ преспуиленія такъ ясны и неоспоримы, что, казалось, довольно было пяти минутъ, чтобы собрать голоса и подписать общій приговоръ.

11-го Юля, Францискъ *Плетъ*, богатый пивоваръ Лондонскаго предмѣстья, былъ найденъ во рву, у проселочной дороги, зарваннѣмъ. Состояніе ранъ его показывало, что онъ убитъ въ прошедшую ночь и—уже шесть или семь часовъ лежалъ мерпвый: подняли ножъ, узнали, что онъ принадлежалъ Георгу *Вангалу*, и судъ, прѣхавшій для освидѣтельствованія тѣла, попчасъ опсправился въ домъ обвиняемаго. Его заспали въ жилетѣ, запачканномъ кровью;

розыскали, что эпортъ самый жилетъ былъ на немъ наканунѣ, и что, въ немъ же онъ ворошился домой, въ 2 часа по полуночи, именно пою дорогою, на которой было найдено тѣло *Плета*. Въ карманѣ жилета былъ плапокъ, копорый видѣли въ рукахъ убипаго, въ день, предшеспвовавшей смерти его.

Георгъ *Вангалъ* защищался только тѣмъ, что онъ, послѣ ужина въ павернѣ *Благо лебедя*, забылъ тамъ на столѣ ножъ свой, и что когда возвращался домой, то пошла у него носомъ кровь и закапала ему жилетъ. Что же касается до плапка, то онъ подпнял его на дорогѣ, по которой прошелъ передъ нимъ *Плетъ*—и вѣрояпно выронилъ его изъ кармана.

Само собою разумѣется, что опвѣпы *Вангала*, неподпвѣржденные никакими доказательствами, казались очень сомнищельны и не могли опровергнушь обвиненія, тѣмъ болѣе, что эпортъ человекъ имѣлъ худую славу въ селеніи.

Однакожь судьи сидѣли десять часовъ въ особой горницѣ: что было причиною такого долгаго и упорнаго прѣнія?—Мы эпто узнаемъ сію минупу.

Выходя изъ залы, судьи думали, что совѣщаніе ихъ не продлится долѣ четверти часа, и дѣйствительно — одиннадцать присяжныхъ были согласны въ своемъ мнѣніи, какъ вдругъ, къ удивленію всѣхъ ихъ, двенадцатый подалъ противный голосъ. — Сочлены его подумали сначала, что онъ не вслушался въ слова ихъ, и повторили ихъ яснѣе; но судья настоялъ на первомъ мнѣніи своемъ, и просилъ выслушать вновь дѣло, позвать опять свидѣтелей и сличить доносы. — Требованіе его было исполнено — однако же ничего новаго не открылось.

Надобно знать, что въ Англіи приговоръ присяжныхъ долженъ быть единогласный: тогда только онъ приводится въ исполненіе, и что присяжные не могутъ оставить комнаты, пока продолжается разногласіе. Они сидятъ тамъ безъ свѣчъ, безъ пищи, и не смѣютъ имѣть ни съ кѣмъ сообщенія.

Упомянувъ все спаранія, чтобы побѣдить упорство сочлена ихъ, присяжные рѣшились покориться необходимости и ждать, пока скука и голодъ заставятъ наконецъ пропивника ихъ сдаться. Они проводили время какъ могли: кто спалъ, кто читалъ, кто спорилъ или говорилъ о лошадиной скачкѣ, о дракѣ пѣнуховъ или о прыжкахъ *Талони*. — Упрямецъ всё упорствовалъ и твердилъ пѣть, пѣть, кто спарался убѣдить его. Наконецъ, они рѣшились прибѣгнуть къ просьбѣ: и одинъ изъ судей, большой обжора, спалъ говорить ему о неприятности просылаго объѣда, между тѣмъ, какъ богатый прятничникъ со вздохомъ вспомнилъ о женѣ и дѣтяхъ своихъ, которые, въ ожиданіи его, помимисъ голодомъ.

Потерявъ терпѣніе, главный судья вспалъ и сказалъ собранію:

«Мм. гг.! хотя я внутренно убѣжденъ въ справедливости своего мнѣнія и не отступилъ бы отъ него ни за что на свѣтѣ, но признаюсь, что мнѣніе, противное такъ сильно и наспойчиво, что я начинаю колебаться, и не довѣрять собственному моему сужденію. Дѣйствительно надобно, чтобы почтенный сочленъ нашъ имѣлъ какія нибудь неоспоримыя доказательства невин-

ности подсудимаго, чтобы, съ такою упорностью пропившись нашимъ убѣдительнымъ просьбамъ, — а какъ така моральная увѣренность съ его стороны есть ничто иное, какъ внутреннее убѣжденіе, то мы, не смотря на спранность ея, должны её уважить — пѣть болѣе, что мы ничего не можемъ сказать сильнѣе того, что было уже сказано нами непоколебимому пропивнику нашему, который неговорчивѣе, упорнѣе и крѣче дикой Шотландской скалы. Слѣдовательно, гг. мм., исполнивъ всё то, что можно было сдѣлать по челоѣчеству, намъ остается только согласиться съ мнѣніемъ г. присяжнаго, и оправдать подсудимаго. — Этого, гг. мм., потребуешь отъ насъ челоѣколюбіе, совѣсть — и желудки наши!»

Обжора и чадолюбивый прятничникъ одобрили мнѣніе главнаго судьи, — остальные потолковали между собою и согласились съ ними. Послѣ 11-ти часовъ уединенія, первый присяжный вошелъ въ залу, испощенный голодомъ и усталостью, и прочелъ рѣшеніе суда, которое совершенно оправдывало подсудимаго. — Зрители удивились этому болѣе еще, чѣмъ непонятной для нихъ медленности присяжныхъ.

Но въ самое то время, какъ судьи хотѣли уже возвратиться къ женамъ и дѣтямъ своимъ — а болѣе еще милому объѣду, упорствовавшій судья вдругъ остановилъ ихъ и просилъ войти опять на минушу въ особую комнату.

«Ай! ай!» проворчалъ главный присяжный: «видно почтенный сочленъ нашъ поклялся умирить насъ съ голоду... ужъ не подкунилъ ли его гробовой масперъ?»

— Извините, господа, — продолжалъ присяжный: если я задерживаю васъ, но я хочу вамъ открыть причину упрямства моего, которое казалось вамъ такъ спраннымъ; я хочу доказать вамъ, что она происходила во мнѣ изъ сердца, а не изъ головы... да припомъ, не ужъли думаете вы, что я меньше васъ голоденъ? Пѣть, — по совѣсть моя говоритъ громче желудка. —

Слова его подспрекнули любопытство при-
сяжных—и всё пошло за нимъ въ комнату
совѣщаній.

—Господа, — сказалъ онъ, войдя въ неё:
помните, что всё то, что происходило
теперь, составляетъ сущность званія и
должностей вашихъ, что оно требуетъ
тайны непроницаемой—и потому я прошу
васъ прежде всего поклясться, что вы со-
хранили её.—

Судьи поклялись.

—Теперь узнайте, почему я такъ упорно
настаивалъ на оправданіи Георга *Вангама*!—
Георгъ *Вангамъ* точно невиненъ! —

«Почему вы увѣрены въ этомъ?»

— Потому, что пресупникъ... я!—

Судьи содрогнулись.

—Такъ—я!—продолжалъ онъ: Франціскъ
Плетъ нанесъ мнѣ такое безчестіе, которое
ревнивый мужъ можетъ смыть только
кровью; никто не зналъ о немъ, кромѣ ме-
ня, — но я не могъ снести этого и убилъ
врага своего.

—11-го Іюля я узналъ, что *Плетъ* долженъ
былъ поздно вечеромъ идти по проселоч-
ной дорогѣ; я опустилъ въ павертъ *Бъ-
лаго лебедя* и нашелъ на столѣ ножъ, кото-
рый послужилъ мнѣ орудіемъ мщенія. По
совершеніи его, я взялъ плапокъ убитаго и
обтеръ имъ руки свои, замаранныя кровью,
но боясь, чтобы этотъ плапокъ не обли-
чилъ меня, бросилъ его на дорогу. Вы ви-
дите, что всё эти обстоятельства совер-
шенно согласны съ показаніемъ *Вангама*.

—Узнавъ, что *Вангама* схватили, первое
движеніе мое было идти и выдать себя
суду, но я размыслилъ, что это заставило
бы разыскать причину, побудившую меня
къ преступленію, и что такимъ образомъ
обнаружился бы спыдъ мой — спыдъ, кото-
рый несомнѣе для меня смерти!—Припомъ
я надѣялся, что невозможно будетъ уличить
Вангама въ томъ, чего онъ не сдѣлалъ и —
потому рѣшился молчать. Вышло одна-
кожь прошивное; всё обстоятельство по
наружности соединились противъ подсуди-

маго и приговоръ его былъ неизбеженъ.—
Въ первую минуту я хотѣлъ тотчасъ
идти и признаюсь во всемъ, но узнавъ,
что мнѣ было назначено судить его, рѣ-
шился, не обвиняя себя, оправдать невинна-
го—и вы знаете, что мнѣ удалось это съ
помощью вашего перифнія и моего упор-
ства.

— На этихъ дняхъ жена моя умерла и
черезъ три дня меня не будетъ въ Англии.
Слѣдовательно, безъ всякаго нарушенія
приличія, я могъ открыть вамъ тайну свою,
которую прошу васъ хранить только три
дни!—

Онъ вышелъ; судьи стояли нѣсколько ми-
нутъ какъ окаменѣлые; однакожь скоро
опомнились и разошлись по домамъ, размы-
сливъ, что пища, данная ихъ любопыт-
ству, совсѣмъ не насытила ихъ желудковъ.

T.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ МОДЫ.

(Засѣданіе 5-й камеры по части модъ.)

Узоръ шипья на корсажѣ платья долженъ
ли согласоваться съ десейномъ юбки—или
подходить къ узору фалбары, которою
обшита юбка?

Вопъ вопросъ, предсавленный на рѣше-
ніе 5 й камеры, въ послѣднемъ ея засѣданіи.

Леди *Грель* получила отъ другой дамы,
изъ Лондона, блондовую юбку, съ поруче-
ніемъ заказать Французскимъ рисовальщи-
камъ узоръ, приличный для корсажа.— На-
добно знать, что узоръ на юбкѣ казался
довольно бѣденъ, но шипье на фалбарѣ бы-
ло очень великолѣпно. Рисовальщики, по
долгомъ размысленіи, рѣшились взять его
за образецъ, тѣмъ болѣе, что онъ пред-
савлялъ нѣкоторыя трудности для иску-
ства, и слѣдовательно общалъ десные
успѣхи художникамъ.

Но когда корсажъ былъ готовъ, леди *Грель*
не хотѣла брать его, и опнеслась съ жало-
бою въ камеру.— Не ужьли, говорила она, не
ужьли Французскіе артісты сомнѣваются

въ упонченности моего вкуса, и въ моемъ глубокомъ знаніи моды?— Это обидно! это дерзко! Какъ могли они прислать мнѣ корсажъ, такъ разипельно несогласный съ юбкою и, существовало ли когда нибудь подобное нарушеніе всѣхъ правилъ моды? Я ссылаюсь на *вкусъ* и *здравый разсудокъ* почтенныхъ, членовъ камеры.

Слушал такое важное обвиненіе, судьи сознались, что дѣло леди *Грелизъ* по существу своему принадлежитъ къ департаменту женъ ихъ, и потому единогласно присудили отдать его на разсмотрѣніе г-жи *Ладанъ*, извѣстной опытноспію своею въ дѣлахъ по этой часпи.

Вопль донесеніе г-жи *Ладанъ*:

«Согласно съ постановленіемъ моды, узоръ корсажа долженъ быть совершенно одинакой съ узоромъ юбки, выключая однакожъ нѣкоторыя обспоятельствва, въ которыхъ *вкусъ* и *здравый разсудокъ* повелѣваютъ арписту опспустить опъ общаго правила. А такъ какъ шитье на юбкѣ г-жи *Грелизъ* бѣдно, узоръ же фалбары, напрощивъ того— богатъ и щеголеватъ,— по рисовальщики обязаны были взять его за образецъ—и спавить узоръ корсажа сообразно съ нимъ, а не съ узоромъ юбки; слѣдовательно, рисовальщики ни мало не преспутили правилъ моды и не нарушили законовъ вкуса и здраваго разсудка.»—5-я камера согласилась съ мнѣніемъ г-жи *Ладанъ*.

И такъ, платье леди *N* будетъ послано въ Лондонъ съ корсажемъ, признаннымъ 5-ою камерою совершенно моднымъ и въ самомъ лучшемъ вкусѣ.

T.

ПИСЬМО АННЫ БОЛЕЙНЪ.

Въ кабинетѣ одного Англичанина-анпикварія еспъ ненапечатанное письмо *Анны Болейнъ*, которая, какъ извѣстно, была на минуспу королевою Англинскою, супругою *Генриха VIII* и попомъ погибла на эшафопѣ. Письмо это любопытно больше потому, что *Анна Болейнъ* писала его еще до замужспва своего, и что оно даетъ нѣко-

порое понятіе о нравахъ того времени. Вотъ переводъ его:

«Милая *Мери*, вопъ ужъ мѣсяць какъ я въ Лондонѣ, но мнѣ эпотъ городъ не очень нравилсп. Здѣсь совспмъ не рано вспаютъ— и рѣдко кто просыпаелсп прежде десяти часовъ; правду сказапъ, ложапся поздно, и прежде десяти часовъ вечера здѣсь невозможно лечъ въ постелю. Мнѣ надоѣла эта жизнь и я бы очень желала возврапиться опяпъ въ деревню, если бы каждый день не получала шпму подарковъ. Добрая мапушка возила меня вчера въ одну богатуую лавку въ *Чипсайдъ* (это одна изъ самыхъ большихъ Лондонскихъ улицъ) и купила мнѣ при новыя рубашки, по 6 пенсовъ (12 Французскихъ су) каждую, а къ балу лорда *Норфолка* у меня будупъ новыя шелковыя башмаки, за копорыя я заплапмила при шилинга (3 франка 75 с.)

Безпорядочная жизнь, копорую я веду здѣсь, опняла у меня апешптъ. Ты знаелсп, что въ деревнѣ я съѣдала за завтракомъ по фунту вешчины и вышывала кружку добраго пива. Въ Лондонѣ насилу могу съспъ и выпипъ половину. Правду сказапъ, я съ неперпвнѣемъ ждала сначала обѣда, который въ большихъ домахъ бываелсп очень поздно, почпи всегда въ 12 часовъ. Вчера у лорда *Лейстера* я играла въ щелчки; памъ былъ также лордъ *Сюрей* и пѣлъ пѣсню своего сочиненія, о дочери лорда *Кильдара*. Говоряпъ, что она красавица, и брапъ сказапъ мнѣ на ухо, что прекрасная *Джералдина* (это имя любезной лорда *Сюрея*) лучше всѣхъ женщинъ своего вѣка.— Я буду очень рада еѣ видѣпъ, потому что она, говоряпъ, сполько же добра, сколько хороша.— Прошу тебя спопрѣпъ за моимъ куряпникомъ.— Милыя курочки! я всегда кормила ихъ изъ рукъ своихъ! Если *Маргарита* довизала мои красныя шерспяныя рукавицы, то скажи ей; чпобы она мнѣ прислала ихъ по первой оказіи. Прощай, милая *Мери*, я иду къ обѣднѣ; въ молиспвахъ моихъ еспъ для себя мѣспо, такое же большое, какъ то, копорое ты давно занимаелсп въ моемъ сердцѣ.— Всп шпволя

Анна Болейнъ.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Вообще *Петръ I*, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до него собственнн, и могъ ли онъ жить распочипельно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ крестьянъ въ Новгородской губерніи? Въ первое свое путешествіе по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ оспановился въ пракпирѣ и потребовалъ ужина. Ему подали 12 яицъ, сыру, масла и двѣ бушылки вина. Когда надлежало расплачиваться, пракпирщикъ, вѣрояпно узнавъ кто былъ его гость, запросилъ спо червонныхъ. *Петръ I* велѣлъ своему гофмаршалу *Шенелеву* заплашить сіи деньги; но не могъ забыть эпои издержки и, угощая въ Петербургѣ прибывавшихъ на судахъ Голландцевъ, всякой разъ почти съ упрекомъ напоминалъ имъ о корысполоубіи Нимвегенскаго пракпирщика.—«Мнѣ мопать не изъ чего,» говаривалъ онъ въ другое время: «жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государспвенными доходами надлежитъ поступать оспорожно; я обязанъ опдать въ нихъ опчень Богу.»—Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ починенныхъ, и въ чулкахъ, заштопаннхъ его супругою; посылъ по году и по два одно плашье, и въ 1723 году давалъ Персидскому послу *Измаилъ-Беку* оппускную аудіенцію въ помъ самомъ голубомъ кафтанѣ, съ серебряными нашивками по борту, въ копоромъ въ 1717 году явился первый разъ къ Французскому Двору.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ ВОЕННЫЯ СИЛЫ ПРУССКАГО КОРОЛЕВСТВА.

Народонаселеніе Пруссіи 12,993,826 человекъ.

Армія по мирному положенію.

Пѣхота.

Гвардейская.

4 полка; между ними 2 гренадерскихъ, изъ 3 баталіоновъ 8,000 чел.

1 резервный полкъ изъ 2 баталіоновъ . . . 1,350 чел.
1 егерскій полкъ и 1 спрѣлковъ 850 —

Всего: 10,200 чел.

Армейская.

32 полка, каждый изъ трехъ баталіоновъ 58,880 —
8 резервныхъ полковъ, каждый изъ 2 баталіоновъ 6,776 —
1 баталіонъ егерей и 1 спрѣлковъ 1,600 —
54 гарнизонныя роты 5,000 —
24 инвалидныя роты 3,000 —
Кадры полковъ Земскаго ополченія (Landwehr) 1,800 —

И такъ всей пѣхоты: 77,056 чел.

Конница.

Гвардейская.

1 полкъ Лейбъ-гвардіи,
1 — — Кирасирскій,
1 — — Драгунскій,
1 — — Гусарскій,
2 — — Уланскихъ Земскаго ополченія,
6 полковъ чепырехъ-эскадронныхъ.

Всего: 3,450 чел.

Армейская.

8 полковъ Кирасирскихъ,
4 — — Драгунскихъ,
12 — — Гусарскихъ,
8 — — Уланскихъ,
32 полка чепырехъ-эскадронныхъ.

Всего: 16,480 чел.

И такъ всей конницы: 19,960 человекъ.

Артиллерія.

9 бригадъ; изъ нихъ одна гвардейская . . . 12,900 чел.

Примѣчаніе. Каждая бригада состоитъ изъ 3 дивизионовъ или баталіоновъ, а каждый дивизионъ изъ 4 ротъ пѣшей артиллеріи, 1 конно-артиллерійской роты и 1 роты мастеровыхъ. Въ каждой ротѣ по 8 орудій.

Инженерство.

9 дивизионовъ пионербъ, изъ 2 ротъ 1,800 —

Всѣ Прусскія военныя силы, по мирному положенію, заключаюптъ: 121,916 чел.

По военному положению.

Земское ополчение (Landwehr) 1-го воззванія.

Пехота.

4 гвардейскихъ полка, изъ 3 баталіоновъ.

32 полка провинціального ландвера, каждый изъ 3 баталіоновъ.

4 резервныхъ полка, каждый изъ 2 баталіоновъ.

40 полковъ.

Конница.

104 эскадрона.

Наличное число Земскаго ополченія 1-го воззванія, оправдующаго службу наравнѣ съ дѣйствующею арміею, если включить въ него комплектные резервные полки, простирается до 228,000 чел.

Земское ополчение 2-го воззванія 104 баталіона: 180,000 —

Вся Прусская армія, по военному положенію: 529,916 чел.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

32.

Въ Декабрьской книжкѣ Библіотеки для чтенія напечатана комедія въ стихахъ *Коріонъ*, сочиненная Д. И. фонъ-Визинимъ, знаменитымъ творцомъ комедіи *Недоросль*, *Придворной грамматики*, *Посланія къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ*.

Комедія *Коріонъ* не кончена. Баронъ *Брамбеусъ*—сза неопысканіемъ подлиннаго конца комедіи, рѣшился—для полноты дѣйствія и влищаго наслажденія читателей, присоединить къ ней конецъ, придѣланный имъ барономъ и г. *Тимофеевичемъ*.» Добрый баронъ *Брамбеусъ*! Онъ берѣтся приохотить насъ Русскихъ къ чтенію книгъ, учить обращенію въ образованной бесѣдѣ и доканчиваетъ стихотвореніе Д. И. фонъ-Визина, того фонъ-Визина, который не уступаетъ *Вольтеру* въ остроуміи, благородной шуткѣ и искусствѣ творить стихи сильные и блестящіе.

33.

Это были цвѣточки, а вопъ и ягодки! Въ Январьской книжкѣ наступившаго Нова-

го года, въ спашь о теоріи элекпричества, въ копорой и для меня, Русскаго варвара, нѣтъ ничего новаго, баронъ *Брамбеусъ* уже не занимается обшачиваніемъ Русскихъ головъ; онъ цѣлитъ выше, гораздо выше; его намѣреніе приспыдить Русскія академіи и университеты. Ихъ хочетъ онъ, приспыдя, заспавить иппи въ наукахъ наравнѣ съ вѣкомъ, наравнѣ съ славнѣйшими академіями Европы и съ нимъ барономъ *Брамбеусомъ*. Но лучше послушаемъ его самаго: «Прежде всего, просимъ чшпателей нашихъ не пугаться эшаго заглавія,» говоритъ смиренномудрый баронъ: «мы спспаремся быть ясными и общепонятными до послѣдней спепенн возможности. Дѣло идетъ объ одномъ изъ любопытнѣйшихъ явленій природы и едва ли не важнѣйшемъ вопросѣ Еспественныхъ наукъ, но котораго нынѣшнее состояніе не изложено ни въ новѣйшихъ Русскихъ сочиненіяхъ о физикѣ (!!!), ни даже въ Ученыхъ Запискахъ нашихъ академическихъ словій (!!!!!). Мы сочтемъ себя щасплыми, если, знакомя всю публику съ новѣйшими открытіями по часпи точныхъ наукъ, побудимъ эти самыя Записки и сочиненія меньше отстагать отъ современнаго хода предметовъ, которыми они посвящены исключительно.»

О какихъ *Запискахъ* намекаетъ споль скромно баронъ *Брамбеусъ*?—«О *Запискахъ* С. Пешербургской Академіи Наукъ и Университетовъ Московскаго, Дерптскаго и Казанскаго.»—Быть не можетъ! Не уже ли многоученому барону неизвѣстны леспные отзвыы о нашей Академіи Наукъ и спспранныхъ высшихъ учебныхъ судилищъ? Мы Русскіе, хопя и не совѣемъ грамотны; однакожь заглядываемъ иногда и въ ученія Англійскія, Нѣмецкія и Французскія книги, и въ Европейскія газетныя извѣстія о новыхъ открытіяхъ по часпн наукъ и искусствѣ. Основываясь на эшихъ книгахъ и извѣстіяхъ, мы давно уже съ гордоспью удосповѣрились, что самая прудолубивѣйшая изъ Академій—спъ Санктпешербургская: совѣпуюемъ барону *Брамбеусу* чшпашь хопя извѣстія о засѣданіяхъ ед, печатаемыхъ въ здѣшнихъ Академическихъ вѣдомо-

спяхъ. При всей учености барона, онъ бы могъ въ нихъ поучиться скромности, съ какою господа академики даюць опчеть въ своихъ трудахъ и путешествіяхъ, на пользу наукъ, ими предпринятыхъ. Онъ бы увидѣлъ, что ни въ швореніяхъ ихъ, ни въ запискахъ Русскихъ университетскихъ профессоровъ нѣтъ ни одного слова, которое бы противно было вкусу и приличію.

А. Кораблинскій.

4-е Января
1836.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ч У Ж Б И Н А.

Зачѣмъ душа швоя поминься

И ходишь ты съ поникшей головой? —

«Ахъ! я въ чужбинѣ здѣсь, я никому не свой,

И не къ кому душой мнѣ прислониться,»

14 Февраля.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое находишь въ домахъ;

Конечное въ рѣкахъ, болохахъ, озерахъ

Всего извѣснаго намъ свѣша;

А *цѣлое* живешь въ карманахъ, кошелькахъ

И для богатаго—неважная монета.

Но ежели она карманъ вашъ пягопнишь, —

Отдайте бѣдному: онъ два дни будетъ сытъ.

Въ No 4-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: Couvert, ouvert, vert, cou и ver.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Дѣшскій павильонъ; книжка, содержащая въ себѣ герты изъ Русской исторіи, разныхъ повѣсти, разговоры, анекдоты, стихотворенія, сказки и пр., составленная на 1836 годъ Б. Федоровымъ. Изд. бр. книгопр. Матвѣя и Михайла Заикиныхъ. С. П. б. 1836 г. — Ц. 8 р.,

съ 8-ю прекрасно-иллюминированными картинками.

Вопъ хорошенькая книжка, дѣлающая честь и автору и издателямъ, гг. братьямъ Заикинымъ, уже споль извѣстнымъ изданіемъ множества по содержанию изящныхъ, опрятныхъ и полезныхъ для юношества книжекъ. Чпобъ ознакомить васъ съ эпимъ изданіемъ, всего справедливѣе выпи-сать заманчивое оглавленіе. Вопъ оно: *Дѣтскій павильонъ* (съ карпинкою). — *Два вѣка Россійской Исторіи* (надписи къ портретамъ Государей). — *Евдокія Лукьяновна Стрѣшневая* (съ карпинкою). — *Александровская колонна* (съ карпинкою). — *Происшествіе на Лахтѣ* (съ карпинкою). — *Петръ Великій въ Воронежѣ*, (съ карпинкою). — *Стахи внищенской Благотворительницы*. — *Близокъ Господь всѣмъ Его призывающимъ*. — *Привѣтъ доброму отцу отъ дѣтей*. — *Загадки*. — *Воспоминанія о Николаѣ Михайловичѣ Карамзинѣ* (съ карпинкою). — *Молитва малютки*. — *Глобусъ*. — *Надменная Благочестивый пастухъ*. — *Нищенская*. — *Необыкновенное блюдо*. — *Подкова*. — *Гвоздь*. — *Золотой кругчикъ*. — *Привидѣніе*. — *Наслѣдство*. — *Благочестивый принцъ*. — *Искатель сокровищъ*. — *Охотникъ и собака*. — *Друзья по смерти*. — (Послѣднія двѣнадцать спашей взяпы изъ *Шмидта*). — *Зимнее платье и мошь*, разговоръ опца съ сыномъ, изъ *Жофрета*. — *Ловкая Филета*. — *Возвращенная пропажа*. — *Бишь, собака Фридриха великаго* (съ карпинкою). — *Спасенныя дѣти*. — *Швейцарскія собаки монастыря С. Готарда*. — *Предусмотрительность*. — *Драйденова собака*. — *Мститель за убійство*. — (Послѣднія 8 спашей взяпы изъ любопытной книги: *Les animaux célèbres*). — *Дѣль молитвы* (спихопв.). *Восточныя повѣсти*: 1) *Замыгательность*. — 2) *Доля на глыбахъ соли*. — 3) *Нарушенное завѣщаніе*. — 4) *Ограниченность знанія*. — *Пѣсня Уральскихъ казаковъ*. — *Вѣнокъ, или кто больше любитъ родныхъ* (театральная пьеска). — *Три Осина* (сказка, съ карпинкою). — *Курятникъ* (басня). — *Пастухъ и незнакомецъ*. — *Игра въ командиры* (спихопвореніе). — Карпинки весьма хорошо сдѣланы, изданіе изящное и не дорогое, а нѣкоторыя изъ спашей — именно спашья историческія, верхъ совершенства въ своемъ родѣ; — опъ нихъ вѣщъ чѣмъ-то Русскимъ,

чѣмъ-то добрымъ, прекраснымъ, и ихъ-то можно чипать и перечипывать всегда съ равнымъ наслажденіемъ. Рекомендуемъ эту книгу наравнѣ съ книгою г. *Бурьянова: Прогулка съ дѣтлми по зеленому шару*, копорая; не смотря на голословныя хулы извѣснаго господина *В. В. В.* въ первой книжкѣ *С. О.*, можемъ спать наравнѣ съ лучшими произведеніями въ этомъ родѣ. — Говоря о книгахъ, изданныхъ къ праздникамъ для дѣшей, мы не можемъ не упомянуть о *Дѣтсколь театрѣ* пого же г. *Федорова*, изданномъ содержащемъ богатой и разнообразной игрушечной лавки, г. *Патровилль*, копорый, какъ говоритъ г. *Булгаринъ*, по сосѣдству съ продавцами книгъ, вздумалъ издавать дѣтскія книги. У г. *Патрова* прекрасная игрушечная лавка, въ копорой много очень хорошо устроенныхъ дѣтскихъ театриковъ; вопн на эшихъ-то театрикахъ, бумажными актѣриками, могутъ быть разыгрываемы пѣськи, копорыхъ г. *Федоровъ* помѣспилъ штукъ до сорока. Издатель на каждыя двѣ пѣски прибавилъ по карпикѣ, довольно изрядно-сдѣланной и цлюминованной, но во всякомъ случаѣ эти карпикки несравненно ниже пѣхъ, копорыя прилежены къ книжкѣ гг. *Зайкиныхъ*, умбующихъ изящно и прекрасно издавать книги для юношества.

Б.

М О Д Е С.

Il vient d'apparaître, une nouveauté dont rien jusqu'à présent n'avait donné l'idée; c'est une gaze-dentelle à larges rayures. La plus large raye est à jour et imite, pour le travail et le dessin, le point d'autrefois. La raie qui alterne avec celle-ci, est en satin, bleu, vert ou rose, brochée de blanc à petits bouquets, détachés ou guirlandes de feuilles; c'est une étoffe de la plus grande légèreté, du meilleur goût, du luxe le plus recherché qui se puisse voir pour robes de bal. On doit les garnir de blonde ou ornemens de satin. La gaze-dentelle et la gaze noire brochée, à effets or et argent, ne craignent point de rivales. Les magasins de M. *Brousse* contiennent aussi un mer-

veilleux assortiment de belles étoffes unies et façonnées, *satins brochés et unis, roses, bleus, blancs, brocarts et Pompadours* brodés; *velours noirs* et de toutes nuances riches; *organdis* brodés et brochés; *chinas imprimés et mousselines-cachenires*, à petits dessins pour robes d'enfants, *écharpes et fichus* pour soirées; du *crêpe de Chine* extraordinaire pour sa beauté, des cache-mires des Indes et de France de la plus grande beauté.

Adieu, chère sœur; encore ce mois, et je vous dirai *bonjour, bon an*, et il y aura douze lunes que j'ai commencé cette correspondance. Comme la vie passe! Bonne ou mauvaise, elle court sans qu'on puisse jamais rattraper chaque attrait qu'elle nous dérobe, c'est un beau sujet de méditation!... Je le laisse à de plus habiles que moi. — *Sarah*.

М О Д Ы.

Показалась новостъ, о копорой мы до сего времени не имѣли никакого понятія; это *кружевной газъ* съ широкими полосами: широкая полоса прозрачная и подражаетъ, по работѣ и узору, прежнимъ кружевамъ; полоса перемѣняющаяся съ нею апласная, голубая, зеленая или розовая, зашканчал бѣлымъ маленькими опдѣльными букетами или гирландами изъ лиспьевъ. Эта матерія чрезвычайно легка, хорошаго вкуса и изысканнѣйшей роскоши для бальныхъ платьевъ. Ихъ надо опдѣловать апласомъ или блондою. Кружевной газъ и черный газъ, зашканный серебромъ или золотомъ, не опасаются соперниковъ. Въ магазинахъ г-на *Brousse* заключается отличное собраніе гладкихъ и узорчатыхъ тканей, гладкіе и зашканные апдасы, розовые, голубые, бѣлые шпифы и помпадуры вышитые; бархаты черные и всѣхъ лучшихъ цвѣтовъ; органди вышитые и зашканные; *chinas* печатные и кисей кашемировыя, съ мелкими узорами, для дѣтскихъ платьевъ; плапочки и шарфы для вечеровъ; Китайской крепъ необыкновенно красивый; также Индѣйскіе и Французскіе кашемиры.

Прощай, любезная сестра; еще мѣсяць, и я скажу тебѣ *bonjour, bon an*, и будетъ уже двѣнадцать мѣсяцовъ, какъ я начала съ тобою эту переписку. Какъ проходитъ жизнь! Хорошая или дурная, она бѣжитъ такъ, что нельзя схватить ни одной прелести, копорая она уноситъ; это прекрасный предметъ для размышленія! Я оставляю его искуснѣйшимъ, нежели я. — *Sara*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 6.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Января 18 дня 1856 года.

Привычка свыше намъ дана:
Замѣна щастію она.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РАСКАЛЕННАЯ КЕЛЬЯ.

(Повѣсть.)

Венеція!—Какое волшебство въ этомъ имени для романшиковъ. Гладко причесанные волосы ихъ спановятся дыбомъ; перо самага обстрѣленнаго писателя дрожитъ въ рукѣ его, и жидкость, наполняющая его чернилицу, густыми волнами плещетъ на бумагу. Венеція!—Слово это есть опголосокъ тысячи разныхъ былей и небылицъ, тысячи явныхъ и тайныхъ злодѣній, совершенныхъ въ мрачныхъ стѣнахъ ея. Произнесите его, и передъ вами закружатся вдругъ странныя видѣнія, замелькаютъ чѣрные гондолы, запляшутъ красныя маски, блеснутъ мечи, зазвенятъ цѣпи, заскрипятъ орудія пытки. Вы смотрите и содрогаетесь, не понимая, что всё это значитъ.

Зачѣмъ эта гордая царица морей, копорая, какъ сказываютъ, въ одно прекрасное утро выплыла изъ нѣдра воды, не оставила на днѣ ихъ всѣ будущія поколѣнія романшиковъ, копорыя въ послѣдствіи времени,

такъ безсовѣстно, исказили Легенды ея своими нелѣпыми сказками?

Посмотримъ, можетъ быть, слѣдующая повѣсть будетъ немного правдоподобнѣе другихъ.

—Правда твоя, *Сперанца*; завтра эти гордыя палаты освѣтятся огнями; тамъ раздастся музыка и заслушаютъ золотыя кубки и стаканы; туда на пиръ придетъ въ гондолахъ вся Венеція; но божье крыльми льва.... И старый гондольеръ вдругъ замолчалъ, бросивъ значительный взглядъ на красныя стѣны герцогскаго дворца. —

«Ну право, батюшка, молодой господинъ мой хопъ и повѣса; но къ нему какъ-то больше сердце лежитъ. Онъ конечно большой волокита, да по крайней мѣрѣ не лицемеръ; вся республика знаетъ о его шашняхъ, и Богъ знаетъ, что говоритъ о немъ въ народѣ. Вчера видѣлъ я, какъ онъ смотрѣлъ изъ гондолы на какихъ-то госпожъ, точно какъ бы...»

—Ну, ну! разболтался! Полно; мы слуги не должны говорить о господахъ нашихъ... Что, если герцогъ тебя подслушаетъ? Знаешь тебѣ хочется, чтобы и тебя свели туда,

гдѣ жарче, чѣмъ на эпихъ раскалившихся камняхъ въ самой знойный полдень? Не забудь, что было съ поварихею своимъ *Миоланою*, за то, что онъ слишкомъ зоркими глазами разсмотрѣлъ золотую спрѣлу въ волосахъ молодой дѣвушки.—*Раскаленная келья* недалеко.—

«Но вѣдь *Миолано* служилъ не у герцога Антонія *Риголи*; припомъ же, бабюшка, кто знаетъ, его ли было это обгорѣлое и изуродованное тѣло, которое мы на дняхъ вытащили изъ канала.»

—А! ты еще не увѣренъ въ этомъ! Ну смотри! чтобы и тебѣ не побываешь въ раскаленной келье; я-таки не люблю жару; — прощай, спрашиваю тебѣ гондолу.—

И старый гондольеръ прыгнувъ въ черную, красивую лодку свою, ударилъ весломъ и въ одну минуту удался отъ мраморныхъ ступеней княжескихъ палатъ.

Сынъ его былъ молодой, здоровый малой, котораго черты представляли рѣдкій образецъ правильности и красоты; но въ физиономіи и взглядѣ его было какое-то пайное и ужасное предвѣщаніе.—Онъ снялъ шляпу свою съ широкими полями, и махалъ ею себѣ въ лицо, чтобы освѣжиться отъ жару.

—Тюрма, смерть — можетъ спастись — бормоталъ онъ про себя; — но все таки я не перестану говорить правду; да и какъ не сказать, что этотъ старый грѣховодникъ, графъ *Морентали*, который выдаетъ дочь свою за известнаго дуэлиста *Лоренцо*, долженъ благодарить меня за то, что я никому не рассказалъ пайны его? О! конечно, онъ щедро наградитъ меня за это, или госпепримныя воропа герцогскихъ палатъ ошворятся и для меня, какъ для бѣднаго *Миолано*.... Правду сказать, это не совсемъ приятно; да что-жъ мнѣ дѣлать, если я не могъ закрыть глазъ своихъ и не видаешь того, что произошло среди бѣлаго дня? Знающій вельможа приходитъ къ соседкѣ моей, бѣдной больной женщины; говоритъ съ нею милоспиво, ... Добрый, жалоспливый господинъ! подумалъ я... Вотъ онъ вынимаетъ у дверей кошелекъ, чтобы дать ей нѣсколько денегъ — въ это время

маска падаетъ съ его лица и я узнаю графа *Морентали*! О! тогда.... клянусь пресвятымъ *Маркомъ*, я желалъ бы... —

«Чего?» спросилъ кто-то въ маскѣ, который въ эту минуту подошелъ къ гондолѣ.

—А вотъ, сударь, свесни когонибудь, куда я жду здѣсь господина своего, и получишь скольконибудь деньжонокъ, которыхъ были бы не лишніи въ карманѣ моемъ и повеселили бы мнѣ сердце.—

«А кто этотъ щаспливый господинъ, который имѣетъ въ тебѣ такого честнаго и молчаливаго гондольера?»

—Надобно быть иностранцу, чтобы не узнать ливрей его свѣтлости герцога Антонія *Риголи*! —

«Да, я таки и не здѣшній; слушай, дружокъ, я еще не знаю вашего прекраснаго города, повози меня мимо его лучшихъ улицъ, и я щедро заплачу тебѣ. Дорогою ты расскажешь мнѣ кое-что про господъ, которыми принадлежатъ эти великолѣпныя дома.»

Гондола быстро скользнула по водамъ канала; — незнакомецъ небрежно лежалъ на подушкахъ, подъ шелковымъ навѣсомъ лодки, и любовался зданіями, возвышавшимися по берегамъ.

«Какія прекрасныя палаты!» сказалъ онъ наконецъ, проѣжая мимо одного великолѣпнаго дома. «Не знаешь ли, кому принадлежатъ онъ?»

Онъ говорилъ о высокомъ дворцѣ изъ розоваго гранита съ большими округленными окнами, среди каждаго этажа украшенными рѣзьбою и прекрасною лѣпною работою. Длинная тераса возвышалась надъ двумя мраморными крыльцами, по которымъ входили только знатныя особы. По обѣимъ же концамъ спроенія были два низкія подъѣзда; наравнѣ съ каналомъ и подъ ихъ темными сводами протекала вода. Огромныя трубы, которыхъ спояли какъ высокія башни на желѣзной крышкѣ зданія и зеленые сквозные ставни почти у всѣхъ оконъ — доказывали, что это было жилище знатнаго и богатаго человека.

— Это дворець герцога *Морентали*, — оп-
вѣчалъ гондольеръ.

«Я слыхалъ имя эпо... А чпо говорятъ
объ эпомъ графъ *Морентали*?»

— Не мнѣ, бѣдняку, знашь о такихъ боль-
шихъ господахъ, сударь. —

«Ну, ну! будь искреннѣе. Мнѣ нѣтъ ни-
какой нужды, знашь, чпо дѣлаетъ *Морента-
ли*, но ты возбудишь мое любопытство, и
пеперь я не опспану опъ тебѣ, пока ты
не расскажешь мнѣ кое-чего объ эпомъ графъ.»

— Да общаешься ли вы мнѣ никому не
пересказывать того, чпо услышите? —

«О, у меня такая память, чпо я завтра
же всё позабуду... вопъ тебѣ задапокъ
моего молчанія.»

— Благодарю, сударь, низжайше благодарю
васъ, — сказалъ гондольеръ, принимая золо-
тую монету. — Я могу вамъ сказать о гра-
фѣ только то, чпо онъ ужасно гордъ и
жестокъ; про богатство его знаетъ вся
Венеція и о жестокости нельзя сомнѣваться
тѣму, кпо видѣлъ яшло одного изъ по-
варищей моихъ, котораго онъ варварски
уморилъ въ шюрмѣ герцогскихъ паламъ
за то, чпо эпотъ несчастный безъ всякаго
худаго умысла сказалъ слова два на щепъ
графскаго волокитства. —

«Какъ же узнали о смерти эпоаго гон-
дольера?»

— А вопъ, сударь, однажды я и опецъ мой
выпацили изъ канала яшло его; но оно такъ
обгорѣло, чпо не походило на образъ чело-
вѣческій. —

«И вѣрно добрые люди сбѣжались сме-
прѣшь, попому чпо, я думаю, подобныя
зрѣлища рѣдки въ Венеціи?»

— Никто, сударь, не видалъ, кромѣ насъ; и
такъ какъ эпо дѣло не наше, то мы и бро-
сили прудъ опашъ въ воду. —

«Я удивляюсь осторожности пвоей и бла-
горазумію... А чпо, эпотъ графъ женапъ?»

— Графиня умерла и опсавила двоихъ дѣ-
пей. Дочь его живетъ съ нимъ — и завтра
выходитъ за мужъ за *Лоренца Кастилио*, ко-

пораго называютъ *дуэлистомъ*. Въ цѣлой
Венеціи, сударь, нѣтъ такой красавицы. —

«А сынъ его?»

— А, вопъ о немъ-то, сударь, можно раз-
сказать цѣлую сказку. Онъ прехъ лѣтъ
опъ роду пропалъ безъ вѣспи; искали, иска-
ли — нѣтъ; сгинулъ да и только! иные го-
ворятъ, чпо онъ упалъ въ каналъ и попо-
нулъ; эпо мнѣ кажется очень вѣроятно. —

«А часто ли ты видалъ графа?»

— Ну не такъ-то, сударь... на дняхъ
однако я нечаянно повспрѣчалъ его. —

«Нечаянно? Какъ эпо?»

— Куда вы, сударь, любопытны! Впрочемъ,
какъ иностранцу, я охотно расскажу вамъ
то, чего бы не смѣлъ земляку прошептать
на ухо. — Вопъ видите ли: я живу вопъ въ
пой улицѣ, возлѣ церкви Божіей Матери,
которая видна опсюда. Противъ меня жи-
ветъ бѣдная спарушка съ дочерью; дѣвуш-
ка очень красива собою; по крайней мѣрѣ
она понравилась графу, такъ, чпо онъ про-
крался къ нимъ въ домъ и пробылъ тамъ
около часа. —

«Какъ же ты узналъ его; вѣдь онъ вѣро-
ятно былъ въ маскѣ; въ Венеціи безъ неѣ
не пускаются на похождения такого рода.»

— Да она и была на немъ, сударь. Какъ не
быть? Да вопъ чпо случилось. На крыльцѣ
онъ вынулъ изъ кошелька деньги, и такъ
неосторожно, чпо сронилъ еѣ съ лица — и
кажется онъ очень испугался, попому чпо
проворно надѣлъ еѣ опашъ. —

«Какъ же и не испугаться! люди его лѣтъ
и званія должны соблюдать пайну въ дѣ-
лахъ своихъ... Какъ ты думаешь, графъ
принимаетъ иностранцевъ?»

— Врядъ, сударь! Впрочемъ, если бы вы
ему велѣли сказать, чпо желаете посмо-
прѣшь свашбу молодой графини, то онъ
бы, я думаю, изъ учтивости допустилъ васъ
къ себѣ. —

«Я попробую. Поворопи гондолу, дружокъ,
и подвези меня къ графскимъ паламамъ...
вопъ тебѣ за пруды.»

И другая золотая монета опустилась въ карманъ гондольера, между тѣмъ, какъ онъ искусно поворочилъ лодку и причалилъ къ перась.

— Къ которому подъѣзду, сударь? —

«О! къ заднему... по которому входящъ слуги.»

Гондола подплыла подъ тѣмный сводъ и остановилась у внутренней лѣспницы. — Незнакомецъ вышелъ.

— Извольте, сударь, идти прямо, потомъ поворочите направо, тамъ вы найдете приврашика, который проводитъ васъ до графскихъ комнатъ.—

«Благодарю!»

Вдругъ отворились двери, и яркій свѣтъ фонарей освѣтилъ лицо знакольца. Онъ снялъ маску, и блѣдный гондольеръ задрожалъ, встрѣпивъ смертоносный взглядъ грознаго *Морентали*. Въ самую эту минуту заскрипѣла желѣзная рѣшетка—и ворота подъѣзда зашвортились. Графъ сдѣлалъ знакъ людямъ своимъ, которые поспѣшась окружили несчастнаго *Сперанца*.

«Гондолу отшполкните дальше, а этого человека опведице въ тюрьму;» сказалъ онъ, не удостоивъ даже взглянуть на гондольера.

Графиня *Юлиа* сидѣла въ пышной комнатѣ своей, передъ зеркаломъ удивительной величины, вѣланнымъ въ золотую раму, на которой рука художника вырѣзала прекрасные цвѣты; мраморный, мозаическій столъ, былъ покрытъ всеми блестящими бездѣлками, которыя служатъ для туалета молодой и знатной Италіанки; золотыя курительницы наполняли воздухъ благоуханіемъ. *Юлиа* пихимъ голосомъ пѣла какой-то унылый восточный романсъ, и молодая дѣвушка, прислонясь къ софѣ, на которой сидѣла госпожа ея, подыгрывала ей на гитарѣ; другая расчесывала ея длинные черные волосы и украшала ихъ дорогими каменьями; обѣ дѣвушки были прелесны; но ничто не могло равняться съ небесною красотою *Юли*. — Она была олицетворенная мечта поэзіи —

идеаль мышленнаго совершенства, облеченный въ вещественныя формы.

Но *Юлиа* плакала. О чемъ грустила она? Неужли о томъ, что завтра должна была идти подъ вѣнецъ? Неужли мысль о замужествѣ, о балахъ, праздникахъ, которая кружила головы всѣхъ почши дѣвицъ въ Венеціи, приводила ея въ такое отчаяніе? О! нѣтъ, вѣрно она вспоминала о страшныхъ крикахъ несчастнаго спрадальца, которые слышала однажды, проходя черезъ длинныя галереи герцогскихъ палатъ. Она отстала отъ подругъ своихъ, и не зная дороги, блуждала одна по неизвѣстнымъ ей переходамъ, какъ вдругъ кто-то закричалъ раздрающимъ душу голосомъ: Воды—ради Бога—одну каплю воды! Вотъ о чемъ плакала она такъ горько; а впрочемъ можетъ быть и о томъ только, что вѣнчальное платье было ей не совсѣмъ по вкусу.

Клавдина убрала госпожу свою.

«Ты можешь уйти,» сказала *Юлиа* послѣ кликну шебя; ты, *Марія*, опасаешься со мною.»

— Господи! какъ вы грусны, сударыня; кто бы сказалъ, что завтра лучший день вашей жизни? О, если бы я была на вашемъ мѣстѣ, то я бы казался цѣлый мѣсяць пѣла и плясала отъ радости.—

«Ты дуручка, *Марія*...» отвѣчала графиня въ разсѣяніи.

— Я не смѣю спросить, отъ чего вы такъ печальны, сударыня?—

«Я печальна — очень печальна, *Марія*; о если бы я могла сказать тебѣ отъ чего!» И слѣзы градомъ брызнули изъ глазъ ея.

Марія, глядя на неѣ, сама заплакала и съ пѣжностію Прижала ея къ своему сердцу.— Въ эту минуту вошелъ графъ къ дочери.

«*Юлиа*! ты мнѣ кажешься плаченъ? это что значить? полно, полно! прогони грусть и одѣвайся поскорѣе, я жду тебя, чтобъ ѣхать смотрѣть на бѣгъ гондоль... Если ты еще промѣшкаешь, мы не заспанемъ ничего и награды раздадутъ побѣдителямъ безъ насъ.»

— Батюшка, позвольте мнѣ остаться дома, мнѣ право не хочется никуда ѣхать.—

«Эпо одно женское своенравіе — и я не намѣренъ угождать ему. Ты знаешь, что *Лоренцо* самъ хотѣлъ заѣхать сюда, чтобы проводить тебя; но я, желая избавить его отъ эшаго труда, сказала, что самъ поѣду съ тобою.»

— Батюшка, сдѣлайте милость, увольте меня отъ эшаго на сегодняшний день.—

«Ни за что не уволю; я не люблю капризовъ, слышишь ли? Впрочемъ, я пришлю къ тебѣ *Лоренцо*: можетъ быть эпотъ молодой щеголь имѣетъ больше власти надъ тобою, нежели старый отецъ твой. Онъ спанетъ на колыни, будетъ просить, умолять; пользуйся его покорностью, пока онъ еще не мужъ тебѣ. Съ завтрашняго дня онъ переспанетъ быть робкимъ любовникомъ.»

И онъ вышелъ, сдѣлавъ движеніе, которое обнаружило досаду его и неперенѣніе.

— Пусть *Лоренцо* войдетъ, если хочетъ: для бѣдной *Юли* всё равно;— сказала графиня: но мнѣ надобно одѣться, чтобы онъ не заспалъ меня такъ;— прибавила она съ горькою улыбкою и со слезами на глазахъ.

Теперь мы перенесемся въ тайную камеру инквизиціи.

Эпо была огромная зала безъ оконъ, освѣщенная одними лампами, привѣшенными къ потолоку, такъ, что мѣста судей оставались въ совершенной темнотѣ, между тѣмъ, какъ весь свѣтъ упалъ на пространство, отдѣленное рѣшеткою, гдѣ сполать обвиненный. Стѣны плотно законопаченныя и обитыя черною матеріею, полъ, оббитый сукномъ, на которомъ не отдавались шаги ходящихъ, и при крѣпкія желѣзныя двери, завѣшенныя гардинами— всё здѣсь было расположено такъ, чтобы ни одинъ стоупъ несчастнаго, ни одинъ крикъ страдальца, не могъ быть услышанъ въ залы. Глубокая тайна скрывала въ этихъ мрачныхъ сводахъ все тѣ ужасы, которыхъ одинъ видъ, говорили жители Венеціи, былъ

бы мучительною пышкою для того, кто бы посмотрѣлъ на нихъ, разумѣется не будучи палачемъ или членомъ Венеціанскаго совѣща *Десяти*—для которыхъ такая каршина была вещь самая обыкновенная.

Попаенная дверь, закрывая обоями, вела въ другую залу, гдѣ были разставлены все орудія пышки, вымышленныя варварствомъ сильной и прищѣснительной аристокраціи. Часъ пола въ первой камерѣ, на помѣ мѣстѣ, гдѣ спановился арестантъ, опускалась посредствомъ механизма и — несчастный, измученный пышками, вдругъ падалъ въ глубокую яму, и тамъ тяжестью своею приводилъ въ движеніе другую адскую машину, которая, обхвативъ его острыми спицами, раздирала тѣло его на части. Еще одна дверь, также искусно скрытая въ стѣнѣ, отворялась на круглую лѣстницу, по которой осужденнаго вводили въ раскаленную келью — небольшую комнату съ поломъ и стѣнами изъ желѣзныхъ плитъ, и выстроенную надъ огромною печью. Когда плиты раскалялись отъ огня — тогда несчастный, приговоренный къ эшой варварской казни, терпѣлъ муки несказанныя, увеличиваемыя еще холоднымъ мраморомъ, который скользилъ по членамъ его, и ледянымъ дождемъ, лившимся на него сверху. Терзаемый этими двумя противоположными пышками, онъ бился во все стороны — скрежеталъ зубами, выпускалъ страшные вопли и, наконецъ глубокое молчаніе извѣщало надсмотрщика, что страдалецъ упокоился навѣки; тогда въ одной части кельи открывался спускъ, по которому обезображенный трупъ скатывался въ пропасть, и передавался оптуда волнамъ какала. Гондольеръ *Миоло* былъ послѣдній жертва, погибшая въ раскаленной кельѣ, передъ тѣмъ, какъ товарищъ его *Сперанцо* приведенъ былъ въ тайное судилище.

На эпотъ разъ графъ *Морентали* засѣдалъ тамъ одинъ — и, со всею пыгою роскошнаго Ипадіанца, лежалъ на бархатныхъ подушкахъ. Передъ нимъ свѣтъ лампъ освѣщаль, за рѣшеткою, двухъ, широкоплечихъ, роскошныхъ палачей, у которыхъ руки были обнажены, а лица закрыты масками.

«Введите арестанта,» сказалъ онъ, — и скриванный, блѣдный какъ смерть *Сперанца*, припаденъ былъ въ залу.

«А! наконецъ ты здѣсь, дружокъ! — Ну что, не расскажешь ли мнѣ еще чего нибудь?» сказалъ онъ съ адскою усмѣшкою.

— Ваше сіятельство! ваше сіятельство..., завопилъ блѣдный гондольеръ, устремля на него глаза свои... и задыхаясь отъ страха, не могъ больше выговорить ни слова.

«О, ты не знаешь еще всего,» продолжалъ графъ: «жалъ только, что ужъ не расскажешь никому того, что увидишь.»

— Однакожь, ваше сіятельство, — я принадлежу герцогу *Риголи*. —

«Я эпаго не позабылъ, и потому еще увеличу награду, которую готовлю твоимъ рѣдкимъ достоинствомъ. — Не ужли думаешь ты, что *Риголи*, эпомъ въпреный мальчишка, придетъ и выхватитъ тебя отсюда? — Нѣтъ, дружокъ, этому не бываешь, да я также и не допущу его до неприятности — найми тѣло твое въ каналъ. Тупъ подъ самыми твоими ногами есть пропасть, въ которой ты исчезнешъ въ одну минушу, — и она не ведетъ къ морю.»

— О, помилуйте! — помилуйте, ради Христа небеснаго! ради того, которому поклоняются всѣ Христиане. —

«А! угрозы не удались, такъ принялся за просьбу! — Дай ка лучше раздѣль себя вопъ эшимъ молодцамъ; тебѣ безъ пламня будетъ легче и покойнѣе. — Теперь, дружокъ, мы познакомимъ тебя съ забавами, о которыхъ ты еще понятія не имѣешь.»

Онъ махнулъ рукою — и съ несчастнаго сдернули желѣза и верхнее платье.

«Слушай, *Сперанца*! я хочу знать, что тебѣ больше нравится: баня — въ которой недавно еще парился поварищъ твой *Миолано*, — знаешь потъ, что разсмотрѣлъ на головѣ молодой дѣвушки уборъ, который одинъ знатный вельможа подарилъ ей, — или другая какая пышка — для меня всё равно, и я только желаю угодить тебѣ. Въдъ ты выпалилъ изъ воды тѣло *Миолано*, слѣдова-

тельно можешь судить о его спрэданияхъ; я самъ видѣлъ ихъ, и могу сказать, что они дѣлаютъ честь нашимъ машинамъ. Онъ кричалъ и мучился долго и ужасно... Ну что, чувствуешь ли ты въ себѣ довольно бодрости и соревнованія, чтобы попробовать того же?»

Барварскій смѣхъ послѣдовалъ за эпими ужасными словами, и блѣдный гондольеръ, выскользнувъ изъ рукъ палачей, упалъ безъ чувствъ на полъ и ударился головою о рѣшешку.

«Презрѣнная пварь!» сказалъ *Морентали*: «Я не хочу пытать его въ эпомъ положеніи, выпатице его отсюда и призовице лекаря, — въ другой разъ мы съ нимъ справимся!»

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

МОРСКІЯ СИЛЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

6 комисаровъ, въ должностяхъ великихъ адмираловъ прехъ соединенныхъ королевствъ.

1 адмиралъ по флоту.

44 адмирала; изъ нихъ: 10 краснаго флага, 10 бѣлаго, 18 синяго.

53 вице-адмирала; изъ нихъ: 16 краснаго флага, 17 бѣлаго, 19 синяго.

64 конпръ-адмирала: 17 краснаго флага, 20 бѣлаго, 27 синяго.

43 конпръ-адмирала на половинномъ жалованьѣ.

786 капитановъ; изъ нихъ 100 на половинномъ жалованьѣ, то есть, получаютъ по 18 р. 25 копѣекъ въ сущки; 149 по 15 р. 75 коп.; 537 на обыкновенномъ.

877 командоровъ; изъ нихъ 150 на половинномъ жалованьѣ по 12 р. 60 коп. въ сущки; 727 на обыкновенномъ.

279 капитановъ второго ранга.

3,172 лейтенанта; изъ нихъ 2,353 чел. на полномъ жалованьѣ; 119 получаютъ по 8 р. 80 коп.; 700 по 7 р. 55 копѣекъ въ сущки.

487 мастеровъ (masters): 187 на полномъ жалованьѣ, 100 на половинномъ, 200 получаютъ по 7 р. 55 копѣекъ въ сущки.

620 квартермистровъ: 325 на полномъ, 100 на половинномъ жалованьѣ и 200 получаютъ по 5 р. 5 копѣекъ въ сущки.

1,088 медиковъ, лекарей, хирурговъ, аптекарей.
63 священника; изъ нихъ 35 въ дѣйствительной службѣ,
а 28 числялся по флоту.

Военныхъ кораблей 557; изъ нихъ :

22 корабля имѣють болѣе 100 пушекъ.

99 кораблей 74-хъ-пушечныхъ и свыше.

104 корабля 42-хъ-пушечныхъ и болѣе.

24 парохода.

310 разныхъ судовъ, начиная съ 4-хъ-пушечныхъ до 30-ти пушечныхъ.

На флотѣ 20,000 матросовъ и 9,000 чел.

Королевскихъ экипажей, состоящихъ 102 роты, а именно:

1 дивизія въ Чапамъ 26 ротъ.

2 — — — Портсмутъ 29 —

3 — — — Плимутъ 27 —

4 — — — Вудичъ 17 —

Королевская морская артиллерія въ Портсмутъ. 2 —

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

34.

Сынъ Отечества, старшій всѣхъ Русскихъ журналовъ, попалъ, наконецъ, въ добрыя руки и, можно надѣяться, что онъ, подъ руководствомъ законныхъ своихъ издавателей, возвратитъ утраченный блескъ и прежнюю славу.

Въ 1834-мъ и 1835-мъ годахъ онъ издавался г. *Огкинымъ*, а потому и немудрено, что пришелъ въ упадокъ. Трудолюбивый и искусный переводчикъ, г. *Огкинъ*, самъ въ цѣлый вѣкъ свой не сочинилъ ни строки, кромѣ объявленій о продолженіи журнала и о томъ, что всё обстоитъ благополучно. Французы сказали бы о немъ: Il est fort pour l'annonce. А почему я такъ мыслю, тому представляю доказательствъ: однимъ изъ отличнейшихъ достоинствъ *Сына Отечества* при *Грегль*, *Булгаринъ* и, въ 1820 и 1821-мъ, при *Воейковъ*, была подробная, отчетливая, на непреложныхъ законахъ ума и вкуса основанная критика (*). Г. *Огкинъ* не готовился

(*) *Исторія* изящныхъ искусствъ показываетъ, что уже сдѣлано, а *Теорія*—какъ долженствовуетъ искусство совершаться. И та и другая неполны и недоста-

къ разборамъ книгъ, а потому уничтожилъ сіе занимательное и полезное отдѣленіе: это первая причина упадка журнала. Онъ началъ помѣщать въ С. О. повѣсти à la *Поль-де-Кокъ*; дамы перестали читать его, а спешные мужчины приговорили на уничтоженіе, точно такъ, какъ *Записки долового*, *Фантастическія путешествія барона Браубеуса* и творенія геніальныхъ сотрудниковъ его *Грановскаго*, *Савельева*, *Тимофьева*, *Гогиева*, *Банникова*: вопъ впрочемъ причина сухотки, въ которую впалъ было *Сынъ Отечества*. Третья—запоздавшее помѣщеніе въ немъ выписокъ изъ Высочайшихъ военныхъ Приказовъ и Указовъ, послѣ того, какъ сіи Приказы и Указы были уже за двѣ недѣли прежде вполне напечатаны въ Сенатскихъ, Академическихъ и Московскихъ вѣдомостяхъ, въ Русскомъ Инвалидѣ, и въ масперскомъ сокращеніи, сжатые, представлены публикѣ въ *Св. Пчелъ*. Эта послѣдняя причина упадка, до котораго посторонній Редакторъ довелъ было журналъ, начавшій въ 1812-мъ году, въ славную эпоху народной нашей славы и, по этому одному, уже драгоценный для всякаго Россіянина, — важна не менѣе двухъ первыхъ!

А. Кораблинскій.

4 Января
1836.

Въ No 5-мъ, помѣщенная шарада значить: *Пол-тина*.

M O D E S.

C'est ce soir, à minuit, que commence l'année 1836, ma chère sœur: je vous souhaite donc, à cette occasion, à vous et à tous ceux qui liront cette lettre, tout ce que vous pouvez désirer de plus agréable: aux femmes, la paix du ménage; aux jeunes filles, un bon mariage; aux hommes . . . que leur souhaiter? . . . La Providence a tant fait pour eux, en force, en santé et en puissance, qu'elle ne m'a laissé qu'un vœu à former pour leur compte, c'est: *Le paradis à la fin de leurs jours*.

почны безъ посредника: *Критика* есть эпоха посредникъ! Она изыясняетъ *Исторію* Искусства и оплодотворяетъ *Теорію*. Сравнительное изученіе творений духа человѣческаго руководитъ насъ самихъ въ созданіи художественныхъ произведеній.—К.

Savez-vous quel est celui (le paradis) des femmes de Paris dans ce moment? celui dont elles ne sortent que chargées d'élémens de bonheur et de jouissances pour bien des heures de leur vie? Eh bien! leur paradis d'aujourd'hui, c'est... les magasins de M. *Delisle*, de M. *Delisle*, auquel elles doivent une partie de ces succès qui les rendent si fières et si heureuses, de M. *Delisle*, dont l'imagination crée pour elles ces ravissantes étoffes, si soyeuses, si légères, aux couleurs diaphanes et chatoyantes. Certes, si M. *Delisle* a droit aux bénédictions de tous les ouvriers dont son immense industrie assure l'existence, les femmes doivent lui tresser des couronnes, pour le soin qu'il met à les embellir: j'aurais voulu vous avoir avec moi hier pour examiner, de concert avec vous, les innombrables nouveautés que contiennent ses belles galeries. Pour vous citer les plus remarquables, je vous parlerai: du *satin Semiramide* broché en argent sur satin rose, bleu, blanc, or sur blanc; dessin à guirlande très légère; le travail est si admirable, si bien fondu avec l'étoffe, qu'on ne sait comment on a pu atteindre une telle perfection, cette étoffe est pour robes de cour; les plus jolies, à mon avis, sont bleues et argent... les plis forment à la vue comme une image de l'azur du ciel, sur lequel un vent léger chasse des nuages argentés; une femme blonde, avec de beaux yeux bleus, une taille svelte et une telle robe, doit sembler un ange, venant en céleste mission. Le *velours Médicis* qui est une étoffe qui ne vient que d'apparaître, et, à mon avis, une des plus gracieuses inventions de l'année. Le travail est celui du *velours épinglé*, mais en travers. Le dessin est courant, la fleur brochée, couleur sur couleur et lisérée d'une couleur différente. Les couleurs qui m'ont paru faire le plus d'effet sont *vert foncé* sur *vert plus clair*, *Emma* et blanc. Cette étoffe, qui a tous les reflets du velours, a de plus le mérite d'être d'un soyeux des plus doux.

М О Д Ы.

Сегодня, въ полночь, начинается 1836-й годъ, любезная сестра; а потому и желаю, съ наступленіемъ его, тебѣ и всемъ, кто будетъ читать письмо это, всего наилучшаго, чего вы можете желать: женщинамъ спокойствія семейнаго; молодымъ дѣвушкамъ щасливаго замужства; мужчинамъ... чего имъ желать?... Провидѣніе все

имъ дало—силу, здоровье, могущество; оно оставило мнѣ одно желаніе для нихъ: *быть въ раю по окончаніи жизни.*

Знаешь ли, въ чемъ состоить онъ (рай) теперь для Парижанокъ? Изъ него онъ не иначе выходитъ, какъ упоенный удовольствіями и наслажденіями на нѣсколько часовъ ихъ жизни! Наконецъ, ихъ шеперешній рай, это магазинъ г-на *Делиль*, которому онъ обязанъ частію за успѣхи, дѣлающіе ихъ столь гордыми и столь щасливыми; г-на *Делиль*, воображеніе котораго творить для нихъ эти прелестныя шелковыя легкія ткани — прозрачныхъ съ опливомъ цвѣтовъ. Конечно, г-нъ *Делиль* имѣетъ право на благословеніе работниковъ, получающихъ существованіе отъ его огромной промышленности; женщины должны плести ему вѣнки, за старанія, которыя онъ прилагаетъ къ ихъ украшенію: я хотѣла бы, чтобы ты была со мною, для разсмотрѣнія безчисленныхъ новостей, находящихся въ его прекрасныхъ галереяхъ, чтобы сказать тебѣ о самыхъ замѣчательныхъ; я назову: *атласъ-Семирамида*, атласъ голубой, розовый или бѣлый, затканый серебромъ, или бѣлый, затканый золотомъ; узоры самыми легкими гирляндами; работа такъ удивительна, такъ хорошо сливается съ матеріею, что трудно понять, какъ можно достигнуть такого совершенства. Эта матерія для придворныхъ платьевъ; самая красивая, по моему мнѣнію, голубая съ серебромъ... складки составляютъ на взглядъ видъ неба, по которому легкой вѣтеръ гонитъ серебристыя облака; блукарая женщина, съ прекрасными голубыми глазами, спрочинный спаномъ и въ такомъ платьѣ—должна казаться ангеломъ. *Бархатъ Медицисъ* только что показавшаяся матерія, и, какъ мнѣ кажется, самое красивое изобрѣтеніе нынѣшняго года. Выработана она какъ булавачатый бархатъ, но поперегъ: узоръ разводомъ, цвѣты затканые подъ цвѣтъ, съ обводкомъ другаго цвѣта. Цвѣта, показавшіеся мнѣ самыми видными, темно-зеленый по сѣтло-зеленому, *Эмма* и бѣлый. Эта матерія, имѣющая весь опливъ бархата, имѣетъ передъ нимъ по преимуществу, что она чрезвычайно шелковиста.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 7.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ЯНВАРЯ 22 ДНЯ 1856 ГОДА.

Онъ участь горькую несчастныхъ облегчалъ:
Прочтя его списки, спсрадалецъ насыпалъ.

Ивановъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РАЗСУЖДЕНІЕ.

*Которымъ доказывается, что въ природѣ пре-
красно только то, что кругло.*

Прекрасное не есть то, что желто, какъ думалъ покойный *Андіе*, и какъ думаютъ еще *Китайцы*.

Милое, привлекательное, обворожительное не происходитъ отъ пріятности въ движеніяхъ, въ головѣ, въ улыбкѣ или взорахъ, какъ полагаютъ женщины, придворные и молодые путешествующіе купчики (*commis-voyageurs*.)

Нѣтъ, прекрасное есть то, что кругло; милое, привлекательное, только то, что кругло; для совершенной красоты попребна круглость; чтобы быть любезну, милу, умну, надобно имѣть круглоту въ умѣ, въ движеніяхъ, въ мысляхъ.

Земля кругла—что лучше земли? Флейта кругла—что пріятнѣе флейты? ранеповое яблоко кругло—случилось ли вамъ кушать что нибудь слаще ранеповаго яблока?

Я встрѣчаюсь съ прохожимъ, онъ полкаетъ меня—я плачу ему шѣмъ же. Онъ

подымаетъ просьбу, я говорю: Волъ хорошо! Почему? Потому что просьбу его кругла.

Всѣ то, что правится глазамъ—что плѣняетъ чувства наши и сердце—всѣ это кругло: станъ женщины и форма монеты круглы.

Прекраснѣйшія женскія руки круглы—и вамъ пріятно цѣловать ихъ; червонцы круглы—и вы отъ того ихъ любите; если бы они были четверугольныя, вы бы не желали имѣть ихъ.

Когда-то помѣнилъ я въ *Модномъ журналь* спатью объ одномъ изъ друзей моихъ, котораго прозвали *Четвероугольникомъ*, отъ того, что эмотъ бѣднякъ помѣшался на квадратѣ, и въ немъ одномъ находилъ совершенство природы. Онъ умеръ—и вѣрно теперь раскаявается въ своемъ заблужденіи. Онъ узналъ наконецъ, что смерть четверугольна и спрашна, — а жизнь кругла, и потому прекрасна.

Я сказалъ, что смерть четверугольна, и докажу это. Могила имѣетъ всегда четыре перпендикулярныя стороны, равныя между собою.

Напрощивъ того жизнь кругла—и это я также докажу вамъ: что есть жизнь?—всѣ то, что образуешь правильный кругъ.

Самая вѣчность кругообразна. Великій Паскаль говоритъ о ней такъ: *Она есть кругъ, у котораго центръ вездѣ, но которому нѣтъ границы.*

Въ спарину на рыцарскихъ поприщахъ защищались отъ непріятеля щипомъ, и эпошъ щипъ былъ всегда круглый.

Славнѣйшіе рыцари среднихъ вѣковъ назывались рыцарями *Круглаго Стола.*

Очки, телескопы, микроскопы, всѣ прубки и прубочки, въ копорые смотришь въ на чудеса земли и неба, на очарованія театра—какіе они? Круглые.

Говорятъ онъ *кругль* въ дѣлахъ своихъ. — Что это значитъ? То, что эпошъ человекъ прямъ, сговорчивъ, честенъ — и обладаетъ всеми качествами: добраго и почтеннаго гражданина.

Что говоримъ мы о дородномъ весельчакѣ, который хорошо опобѣдалъ? — Какой онъ кругленькой!

Человекъ XIX столѣтія, эпошъ гордый питомецъ высшей образованности, чѣмъ прикрываетъ благородное чело свое? — Круглою шляпою.

Всѣ, что пишется, печатается, читается въ свѣтъ, и доставляетъ славу сочинителямъ, не есть ли произведеніе круглаго пера?

И такъ, читатели, я повторяю вамъ, что прекрасное есть только то, что кругло, и что милое, пріятное, совершенное въ природѣ, не можетъ существовать безъ круглости.

А если вы еще сомнѣваетесь въ эпошъ, то объявляю передъ природою, которая кругла, и передъ всеми людьми, одаренными круглою, что въ васъ умъ, мысли и душа четвероугольныя.

Т.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РАСКАЛЕННАЯ КЕЛЬЯ.

(Окончаніе.)

Прежде, нежели мы спанемъ продолжая повѣсть нашу, должно сказать нѣсколько словъ о характерѣ и жизни *Морентали.*

Родившись въ посредственномъ сословіи, онъ, какъ послѣдній въ родѣ, сдѣлался еще въ молодыхъ лѣтахъ наследникомъ пшпула графовъ *Морентали* съ богатыми ихъ помѣстьями. Такая необычайная смертность, похипившая одного за другимъ всѣхъ членовъ эпой знаменитой и древней фамиліи, сначала казалась спранною и навлекла подозрѣніе на новаго графа; но скоро знаменность его и богатство воспоржествовали надъ общимъ мнѣніемъ, и онъ женился на прекраснѣйшей женщинѣ во всей республикѣ. — Свадьба его была такъ великолѣпна, что о ней цѣлый мѣсяць говорили въ Венеціи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ жена его умерла, и онъ, не отказывая себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ жизни, обращалъ между пѣмъ природную дѣятельность свою на достиженіе важныхъ должностей въ республикѣ, и, съ помощію золота и неусыпнаго домогательства, былъ помѣщенъ въ совѣтъ *Десяти*, и такимъ образомъ сдѣлался членомъ эпого ужаснаго судилища, котораго имя одно заставляло препенать самыхъ опважныхъ и независимыхъ жителей Венеціи; но ни почести, ни могущество, не могли преслѣпить въ душѣ *Морентали* воспоминанія о нещастіи, случившемся въ домѣ его.

Однажды двое маленькихъ дѣтей его бѣгали по терасѣ замка и играли подъ надзоромъ няни, которая, засмотрѣвшись на плывшую мимо гондолу, забыла на минупу о дѣтяхъ... и въ эпо роковое мгновение маленькій *Адольфъ* вдругъ пропалъ съ терасы.

Нещастная, зная, чего она должна была ожидать отъ злаго и мспительнаго нрава господина своего, съ опчаянія бросилась въ воду. — Кромѣ еѣ никто не могъ сказать, что случилось съ бѣднымъ ребѣнкомъ — и съ пѣхъ поръ всѣ розыски и спаранія графа оспались щепными.

Одно спранное обстоятельство *живѣе*, нежели когда нибудь, пробудило въ *Морентали* скорбь о потерѣ его — и эпо случилось въ то время, когда онъ думалъ успроить судьбу дочери своей. Самъ онъ

хотя отказался отъ втораго брака—но занимался любовными интригами, и плылъ черными глазами одной бѣдой дѣвушки, которой жила на другомъ концѣ Венеціи, и всякій, кто встрѣчалъ гордаго графа *Морентали* въ этой отдаленной части города, догадывался, что не тайныя благодѣянія были причиною его посѣщеній.

Въ одно лѣтнее утро молодая женщина, во всемъ блескѣ свѣжести и красоты, прохаживалась по берегу канала. Роскошная пѣга, выражавшаяся въ чертахъ прелестнаго ея лица, ея живость и чрезмѣрное кокетство—обращали на нее глаза всѣхъ проходящихъ. Красавица гордилась золотою спрѣлою, блестяшею въ черныхъ волосахъ ея,—которую замыслилъ молодой гондольеръ, встрѣтившійся съ нею.—Клянусь всемъ, что есть свято,—вскричалъ онъ—что это подарокъ того!...

На этомъ словѣ поварищъ вдругъ зажалъ ему ротъ рукою; но ужъ было поздно; неосторожный *Миолано* былъ того же вечера оповѣденъ въ тюрьму, и на другой день приведенъ къ допросу, въ тайную камеру совѣта *Десяти*.

Морентали, который, казалось, бралъ большое участіе въ этомъ дѣлѣ, самъ допрашивалъ гондольера. Желая скрыть пайну, или, можетъ, подлинно не зная ничего—*Миолано* отвѣчалъ неопредѣленно, говоря, что узналъ спрѣлу потому, что видѣлъ ее когда-то прежде, но гдѣ, не могъ припомнить; что дѣвушка, которой принадлежала она, была ему вовсе незнакома, и, наконецъ, что онъ не могъ дать самъ себѣ отчетъ въ восклицаніи, которое вырвалось у него въ ту минушу, когда онъ встрѣтился съ нею. *Морентали* велѣлъ его пытать; несчастный не могъ открыть ничего; но какъ первые опѣшны его казались подозрительными, то графъ предспавилъ совѣту, что осторожность претовала скорѣе сбыть его съ рукъ, и по приказанію его *Миолано* былъ сожженъ въ раскаленной кельѣ.

Закоснѣлый въ злодѣянія, *Морентали* скоро забылъ бы о варварскомъ поступкѣ

своемъ съ гондольеромъ, какъ о происшедшемъ совершенно ничтожномъ и обыкновенномъ, если бы спустя нѣсколько недѣль послѣ того одна ужасная, пайная мысль вдругъ не предспала его воображенію, и не начала преслѣдовать его повсюду, какъ какое нибудь страшное привидѣніе.

Въ это время, въ самомъ дальнемъ отдѣленіи Дождскихъ палатъ, жилъ знаменитый астрологъ, выписанный на щепъ республики; таинственность пребыванія его, слава о глубокихъ его познаніяхъ въ астрономіи, и самый предметъ умственныхъ его созерцаній,—все это, увеличенное рассказами, внушало въ жителей Венеціи неизъяснимый страхъ не только къ ученому *Асперини*, но и къ самому правительству, которое, казалось, утвердило могущество свое на какой-то сверхъ-естественной силѣ. Умъ человѣческій всегда стремился ко всему чудесному и неизъяснимому.

Желая успокоить совѣсть свою, *Морентали* рѣшился прибѣгнуть къ астрологу, и съ помощію его науки разрѣшить всѣ свои сомнѣнія. Одинъ, безъ свѣщъ, окруженный глубокимъ молчаніемъ ночи, и скрывая оружіе подъ широкимъ плащомъ, онъ шелъ долго по длиннымъ галереямъ замка и наконецъ достигъ скромнаго убѣжища, гдѣ призыватель духовъ, исполковашель хода свѣщилъ небесныхъ, проводилъ жизнь свою въ уединеніи. *Асперини* принялъ графа съ почтениемъ, и *Морентали* постышилъ изъявить глубокое уваженіе свое къ его учености. Высокомѣріе и жестокость этого чловѣка смирялось передъ хитрымъ обманщикомъ—или, можетъ быть, отъ чувствовалъ надъ собою вліяніе высокаго и могущественнаго разумія; какъ бы то ни было, но графъ, увѣряя *Асперини*, что никакая цѣна не могла заплатить ему за услугу его, не забылъ однакожь положить на столъ мудреца кошелька съ золотомъ.

Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ просьбу свою.

—Я готовъ пособить вамъ, — сказалъ астрологъ,—но боюсь навлечь на васъ большое несчастіе.—

«Я рѣшился на всё.»

—Графъ, размыслите хорошенько о вашемъ предиріятіи, вы можете опрѣчься опть Него, пока мы не призвали мрачнаго духа. — Послѣ будетъ поздно. Графъ, послушайте меня, перешершеннее спеченіе обспоятельствъ для васъ выгодно; оно должно успокоить васъ. Зачѣмъ желать большаго удосповѣренія? Вы знаете, что нѣтъ въ природѣ вещи, копорой бы одна спорона не оспавалась во мракъ неизвѣстности.—

Всѣ убѣжденія философа были щепсны и приводили *Морентали* въ безпокойство и перпѣніе. Волшебникъ замолчалъ и спалъ дѣлать приговоренія свои.

Ночь была тихая—свѣтъ луны серебрилъ зыбкую поверхность водъ, и рѣзко опдѣлялъ бѣлыя массы зданій; звѣзды ярко блеспили на темной лазури неба.

Аспрологъ взялъ *Морентали* за руку и подвелъ къ распворенному окну.

Но луна скрылась, звѣзды исчезли, черная мгла облекла всю природу, и въ этомъ спрачномъ сумракѣ — носились чудныя видѣнія. Вдругъ на горизонтѣ явилась какая-то неозначенная, неосязаемая форма, копорая, приближаясь поспепенно, съ каждою минутою принимала видъ болѣе и болѣе вещеспвенный. Тихое колебаніе атмосферы и едва ошупительное вѣяніе воздуха—давали чувспсвовать движеніе призрака.

Морентали, объятый ужасомъ, закрылъ лицо епанчею.

—Вы можете сдѣлать при вопроса,—сказалъ аспрологъ—но не болѣе: помните это.—

«Живъ ли сынъ мой?» спросилъ графъ, дрожа опть спраха.

—*Нѣтъ!*—произнесъ спрашный, дикій — нечеловѣчскій голосъ.

Морентали замолчалъ — и глубокій вздохъ вырвался изъ спѣсненной груди его.

Онъ хотѣлъ было выпши, но *Асперини* удержалъ его, напомнивъ, что ему оспавалось еще два вопроса.

Немного ободрясь, онъ спросилъ: «Что подарилъ я на дняхъ *Юліи Венъязо?*»

—Золотую спрѣлу, копорую жена пвоя имѣла на головѣ въ попѣ день, когда наряжалась она въ послѣдній разъ.—

«Почему *Миолано* узналъ еѣ?» продолжалъ графъ, не придавая большой важности этому вопросу.

Услыша опвѣпѣ, онъ вскрикнулъ и упалъ безъ чувспствъ на полъ.

Лоренцо Кастилио подвезъ, на богатой гондолѣ, прекрасную невѣспу свою къ мраморному крыльцу великолѣпной церкви. Зрители хвалили благородную его осанку, молодость, красоту, и объявляли достойнымъ женихомъ прелестной *Юліи*. *Лоренцо* былъ побѣдспелемъ на многихъ поединкахъ, и за то получилъ названіе дуэлиста; другіе успѣхи, еще болѣе лестныя для его щеспславія, заслужили ему имя ловкаго и опаснаго волокишы.

Но онъ не могъ покориши сердца *Юліи Морентали*, хотя оно еще никому не принадлежало. Холодность молодой графини, раздраженной упорнымъ его исканіемъ — скоро превратилась въ совершенную ненависть; но она, жертвуя собою, повиновалась волѣ опца, и опдала руку свою вопреки склонности. *Лоренцо* видѣлъ опвращеніе еѣ къ себѣ—и припворялся будто принимаетъ его за одно женское своенравіе. Онъ желалъ жениши на *Юліи* попому только, что такимъ выгоднымъ супружествомъ надѣялся поправить дѣла свои и перемѣниши мнѣніе общества на щепъ его буйной и развратной жизни.

Народъ толпился на улицѣ и провозглашалъ будущее щастіе молодой чепы. На крыльцѣ, въ ожиданія графа, спояла разряженная, блестящая свита жениха и невѣспы, соспавленная изъ знапнѣйшихъ особъ республики.

Наконецъ, приѣхалъ *Морентали*, и всѣ чинно пошли въ церковь. Небесная мелодія, какъ волны свѣсплаго попока, разлилась въ спѣнахъ храма; благовопный фиміамъ, наполнилъ воздухъ, поспрясаемый восхитительными акордами звучнаго органа, и родспвен-

ники жениха и невесты въ полукружїи спали у алтаря. *Лоренцо* взялъ руку *Юліи*, и оба преклонили голову передъ священникомъ, ожидая его благословенія.

«Остановившись!» закричалъ вдругъ *Морентали*, подойдя къ алтарю и схвативъ священника за руку.

«Подождите, батюшка! Прежде всего я долженъ сказать нѣсколько словъ дочери и друзьямъ моимъ. . . . Господа, слушайте меня со вниманіемъ: съ мѣсяць тому назадъ — я велѣлъ часовымъ схватить одного молодого гондольера, по имени *Миолано*. Его привели ко мнѣ въ камеру шайнаго совѣта, и я велѣлъ его пытать за то, что онъ примѣнилъ вопль эпу — золотую вещицу, которую я въ знакъ дружбы и уваженія подарилъ одной бѣдной и честной дѣвицѣ. Посмотри, *Юлія*, не видала ли ты еѣ гдѣ ибудь прежде?»

Глаза невесты наполнились слезами, когда она взглянула на спрѣлу.

«А! такъ и ты узнала еѣ! — Теперь послушайте-жь, друзья мои: эта золотая спрѣла принадлежала покойной супругѣ моей, графинѣ Терезіи *Морентали*, но я, какъ вамъ сказалъ, подарилъ еѣ и, какъ вы видите, взялъ опять назадъ. *Миолано* увидѣлъ еѣ въ волосахъ дѣвушки и узналъ еѣ, за это я предалъ его суду; а такъ какъ онъ заупрямился, и не хотѣлъ сказать, почему она была ему знакома, то я и велѣлъ сжечь его живаго въ раскаленной кельѣ.»

И *Морентали* рассказывалъ это такимъ безпечнымъ и веселымъ голосомъ, съ такимъ варварскимъ самохвальствомъ, что нельзя было слышать его безъ содроганія.

Всѣ собраніе, объятые ужасомъ, хранило глубокое молчаніе. Одинъ *Лоренцо*, не понимая ничего — сердился на остановку церемоніи, и выходилъ изъ шерьнія.

— Мнѣ кажется, графъ, — сказалъ онъ наконецъ: что вы бы могли выбрать другое время и мѣсто для спраанныхъ и непонятныхъ вашихъ объясненій. Зачѣмъ смущаете вы всё общество и наполняете спрахомъ сердце вашей дочери? —

«Запѣмъ, господинъ *Кастиліо*, что жерпвою моею былъ мой сынъ, а ея братъ.»

И за этими словами послѣдовалъ громкій смѣхъ — и выспрѣлъ изъ пистолета, смѣшавшійся съ пронзительнымъ крикомъ *Юліи*, которая упала безъ чувствъ на руки *Лоренцо*.

T.

ТИРАНЫ НЕ СПЯТЪ.

Однажды очень рано по упру послалъ *Вольтеръ* своего слугу къ актѣру, который долженъ былъ играть роль пирана *Полифон-та*, сказать ему о сдѣланныхъ имъ въ его роль перемѣнахъ. Когда же слуга доложилъ ему, что онъ спитъ, по *Вольтеръ* сказалъ: «спунай опять; ты лжешь, пираны никогда не спятъ.»

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ ШВЕДСКАГО И НОРВЕЖСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

Народонаселеніе Швеціи	2,860,000 чел.
— — — — — Норвегін	1,051,318 —

Шведская армія.

Главный штабъ	161 —
-------------------------	-------

Гвардія.

2 пѣхот. гвардейскихъ полка и 1 егерскій гвард. баталіонъ	2,546 —
Конная гвардія, гусары Принца	1,140 —

Армія.

23 Шведскихъ пѣх. полка	24,874 —
2 полка драгунъ	} 4,944 —
3 — — гусарь	
1 эск. кон. егерей	
3 полка артиллеріи	2,801 —
Шведскій инженерный корпусъ	570 —

Всего 36,836 чел.

Норвежская армія.

5 Норвежскихъ пѣх. бригадъ, раздѣленныхъ на 24 отряда	11,128 —
1 Норв. конная бригада, раздѣленная на 3 отряда	1,237 —

1 бригада Норвежской артиллерии изъ 6-ти полевыхъ батальоновъ и 5-ти гарнизонныхъ ротъ	1,596 чел.
Инженерный корпусъ	50 —
Всего: 14,051 чел.	
Земскаго ополченія и резервовъ полагаемыхъ въ обоихъ соединенныхъ королевствахъ . . .	116,684 —
Всѣ же войска заключающіе въ себѣ . . .	167,571 —

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

35.

Есть вещи, которыя съ перваго взгляда кажутся легкими. Напр: чинная басня *Крылова*, многимъ приходило въ голову, что споишь лишь присѣсть, да взять перо въ руки: такъ и заревешь *Волкъ на псарнѣ*, запрыгаетъ *Бѣлка*, замыкаетъ *Котъ* и поплыветъ *Шука*. А какъ принялись за дѣло: то и увидѣли, что это для нихъ невозможно.

Есть другія, которыя издали почитаемъ мы прудными, а какъ посмотримъ на нихъ ближе: то и найдѣмъ, что они легки. Напримѣръ: я почиталъ пруднымъ написавъ такую книгу, какъ *Художникъ*, въ 17 печатныхъ листовъ, съ вопросами: что есть душа; съ выходками противъ несправедливости судьбы, противъ богачей и аристократовъ, съ каршинами, предсавляющими — какъ юный воспитанникъ *Евгеніа Сю* и госпожи *Зандъ* гоповъ заспрѣлилъ жениха родной своей сестры, только за то, что онъ ей нравился также, какъ она ему; за то, что они обручены и что на другой день назначена ихъ свадьба.

Теперь, прочитавъ эпическую повѣсть, вижу, что это совсѣмъ немудрено. Надобно взять начало о воспитаніи двороваго мальчишки въ собачьей конурѣ изъ *Ивана Выжигина*, опысавъ мать героя въ кабакъ, попому, что *Иванъ Выжигинъ* нашелъ свою въ скверномъ домѣ; первую половину середины выхавши изъ повѣсти г. *Павлова*, другую изъ *Живописца Н. А. Полевова*; — подбавивъ кое-гдѣ опривковъ изъ *Гётева Фауста*, перемѣшавъ ихъ съ выборками изъ *Байро-*

нова Манфреда; посоливъ слегка *Вольтеровы*ми философическими выходками о неравенствѣ между людьми, о гоненіяхъ на людей съ дарованіями, о щастлихъ дураковъ, и прочая; попомъ наливъ всё это Певскою водою, хорошенько перемѣшавъ ложкой, давъ настояться 24 часа — и опсылавъ въ типографію печатать.

36.

Библиотека для чтенія берется приучить насъ, Русскихъ, къ чтенію книгъ важнаго содержанія: очень пріятно вѣршишь этому. Не думаемъ, однакожь, чтобы она выучила насъ оспроумію. Во 2-й часни XII тома ея помѣщено Описание аудіенціи Пруссаго посланника у короля *Сандвичевыхъ острововъ*. Оно заимствовано изъ морскаго путешествія капитана *Вендта* (командира корабля *Приблесса Луиза*), описаннаго докторомъ *Мейеномъ*, его сопутникомъ:

«Лишь только капитанъ и его поварщи вошли въ пріемную залу, появились дамы королевской фамилии. Вдовствующая королева *Кагулани* шла впереди тихими шагами, за нею *Кина*, и прочая;» пишеть докторъ *Мейенъ*.

На это, Библиотека для чтенія, вѣроятно баронъ *Брамбеусъ*, завѣдывающій въ ней Отдѣленіемъ *Остроумія*, сдѣлать очень вѣжливое замѣчаніе: «когда г. *Добелль*, бывший нашъ консулъ на Филиппинскихъ островахъ, предсавлялся ей *Кагулани* съ своею супругою, она была къ нимъ такъ благосклонна, что подчивала ихъ жареной собакою: историкъ Пруссаго посольства не говоритъ, чтобы онъ или его товарищи удостоились подобнаго опличія. *Впрогелъ*,» прибавляетъ баронъ съ придворною тонкою улыбкою: «по всему замѣтно, что докторъ *Мейенъ* не съѣлъ собаки, хотя и объѣхалъ вокругъ свѣта.» Какая милая оспроша!

А. Кораблинскій.

6-е Ноября

1835.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗЕВЕСЪ И ГИГАНТЫ.

Гиганты, нѣкогда, въ безумномъ изступленъхъ
 Безсмертныхъ вызвали на бой:
 Весь сонмъ боговъ пришель въ смященье.
 Зевсъ бросилъ молнію—погибъ крамольныхъ строй.

Сухановъ.

E N I G M E.

Tiens, mon ami, disait un capitaine
 A son laquais, lui présentant un sac
 (C'était sa rente au bout de la semaine);
 Tiens, reçois donc ta livre de tabac;
 Et quand, mon cher, tu l'auras consumée,
 Si tu me peux dire combien pesant
 De ce tabac est sorti de fumée.
 Je t'en veux bien donner cent fois autant.
 —Oui, volontiers, je m'offre à vous l'apprendre,
 Dit le laquais, sans beaucoup me gêner.
 Or, maintenant, comment il faut s'y prendre
 C'est là, lecteur, ce qu'il faut deviner.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Плаваніе по Бѣлому морю въ Соловецкій монастырь, соз. Я. Озерецкова. С. П. б. 1836. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 коп. (*).

Небольшая книжка, но заключающъ въ себѣ много любопытнаго и занимательнаго. Чипая еѣ, кажется, будто сами путешествуемъ съ авторомъ. Отправясь на ладѣ изъ Архангельска къ Соловецкому монастырю, осматриваемъ со вниманіемъ эту древнюю и отдаленную обитель свѣтыхъ *Зосимы, Савватія и Германа*, переносимся на Анзерскій островъ, дивимся памъ двумъ скипамъ и возвращаемся опять моремъ въ Архангельскъ. На эпихъ переходахъ знакомимся съ оригинальнымъ языкомъ нашихъ Бѣломорцевъ и даже нѣсколько съ самимъ моремъ. Употребивъ на все это путешествие только двѣ недѣли, авторъ удивляетъ своею наблюдательностію и иску-

(*) Продается въ книжномъ магазинѣ Ивана Тимофѣевича Лисенкова, въ домѣ Пажескаго Корпуса, противъ Госпитальнаго двора.

спвомъ живо и заманчиво передать чипателю все имъ видѣнное.

M O D E S.

Foulard baziné à dessins blancs sur fond de couleur; il y en a de toutes les nuances, les couleurs claires peuvent faire de jolies robes de soirées de jeunes personnes. Le *satin Mascara*, qui n'a été mis en vente que pour le jour de l'an, dans la crainte de copie, est une étoffe laine et soie, d'un brillant magnifique, brochée couleur sur couleur. Les effet de gris perle, de rose, de blanc, sont plus distingués. *Satin d'Aragon* à larges colonnes parsemées de bouquets brochés, fabriqué exprès pour faire les robes habillées ouvertes devant. Sous ces robes on porte une jupe de satin blanc garni d'une haute blonde et de beaux nœuds de ruban. *Organdi de l'Inde* brodé au crochet, en laine de couleur, par bouquets détachés, ou encadrés dans des carreaux formés de fils de couleur foncé; c'est d'un goût parfait. *Mousseline Péruvienne* imprimée, à bouquets de roses veloutées et larges feuilles d'or, sur un dessous de satin blanc; rien n'est plus frais et plus joli. Pendant que j'étais arrêtée à contempler toutes les belles choses, que je viens de vous décrire, la duchesse de S... arriva avec un manteau fourni par *M. Delisle*, et je ne pus m'empêcher de partager l'étonnement, et peut-être le sentiment d'envie qu'il excita dans le cœur de toutes les femmes qui se trouvaient là. Ce manteau est un satin vert uni. Dans le bas est une large bordure à dessin de guirlandes de grosses roses, travaillée en velours vert en relief, au dessous de cette bordure haute d'un demi-pied, s'en trouve une autre plus basse, à dessins gothiques. Ce manteau a deux collets en velours pareil, dont l'un fait petite pélerine, et l'autre moins grand, forme revers descendant jusqu'aux genoux; les manches sont doublées en satin blanc avec une large bande de velours au bas. Une ceinture serrée à la taille. C'est un vêtement vraiment *potpreux*; rien de si beau en ce genre n'avait paru jusqu'à présent; heureuses celles qui peuvent avoir un manteau *Don Juan*! J'arrive, ma chère *Nancy*, à une discription où il faudrait, pour rendre l'effet de ce que j'ai vu, tremper ma plume dans de la poudre d'or, de diamans, de rubis, de saphirs, etc. C'est une robe destinée à la cour d'Espagne. Figurez-vous un fond de tulle de soie blanc, parsemé de bouquets d'or du dessin le plus admirable, avec des feuilles retombant en gerbes de côté. La bordure est en harmonie avec ce fond, pour la magnificence de l'effet. Le corsage est plas, brodé

de petites feuilles d'or sur toutes les coutures. On ne conçoit pas comment on a pu arriver à cette perfection de travail, comment on a pu donner aux fleurs ce relief étonnant, sans que ce fond si transparent soit en rien altéré. J'avoue que je suis restée en contemplation devant cette robe magique comme devant un objet d'art. Il me semblait voir arriver pour s'en revêtir, une fée sortant d'un palais de cristal; il y avait de la poésie et de la magie sous les plis de cette robe; si j'étais homme, je ne résisterais pas à la femme qui la porterait. Je regrettais de la voir s'en aller si loin...

Dans ma prochaine lettre, ma bonne sœur, je vous parlerai des coiffures nouvelles que vont nous donner nos habiles coiffeurs: *Sergent*, *Jouenne* et *Georges* dont l'imagination n'est jamais en défaut, quand il s'agit de bon goût et de talent. Adieu, je vous aimerai en 1836, comme en 1835.—*Sarah*.

Pl. No 3. Coiffures Brésiliennes. — Robe de gaze asmadé garnie de dentelle. — Manteau de Damas-chemire.

М О Д Ы.

Канфасный фуляръ съ бѣлыми узорами по цвѣтному грунту есть всякихъ цвѣтовъ; свѣтлыхъ цвѣтовъ весьма пригоденъ для вечернихъ платьевъ молодымъ особамъ. *Атласъ mascara*, поспутившій въ продажу только на Новый годъ, во избѣжаніе подражаній, шканъ шерстяная съ шелкомъ, великолѣпно блестящая, зашканная подъ цвѣтъ; отличнѣйшіе цвѣта *gris-perle*; розовый и бѣлый. Атласъ *aragon* съ широкими столбами, усяянными зашканными букетами, сдѣланъ нарочно для парадныхъ открытыхъ платьевъ. Подъ эти платья надѣваютъ бѣлыя атласныя юбки, сдѣланныя широкими блондами и красивыми бантами изъ ленты. Индѣйскій органди, зашканный шамбурнымъ швомъ, цвѣтною шерстью, сдѣланными букетами или въ клѣткахъ, составленныхъ изъ темныхъ полосокъ; это прелестно. *Перуанская киселъ*, печатная бархатными букетами розъ, съ широкими золотыми листьями на бѣломъ атласѣ; ничего не можетъ быть свѣжѣе и красивѣе. Между платьемъ, какъ я разсматривала всѣ описанныя тебѣ мною прекрасныя вещи, герцогиня *de S...* вошла въ плацъ, сшитомъ у г-на *Деллалъ*, и я не могла удержаться отъ удивленія, а можетъ быть и отъ нѣско-

раго чувства зависти, возбужденные имъ въ сердцѣ женщины, путь находившихся. Этого платья изъ зеленого атласа. Внизу каймы гирланда изъ большихъ розъ, выработанная возвышенно изъ зеленого бархата; но выше этой каймы въ полфута ширины другая поуже, съ готическими узорами. Платье этого съ воротничками изъ бархата подъ цвѣтъ, изъ которыхъ одинъ составляетъ пелеринку, а другой, пометте, отворотъ, спускающійся до колѣнъ; рукава подложены бѣлымъ атласомъ и обложены внизу широкою полосою бархата. Поясъ обхватываетъ талию. Эта одежда истинно великолѣпна, — въ этомъ родѣ ничего еще не было видно столь красиваго; щасливый шъ, которые могутъ имѣть платье *Донъ-Жуанъ!* Я достигла, милая *Нанси*, описанія, для котораго надобно бы было, чтобъ передать, что я видѣла, обмакнувъ перо мое въ золотой порошокъ, брилліантовый, рубиновый, сафирный, и проч. Это платье назначено для Испанскаго Двора. Представь себѣ бѣлый шелковый тюль, усяянный золотыми букетами отличнѣйшаго узора, съ листьями, висящими на сторону въ видѣ колосьевъ. Кайма согласуется съ грунтомъ по великолѣпію вида. Лишь гладкой, вышитый маленькими золотыми листьями по всемъ швамъ. Трудно постигнуть, какъ можно дойти до этаго совершенства работы, какъ придашь цвѣтамъ эту удивительную возвышенность, не причинивъ никакого вреда этому прозрачному грунту; признаюсь, что я остановилась въ разсматриваніи передъ этимъ волшебнымъ платьемъ, какъ бы передъ произведеніемъ искусства. Мнѣ казалось, что я вижу волшебницу, выходящую изъ хрустальнаго замка, чтобъ надѣть его; въ складкахъ этаго платья было нѣчто поэтическое, очаровательное; еслибъ я была мужчиной, то не могла бы пропустить женщину въ такомъ платьѣ. Мнѣ жаль было, что его отправляли такъ далеко.

Въ слѣдующемъ письмѣ, добрая моя сестра, я буду тебѣ говорить о новыхъ причекахъ лучшихъ нашихъ убиравшелей волосъ: *Sergent*, *Jouenne* и *Georges*, которыхъ воображеніе никогда не устаетъ, когда идетъ дѣло о хорошемъ вкусѣ и искусствѣ. Прощай, я буду любить тебѣ въ 1836, какъ въ 1835.—*Sara*.

Карт. No 3. Бразильская причёска. — Газовое платье, обшитое кружевами. — Манпидья изъ Дамасскаго кашемира.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 8.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ЯНВАРЯ 25 ДНЯ 1856 ГОДА.

Мы зла единого вовѣкъ не забываемъ;
Неблагодарности слѣды мы зримъ вездѣ:
Обиды на мѣди рѣзцомъ изображаемъ,
Благодѣянія-жъ мы пишемъ на водѣ.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КОЛОДНИКЪ.

Вечеромъ 17-го Января 1820 года, съ са-
маго утра лилъ проливной дождь, съ силь-
ными порывами холоднаго вѣтра, который
сгибалъ до земли лавры и кипарисы, осѣняв-
шіе красивое жилище г-жи К..., находив-
шееся въ пелумилѣ оупъ Тулона, на одномъ
изъ зеленыхъ холмовъ, окружающихъ го-
родъ сей.

Въ прекрасномъ кабинетѣ, окна кото-
раго обращены были въ садъ, на большихъ
креслахъ, передъ огнемъ, сидѣла молодая
лозяйка дома, положила маленькія ножки свои
на рѣшетку камина, и небрежно играл ло-
конами, прислушивалась къ бурѣ, стаяовив-
шейся часть оупъ ужаснѣе.—Какая по-
года!—думала Луиза: а бѣдный Адольфъ въ
морь!..—Господи, спаси его!—сказала она
громко, сложа набожно руки и опирая вы-
капавшуюся слезу; но вдругъ выперъ заре-
вѣлъ пакъ спрашно, что она вскочила и
дернула за шнурокъ колокольчика.—Вошла
дѣвушка.—Мужъ мой ужъ не будетъ сего-

дня,—сказала она ей. Видишь, какая погода!
припомъ и поздно; поди скажи *Иосифу*,
чтобъ онъ вездѣ заперъ двери, выпусти со-
бакъ на дворъ и попомъ воропись раздѣль
меня.—Горничная исполнила приказанія
госпожи, раздѣла её и уложила въ постель.
—Засвѣпи лампу, сказала Луиза,—поспавъ её
на каминѣ, а ко мнѣ на столикъ подай свѣчу:
я буду чипать.—

«Что еще прикажете?»—Ничего, благода-
рю.—Горничная вышла, зашворила дверь,
и Луиза оспалась одна. Между тѣмъ гроза
усилилась до того, что, казалось, дрожали
всѣ стѣны дома, и Луиза, облокотясь на по-
душки, задивалась слезами.—О Адольфъ, что
будетъ съ побою!—говорила она рыдая...
Я несчастная пребывала, чтобы ты ѣхалъ.
Но развѣ не пребывали эпаго долгъ, честнъ,
совѣсть!... О Боже! за эту жертву спаси
его!—Съ эними словами она вспала, опиря-
ла бюро, сползшее у окна, вынула малень-
кій порпиретъ, и спавъ съ нимъ на колѣни
у кроватки, начала чипать одну изъ тѣхъ
уладипельныхъ молитвъ, который пакъ
опрадны сердцу въ минушу лютой горе-

спи. Вдругъ окно съ шумомъ опворилось, въперъ задулъ свѣчу, и испуганная *Луиза* закрыла лицо руками; но вскорѣ опомнившись, подошла къ окну, чтобы зашворить его, опдернула занавѣсъ и—увидѣла незнакомаго мушину. Остолбенѣвъ опъ удивленія, она спояла недвижима, и не имѣя силъ выговорить ни одного слова, смопрѣла на незнакомца, который не замѣпивъ её, подошелъ къ кровати, взялъ со стола свѣчу и зажегъ её у лампы. Это былъ... колодникъ!

Неизъяснимый ужасъ вдругъ пробудилъ *Луизу*. Она силилась кричать—и звуки замерли въ груди ея, хотѣла ипши—но силы измѣнили ей—и она безъ чувствъ упала на полъ. Опомнившись, она увидѣла себя на креслахъ, закутанную въ шаль и передъ нею колодника! Онъ держалъ въ рукахъ спклянку съ спирпомъ, давая ей нюхашъ, и поставилъ её на каминъ, лишь только *Луиза* опкрыла глаза. «Успокойтесь, сударыня,» сказалъ онъ тихо: «я не сдѣлаю вамъ никакого вреда, но только смоприте, чтобы ни одинъ крикъ, ни одно движеніе не опкрыли моего присутствія въ домѣ вашемъ; мнѣ нужно укрыться въ немъ до будущей ночи, и я думаю, что у доброй г-жи К... я буду безопасенъ,» прибавилъ онъ съ улыбкою. «Не бойтесь меня, сударыня, я не воръ, я только убилъ женщину. ... О, не содрогайтесь! я убилъ вѣроломную женщину, и кровь ея заплашила мнѣ за ея измѣну.» Трепещущая *Луиза* осмѣлилась взглянуть на убійцу: онъ былъ молодъ, хорошъ, глаза его пылали, величественный лобъ рисовался подъ волосами, почти выбритыми, какъ обыкновенно спругишь колодниковъ; красная, вымокшая опъ дожда куртка, не скрывала спройнаго и благороднаго спана, и вся наружность пресупника располагала *Луизу* въ его пользу. Ободренная скромностію, съ которою онъ привелъ её въ чувствво, почпеніемъ, съ которымъ онъ споялъ передъ нею, *Луиза* рѣшилась заговорить съ нимъ.

—О, сударь!—сказала она: сжальтесь надъ бѣдною женщиною! я конечно не выдамъ васъ; но какъ могу я скрывать васъ здѣсь, ночью.... и завпра цѣлый день!... Какъ, если онъ возвратится!—

«Сударыня, всё это легко, лишь бы вы только хопили спасши меня, и имѣли ко мнѣ побольше довѣренности. Конечно, одежда моя, и способъ, который я употребилъ, чтобы войти сюда, не могутъ внушить её, но что дѣлать? На необходимость итъ законовъ; убѣжавъ сегодня вечеромъ, я пришелъ прямо сюда, хотѣлъ пройти чрезъ оранжерею, но побоялся собакъ и рѣшился прокраситься подъ окна вашей комнаты—войти въ неё, и спрягаться за гардинами. Не правда ли, что вы не думали имѣть здѣсь пайнаго свидѣтеля дѣйствій вашихъ? Долго смопрѣлъ я на васъ изъ саду сквозъ стекло и дурно задернутые занавѣсы; мнѣ нужно было увидѣть на прекрасномъ лицѣ вашемъ выраженіе доброты и чувствительности, чтобы рѣшиться вѣрить вамъ судьбу свою. Наконецъ, вы спали молились, вѣроивно за того, съ кого снятъ порпирепъ эпомъ (и онъ поднималъ медальонъ, который *Луиза* въ спрахѣ уронила на полъ), и тогда я сказалъ себѣ: Войду! женщина, которая любитъ и молился, должна быть добра и жалосплива; она приметъ и укроетъ меня. Опсальное вы знаете, сударыня.»

Въ то время еще не было написано, что *каторага есть гистиллице, изъ котораго обновленная души преступниковъ въходятъ гисты и возвышенны, какъ души ангеловъ,*—слѣдовательно, бѣдная *Луиза* не могла не содрогнуться при мысли, что тайна ея находилась въ рукахъ капоржнаго; но скоро однакожь чувствво оскорбленнаго достоинства возвратило ей бодрость, и она, бросивъ на колодника презрительный взглядъ, сказала съ благородною гордоспію:—Милоспивый государь, вы такъ грубо воспользовались моимъ положеніемъ, что я не могу ожидать опъ васъ никакого великодушія, и потому...—

«Вы ошибаетесь, сударыня,» возразилъ онъ: «смѣю васъ увѣрить, что я не желалъ оскорбить васъ; но за довѣренность мою къ вамъ, прошу вашей,—для того, чтобы между нами молчаніе одного—было порукою за молчаніе другаго. Я не хочу видѣть порпирепна, но бьюсь объ закладъ, что онъ спсанъ съ господина *Адольфа Б...* племян-

ника мужа вашего... Не краснѣйте, сударыня, вы видите, что я всё знаю... вѣдь я не вѣкъ былъ въ шюртъ, но жилъ прежде въ свѣтѣ, следовательно могу знать кое-что... И такъ конечно, я оспаюсь здѣсь до завтрашняго вечера и спрячусь въ боковой комнаѣ. Ложитесь почивать, а мнѣ позвольте припши послѣ просушить плаще мое у вашего камина.» И вслѣдъ за тѣмъ онъ отворилъ дверь въ кабинетъ *Луизина* мужа и скрылся.

Луиза, оставшись одна, думала, что она проснулась опъ какого-то ужаснаго сновидѣнія, и не могла вѣрить всему тому, что случилось съ нею; но легкій стукъ въ сосѣдней комнаѣ удостоверилъ её въ истинѣ прошедшаго.

Размысливъ, что ей невозможно опдѣлаться опъ ужаснаго своего гостя, не объявля о немъ полиціи, и слѣдуя болѣе влеченію своего сердца, нежели внушеніямъ страха и оспорожности, *Луиза* вспала, наинула на себя легкую одежду и отворила дверь въ кабинетъ. — Послушайте, сударь, — сказала она: вамъ холодно, вы промокли опъ дождя, я могу дать вамъ плаще моего мужа; вошь бѣлье, надѣньте его, а ваше бѣлье и одежду мы сождемъ.—Колодникъ поблагодарилъ её учтивымъ и даже щегольскимъ поклономъ, и когда она вышла, спалъ переодѣваясь.

Когда вошелъ онъ къ *Луизѣ*, она съ прудомъ узнала его; скинувъ свой странннй красный камзолъ, онъ, казалось, переродился: видъ его сдѣлался добрее, глаза потеряли свое звѣрское выраженіе, и *Луиза* перестала бояться его.—Теперь я разведу большой огонь, чтобы скорѣе сжечь всё это,—сказала она, указывая на узелъ, который незнакомецъ принесъ и положилъ на полу.—«Хорошо, но это?..» сказалъ онъ, вынувъ изъ узла *колодку*, которую всѣ преступники носятъ на ногѣ...—«Это я возьму завтра съ собою, когда пойду гулять и брешу въ море.—«Опъ, я хочу её сохранить, и прошу васъ прибрать её.» *Луиза*, очень недовольная такимъ знакомъ довѣренности, не отвѣчала ни слова... «Вы согласны, не правда ли?» сказалъ колодникъ.—«По неволѣ согласна,—

отвѣчала она со вздохомъ. «Будьте спокойны, я у васъ попребую её назадъ; но вамъ время почивать; уборная ваша будетъ мнѣ пемницею на завтрашннй день, и я прошу васъ ни въ чемъ не распроивать себя для меня,—только не забудьте доставить мнѣ пищу, а теперь ложитесь, чтобы горничная ваша пашла васъ поупру въ постель. Прощайте, сударыня, позвольте мнѣ пожелать вамъ доброй ночи!» И колодникъ, поцѣловавъ руку *Луизы* съ глубокимъ почтениемъ и самою свѣтскою ловкостію, удалился въ свое убѣжище и заперъ двери.

Успавая *Луиза* бросилась на постель и скоро заснула съ мыслями о чудной власти, похожей на магнетизмъ, которую незнакомецъ имѣлъ надъ нею, и о неизьяснимомъ спокойствіи духа, которое она чувствовала теперь въ себѣ, послѣ страха, внушеннаго ей странннмъ приключеніемъ ея.

Она проснулась поздно, и мужъ ея, прѣхавшнй изъ города, рассказывалъ, что тамъ всѣ говорили о побѣгѣ колодника;—иные, продолжалъ онъ, думаютъ, что это одинъ изъ придворныхъ *Карла X*, обвиненный въ убійствѣ женщины; но никто не знаетъ ничего навѣрное, потому что преступника осудили не подъ его именемъ. Извѣстно только то, что изъ оспрога убѣжалъ колодникъ. Сегодня поупру палили изъ пушекъ, выспавили черное знамя, и вѣроятно поймутъ его, если только онъ не успѣлъ уже сѣсть на корабль. —

Можете вообразить, что чувствовала *Луиза* при этомъ рассказѣ!

День прошелъ для неё въ безпреспанной превогѣ и опасеніи. Наконецъ мужъ ея опправился въ городъ,—наступила ночь, и она могла освободить заключеннаго.

«Я вду, сударыня,» сказалъ ей колодникъ: «въ Оліульскихъ горахъ ждетъ меня почтовая коляска. Проспите мнѣ безпокойство, которое нанесъ вамъ; вы спасли мнѣ жизнь,—я никогда не забуду вашего благодѣнія, и воспоминаніе о немъ усладитъ дни мои. Прощайте, надѣюсь, что вы меня не забудете; придетъ время, въ которое я оп-

крышо изъявлю вамъ свою признапельность— и тогда вы узнаете меня. Дайте мнѣ руку вашу.» *Луиза* протянула руку, онъ дружески пожалъ её, поцѣловаль съ почтениемъ и выскочилъ въ окно; потомъ, оборотясь къ *Луизѣ*, сказалъ показывая вышитый платокъ: «Не щипте этаго платка— колодникъ укралъ его;» съ этими словами незнакомецъ скрылся.

Въ слѣдующій годъ 17-го Января *Луизѣ* принесли шапку, наполненную прекрасными и дорогими вещами; и въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ она ежегодно получала такой же подарокъ, но отъ кого— неизвѣстно.

Между тѣмъ мужу *Луизы* дано важное мѣсто при дворѣ *Карла X*. Они отправились въ Парижъ, и *Адольфъ* возвратился изъ похода; но *Луиза* никогда не говорила ему о колодникѣ.

Однажды на балѣ герцогини Беррійской, мужъ ея, имѣя надобность переговорить съ какою-то важною особою, подвелъ её къ одной изъ знакомыхъ дамъ— и оспавя её шупъ, пошелъ въ другую залу.

Лишь только *Луиза* подошла къ этой дамѣ, какъ кто-то споявшій у камина вздрогнулъ и обернулся; *Луиза*, посмотри на него, подумала, что она видѣла гдѣ-то эти блестящіе глаза, этотъ благородный лобъ и значительную физиономію, но никакъ не могла вспомнить— гдѣ и въ какомъ случаѣ. Вдругъ одинъ изъ споявшихъ въ кругу спалъ рассказываетъ между прочими спранными анекдотами, что онъ зналъ молодую женщину, которая вырвала себѣ зубы и отдала ихъ любовнику своему при прощаніи.— А я,— подхватилъ мужчина, поразившій *Луизу* и смотря на неё приспально: я знаю человека, который на обмѣлъ платка отдалъ колодку невольника— женщину, спасшей ему честь, и эта женщина— это благородное существо дороже для него всѣхъ любовницъ въ свѣтѣ.—

Луиза быспро взглянула на незнакомца. Такъ точно, думала она, это онъ!.. но грудь его покрыта звѣздами, онъ графъ, онъ одинъ изъ первыхъ сановниковъ двора; однако, нѣтъ сомнѣній!— это онъ— это колодникъ!

— Кто это?— спросила она у пріятельницы своей. «Графъ *H.*, назначенный посломъ въ...» отвѣчала она ей.

На другой день *Луиза* получила записку, въ которой просили её опослать колодку, оставленную у неё въ Тулонѣ; извѣщали объ отъѣздѣ своемъ изъ Франціи, увѣрили въ вѣчной, непоколебимой преданности и готовности оказывать во всякомъ случаѣ помощь и покровительство, не только ей, но и всѣмъ тѣмъ, кто только былъ къ ней близокъ. Послѣднія слова были подчеркнуты.

Спустя нѣсколько времени, *Адольфъ*, племянникъ *Луизина* мужа, получилъ давно желаемое имъ назначеніе, съ лестнымъ письмомъ отъ министра; а мужъ ея выпрашивалъ у двора всё, что хотѣлъ, дивясь и не понимая, чье шайное и сильное ходатайство покровительствовало семейству его при дворѣ и въ министерствѣ.

Наконецъ, мужу ея дали посольское мѣсто въ Индіи.— *Луиза* поѣхала шуда, увидѣла колодника и узнала его исторію; но я расскажу её вамъ въ другой разъ.

T.

ПРОСТОТА ВЪ ОДЕЖДѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Преобразитель Россіи въ частной жизни представлялъ образецъ спрожайшей умренности. Вседневная одежда его была самая простая: лѣтомъ чѣрный бархатный картузъ или треугольная полковая шляпа, Французскій кафтанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца *Спрыкова*, шафяный камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на полстпыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ съ мѣдными или стальными пряжками: Зимой потъ же нарядъ, кромѣ того, что, вмѣсто бархатнаго картуза, носилъ онъ шапку изъ Калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой изъ красной матеріи, въ которомъ переднія полы подбивались соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и вмѣсто кожаныхъ башмаковъ, употреблялъ сапоги изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь неохотно

разспавался съ сею простопою, и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодоспѣ *Людвика XV* пышность и чистыя перемѣны въ одеждѣ соспавляли опличительную черту людей лучшаго общесства. Приѣхавъ шуда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ: ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣркѣ прежняго своего парика такъ, что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоявшій изъ кафтана безъ галуновъ, манишки безъ манжетъ, коропкаго парика, шляпы безъ перьевъ и черной кожаной поршупен черезъ плечо, до того опличался отъ прочихъ, что спустя нѣсколькo времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, онъ вошелъ у Парижанъ въ моду, подѣ названіемъ *Habit du Tzar*. Случалось иногда, что при аудіенціяхъ или въ большихъ церемоніяхъ онъ являлся въ одеждѣ, болѣе приличной торжеству; но всегда при концѣ онаго поощасъ еѣ сбрасывалъ. Были однакожъ дни, въ копорые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкопорою пышностью, такъ напримѣръ: при спускѣ кораблей, *Петръ* встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ, золотомъ шипомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коропованія супруги своей, Императрицы *Екатерины*, имѣлъ *Петръ I* на себѣ голубой гродѣтуровый кафтанъ, шипый серебромъ самою Государынею. Когда она поднесла его Державному своему супругу: *Петръ* взялъ кафтанъ въ руку и, взглянувъ на шипѣ, пряхнулъ его, отъ чего нѣсколько канители посыпалось на полъ. «Смотри, *Катенька*,» сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блѣски: «слуга смѣшѣтъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вишь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдана.»

СЕМЬ СЛАВНЫХЪ ПОДВИГОВЪ Г-на СМИТА.

Библиотекаръ Брипанскаго музеума, господинъ *Смитъ*, написалъ въ альбомѣ одного изъ своихъ пріятелей: Могу похвалиться семью приключеніями, копорыми не оп-

реклись бы похвастать многіе, такъ называемые великіе люди въ Европѣ: меня, еще ребѣнка, пощѣловала очаровательная красавица *Робинзонъ*; френологъ *Джонъ* щупалъ мой черепъ; я не разъ носилъ очки *Джона Рейнольдса*; пилъ поршеръ съ слономъ; подерживалъ леди *Гамильтонъ* въ пу минупу, когда она получила печальное извѣстіе о кончинѣ адмирала *Нельсона*; я при раза разговаривалъ съ королемъ *Георгомъ II*, и былъ запертъ въ одной компанѣ съ грознымъ львомъ господина *Кинга*.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

МОРСКІЯ СИЛЫ ФРАНЦІИ.

29 линейныхъ кораблей. Въ томъ числѣ 8 перваго ранга, 9 втораго и 12 третьяго ранга.

35 фрегатовъ. Въ томъ числѣ 13 перваго, 8 втораго и 14 третьяго ранга.

17 корветъ, имѣющихъ отъ 20-ти до 30 орудій.

9 малыхъ корветъ, 18 пушечныхъ.

30 бригаовъ отъ 16-ти до 20-ти орудій.

23 маленькихъ корветъ, 10-ти-пушечныхъ.

110 мелкихъ судовъ, шранспортовъ и проч.

17 парокровъ.

Весь Французскій военный флотъ состоитъ изъ 270 судовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

37.

Библиотека для чтенія, журналъ, заключающій въ себѣ много хорошихъ спихопвореній, занимательныхъ повѣстей иностранныхъ и Русскихъ, превосходныхъ ученыхъ спашей и свѣжія, любопытныя новоспи въ смѣси, могъ бы бытъ въ тысячу разъ полезнѣе и пріятнѣе, еслибъ не позволялъ себѣ иногда выходить изъ границъ должнаго уваженія къ читателямъ и писателямъ. На примѣръ въ Августѣ минувашаго года, извѣщая Публику о выходѣ 1-й часпи *Энциклопедическаго Лексикона*, она (или онъ) опшупстила слѣдующее, совсѣмъ ложное (и попому только необидное) на щѣтъ щѣлаго соловія Россійскихъ писателей мнѣніе: *Всѣ*

перья подозрительны, потому что нѣтъ ни одного, которое бы не участвовало въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, или которое не досадовало бы тайнѣ, что въ немъ не участвуетъ.

Чьи же эппи завистливыя перья? Можесть бысть Александра Анфимыча *Арлова*, Павла *Свинкина*, Дмитрія *Сигова*, Феодота *Кузмигва*, Ивана *Гурьянова*? О, нѣтъ! Библіотека для чтенія не занимается такими мелочными липераторами; она (или онъ) мѣняеть гораздо, гораздо выше.

Мы, при всякомъ случаѣ похваляя писателей, принимающихъ дѣятельное участие въ этомъ важномъ, благонамѣренномъ и многопрудномъ дѣлѣ, не имѣемъ здѣсь ничего сказать ни противъ нихъ, ни прошивъ самаго словаря. Мы намѣрены только заспавить поного, кто писалъ спатью о выходѣ 1-й части онаго, раскаясь въ своей опрощивости и бысть впередъ осомпрительнѣе. Для эпаго назовемъ здѣсь нѣкоторыхъ изъ Россійскихъ писателей, досадующихъ, по мнѣнію *Б.* для чтенія, за то, что ихъ будто бы не пригласили принять въ немъ участие.

Между ними нахожу: *А. С. Шишкова*, *И. И. Дмитриева*, *В. А. Жукоскаго*, *И. А. Крылова*, *Ф. П. Львова*, *А. Н. Муравьева*, *А. С. Пушкина*, *Баратынскаго*, поэта *Языкова*, барона *Е. О. Розена*, *Ахиарулова*, *Хатова*, прощюерса *Малова*, священника *Балсанова*, поэта *Бенедиктова*, *Карлгофа*, *Владиславлева*, *Загоскина*, *Ложетникова*, *Д. Н. Бантынь-Каленскаго*, *Беллинсгаузена*, *Бурнашева*, *Бутовскаго*, *Бутырскаго*, *Ф. Н. Глику*, *Д. В. Давыдова*, *И. Н. Скобелева*, *Н. П. Давыдова*, *Н. А. Полеваго*, *Вельтмана*, *Товскаго*, *Катенина*, *Кирьскаго*, *Кылжевицей*, *Лазарева*, *Коцебу*, *Муханова*, *Норова*, *Ободовскихъ*, *Туланскихъ*, *И. И. Козлова*, *Марлинскаго*, *Михайловыхъ*, *Маркова*, князя *Одоевскаго*, князя *П. А. Шихматова-Ширинскаго*, *С. Д. Негаева*, *Корниловича*, *Корнилова*, *Крузенштерна*, *Сабуровыхъ*, *Г. И. Спаскаго*, *Словцова*, *Струйскаго*, *Срезневскаго*, *П. И. Сумарокова*, *Навроцкаго*, *Меньшенина*, *Я. Д. Захарова*, *С. В. Руссова*, *М. А. Обросилова*, *Иллгевскаго*, *Зотова*, *Хильльницкаго*, *Хавскаго*, *Яценкова* . . .

Неоспорочно обмолвилась госпожа *Библіотека для чтенія*. Мы увѣрены, что эпаго бы не случилось во время редакпорспва *Н. И. Грета* и *И. А. Крылова*.

38.

Самонадѣяность и самохвальство не по-востъ въ нашей журналистикѣ. По эпой части мудроно *Виссаріану Григорьевичу Блыньскому* перещеголяеть *Николай Алексеевича Полеваго*. Сей послѣдній напечаталъ въ *№ 17 Моск. Телеграфа* 1833 года, что— «*Московскій Телеграфъ* естъ журналъ, копорымъ должна гордиться Россія, копорый одинъ спощивъ за неѣ на стражъ прошивъ *Спаровѣрцевъ*, одинъ для неѣ на ловль *Европейскаго просвѣщенія*».

А. Кораблинскій.

26-е Октября
1835.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА ПРИСУТСТВІЕ

ЕГО СВѢТЛОСТИ

ПРИНЦА ПЕТРА ОЛДЕНБУРГСКАГО

въ Собраніи Императорской Россійской
Академіи, 18-го Января 1836 года.

ЕКАТЕРИНА! Правнукъ Твой,
Въ святилищѣ, основанномъ Тобой,
Въ честь слова Русскаго бесѣду дѣлнть съ нами.
Здѣсь зрнть плоды Твои, и самъ
Онъ Правовѣденю успрощивая храмъ,
Явилъ, что Правнукъ Твой Онъ — родомъ и дѣлами;
А Ты, блиспавшая ЕКАТЕРИНА вновь,
Узри съ небесъ: Твой Сынъ — дѣлнй славныхъ
чщипель;
Всего прекраснаго Онъ по Тебѣ ревннпель,
И въ немъ Твоя — къ Опечестиву любовь!

Б. Федоровъ.

БЕЗСОННИЦА.

Сонъ бѣжнть моея постели,
Душно, скучно, почъ темна;
Одинока и грустна,
Какъ младенецъ въ колыбели,
Въ облакахъ плыветь луна.

То за лѣсомъ псезаетъ,
 То за облако зайдетъ,
 То на темный неба сводъ
 Величаво выплываетъ,
 И роскошно упоаетъ
 Въ глубинѣ спекляннхъ водъ.

*

Воздухъ Майской нѣгой дышетъ;
 Лоно дремлющихъ зыбей
 Сонный вѣтеръ не колышетъ;
 Между сѣтчатыхъ выпвей
 Смолкъ полночный соловей,
 Но мольбы моей не слышетъ
 Благодѣтельный Морфей.

*

Тихо все . . . лампада ночи
 Брызжетъ злапомъ на поля;
 Спишь безмолвная земля,
 И цѣлуешь спрастно очи
 Мнѣ янтарная луна.

*

Не богиня-ль пѣсповннй
 Мирный сопъ нревожитъ мой,
 Иль предчувствнй врачнй геній
 Запуманилъ взоръ поской?

*

Иль летучій подкъ желаній
 Распянулъ свой пестрыѣ спрой,
 Иль шолпа воспомнаній
 Закружилась предо мной?

*

Иль фантазиа игрушки
 Въ часъ полночной пишины
 Прогоняюшъ опѣ подушки
 Благодѣтельные сны?

*

Иль въ душѣ моей унылой
 Пробудилися вы вновь,
 Цоцѣлуй дѣвы милой,
 И забывшая любовь?

*

Тихо все . . . свѣпило ночи
 Брызжетъ злапомъ на поля;
 Дремлетъ мирная земля,
 И лобзаетъ спрастно очи
 Мнѣ волшебница-луна.

М. Делидовъ.

1855.

О М О Н И М Ъ.

Мы запавъсь живой: опустимся—и очи
 Погружены во мракъ ночи;
 Поднимемся — и взоръ
 Вновь зрншь картины нивъ, лѣсовъ, лужаекъ, горъ,
 Огромный неба сводъ и съ солнцемъ и съ звѣздами,
 И города и селы съ ихъ церквами.
 Мы дыши вѣчноспи—и каждый сонню лѣпъ
 Ожививъ, сей оставляетъ свѣпъ.
 Историкѣ жезломъ насъ мѣщнымъ воскрешаюшъ,
 И насъ повѣсповатъ о прошломъ заспаляютъ.

Въ No 7-мъ, помѣщенная загадка значншь :

La livre de tabac, c'est seize onces, je crois;
 Or donc, lorsque je l'eus tout-à-fait consumée,
 Dans ses cendres je trouve une once, alors je vois
 Qu'il en était sorti quinze onces de fumée.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Біографія Императора *Александра I*,
 соз. Николая Греча.—С. II. б. 1835 г.

По выходѣ второй части *Энциклопедическаго Лексикона*, этаго великаго труда, дѣлающаго истинную честь издателью и редакціи; читателю *Русскаго Инвалида* прочли въ этой газетѣ прекрасно написаную главнымъ редакторомъ *Энциклопедическаго Лексикона*, Н. И. Грегель, краснорѣчивую статью о жизни и подвигахъ безсмертнаго *Александра I*, Коему названіе *Благословеннаго* спюль прилично. Послѣ этаго особы, находившіяся при покойномъ Императорѣ и близко Его знавшія, сообщили автору замѣчанія, поправки и дополненія. Это рѣшило его, не дожидаясь

новаго изданія первыхъ частей Лексикона (которое, какъ слухи носяпся, не замедлился, не взирая на 7,000 подписчиковъ), напечатать эпю біографію въ исправленномъ видѣ, опдѣльно. Книжка издана изящно и украшена превосходно - выгравированнымъ порпупрепомъ незабвеннаго Монарха. Эпа книжка написана слогомъ прекраснымъ, проникнутымъ чувствва, высокимъ, неподдѣльнымъ. Еспь мѣсна, при чтеніи которыхъ нельзя не прослезиться. Надобно сказать правду, что сочинитель усовершенствованной Русской грампшики и авторъ двухъ образцовыхъ романовъ, владѣеть талантомъ обширнымъ и прекраснымъ. Біографія *Александра* еспь самое убѣдительное тому доказательство: Она посвящена мужу знаменитому въ Русской военной исторіи, г. военному министру графу А. И. Чернышеву, сподвижнику *Александра Благословеннаго*.

В. Б.

М О Д Е С.

Le voilà passé ce beau jour d'étrennes, ma chère sœur, ce jour où chaque coup de sonnette annonce un ami ou un présent. Le bruit des voitures commence un peu à s'apaiser, et Paris quitte sa robe *sucree*, pour revêtir ses parures de bal. Je fus hier à un grand souper, le seul repas que j'aime à faire hors de chez moi, parce que j'ai remarqué que c'était toujours chez des gens d'esprit qu'avaient lieu ces sortes de réunions. Je ne dirai pas comme la fameuse Madame *Pochet: ma toilette était vraiment belle, j'avais ma robe Robin des Bois*, mais sans vanité je crois pouvoir assurer que j'étais bien mise. Ma robe était en *satin Mascara*, faite en redingote, doublée et ouattée, parce que vous connaissez mon amour pour les douillettes, puis que la ouatte donne aux robes une apparence *cossue* et *confortable* qui *réchauffe la vue*. Cette robe est gris perle, glacée de blanc, d'un brillant admirable, avec des fleurs brochées couleur, sur couleur les manches larges et très tombantes, le corsage ne croisant que du bas, avec la pélerine adaptée dessus. Un gros rouleau ferme le devant de la jupe; en

dedans de cette robe, un fichu de gaze de soie garni de deux rangs de tulle-illusion, des manchettes relevées pareilles. Avec cette robe, j'avais un bonnet, mais un bonnet qui était la plus ravissante chose qui se puisse voir, un bonnet fait par Mlle *Galy*, c'est tout dire... un bonnet *basque* avec les petites barbes retroussées, la forme *cornette*; les touffes de fleurs posées dessus comme par hasard, sur le côté, semblaient avoir été arrachées à leurs buissons pour embellir cette gracieuse coiffure.

М О Д Ы.

Вотъ прошелъ день Новаго года, любезная сестра, день, въ который каждый звукъ звонка предвѣщаетъ пріятеля или подарокъ. Стукъ каретъ начинается понемногу утихать, и Парижъ снимаетъ свое сахарное платье, чтобы надѣть бальный нарядъ. Я была вчера на большомъ ужинѣ; я очень люблю ужинать иногда въ гостяхъ, потому что, по замѣчанію моему, этого рода собранія бываютъ всегда у умныхъ людей. Я не скажу, какъ извѣстная г-жа *Pochet: мой нарядъ былъ дѣйствительно хорошъ, на мнѣ было платье Robin des Bois*, но безъ щещславія могу увѣришь, что была хорошо одѣта. Платье на мнѣ было изъ атласа *Mascara*; сдѣланное редигогомъ, на ватъ: ты знаешь мою любовь ко всему нежному, потому что вапа придаетъ платьямъ пышный и удобный видъ, согревающий глаза. Платье эпо пердоваго цвѣта, съ бѣлымъ опливомъ, обыкновенно блестящимъ, съ цвѣтками, затканными подъ цвѣтъ, рукава широкіе и совсѣмъ выпячіе; у лица выходитъ одна сторона на другую только внизу, съ придѣлапною къ нему пелеринкою. Толстый руло схватываетъ перѣдъ юбки; подъ низъ надѣта была косыночка, обшитая въ два ряда рюшемъ изъ тюля *illusion*, завороченныя манжетки такія же. Съ этимъ платьемъ на мѣѣ былъ чепчикъ, но самый прелестный чепчикъ, какой только можно видѣть, чепчикъ, сдѣланный г-жею *Galy*; больше ничего не нужно говоришь... Чепчикъ *basque* съ маленькими подобранными лопостями, форма *cornette*; кустики цвѣтовъ, положенные сверху, какъ будто нечаянно, на споропу, кажется сорваны были съ кустовъ, чтобы украсить эготъ ловкой уборъ.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 9.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ЯНВАРЯ 29 ДНЯ 1836 ГОДА.

Шель нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозъ былъ такой пресстрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какъ кажутся слоны предъ комарами:
Не возикъ и не возъ, возище то валяшь!
Но чѣмъ сей баринъ возъ набишь?
Пузырми.

Хеллицеръ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ШЕСТЬ ЛѢТЪ.

(Повѣсть.)

Часть первая.

17-го Ноября 1832 года я выѣхалъ изъ Парижа и опривился въ Порпъ-Рояль (въ Мариникъ) по дѣламъ отца моего, копорый за спароспю лѣтъ не могъ предприняшь самъ такого пруднаго путешествія. Это было съ моей спороны большою жерпвою, попому, что хопя мнѣ и хопѣлось видѣшь Американскія колоніи наши, но очень грустно было распатъся съ милою *Марию*, на которой я былъ женатъ только годъ, и которую надлежало мнѣ оспавишь, чтообы испытатъ всъ опасоспи долгаго мореплванія—всю гореспъ одиночеспва, въ землѣ далекой и совсѣмъ неизвѣспной мнѣ. Дѣлатъ однакожь было нѣчего; благосостояніе отца и самой *Маріи*, пребовали нашей разлуки, которая впрочемъ не могла продлинъся бо-

лѣе года—и я, съ расперзанной душою, оспавилъ Парижь. Но кто разгадаешъ сердце человѣческое? По пріѣздѣ моемъ въ Гавръ, видъ моря, кораблей, беспреспанное движеніе въ гавани, ежеминушная суета, разнообразіе предметовъ—всѣ это почпи совершенно разсыало поску мою. Когда же съѣлъ я на корабль, когда въ первый разъ земля исчезла изъ глазъ моихъ, и предо мною опкрылась неизмѣримоспъ будущаго, тогда плаваніе сдѣчалось для меня совершеннымъ наслажденіемъ, и въ жизни моряка, по видмому единообразной, лишенной всего того, что изобрѣпено людьми для сокращеніл времени—я, вмѣспо скуки, находилъ беспреспанно новыя и живыя удовольствія. Съ какимъ неизъяспнимымъ ошущеніемъ любовался я этимъ моремъ, когда оно по тихое и голубое, какъ лазурь неба, съ любовью качало корабль на спящихъ водахъ своихъ; по вдругъ, грозное, буншующее, било его между кипящими волнами и ежеминушно грозило ему гибелью; какъ восхищался я этою пол-

ною луною, освѣщавшею однихъ насъ во всемъ проспранствѣ водной пустыни, какъ фонарь, который заблудившійся спранникъ поднимаетъ надъ головою своею, чпобъ видѣть дорогу! этими темными ночами, когда по обѣимъ сторонамъ корабля зажигались вдругъ мириады фосфорическихъ насѣкомыхъ, и лили на насъ потоки серебристаго свѣта! Часпо прислушивался я къ спрашному завыванію моря; оно казалось ревомъ чудовища, алчущаго добычи, и я съ какимъ-то пайнымъ ужасомъ бросался къ добрымъ морякамъ, и желая забыть слышанное, внималъ разсказамъ ихъ о радостяхъ и печаляхъ спранствующей ихъ жизни, объ опасностяхъ, которымъ они подвергались и о быспропѣ прекрасной *Аделаиды*, которую выхваляли они съ гордостію. На эпошъ разъ однакожь прекрасная *Аделаида* не поддержала славы своей, и мы не прежде какъ въ сороковой день увидѣли цвѣтущіе берега Маршники.

Съ эпошъ минуны я поселился на палубѣ, и не сводилъ глазъ съ прекрасной эпошъ земли, вдыхая въ себя ароматы ея; любуюсь группами кокосовыхъ деревьевъ, съ зелеными вѣтвями ихъ, какъ бы рисовавшимися на свѣплой лазури неба; полями, покрытыми сахарнымъ проспникомъ, котораго нѣжная зелень соспавляла пріятную пропивоположпость съ мрачною зеленью другихъ растеній, и наконецъ самимъ *Портъ-Роллемъ*, съ его миленькими красными домиками, въ безпорядкѣ разсыянными у подошвы горъ.

Наконецъ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, однимъ прекраснымъ упромъ, въ самый день торжественнаго праздника, вошли мы въ гавань *Портъ-Рояля*. Опецъ далъ мнѣ письмо къ старому пріятелю своему, одному изъ богатѣйшихъ жптелей оспрова; но такъ какъ я, проводя цѣлые дни на декѣ, не вздумалъ пріискать себѣ лодки, по и не могъ попочать оспавить корабля, и попому опправилъ письмо мое съ мапросомъ. Черезъ часъ господинъ *М.* явился самъ, обнялъ меня, называя своимъ сыномъ, побранилъ за мою безпечность, нанялъ лодку и, задыхался, помогъ мнѣ перенести на неѣ вещи мои. Съ совер-

шенно родственною заботливостію пріскалъ онъ мнѣ кварпиру въ одной изъ лучшихъ улицъ города, и проводилъ меня туда самъ, показывая мнѣ всѣ лучшія мѣста и дивясь, что я восхищался землею, которою пренебрегали собственныя ея жптели. — Я былъ въ совершенномъ восторгѣ; эта многочисленная, разнообразная толпа на улицахъ, эпошъ языкъ, вовсе мнѣ неизвѣстный, эти дома, опкрытые со всѣхъ споронъ, такъ что можно было видѣть всё, что происходило внипри ихъ, — вся эта жизнь, на опкрытомъ воздухѣ; эти пальмы, это голубое небо — словомъ, всё приводило меня въ восхищеніе, которое я не могъ скрыть и надъ которымъ госп. *М.* спалъ наконецъ смѣяться. — О, вы совершенно сойдепесь съ дочерью моею, — сказалъ онъ мнѣ уходя и объявивъ, что къ 4-мъ часамъ придетъ за мною, чпобы взять меня къ себѣ обѣдать; онъ наслопельно прѣбовалъ, чпобы я во все время, пока проживу въ *Портъ-Рояль*, не имѣлъ другаго спода, кромѣ его, и когда я, пронутый такимъ добродушнымъ госпепрїимспвомъ, хотѣлъ благодарить его, то онъ, прервавъ меня, сказалъ мнѣ:

— Ни слова объ эпошъ, молодой человекъ! съ друзьями должно обходиться подружески; не забывайте, что у васъ здѣсь есть семейство и относитесь къ намъ во всѣхъ нуждахъ вашихъ.

Начало хотъ куда! подумалъ я, оспавшись одинъ и разбирая чемоданъ свой; друзья въ *Америкѣ* походяпъ, кажется, на тѣхъ добрыхъ дядюшекъ, которые дюжинами вспрѣчаются въ романахъ и водевилехъ нашихъ! Съ этими словами, я надѣлъ шафрокъ съ большими разводами, *Греческую* шапочку, вышитые туфли, — и въ эпошъ необходимомъ упреннемъ костюмѣ *Парижскаго* щеголя, сѣлъ къ окну, наслаждаясь блаженспвомъ, которое вкушаетъ мореходецъ, увидя наконецъ сухую землю, городъ, спроеііе, словомъ все то, чего онъ не видалъ во все время долгаго и скучнаго плаванія своего.

Больше всего привлекла мое вниманіе группа изъ пяпш молодыхъ *Креолокъ*, собравшаяся подъ окномъ моимъ. О, мнѣ мало

хвалили ихъ! Надобно видѣть живописную прелесть этихъ чудныхъ женщинъ, чпобы понять еѣ! длинная пестрая одежда, падающая до земли, прикрѣпленная на плечъ яркаго цвѣта лентою, и накинута на бѣлую, тонкую, какъ дымъ, рубашку; собранную мелкими складками, и едва прикрывающую прелести груди; красный мадрасовый плапокъ, съ небрежностью кокетства брошенный немного на бокъ—на густые, черные, какъ смоля, волосы—и зашпигенный блестящею булавкою; голубое или кораловое ожерелье на смуглой, но прекрасной шеѣ; мелодія ихъ голоса, огонь черныхъ глазъ, гибкость тонкаго и возвышеннаго стана, небрежная, но восхищительная прелесть въ движеніяхъ, взглядъ, поступки—все поражаетъ, увлекаетъ воображеніе въ этихъ дочеряхъ солнца и природы; и я, который до сихъ поръ плѣнялся красою полюю въ Парижскихъ обществахъ, красою искусственною, блестящею изъ подъ блондъ и кружевъ,—я видѣлъ теперь еѣ во всемъ волшебствѣ ея, на улицѣ, въ пыли, съ босыми ногами, съ щеткою въ рукахъ, видѣлъ и говорилъ самъ себѣ: природа сотворила этихъ женщинъ для эпои поэтической земли, гдѣ все гармонія: и небо—и пальмы—и цвѣты—и женщины!

Не знаю, долго ли бы продолжился восторгъ мой, если-бъ не пришелъ г. М. и не взялъ меня съ собою. Домъ его, выстроенный недалеко отъ *Саванны* (прекрасное гульбище въ *Поршъ-Рояль*, гдѣ жители никогда не прогуливаются), пользовался всеми пріятностями города и деревни; мы вошли въ обширную гостиницу, въ которой окна были растворены и, такимъ образомъ, сближали такъ сказать прохожихъ съ жителями дома. На диванѣ, въ широкой бѣлой одеждѣ, въ мадрасовомъ плапкѣ на головѣ, лежала хозяйка,—жена г. М., а возлѣ еѣ, съ какою-то работою въ рукахъ, сидѣла семнадцатилѣтняя дочь ея, которую называли *Кандидою*.

Кандида!!! О пѣтъ! Это имя преспечы, добродушія, не отвѣчало ея длиннымъ, чернымъ, полузакрытымъ глазамъ, откуда вы

летали слезы, пламенные—какъ душа ея! ни насмѣшливой улыбки, игравшей на алыхъ и тонкихъ устахъ, ни глубокому и проникательному взору, копорый, казалось, читалъ мысли, ни быспрому разительному оспроумію ея, копорымъ она поражала и изумляла каждаго.

«Рекомендую тебѣ сына, а тебѣ брата,» сказала г. М., представляя меня женѣ и дочери, копорыя приняли меня какъ роднаго. По приказанію отца, *Кандида* съ неизъяснимою прелестью позволила мнѣ поцѣловать себя въ щеку, и черезъ нѣсколько минутъ мы все четверо разговаривали такъ просто, съ такою чиспосердечною, хотя благоприспосною вольностію, какъ бы друзья, увидѣвшіеся послѣ недолгой разлуки, тогда—когда она не измѣнила еще сердце и мысли ихъ.

Скоро мы пошли въ столовую—свѣжую, прохладную, наполненную ароматами. Она была защищена одними сквозными зелеными спорами, сквозь копорыя видѣть былъ прекрасный садъ, гдѣ все цвѣты Европы и все растенія новаго свѣта соединены были съ тѣмъ разборчивымъ и тонкимъ вкусомъ, копорый рѣдко встрѣчается въ колоніяхъ.

Прохладный вѣперокъ приносилъ къ намъ благоуханіе померанцовыхъ деревьевъ и тихое шрепешаніе листьевъ ихъ, похожее на шрепешаніе крыльевъ какой нибудь пшички. Меня удивляло ошмѣнное множество блюдъ и слугъ около стола, и хотя для меня приготовлены были Европейскія кушанья, но *Кандида* подчивала меня своими и смѣялась, когда я, оправдывая ихъ, дѣлалъ невольную гримасу. Разговоръ нашъ не перерывался, мы говорили о Европѣ, о колоніяхъ, и *Кандида*, съ насмѣшливою улыбкою своею и нѣсколько злобнымъ краснорѣчіемъ, описывала все пріятности и невыгоды своего опечества.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТАРАЯ ШЛЯПА.

Изъ множества занимательныхъ анекдотовъ, копорые слыхалъ я въ одномъ Парижскомъ шрапширѣ, куда хаживалъ ѣдашь,

одинъ особенно—никогда не изгладился изъ памяти моей.

За нѣсколько лѣтъ до первой Французской революціи, пришелъ однажды въ *Mont de piété* (такъ называется въ Парижѣ мѣсто, гдѣ принимаютъ подъ закладъ вещи) крестьянинъ, снялъ съ головы своей шляпу и, подавая еѣ комиссару, просилъ выдать ему за неѣ шесть франковъ.

«Шесть франковъ? въ умѣ ли ты? да и я что за сумасшедшій, чтобы взять эту дрянь? я не дамъ за неѣ копѣйки.»

— Конечно она не нова;— опивчалъ крестьянинъ, да какова она ни есть, я бы не продалъ еѣ за двадцать червонцевъ. Послушайте, г. комисаръ: я продалъ на прошлой недѣлѣ пяць кудей муки, за которую мнѣ обѣщали заплатить сегодня, и этими деньгами я думалъ внести недоимку, а не понынче же опишутъ все, что я имѣю въ домѣ. Но вопль бѣда! покупатель мой сегодня хоронилъ сына, жена его больна, и онъ только черезъ недѣлю можетъ расплатиться со мною. Я не разъ имѣлъ дѣло съ вами: вы знаете, что я человекъ честный, и надѣюсь, что вы не затруднитесь ссудить меня шестью франками. Они для васъ бездѣлица, а мнѣ въ нихъ крайняя нужда. Если вы мнѣ не доверите, то эта шляпа будетъ вамъ за меня порукою. Право, сударь, она стоитъ дороже, нежели вы думаете.—

Комисаръ засмѣялся, пожалъ плечами и оставилъ его; въ это время случился тупъ графъ Л., который пришелъ навѣдаться о какихъ-то просроченныхъ картинахъ, которыхъ назначены были къ продажѣ съ публичнаго торгу. Добродушіе крестьянина поразило его; онъ подошелъ къ нему, сунулъ ему въ руку 6 франковъ серебромъ, и вышелъ прежде, нежели крестьянинъ успѣлъ опомниться отъ удивленія.

Съ мѣсяцъ спустя послѣ того, графъ Л. проѣзжал по новому мосту (*pont neuf*), услышалъ, что кто-то закричалъ: спой! Онъ взглянулъ изъ кареты, и увидѣлъ, что какой-то человекъ бѣжалъ за нею во всю прыть, спарался догнать еѣ. Графъ дернулъ за шну-

рокъ, карета остановилась, и незнакомецъ, подбѣжавъ къ дверцѣ, сказалъ запыхавшись отъ усталости:

— Милосивый государь! прошу васъ извинить меня, что я васъ обезножилъ: но не вы ли, съ мѣсяцъ тому назадъ, случившись вмѣстѣ со мною въ *Mont de piété*, всунули мнѣ въ руку шесть франковъ? —

«Я, другъ мой.»

— Такъ вопль, сударь, я возвращаю вамъ ихъ съ моею нижайшею благодарностію. Вы тогда такъ скоро ушли, что я не успѣлъ ни поблагодарить васъ, ни узнать гдѣ вы живете; но комисаръ сказалъ, что онъ васъ знаетъ, и потому я каждое воскресенье прѣзжаю въ городъ, надѣясь встрѣтить васъ на улицѣ, и, слава Богу, сегодня прѣехалъ не по пустому. Да благословилъ Богъ васъ и дѣшей вашихъ за благодѣяніе, которое вы мнѣ оказали.—

«Мнѣ очень пріятно, что я могъ служить такому доброму человеку, какъ ты,» опивчалъ графъ: «си признаюсь, не думалъ получить этихъ денегъ назадъ; а потому прошу тебя опять принять ихъ, и купишь какойнибудь подарокъ своимъ дѣтямъ.»

— Вы обижаете меня, сударь,—сказалъ крестьянинъ: я никогда не занимаю денегъ съ тѣмъ, чтобы не отдавать ихъ. Я никогда ни въ чемъ не услужилъ вамъ, а вы обязали меня суммою, въ которой мнѣ была необходимая нужда. Благодарю васъ, сударь, и прошу взять еѣ назадъ.—

«Нѣтъ, нѣтъ, она принадлежитъ тебѣ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, употреби еѣ на покупку игрушекъ для дѣтей твоихъ и скажи имъ, что я дарю ихъ.»

— Вы такъ добры, сударь, что съ моей стороны было бы грубо отказать вамъ.—

«Теперь, другъ мой,» продолжалъ графъ: «объясни мнѣ пожалуй, почему ты за эти 6 франковъ предлагалъ комиссару шляпу, которая не стоитъ и шести копѣекъ?»

— Потому, сударь, что для меня она стоитъ гораздо дороже шести франковъ.—

«Но почему это?»

—А вотъ, сударь, почему: нѣсколько лѣтъ пому назадъ, сынъ помѣщика нашей деревни капался по льду на прудъ, поскользнулся и упалъ въ прорубь. По щасію я работалъ на берегу, увидѣлъ это, бросился въ прудъ и выпасилъ ребенка. Отецъ его, въ благодарность, подарилъ мнѣ десятиину земли, на которой я выстроилъ домикъ, и онъ помогъ мнѣ завестись хозяйствомъ; узнавъ же, что я, выпаскивая сына его, сронилъ шляпу свою въ прудъ, снялъ съ себя свою и, надѣвая мнѣ на голову, сказалъ: я бы желалъ вмѣсто ней надѣлѣть на тебя лавровый вѣнецъ. Теперь вы видите, сударь, какъ мнѣ должна быть дорога эта шляпа. Я никогда не работалъ въ ней въ поле, и берегу её какъ глазъ. Въ деревнѣ мнѣ всё напоминаетъ благодѣшеля моего, хотя его давно уже нѣтъ на свѣтѣ; но памъ домъ мой, садъ, жена, дѣти,—словомъ всё то, чѣмъ я обязанъ ему; когда же я ѣзжу въ Парижъ, то всегда надѣваю её, пошому, чтобы видѣть здѣсь какую нибудь вещь, которая ему принадлежала; только грустно мнѣ, что она спановилась спара... Посмотрите, какъ она износилась; однако я буду беречь её до послѣдняго лоскупка, и ей нѣтъ цѣны въ глазахъ моихъ. —

Тронутый графъ далъ адресъ свой крестьянину, и просилъ его прийти на завтра къ нему.

Крестьянинъ не забылъ приглашенія, и былъ шотчасъ принятъ съ оимѣнною ласкою.

«Другъ мой,» сказалъ ему графъ, взявъ его за руку: «ты не только спасъ жизнь сыну твоего благодѣшеля, но сдѣлалъ большое благодѣшаніе мнѣ, заспавивъ меня перемѣниль мнѣніе мое на щепъ людей. О! теперь я вижу, что между ними есть еще нѣкоторые благородныя и чувствительныя души — и этимъ обязанъ тебѣ. носи шляпу твою, пока она можеть еще прикрывать твою голову; но когда она износилась до того, что нельзя будетъ употреблять ее, тогда въ знакъ сердечнаго моего уваженія, и въ памиль дружбы моей къ тебѣ, прими опять меня мою шляпу, и позволь мнѣ каждый годъ присылать тебѣ новую.»

Графъ *Л.* употребилъ, какъ вы видите, очень благородное средство, чтобы заспавивъ крестьянина принять опять него подарокъ. Онъ зналъ, что даже при оказаніи одолженія — благородный и добрый человекъ спарается щадить самолюбіе тѣхъ, кого онъ обязываетъ, и боится унижить его въ собственныхъ глазахъ его.

Чрезъ нѣсколько времени онъ пріобрѣлъ совершенную довѣренность честнаго поселянина, помогъ ему въ тяжкихъ обстояельствахъ, и прудно сказалъ — кпо въ этомъ случаѣ былъ довольнѣе своего участью: графъ ли, который спасъ опять погибели крестьянина, или крестьянинъ, обязанный спокойствіемъ своимъ великодушному своему покровителю.

Т.

С П И С О К Ъ

Дѣйствительныхъ Членовъ Императорской Россійской Академіи, уже окончившихъ свое земное поприще.

	Время избра- нія.	Время кон- чины.
1. <i>Дашкова</i> , княгиня Екатерина Романовна, спавилась дама.	1783 Окп. 21.	1810 Янв. 4.
2. <i>Гаврииль</i> (Петровъ), митрополиль Новгородскій и Санктпетербургскій	— —	1801 — 26.
3. <i>Инокентій</i> (Нечаевъ), Архіеп. Псковскій и Рижскій.	— —	1799 — 24.
4. <i>Панфиловъ</i> , Иванъ Ивановичъ, Протоірей Московскаго Благовѣщенскаго Собора, членъ Са. Синода, духовникъ Ея Императорскаго Величества	— —	1794 Юня 20.
5. <i>Потемкинъ - Тавригескій</i> , князь Григорій Александровичъ, генераль-фельдмаршалъ	— —	1791 Окп. 5.
6. <i>Шуваловъ</i> , Иванъ Ивановичъ, оберъ-камергеръ	— —	1797 Дек. 11.
7. <i>Олсуфьевъ</i> , Адамъ Васильевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ	— —	1784 Юня 27.
8. <i>Елагинъ</i> , Иванъ Петровичъ, оберъ-гофмейстеръ	— —	1793 Сен. 22.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

ВОЕННЫЯ СИЛЫ ВИРТЕМБЕРГСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

Народонаселеніе 1,594,671 человекъ.

Главный Штабъ.

Въ немъ 16 чел.

Пѣхота.

8 полковъ линейной пѣхоты. Полкъ раздѣ-
ляется на 2 баталіона, баталіонъ на 4 роты.
Въ каждомъ полку полагается по 1,419 чел. 11,352 чел.

Конница.

1 эскадронъ	конной гвардіи	163 чел.
1 — — —	конныхъ егерей	40 —
4 конныхъ	чепырехъ эскадрон- ныхъ полковъ; въ каждомъ по 652 ч.	2,648 —

Артиллерія.

1 артиллерійская бригада, въ ко-
торой 2 баталіона, по 3 роты въ
каждомъ. Изъ нихъ 1 рота конная. 1,113 чел.

Инженерство.

1 рота пионеръ	}	668 —
2 роты гарнизонныя		
Арсенальная команда		

Итакъ, вся Виртембергская армія имѣетъ: 16,000 чел.

Примѣчаніе. Въ мирное время, по окончаніи маневровъ,
остаются подъ ружьемъ только 6,500 человекъ. Земскаго
ополченія нѣтъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

39.

Легковѣрнаго рода поверхностные чина-
тели увѣрены, что напечатанная въ *пл*
той книжкѣ Библиотеки для чтенія такъ
названная: *Потерянная для свѣта повѣсть*,
подъ которою подписался *А. Бѣлкинъ*, вы-
лилась изъ пера знаменитаго нашего писа-
теля Александра Сергѣевича *Пушкина*. Они
помнятъ, что прелесныя по живописи и
веселости разсказа, замысловатому содержа-

нію, по слогу очаровательному, *Повѣсти* из-
даны были нѣкогда подъ именемъ *Ивана*
Бѣлкина, а послѣ онѣ-же самыя очутились
въ Собраніи *Повѣстей А. С. Пушкина*. Од-
нимъ словомъ, имя *Ивана Бѣлкина* служило
пseudонимомъ творцу *Евгенія Онегина*. Но про-
симъ господъ легковѣрныхъ чинамелей хоть
немножко поразмысливъ о слогахъ и содержа-
ніи эпои—*Потерянной для свѣта повѣсти*; худ-
дой языкъ, которымъ разглагольствуютъ
между собою семеро пьяныхъ, выключенныхъ
изъ службы подъячихъ, и хмельное содер-
жаніе эпои спашы, какъ разъ удостовѣ-
рять ихъ, что какой-то неизвѣстный пи-
сатель хотѣлъ навязать ихъ на шею *А. С.*
Пушкина. Нашъ славный соотечественникъ
дорожитъ добрымъ мнѣніемъ хорошаго Об-
щества образованной бѣсѣды; ему пріятно,
что его читаютъ дамы высшаго круга и
дѣвицы образованныя. Дозволилъ ли онъ се-
бѣ выводять на сцену людей, которые вду-
чи гуляють въ Парголово, заняли двѣ *ложки у*
хозяйки и три у трактирщика, все относитель-
ное къ пуніу забрали въ сосѣдней мелогной ла-
вогкѣ, выпили по полустакану настойки; Лука
Лукичъ, *скушавъ поросенка, утерся рукою,*
поемку салфетокъ съ нимъ не взято.—*Жела-*
тельно бы выпить,—сказалъ Иванъ Ники-
пищъ. «Съ моимъ удовольствіемъ!» отвѣчалъ
Лука Лукичъ: «чего прикажете? У меня толь-
ко *настойка, да красное.*»—«Да хоть красненъ-
каго, батюшка! къ *настойкѣ мы уже имѣли*
слугай прикладыватся.

«Что за церемоніи! взялъ *бутылку,* и ра-
зомъ пуснулъ еѣ въ ходъ, какъ залежавшее-
ся дѣло послѣ доброй *взяпки.*

Всѣ опзывались съ самой лучшей споро-
пы о *красномъ*, которое было объявлено оп-
мѣннымъ *винограднымъ виномъ и ротвейномъ*
перваго сорту.

Красное было выпито, а *Мадера* сполна
не раскупорена.

При эпои невольню взглянули на *непоча-*
тыя бутылки.

—Я, сказалъ *Илья Никифорычъ*, если и
выплю, такъ развѣ на поросенка: боюсь,
чтобъ не *забургло въ животъ.*

«А мнѣ непременно должно *запить* сига,» подхвапимъ Лука Лукичъ, принимая бупымылку.

—Я, сказалъ Иванъ Никипичъ, *выпью отъ жару*: нынче мнѣ что-то такъ душно!

«Я поже *выпью стаканчикъ*,» сказалъ Максимъ Козьмичъ: «у меня цѣлый день, какъ морозъ по кожѣ.

—Такъ *выпить* и мнѣ!—молвилъ Галакпiонъ Андрейчъ: дѣйствительна, погода такая спранная,—не знаешь, что дѣлать!

«*И я за валли*,» сказалъ Яковъ Пешровичъ, съ свойственнѣмъ ему достоинствомъ и лаконизмомъ.

—Что грѣха паишь!—сказалъ наконецъ испорикъ эпои попойки: признайся вамъ, я *выпью* попому, что *люблю выпить*.

Не смотря на то, что мы *пили* всѣ по разнымъ причинамъ, *въ бутылкахъ не осталось ни капельки*.

Мы легли такъ, какъ лежали Римляне, копорые, не смотря на лежащее свое положение, могли удобно *пить*.

Вино было, право, хопъ куда, и мы шѣмъ смѣнѣ чувствовали его достоинство, что въ нашихъ спранахъ *редко употреблялись Ренское*.»

Во второй часпи эпои бражной повѣспи, выключенные изъ службы за пьянство, буянство, взяпки и плеваніе въ лицо будочникамъ, подьячiе держали совѣщъ о помъ: *грогъ* ли дѣлать изъ имѣющагося у нихъ въ наличности рома, или пуншъ? Рѣшено коллегіально; большинство голосовъ оказалось въ пользу грогу.

Въ третьей и последней часпи, дѣйствующія лица эпои, но словамъ барона *Брамбеуса*, образованной бесѣды, напаянулись мершвецки. Еле живыхъ уложили ихъ въ омнибусъ и привезли назадъ въ Пиперь, гдѣ, расходясь по кварширамъ, испорикъ эпои благородной и цѣжныхъ чувствованій исполненной повѣспи имѣлъ несчастіе попаспъ въ руки будочниковъ и почеваль на съѣземъ дворъ.

Вопъ какою спаетейною попопчиваль своихъ милыхъ читательницъ неизвѣстный писапель, украсившій себя свѣспозарнымъ именемъ пворца прагедіи *Борисъ Годуновъ*,

поэмы *Русланъ и Людмила*, *Бахисарайскій фронтанъ* и *Кавказскій Пльнникъ*.

А. Кораблинскій.

23 Ноября

1835.

С. П. Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

З А Т Ъ И.

Сказка.

Тщеславинъ—господинъ и знапный и богатый,
Имѣвъ *пять тысячъ душъ* и денегъ миллионъ,
И въ мапушкѣ-*Москвѣ* огромныя палашы,
Вездѣ былъ приняпъ и пѣчтѣпъ.
Наскучили ему спектакли и собранья;
Бѣсъ подспрекнулъ его, для славы дней своихъ,
Приняпся за перо, писапъ *друзьямъ посланья*
И *отпечатать* ихъ!—

А чтобъ спихи его внимапье заслужили—

Издержекъ онъ не пощадилъ!

Для украшенія каршинки приложилъ,

Всѣхъ журналисповъ закормилъ!

И вопъ опишинушы его пворенья были.

Но, сколько паглецы не пѣли имъ похвалъ,—

Никто его пвореній не читалъ!

Всѣ экземпляры въ лавкахъ стнчили.

*

Такъ многіе изъ насъ, Богъ въспъ, что запѣваюшъ,

Желая выказать себя!—

И попусту труды употребя,

Лишь имя доброе перяюшъ.

Любовью къ ближнему, шаланшами, умопъ,—

Мы уваженіе себѣ приобрѣпѣмъ.

М. Сухановъ.

Вятское.

LOGOGRIPHE.

Une obscure prison, lecteur, est mon séjour,
Et jusques à me pendre on pousse mon supplice;
Malgré ces cruautés, et la nuit et le jour,
Je suis en mouvement pour te rendre service.

Si ce début ne paraît assez clair,
 En me définissant, tu pourras me connaître.
 J'offre dans les neuf pieds qui composent mon être,
 Ce qu'on prend en été plus souvent qu'en hiver,
 Un métal bien trempé, cet immortel génie,
 Qui nous intéressa pour l'amant (1) de Junie;
 Une montagne où croît un bois fort odorant;
 Certain écrit légal, qui pour un temps nous lie,
 L'endroit où les vaisseaux sont à l'abri du vent;
 Un espace de temps, l'amante infortunée,
 Pour prix de ses bienfaits, dans Naxe abandonnée;
 Le plaisir favori du sexe féminin,
 Un faux dieu révééré par le Samaritain,
 Pour les nochers un objet secourable,
 Pour l'armée en déroute un guerrier redoutable.
 Un tissu peu porté quand règne la chaleur;
 Un homme vertueux et son frère exécration,
 Ce qui plus d'une fois fait tomber un acteur.
 La ville que fonda le petit-fils d'Anchise,
 Mais de mon nom assez je t'ai fait l'analyse.

Въ No 8-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Въли*.

M O D E S.

La maîtresse de la maison avait une robe de velours noir, à manches courtes jusqu'aux coudes, des mitaines noires; le corsage drapé demi-montant, un tablier de satin des Indes noir broché, garni tout autour et aux poches d'une petite ruche de ruban de satin cerise; un bonnet *jardinière* avec *grenades*. Les tabliers sont une vraie fureur; j'en ai vu un de gros de Naples moiré, brodé en soie plate à dessins de guirlandes de roses et de violettes, qui valait deux cents francs. Le prix vous fera juger de la perfection du travail. Décidément une femme qui se *respecte*, ne peut plus sortir sans manchon; les plus distingués, par la raison qu'ils sont les plus chers, sont ceux de *renard bleu*. On porte beaucoup de chapeaux de satin blanc *roux*; on les orne de nœuds de rubans pareils, avec quelques fleurs dessous. Les petits bords

(1) Britannicus.

se font généralement en velours épinglé, avec beaucoup de plumes. J'ai vu chez Mlle *Galy* un *turban rézille* d'un genre tout-à-fait nouveau, très plat devant et élevé des côtés; ce turban était plein de grace, et pouvait rivaliser avec un petit chapeau *vendéen* en satin blanc orné d'un bouquet de plumes blanches sur le côté. C'était très original et très élégant au visage. Voici le moment de mes grandes observations arrivées; et l'époque où je fais *poser* mes plus jolies connaissances pour augmenter mon *Album de modes*. Adieu, ma bonne *Nancy*, on m'attend pour aller à une matinée musicale; où doit chanter *Richelmi*, *Richelmi* à la voix suave et mélodieuse. . . . Votre sœur affectionnée. — *Sarah*.

М О Д Ы.

На хозяйкѣ дома было черное бархатное платье съ короткими рукавами до локтей, черныя полуперчатки, лифъ, драпированный полу-открытый, передникъ изъ чернаго запиканнаго Индѣйскаго апласа; я видѣла одинъ обѣяринный, вышитый несучеными шелками, гирландами розъ и фиалокъ; который стоилъ двѣсти франковъ. Цена тебѣ покажетъ совершенство работы. Рѣшительно женщина, себя *уважающая*, не можетъ выходить безъ муфты — самыя опличныя, потому что самыя дороги, изъ голубыхъ песцовъ. Носятъ много рыжеватыхъ апласныхъ шляпъ; ихъ отдѣлываютъ бантами изъ ленты такого же цвѣта, и нѣсколькими цвѣтами снизу. Маленькя поля дѣлаются по большой части изъ булавчатаго бархата, съ множествомъ перьевъ. Я видѣла у г-жи *Galy* шюрбанъ *rézille*, совсѣмъ въ новомъ родѣ, весьма плоскій спереди и приподнятый съ боковъ; эпошъ шюрбанъ былъ чрезвычайно ловокъ, и могъ вступить въ соперничество съ маленькою шляпкою *vendéen*, изъ блага апласа съ букетомъ бѣлыхъ перьевъ на боку. Это было весьма оригинально, весьма щеголевато и къ лицу. Вотъ прошло время моихъ важныхъ замѣчаній, и эпоха, въ которую я списываю самыхъ пригожихъ своихъ знакомыхъ для увеличенія моего моднаго альбома. Прощай, добрая моя *Nancy*, меня ожидаютъ, чтобы вхатъ въ упреннее музыкальное собраніе, гдѣ долженъ пѣть *Richelmi*, *Richelmi* съ приятнымъ и сладкозвучнымъ голосомъ. . . . Любящая тебя сестра — *Sara*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 10.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ де-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 1 ДНЯ 1856 ГОДА.

Три года не писалъ двухъ словъ,
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КАССИРЪ.

Кассиръ худъ, блѣденъ, руки его сухи и пальцы согнуты.—Онъ носитъ зелѣныя или синія очки, рѣдко выходитъ со двора, и на улицѣ безпрестанно смотритъ на право и на лѣво. Онъ никогда не ложится спать или не садится за бюро свое безъ того, чтобы не осмотрѣть—не спрятались ли кто подъ бюро или кровать его.

Кассиръ имѣетъ два лица, изъ которыхъ одно улыбается, когда приносятъ ему деньги, другое дѣлаетъ ужасную гримасу, если кто у него ихъ пребуеетъ.

У кассира есть Англійская собака, копорую онъ безпрестанно дразнитъ, чтобы приучить её кусаться и ворчать на всякаго. Онъ всегда очень доволенъ, когда собака кусаетъ его, потому что это есть вѣрное доказательство ея злости и неуспянной бдительности. Кассиръ тогда только бьетъ собаку свою, когда она опорветъ клокъ ошь его серпука или разорветъ ему панталоны. Въ этомъ случаѣ бережливость его беретъ

верхъ надъ страхомъ—и наспоющее торжествуетъ надъ будущимъ.

Кассиръ съ благоговѣйнымъ пренепомъ чипаетъ полицейскія вѣдомости. Спашья объ одномъ воровствѣ приводитъ его въ ужась; о двухъ—производитъ дрожь во всѣхъ членахъ его; о воровствѣ съ смерпоубійствомъ, причиняетъ ему обморокъ, и тогда, чтобы привеспи его въ чувство, надобно всунуть ему въ ротъ гореть медкой серебряной монеты, или постучать палкой по шкапулкѣ его. Это средство всегда удаеся.

Кассиръ носитъ ключи свои на шеѣ на крѣпкой желѣзной цѣпочкѣ, и не покидаеть ихъ ни на минупу. Ночью онъ кладетъ ихъ на сердце и придерживаетъ правою рукою; въ дорогѣ—велитъ пряпать ихъ съ книгою дилижанса, и проситъ надсмотрщика никому не говорить о нихъ. Когда же бываетъ въ банѣ, тогда привязываетъ ихъ къ крану съ холодною водою и не выпускаетъ изъ виду.

Кассиръ любитъ ассигнаціи, хранящіяся въ его портфель, такъ спраспно, какъ будто бы онъ были его собственныя. Когда нужно ему выдать банковый билетъ во 100 рублей—онъ вздыхаетъ разъ; въ тысячу,

СЛОВЕСНОСТЬ.

ШЕСТЬ ЛѢТЪ.

(Продолженіе).

вздыхаетъ дважды; но по мѣрѣ, какъ сумма возрастаетъ, сожалѣніе его увеличивается, и бывають случаи, въ которыхъ бѣдный кассиръ—только что не плачетъ.

Прежде, нежели итти съ двора, кассиръ заставляетъ жену свою осмолить—нѣтъ ли дыръ на его карманахъ, и часто говоритъ, что искусный воръ, съ помощью проворства и першья, можетъ провести верблюда сквозь иглыныя уши, или заставивъ omnibusъ проѣхать между кольнами г. Т.

Кассиръ никогда не ходитъ въ толпу и не любитъ народныхъ увеселеній. Въ театръ онъ лучше заплыветъ вдвое, нежели сидѣть гдѣ нибудь назади, а на публичныхъ балахъ прячется въ уголъ, и безпрестанно щупаетъ, съ нимъ ли часы его.

Пробудя перо, кассиръ всегда чертитъ цифры, и всѣ его риторическія сравненія выбраны изъ таблицы умноженія. Если вы скажете ему на примѣръ, что золото—мечта,—онъ отвѣчаетъ вамъ: это такъ вѣрно, какъ четыре и четыре девять. Если сынъ его не принесъ въ субботу одобрипельнаго апестата изъ училища, тогда онъ въ сердцахъ кричитъ ему: ты нуль—и будешь вѣкъ нулемъ безъ всякой цифры. Любимая игра его лото, а самое интересное для него происшествіе во всей жизни его есть сонъ, въ которомъ онъ видѣлъ однажды—сто девяносто девять тысячъ цифръ, которыя онъ спавилъ одну подлѣ другой.

Когда кассиръ умретъ, тогда подлѣ изголовья его найдутъ слѣдующій щепъ:

1. *Столько* На сосновый гробъ.
2. *Столько* На мои похороны.
3. *Столько* На вино могильщикамъ.
4. *Столько* За наемъ карепъ.
5. *Столько* За мѣсто на кладбищѣ.
6. *Столько* За цвѣты, которыя должно всегда содержать на могилѣ моей.

Нѣтъ сомнѣній, что ипогъ будетъ вѣренъ.

Т.

Послѣ обѣда г. М. просилъ у меня позволенія итти къ одному изъ своихъ друзей, у котораго обыкновенно проводилъ всѣ вечера свои, и поручилъ дочери показатъ мнѣ садъ. Жена его, почти всегда нездоровая, оспалась въ комнатѣ.

Кандида показала мнѣ цвѣтничекъ, лѣсочки, павильоны—и, наконецъ, сказала: теперь я поведу васъ въ бесѣдку мою. Я слѣдовалъ за нею чрезъ длинную густую мангонилевую алею, которая вывела насъ на другую часть сада, совсѣмъ необработанную. Мы пробрались сквозь колючія вѣтви акаціи, покрытыя цвѣтомъ и перепутанныя благоуханною лианою—и потомъ вышли на большой лугъ, усыянный кустами *недотроги* (*sensitive*) и Американскими розами.—*Кандида*, тонкая, гибкая какъ пальма, легкая какъ призракъ, шла впереди, или лучше сказать, неслась по воздуху, и напоминала мнѣ прекрасную картину *Рембранта—Ангела, улетающаго отъ Товія*, которой столько разъ удивлялся я въ Луврѣ. Но она не улетѣла отъ меня; она остановилась, и поднявъ густыя вѣтви бамбука, закрывавшія дверь въ святилище, взглянула на меня съ обворожительною улыбкою. Я вскрикнулъ отъ удивленія. «Да, это рай!» сказалъ я и подлинно! Праведникъ, котораго ангелъ ждетъ у дверей райа, не можетъ, я думаю, видѣть тамъ ничего прелестнѣе эпой дѣвы неба, воздушной какъ Пери, полусокрышой въ зелени деревъ, и нѣжно улыбающейся щасливцу, котораго она вела за собою,—и я, смотря на эпаго земнаго ангела, радовался чистотѣ мыслей и чувствъ своихъ, и вполне предавался сладкому ихъ влеченію.—Войдемте,—сказала *Кандида*, взявъ меня за руку. Мы вошли въ бесѣдку, и я думалъ, что вижу какой нибудь очаровательный сонъ. Быстрый попокъ, низвергавшійся съ крушой горы, покрытой лѣсомъ и цвѣщущимъ кустарникомъ, бѣжалъ у ногъ нашихъ и несъ съ собою гирлянды цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ листья-

ми; рощица изъ кокосовыхъ и бакановыхъ деревьевъ, шла по косоугору до самаго берега, а памъ сипее, необозримое море, присоеди- няло паинспвенный голось свой къ реву испочника, и принимало его въ свое лоно. Мы сидѣли на мишиспой скалѣ, подѣ пѣнью сиреней и лимонныхъ деревъ; за нами воз- вышалась спѣна изъ пирамидальной *бюраге- ты*, покрышой желпыми и пунсовыми цвѣ- пами, а у ногъ разспилались изумрудные ковры всѣхъ возможныхъ растений, копорыя природа, казалось, собрала памъ на показъ, не дозволяя искусству мѣшати ея прихоти. Надъ головою нашею висѣли гнѣзда коли- бриевъ, и пысячи разныхъ ппицъ веселили слухъ нашъ и забавляли насъ своими играми.

— Посидимъ еще, — сказала *Кандида*, — я только здѣсь и щасплива, и попому прово- жу пущъ цѣлые дни.—

«Какъ? однѣ?»

— Одна. —

«Я понимаю, что вамъ здѣсь весело, но общество имѣетъ всё право за это роп- сать на васъ.»

— Общество обо мнѣ не думаетъ; а если и занимается иногда мною; то это такъ, какъ занимающся новою мебелью для балъ- ной залы, или инспруменпомъ, нужнымъ для музыкальнаго вечера.—

«Вопъ чего я никакъ не поспигаю.»

— Можеть бытъ!... Но я была не всегда такава! —

Тутъ *Кандида* рассказала мнѣ, что была воспитана другомъ опца ея, человекомъ опмѣнно просвѣщеннымъ, который прожилъ нѣскольго лѣтъ въ Поръ-Рояль, и замѣ- шивъ природную ея наклонность къ ори- гинальности, спарался какъ можно болѣе развитъ её. Онъ образовалъ её умъ, усовер- шенспвовалъ дарованія, но поселилъ въ юномъ сердцѣ ея всю ту недовѣрчивость, копорую лѣта и горькій опытъ укорени- ли въ немъ самомъ. *Кандида* испугалась, ко- гда онъ показалъ ей свѣтъ во всей нагопѣ его, и начала смотрѣть на всё съ подозрѣ- ниемъ, разбирая и оцѣнивая въ другихъ ка- ждое дѣйствіе, каждое слово; не довѣряя ни-

кому и види на всѣхъ одну поддѣльную ли- чину. Такая спранность въ эпомъ юномъ и прекрасномъ пвореніи — сначала удивила, попомъ охолодила къ ней не только зна- комыхъ; но и самыхъ друзей ея, копорые не понимая пайны душевныхъ ея спрада- ній, приписывали молчаніе и сухость обо- жденія ея высокомѣрїю и называли её ледя- ную, безчувспвенною спатуею.

Кандида приняла эпомъ приговоръ съ ве- ликодушнымъ перпѣниемъ, какъ первое ис- пытаніе жизни, и съ эпой минутой доволь- ная сердцемъ своимъ, не заботилась о мнѣ- нїи другихъ и жила сама съ собою. Но она не могла однакожъ проспипть подругамъ своимъ, копорыя за любовь плащили ей не- навистью, и раздраженная прошивъ нихъ и цѣлаго общества, рѣшилась упопробитъ всё остроуміе свое, чтобъ опмспитъ за обиду. Тогда всё свѣтскіе обычаи, удовольспвія, инсприги подверглись язвительнымъ насмѣш- камъ молодой мизантропки; она не щадила никого, не уважала никакимъ мнѣниемъ и поспавила прошивъ себя всё общество.— Её начали бояться, убѣгать—и, наконецъ, несчастная, упоменная борьбою, но доволь- ная побѣдою, вовсе оставила свѣтъ, гдѣ не нашла ни одной души, копорая бы понима- ла душу ея. Съ пѣхъ поръ *Кандида* искала въ наукахъ и уединеніи пѣхъ удовольспвій, копорыя балы и собранія доставляютъ дру- гимъ молодымъ женщинамъ.

Ахъ! она удивляла, увлекала меня! Часпо въ изумленіи, смотрѣлъ я на эту юную прекрасную голову, уже опягченную бре- менемъ мыслей, опъ копораго сѣдѣли му- дрецы всѣхъ вѣковъ и народовъ; слушалъ ея холодный разборъ всѣхъ чувспвъ, всѣхъ мнѣній человѣческихъ, нерѣдко прерываемый крикомъ удовольспвія, при видѣ цвѣпка или песпрокрымой бабочки! — Проникая въ ея пвердую, спокойную, по-видимому оледенѣв- шую душу, копорая однакожъ неожиданны- ми порывами энпузіаза уносила въ другъ ко всему великому, ко всему прекрасному, и на огненныхъ крыльяхъ улепала въ мїръ поэзіи. Каждый день я открывалъ въ ней новый даръ, новое совершенство; она опмѣнно хорошо знала музыку—и прекрасный голось

ея, развитый, обработанный искусным Импанцемъ, плыла небесной гармоніей. Я слушалъ её по цѣлымъ вечерамъ, и часы летѣли непримѣнно — ахъ, онѣ уносили за собою и покойство мое, и блаженство, и почти самую жизнь!

Я проводилъ всѣ дни въ Белѣрѣ, занимаясь музыкою, слушая *Кандиду*, чиня ей или вмѣстѣ съ нею, срисовывая виды съ прекрасныхъ мѣстъ, насъ окружавшихъ. Послѣ обѣда мы уходили въ ея бесѣдку.

О, какія волшебныя минуты проводилъ я тамъ, наединѣ съ нею, держа руку ея въ рукахъ моихъ и смотря на неё, когда въ сладкой задумчивости она благоговѣла предъ этою богатою, поэтической природою! — когда горизонтъ горѣлъ огнями заходящаго солнца — и небесное свѣтило медленно опускалось въ волны морскія; между швѣтъ, какъ пурпуровыя, голубыя, розовыя облака, сходясь и расходясь на позлащенной лазури неба, переходили изъ цвѣта въ цвѣтъ, изъ одной окраски въ другую, и съ каждымъ измѣненіемъ своимъ представляли новыя разительныя красоты. Надобно видѣть эту великолѣпную картину, чтобы понять воспоргъ, которымъ наполняется оно душу человека и возноситъ её къ Создателю. Если же вдругъ на этомъ багровомъ небосклонѣ заблѣнется легкій парусъ челнока, и въ быспромъ бѣгу своемъ окрасится розовымъ опсвѣтомъ неба; если горныя пальмы, колеблемыя вѣтромъ, замашутъ длинными листьями своими, изъ которыхъ сыплются искры или стоятъ какъ гигантскія привидѣнія, вырвавшіяся изъ спрашнаго пожара неба и земли — тогда все это кажется вамъ какимъ-то видѣніемъ, какимъ-то призракомъ воспламененной мечты вашей — и въ изумленіемъ спрашиваете себя — точно ли вы видите передъ собою одну природу? Нѣтъ! никакой языкъ, никакое сравненіе, никакая кисть не въ силахъ изобразить эпою удивительной картины швѣтъ, которые не видали захождения солнца подъ пропьями. Мы возвращались обыкновенно ночью, и тогда бѣлый свѣтъ луны плавалъ по темной зелени луговъ и шрепеталъ на широкихъ листьяхъ бамбука.

Пролетѣлъ годъ, — дѣла отца моего были окончены; что могъ бы я совершить въ 6 мѣсяцовъ, но медлилъ потому, что не могъ рѣшиться оставить Поръ-Рояля. Каждый день выдумывалъ я новыя предпріятія къ отъѣзду, испрашилъ большія суммы на разныя коммерческія предпріятія, въ которыя входилъ, чтобы только продлить время — и писалъ къ *Маріи*, что непредвидимое обстоятельство задерживало меня. Но она догадывалась, что меня оспанаивало, и въ опчаяннѣ писала, что умретъ, если я, бросивъ всё, не возвращусь къ ней. — Такимъ образомъ прошелъ еще цѣлый годъ: я обманывалъ *Марію*, сколько могъ — и потому съ радостью школьника бѣжалъ къ *Кандидѣ* наслаждаться блаженствомъ, которое хотѣли опнять у меня. — *Кандида* по-видимому вѣрила, что меня задерживали въ Поръ-Рояль важныя дѣла, но я замѣчалъ, что при каждомъ письмѣ жены моей она становилась печальнѣе и задумчивѣе. Что было причиною такого унынія? Мысль о разлукѣ со мною или жалость къ бѣдной *Маріи*? ... Что касается до меня, то я не печалился, потому что рѣшился долго еще прожить въ Поръ-Рояль; если же когда и говорилъ объ отъѣздѣ моемъ, то это только такъ, какъ говорить о происшествіи, которое Богъ знаетъ когда случится.

Но вдругъ получилъ я письмо отъ отца моего, который грозилъ оплучить меня отъ себя навсегда, если я черезъ недѣлю не сяду на корабль. Печаль *Маріи* и жестокая моя холодность къ слезамъ ея — разсердили его.

— *Генрихъ*, вы ѣдете! — закричала *Кандида*, увидѣвъ меня издали, и замѣпивъ мою бѣдность. Я молча подаль ей письмо, она прочла его, задрожала, прислонилась къ дереву и вымолвила едва слышимымъ голосомъ: Если онъ умеръ! — «О, тогда умеръ бы и я, *Кандида!*» опвѣчалъ я... Она взглянула на меня и, покраснѣвши, сказала: Развѣ вы думаете, что имѣете право дѣлать нещасными шѣхъ, кто васъ любитъ? — И съ этимъ словомъ шопчасъ подала мнѣ руку, говоря: пойдете въ комнату, я не очень здорова.

Съ этой минутой мы уже не ходили въ бѣсѣдку; по всѣ послѣднія вечера мои я проводилъ у нихъ; г. *М.* для меня оспаивался дома, и мы сидѣли обыкновенно всѣ вмѣстѣ.

Сначала г. *М.* говорилъ, что дочь его безъ меня будетъ печальна и осиротѣетъ, но потомъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и спалъ надъ нами шупишь, говоря, что *Кандида* лишилась во мнѣ поварщица въ романпизмъ, и что, кромѣ меня, нѣтъ другихъ романпиковъ въ цѣломъ городѣ. Онъ смѣялся, но сprogий, наблюдательный взоръ его не покидалъ блѣднаго лица дочери. Онъ, казалось, обвинялъ её въ собсѣвенной своей неоспоржности; обвинялъ въ томъ, что она не поддержала высокаго мнѣнiя его о ея благоразумiи и предалась чувствамъ, отъ которыхъ впрочемъ, зная ея правила, онъ не могъ опасаться никакихъ несчастныхъ послѣдствiй.

Въ насъ все обнаруживало поску сердце нашихъ, хотя разговоры наши были по-видимому веселы и даже шупливы. Часто я взглядывалъ на *Кандиду*, чтобы увѣришься—почто ли веселость ея была прищворная, но она взглядывала на меня—и мы понимали другъ друга.

Наступилъ день разлуки; я долженъ былъ ѣхать въ 5 часовъ, и въ 4 былъ въ Белеръ. Всѣ мы сидѣли въ гостиной, устремивъ глаза на часовую стрѣлку, и произнося слова по-видимому незначащiя, но которые глубоко западаютъ въ сердце. Наконецъ ударило 5, я вспалъ, обнялъ г-на и г-жу *М.*, которые горько заплакали;—*Кандида* не плакала; я взялъ руку ея, холодную какъ ледъ; уста ея были сини какъ у мерпвой—и она не сказала ни слова, но вдругъ съ быспроптою молнiей бросилась мнѣ на шею—и уста ея прижались къ моимъ... О! въ эту минутой она поняла, наконецъ, чѣмъ мы были другъ другу!—Г. *М.* вырвалъ её изъ моихъ объщiй, въ обморокъ положилъ на руки мамери и, почти силою, выпацилъ меня изъ комнаты. Когда же лодка его начала опплавать отъ корабля нашего, тогда онъ закричалъ мнѣ: Сынь мой, мы будемъ писать къ тебѣ!—И эти слова были пер-

выя, которые я слышалъ, изъ всего того, что онъ говорилъ мнѣ, увлекаая меня изъ дому своего—безъ чувствъ, безъ памяти, безъ воли, какъ слабаго ребенка, или чело-вѣка, опягченнаго виномъ.

Я бросился въ каюту, чтобы не видашь больше мѣстъ, отъ которыхъ удалялся—и предался всей силѣ бѣшеннаго опчаянiя. Я клялъ *Марю*, которой любовь дѣлала меня несчастнымъ; упрекалъ отца въ томъ, что онъ женилъ меня на ней въ 23 года, не давъ мнѣ времени спрастно полюбить её; хотѣлъ развеспись съ нею, бросить опечество, домъ, отца—и ѣхалъ въ Портъ-Рояль, чтобы посвятить жизнь свою *Кандидѣ*; то хотѣлъ умереть, броситься въ море,—и въ пакомъ ужасномъ душевномъ волненiи до-ѣхалъ до Европы, мрачный, задумчивый—чуждаясь людей и цѣлые дни проводя въ каютѣ, гдѣ день и ночь писалъ къ *Кандидѣ* моей. Пассажиры, съ радостью возвращавшиеся на родину, смотрѣли на меня съ удивленiемъ, не понимая, какъ чело-вѣкъ, который ѣхалъ въ опечество, къ отцу, къ молодой прекрасной женѣ, и ко всѣмъ удовольствiямъ доспапочной, спокойной жизни—могъ бытъ въ пакомъ ужасномъ опчаянiи.

(Окончанiе въ слѣд. листкѣ.)

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОТПРАВКА И ПОЛУЧЕНИЕ ЖУРНАЛОВЪ И ПИСЕМЪ ВЪ ПАРИЖСКОМЪ И ЛОНДОНСКОМЪ ПОЧТАМТАХЪ.

Писемъ изъ провинцiй и гужихъ краевъ:

Въ Парижѣ до	32,000.
Въ Лондонѣ до	33,000.

Писемъ по городской почтѣ:

Въ Парижѣ до	15,000.
Въ Лондонѣ до	40,000.

Писемъ въ провинцiи и гужие край:

Изъ Парижа до	70,000.
Изъ Лондона до	45,000.

Журналовъ и газетъ:

Изъ Парижа до	80,000.
Изъ Лондона до	90,000.

СПИСОКЪ

Дѣйствительнымъ Членамъ Императорской
Россійской Академіи, уже окончившимъ свое
земное поприще.

(Продолженіе).

	Время избра- нія.	Время кон- чины.
9. Голенищевъ-Кутузовъ, Иванъ Логиновичъ, адмиралъ, пре- зидентъ Государственной Адмиралтействъ - Коллегіи.	1783 Окп. 21.	1802 Апр. 12.
10. Строгановъ, графъ Алек- сандръ Сергѣевичъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ 1-го класса.	— —	1811 Сен. 27.
11. Ржевскій, Алексѣй Анд- реевичъ, дѣйств. тайн. сов.	— —	1804 въ Маѣ.
12. Безбородко (потомъ графъ и наконецъ князь) Алек- сандръ Андреевичъ, государ- ственный канцлеръ.	— —	1799 Апр. 6.
13. Соѣмоновъ, Пётръ Алек- сандровичъ, генераль-маіоръ, потомъ тайный совѣтникъ.	— —	1800 до 21 Ян.
14. Бакушинъ, Пётръ Василье- вичъ, д. сп., потомъ п. сов.	— —	1786.
15. Херасковъ, Михаилъ Мат- вѣевичъ, дѣйств. тайн. сов.	— —	1807 Ноя. 27.
16. Тургайновъ, Пётръ Ива- новичъ, генераль-лейтенантъ.	— —	1824 Дек. 25.
17. Болтинъ, Иванъ Никитичъ, генераль-маіоръ.	— —	1792 Окп. 6.
18. Храповицкій, Александръ Ва- сильевичъ, дѣйств. тайн. сов.	— —	1801 Дек. 29.
19. Фоль-Визинъ, Денисъ Ива- новичъ, спаш. совѣтникъ.	— —	1792 Окп. 1.
20. Леонтьевъ, Николай Ва- сильевичъ, дѣйств. тайн. сов.	— —	1824 Апр. 10.
21. Державинъ, Гавріиль Ро- мановичъ, дѣйств. тайн. сов.	— —	1816 Юли 8.
22. Барсовъ, Антонъ Алексѣе- вичъ, профессоръ Московска- го Университета.	— —	1791 въ исход.
23. Львовъ, Николай Александр- овичъ, тайный совѣтникъ.	— —	1803 Дек. 3.
24. Ушаковъ, Василий Адриа- новичъ, совѣтникъ канцеля- ріи Академіи Наукъ.	— —	1788 Авг. 22.
25. Козодавлевъ, Осипъ Петро- вичъ, министръ Внутрен- нихъ дѣлъ.	— —	1819 Юли 24.
26. Рулювскій, Степанъ Яков- евичъ, попечитель Казан- скаго Учебнаго округа.	— —	1812 — 6.
27. Лепехинъ, Иванъ Ивановичъ, членъ Академіи Наукъ.	— —	1802 Апр. 6.

	Время избра- нія.	Время кон- чины.
28. Котельниковъ, Семень Ки- риловичъ, членъ Академіи Наукъ	1783 Окп. 21.	1806 въ Марш.
29. Протасовъ, Алексѣй Про- пасъевичъ, членъ Академіи Наукъ	— —	1796 Мая 5.
30. Щепотьевъ, Семень Ни- колаевичъ, служившій при Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ	— —	неизвѣстно.
31. Кляшнинъ, Яковъ Бори- совичъ, надворный совѣт- никъ	— —	1791 Янв. 14.
32. Десницкій, Семснъ Ефимо- вичъ, профессоръ Московска- го Университета	— —	1789.
33. Алексеевъ, Пётръ Алексѣе- вичъ, протоіерей Московска- го собора	— —	1801 въ Окп.
34. Озерецковскій, Николай Яков- левичъ, членъ Академіи Наукъ и Главн. Правленія учи- лищъ	— —	1827 Мар. 11.
35. Исеевъ, Савва Исасвичъ, священникъ Придворной цер- кви, потомъ духовникъ Ея Императорскаго Величества.	1783 — 28.	1800 до 21 Ян.
36. Красовскій, Иванъ Ивано- вичъ, протоіерей	— —	1811 Апр. 5.
37. Сидоровскій, Иванъ Ивано- вичъ, священникъ Новодѣ- вичьяго монастыря, членъ Санктпетербургской Конси- сторіи	— —	1795 — 17.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ БАВАРСКАГО
КОРОЛЕВСТВА.

Народонаселеніе 4,258,205 чел.

Пѣхота.

16 полковъ линейной пѣхоты, каждый изъ
2 баталіоновъ. Баталіонъ раздѣляется на 6
ротъ, въ ротѣ 188 чел. по мирному положенію,
и 193 чел. по военному; во всѣхъ по мирному
положенію 40,608 чел.

По военному 41,688 чел.
4 баталіона егерей.

Конница.

2 полка кирасирскихъ.
6 полковъ легкоконныхъ.

Полки 6-пиэскадронные. Въэскадронѣ, по мирному положенію, 192 чел. и 115 лошадей; по военному 195 и 191 лошадь. Всего, въ первомъ случаѣ. 9,216 —
Въ послѣднемъ. 9,360 —

Артиллерія.

2 полка. Въ полку 2 баталіона, въ баталіонѣ 6 ротъ, въ ротѣ 130 чел., по мирному, и 144 чел. по военному положенію. Всего въ мирное. 5,120 —
Въ военное время. 3,456 —
Каждая рота имѣетъ 8 орудій, а во всѣхъ 96 орудій.

Инженерство.

2 роты сапѣровъ.
1 рота минѣровъ.
1 — пионеровъ.
1 — масперовыхъ.
Въ нихъ по мирному положенію. 650 —
По военному 720 —

Вся Баварская армія по мирному положенію состоитъ изъ 53,594, по военному: 55,224 чел.

Примѣаніе. Въ мирное время распускается въ безсрочные домовые отпуски: пѣхоты 13,394 чел.; конницы 1,920 чел.; артиллеристовъ и инженеровъ 1,126. Всего: 16,440 человекъ. Подъ ружьемъ остается 37,154.

Сверхъ того, по отпускамъ, на извѣстные сроки даваемымъ по окончаніи большихъ маневровъ и въ продолженіе шести мѣсяцовъ въ году, число выбывающихъ изъ арміи простирается до 19,642 человекъ.

Въ сей же соразмѣрности уменьшается и число лошадей въ конницѣ.

Земское ополченіе еще не учреждено.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

40.

Мы угадали! Издатели *Сына Отечества* въ первой же книжкѣ воскресили въ немъ криптику: первая выходка на криптическую

спатьи, помѣщаемая въ *Пепербургскихъ* періодическихъ изданійхъ. Знаменитый авторъ этой спатьи не изъ числа тѣхъ юныхъ писателей, которые сами ничего не сдѣлали, или, если и сдѣлали: по вещи ничтожныя, напримѣръ: перевели съ Французскаго, коѣ-какъ, коѣ-какія сказочки и выдали ихъ за свои собственныя творенія, или, находясь сотрудниками у какого нибудь журналиста, помогали ему нападать на *Кювье*, бранить *Гумбольдта*, чернить *Шатобриана*, бросать грязью въ *Карамзина*, *Лажегникова*, *Кукольника*, а потомъ, взявъ описавку, изъ-подъ знаменъ его перешли подъ знамена непріятельскія. Не таковъ творецъ этой криптики! Онъ написалъ два историческіе романа, передъ которыми поблѣднѣли и *Юрій Мирославскій*, и *Мазепа*, и *Послѣдній Новикъ*; онъ создалъ четыре нравоописательныхъ романа, которые, право, выше *Семейства Холмскихъ*, *Позѣдки въ Германію*, *Удивительнаго геловтца*. Эпаго мало! Знаменитый авторъ криптической спатьейки подарилъ отечественную словесность повѣстями, послѣ которыхъ переспанутъ чинать повѣсти *Павлова*, *Пушкина*, *Погодина*, *Сумарокова*, *А. П. Степанова*, *Марлинскаго*, *Владиславлева*. Это въ прозѣ, а въ стихахъ: двѣ поэмы въ родѣ *Евгенія Онѣгина*, только почище, да позашѣливѣе; при въ родѣ *Цыганъ* и *Разбойниковъ*, четыре, къ коимъ подали первую мысль *Баратынскаго*—*Баль* и *Эмма*; сверхъ того, безчисленное множество Посланій... да ужъ не такихъ, какъ Посланіе *Жуковскаго къ Батюшкову*, *Батюшкова къ И. М. Муравьеву-Апостолу*, или *Пушкина къ князю Юсупову*..... Погодите, онъ теперь занимается прагматическою, криптическою и повѣствовательною Исторіею Россійскаго государства... говорятъ, будто шесть частей готовы... Напечатавъ её, онъ поставилъ *Карамзина* на свое мѣсто, п. е. покажетъ намъ въ немъ либератора, написавшаго Исторію такъ, какъ писывали на Руси, до изобрѣтенія письменъ преподаемыми *Кирилломъ* и *Меодіемъ*. Авторъ криптической спатьи, напечатанной въ No 1-мъ *Сына Отечества*—докторъ филосо-

фин, профессоръ Греческой литературы и членъ многихъ Ученыхъ обществъ. Вопль такого-то ученаго, зрѣлаго, степеннаго рецензента намъ и недоспавало!

А. Кораблинскій.

9-е Января
1835.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОЗАНЪ.

Чудесный розанъ расцвѣшалъ.

Къ несчастію, слуга забылъ полить водою,—

Цвѣтокъ увялъ отъ солнечнаго зною.

Нерѣдко насъ злой рокъ въ дни счастья постигалъ.

ШАРАДА.

Начальное мое—мы слышимъ по лѣсамъ,
Когда спада водковъ гуляшь изволяшь шамъ;
А въ Римѣ древнемъ— въ знакъ и скорби и печали—

Его производилъ по мершвымъ занимали.

Конечный слогъ, хотя и не мудрѣнь,
Съ трудомъ произнесетъ Кащей и Гарпагонъ.

А цѣлое есть по кровавое гульбище,

Гдѣ смерть людей какъ классы живѣтъ,

Гдѣ воинъ пламенный ко славы въ храмъ идетъ,

И вдругъ очутился въ могилѣ на кладбищѣ.

Въ № 9-мъ помѣщенный логотифъ значить: *Balancier*, въ комъ заключается: *Vain, acier, Racine, Liban, bail, baie, an, Ariane, bal, Baal, ancre, lancier, laine, Abel, Cain, cabale* и *Albe*.

НОВЫЯ КНИГИ.

Повѣсти и рассказы Владиміра Владиславлева. 2 части. С. П. б. 1836.

Въ самомъ концѣ Декабря минувшаго 1835 года вышли эти миленькія, прелестно напе-

чпанные книжечки, а попому мы вправѣ поспавимъ на нихъ 1836 годъ.

Въ первой части помѣщены пять повѣстей: 1) На балѣ и въ деревнѣ; 2) Браслетъ; 3) Полковникъ Лонской; 4) Безпріютный; 5) Баронъ Флемингъ.

Первую читали въ Библиотеку для чтенія; прешью въ Славянинѣ.

Во второй части: 1) Последняя весна; 2) Черная роза; 3) Закладъ на канунѣ свадьбы; 3) Пустынный Муромскихъ лѣсовъ; 4) Мщение; 5) Разсказъ Уланскаго офицера; 6) Дикій.

И послѣ жаркихъ разсказовъ *Марлинскаго*, и послѣ ужасныхъ повѣстей *Павлова*, и послѣ родныхъ Русскихъ повѣстей *Погодина*, и послѣ оспроумныхъ, веселыхъ повѣстей *А. П. Степанова*, и послѣ военныхъ разсказовъ *Карлофа*, повѣсти и разсказы *Владиславлева* читаются съ наслажденіемъ. Они написаны легко, пріятно, живо, плѣнительно. Мать, ничего не опасаясь, можетъ дать ихъ въ руки дочерямъ. Онѣ не похожи ни на *Записки домоваго*, ни на *Попѣдку на Медвѣжій островъ*, за которыя и мущинамъ не надобно братья безъ перчапокъ, а дамамъ... избави Боже!

Продаются у всѣхъ книгопродавцевъ и въ особенностіи въ магазинѣ *Ив. Тим. Лисенкова*, въ домѣ Пажескаго Корпуса. Цѣна 10 р., съ пересылкою во всѣ другіе города 12 рублей.

Pl. No 4. 1) Coiffures ornées d'épis.— 2) et 3) Indispensable et dévidoir à corbeille.— 4) Porte-bouquet ou jardinière en bronze doré.— 5) Miroir.— 6) Panier à ouvrage.

Pl. No 2. Travestissemens.

Карт. No 4. 1) Прическа съ колосьями.— 2) и 3) Корзинки.— 4) Мѣбель для прѣптовъ изъ позолоченной бронзы.— 5) Зеркало.— 6) Рабочій ящикъ.

Карт. прибавочная No 2. Маскерадныя плащья.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛЦУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 11 и 12.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Феврала 5 дня 1836 года.

Теперь у насъ дороги плохи,
Мосты забытые гниютъ,
На спанціяхъ клопы да блохи
Заснутъ минушы не даютъ;
Тракшировъ нѣтъ!

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ШЕСТЬ ЛѢТЪ.

(Окончаніе.)

Часъ въ шоракъ.

Наконецъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія, возвратился я во Францію. Я чувствовалъ, что мнѣ надлежало скрыватьъ грусть мою подъ личиною веселости, чтобы успокоить *Марію*, и рѣшился строго выполнятьъ всѣ священныя обязанности мои, и нѣмъ примириться съ самимъ собою. Пробывъ только супки въ Гаврѣ, я на другой день прѣхалъ въ Парижъ, и съ непримворною радостью обнялъ отца и жену мою. — Она выбѣжала изъ другихъ комнатъ, опровидывая всё, что попадалось ей на встрѣчу, и бросилась мнѣ на шею съ такою силою, что я упалъ вмѣстѣ съ нею на полъ, и опъ внутренняго волненія лишился памяти. Когда я пришелъ въ себя, голова моя лежала на ея груди и лицо было омочено слезами. Отецъ держалъ руки мои и плакалъ

опъ радости, видя чувствво, съ которымъ я обнялъ *Марію*. Сама она въ эпу минушу была такъ щасплива, что я не смѣлъ вывести ихъ изъ заблужденія. Я не думаю, чтобы въ эпомъ случаѣ обманъ былъ съ моей стороны преступленіемъ.

Но съ эпой минушы началось для меня жестокое наказаніе за несчастную спрасть мою. Бѣдная *Марія*! Одинъ я могъ плашить равнодушіемъ за пвою чистую, безкорыстную любовь! — Клянусь, однакожь, что если-бъ силы не измѣнили воли моей, то она благоговела бы разлуку нашу за перемѣну, которую эпа разлука произвела во мнѣ. Я спалъ къ ней внимательнѣе, нѣжнѣе прежняго; умѣлъ цѣнить ея достоинства, и во всякомъ случаѣ оказывалъ ей уваженіе и довѣренность; но, ахъ! она прочла въ душѣ моей поску, которую я не могъ скрыть совершенно, и со всею тонкою пронцапельностію женщины узнала, что подозрѣнія ея были справедливы. Однакожь, я всё припрво-рялся веселымъ, щаспливымъ; въ эпи минушы и она казалась веселѣе, но никогда не

говорила со мною о Поръ-Роялѣ, и если иногда отецъ мой заводилъ рѣчь о шамошнемъ моемъ образѣ жизни, о моихъ знакомствахъ, связяхъ, и пр., то она, какъ бы боясь услышать что нибудь непріятное, тотчасъ заминала разговоръ или обращала его на другіе предметы. Ахъ, эпа великодушная оспорожность, съ которою она избавляла меня отъ неловкости произносить передъ нею имя *Кандиды*, вмѣсто благодарности, оскорбляла меня, и казалась мнѣ униженительною для шой, для кого такое молчаніе было, нѣкоторымъ образомъ, спротивъ приговоромъ. Раздраженный противъ *Маріи*, я смѣлъ обвинять её въ несправедливости, — и *Кандида*, осуждаемая, беззащитная — была для меня еще милѣе. Благодаря однакожъ искусству моему припворяться, спокойствіе домашней жизни нашей не было нарушено; я улыбался, когда печаль грызла сердце мое, и часто проводя прелестную, блестящую *Марію* на балъ или въ собраніе, бѣжалъ искать гдѣ нибудь минутаго уединенія, чтобы тамъ на свободѣ предаваться чувствамъ моимъ; но никто не могъ упрекнуть меня, чтобы я похищалъ у общества часы, ему посвященные, и никто не видалъ тайныхъ моихъ спрраданій! Въ приличное время возвращался я въ собраніе, и *Марія*, видя веселую мою улыбку, не подозрѣвала, какъ проводилъ я минуны, въ которыя не былъ съ нею.

Черезъ чепыре мѣсяца по моемъ возвращеніи, я получилъ письмо изъ Маршники. *Марія* была со мною и смутилась не меньше моего. — Это отъ г-на *М.*, втораго отца моего, — сказалъ я запинаясь и распечатывал пакетъ. Но изъ него выпало маленькое письмо, написанное женскимъ почеркомъ, которое *Марія* подняла и съ благородною важностію передала мнѣ. Я невольно вскрикнулъ отъ радости, но потомъ покраснѣлъ и смѣшался. Взглядъ *Маріи* обвинялъ меня, я чувствовалъ, что обличилъ себя передъ нею, и когда она вышла, я бросился къ дверямъ; она, думая, что я зову её, остановилась и посмопрѣла на меня, въ ту самую минушу какъ я, забывъ всё и почти самага себя, — захлопнулъ дверь за нею. Нѣсколько

времени держалъ я письмо *Кандиды*, не смѣя читать его. О, какъ потрясаетъ душу первое письмо, полученное нами послѣ горестной разлуки! Читая его — я плакалъ, рыдалъ, клялъ судьбу свою, не думая, что раздиралъ сердце бѣдной *Маріи*, которая могла слышать меня изъ другой комнаты.

Вопъ-что говорила мнѣ *Кандида* въ длинномъ письмѣ своемъ.

«И пакъ, вы далеко отъ насъ! Очень, очень далеко! Теперь я благословляю воображеніе, которое прежде прокликала, какъ источникъ всѣхъ горестей моихъ! Что было бы со мною, если бы оно ежечасно не представляло мнѣ единственнаго друга моего — друга, который понялъ душу мою и облегчилъ мои спрраданія! О, какъ бы я была несчастна, еслибъ не имѣла свободы бытъ одной въ этихъ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ все мнѣ говоритъ о васъ. . . Не гордишься, однакожъ! . . . И ордишься? чѣмъ? . . . Безразсудная! не ужьли дружба дикой Америкки можетъ льстить самолюбію блестящаго *Генриха*, которому удивляется и завидуетъ цѣлое общество, котораго избрала прекрасная *Марія*, на котораго обращены волшебные взгляды оспроумныхъ, ловкихъ, прелестныхъ женщинъ Парижа, которыя, какъ сказываютъ, говорятъ пакъ хорошо, но никого не любятъ. . . Бѣдная *Кандида*! Можетъ быть воспоминаніе о мнѣ заспавляетъ васъ краснѣть, пакъ какъ бы краснѣла и я, еслибъ очутилась вдругъ посреди вашего блестящаго общества.»

Она бранила однакожъ меня за опчаяніе, которымъ наполнены были первыя мои письма; далѣе слѣдовало нѣсколько спрокъ, почти смытыхъ ея слезами. Я покрывалъ ноцѣдулами эти нѣжныя, милыя, восхищительныя спроки, которыя переносили меня къ ней, — и цѣлый день прописалъ въ Белеръ. Но разсудокъ меня оставилъ совершенно и письмо мое было бредомъ горячки. Послѣ эпаго я цѣлый годъ не получалъ никакого извѣстія изъ Поръ-Рояля.

Вошедъ вечеромъ въ госпинушу, я испугался ужасной бѣдности жены моей. Обамы молчали, и отецъ мой одинъ поддержи-

валь разговоръ. Наконецъ, онъ ушелъ — я взяла свѣчу, *Марія* другую и пошла въ спальню; но дошедъ до дверей, вдругъ остановилась и сказала опрывисто: «*Генрихъ*, батюшка не долженъ знать ничего, пусть онъ думаетъ, что я нездорова, свосправна, я улажу это всё и онъ не догадается!»... Я наклонилъ голову, она пропхнула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ съ почтеніемъ, и ушла въ спальню. Съ этой минуты ни отецъ, ни знакомые наши, даже никто изъ людей не зналъ, что произошло между нами; и свѣтъ, который обыкновенно судить по наружности, спавилъ насъ примѣромъ супружеской вѣрности и согласія.

По прошествіи года я получилъ отъ *Кандиды* письмо за черной печатью; она уведомляла меня о смерти отца своего, завидовала его участи; и говорила, что мать, которой нужна помощь ея, одна привязывала её къ жизни, сдѣлавшейся для неё несносною. «*Генрихъ*, братъ мой,» писала она: «спы вмѣстѣ со мною оплачешь общую потерю нашу, и эта мысль для меня утѣшительна.»

Наконецъ, я былъ уже не въ силахъ скрывать далѣе всего, что происходило въ душѣ моей. Отецъ мой испугался моего унынія, и болѣзни бѣдной *Маріи*, которая видимо ослабѣвала. Почтенный спарецъ хотя и отгадывалъ истинную причину нашего общаго несчастія, но хотѣлъ знать её отъ неё самой, и добрая, великодушная *Марія* умѣла увѣрить его, что одно безпокойство о ея болѣзни было причиною тоски моей. Ахъ, она угасала съ каждымъ днемъ, и я одинъ не видѣлъ того; отецъ мой почти извинялся передо мною въ несправедливыхъ своихъ подозрѣніяхъ, и просилъ скрывать мое безпокойство отъ *Маріи*. — Лекаря, — говорилъ онъ: не теряютъ надежды. — «Не теряютъ надежды! О комъ вы говорите, батюшка?» — Успокойся, успокойся, другъ мой! Положись во всемъ на Бога и на искусство врачей. Она молода: перемѣна воздуха, разсѣяніе, беззаботная жизнь вылечатъ её, и доктора всѣ ручаются мнѣ въ этомъ. —

Ахъ! мысль, что бѣдная *Марія* умирала отъ меня, была страшнымъ наказаніемъ за

преступную страсть мою. Она проспрадала два года — и, въ печеніе эпихъ двухъ мучительныхъ лѣтъ, я не щадилъ ничего для ея облегченія, для ея удовольствія: ѣздилъ съ нею въ Испалію, Швейцарію, вездѣ, куда посылали её доктора; но все было тщетно. Она благодарила меня кроткою улыбкою, нѣжными словами, наружнымъ видомъ спокойствія и даже веселости; но странный блескъ глазъ ея, но страшная ея блѣдность, которая вдругъ оживлялась иногда багровымъ румянцемъ, и эпихъ сухой непрерывный кашель, вѣспникъ близкой смерти, всё удостовѣряло меня, что послѣдній часъ ея былъ недалеко. О, тогда печаль моя, тогда попеченія мои о ней были искренны; и могло ли быть иначе? Я терялъ въ *Маріи* милую, добрую, прелестную сестру — и чтобы спасти её, готовъ былъ жертвовать собственною жизнію. Совѣсть моя грозилъ мнѣ страшными угрызениями въ будущемъ, но я спарался не думать о нихъ, и всё еще не терялъ совершенно надежды на выздоровленіе *Маріи*. Лекаря говорили *можетъ быть*, и я, съ легковѣріемъ ребенка, принималъ эпихъ безсмысленный отвѣтъ за неоспоримую истину. Наконецъ, ничто уже не могло спасти *Марію*; врачъ произнесли роковой приговоръ, и она умерла, благословляя меня за блаженство, которое я доставлялъ ей въ теченіе двухъ лѣтъ, и прося проспать её, если она оправила жизнь мою, которая безъ неё была бы щастлива. — О *Марія*! это уже слишкомъ жестоко — говорилъ я рыдая, но она, припнувъ меня къ себѣ, положила голову мою на грудь свою и произнесла едва слышимымъ голосомъ: *ревность*. . . Поцѣлуй мой заглушилъ это ужасное слово на холодѣющихъ устахъ ея; я хотѣлъ поцѣловать ихъ еще... несчастная уже не дышала, и я безъ чувствъ упалъ на руки отца моего.

Скоро, однакожь, пустоша, которую смерть *Маріи* оставила въ душѣ моей, наполненной мыслию о другомъ милдомъ существѣ, чей образъ, не смотря на всѣ мои спаранія опдалить его, овладѣлъ ею совершенно. Три мѣсяца спустя послѣ кончины жены моей, я писалъ къ *Кандиды*; но не смѣя явно гово-

ришь ей о моей поперѣ, сказалъ только: *Кандида*, теперь предстоитъ тебѣ новая, священная обязанность; ты должна будешь утѣшаться не только мамою своею, но и меня.— Я думалъ, что она пойметъ смыслъ этихъ словъ, и осмѣлился заглянуть въ будущее — и жить новыми надеждами; хотя воспоминаніе о *Марии* все еще превозжило душу мою и мѣшало моему блаженству.

По окончаніи праура я объявилъ общу моему, что не могу быть щасливъ безъ *Кандиды*, и, простившись съ нимъ, сѣлъ опять на корабль. Скоро сокрылись отъ меня берега Франціи, гдѣ оставялъ я прахъ *Марии*. Не знаю; была ли пресупнна радость, которою забилось тогда сердце мое — но я не чувствовалъ никакихъ угрызений совѣсти, и мысль о *Марии*, о чепырехъ грустныхъ годахъ, проведенныхъ мною въ опечесствѣ, совершенно изгладилась въ душѣ моей, какъ какое нибудь ужасное сновидѣніе.— Белерь, *Кандида* — вотъ все, что занимало меня. Я думалъ только о *Кандидѣ*, жилъ только ею и говорилъ себѣ, что небо съ самаго рожденія назначало еѣ быть подругою моею жизни.— *Кандида*—восклицалъ я, одно слово свое, одинъ взглядъ, одно пожатіе руки своею объясняетъ мнѣ всѣ пайные, непонятные порывы души моей; ты одна понимаешь еѣ, и безъ тебѣ нѣтъ для меня блаженства на землѣ. Сердце мое паяло отъ радости при мысли близкаго свиданія, и корабль несся къ ней также скоро, какъ лепѣли мечпы мои.

Наконецъ, въ 27 день нашего плаванія, мы увидѣли землю, и весь экипажъ нашъ думалъ, что я лишился разсудка. Въ испущеніи, не помня самъ себя, бросился я въ лодку—первый выскочилъ на берегъ, пробѣжалъ городъ, поля, луга—и какъ сумасшедшій ворвался въ домъ *Кандиды*. Въ гостиной на полу играли двое дѣтей, и увидѣвъ меня громко закричали. На крикъ ихъ приближала старая *Елисавета*, и ахнула отъ удивленія. «Гдѣ *Кандида*?» спросилъ я у неѣ. — Дѣвица *Кандида* . . . она у себя въ комнатѣ,—опѣвчала она. Слово *дѣвица* меня успокоило, хотя я прежде тысячу разъ смѣялся надъ

спраннымъ обычаемъ слугъ въ Поръ-Рояль—называть дѣвцами замужнихъ госпожъ своихъ, даже тогда, когда у нихъ были дѣти. «Скажи, *Елисавета*, какіе это мальчики?» — Сыновья дѣвицы *Кандиды*. — «Еѣ! Боже!.. Она за мужемъ?»—Конечно, сударь.. О, въ при года у насъ упекло много воды. Добрая старая госпожа наша скончалась, но не хотѣла оставить дочь послѣ себя безъ присланища, и наканунѣ самой смерти своей пожелала, чтобы она обвинчалась возлѣ еѣ, и потомъ умерла на рукахъ ея. Бѣдна! сирота сама чуть-чуть не умерла съ печали и при недѣли была при смерти больна. Потомъ долго грустила, хотя господинъ нашъ всячески старался утѣшать еѣ; такъ прошелъ цѣлый годъ,—но родился маленькій *Генрихъ*, и съ тѣхъ поръ съ неѣ какъ рукой сняло, и она стала здорова и весела по прежнему, (пусть я принужденъ былъ състѣ, боясь упасъ на чолѣ)—правда, иногда она плачетъ, но это только тогда, когда занеможетъ какой нибудь изъ дѣтей,—да вотъ, помнится, однажды, какъ принесли письмо изъ Европы. . . Ахъ, вотъ она и сама, смотришь, сударь, кака красавица, какъ свѣжа, любо смотришь на неѣ.— Я взглянулъ, точно это была она—полная свѣжая, румяная, сороко-лѣтняя женщина.— Это вы, г. *Д.*!—сказала она весело: какъ рада я васъ видѣть! — О! какъ перемѣнилась она! Лицо, голосъ, слова, движенія—всѣ въ ней измѣнились! Я не могъ выговорить ни слова, и только поцѣловалъ ея руку, которую она подала мнѣ, по-видимому съ совершеннымъ спокойствіемъ духа.—Давно ли вы въ Поръ-Рояль?—«Съ часъ,» проговорилъ я.—И по-часъ пришли къ намъ? Какъ же вы милы!—Взглядъ мой немного смѣшалъ еѣ, но она по-часъ оправилась и, приложивъ плапокъ къ глазамъ, продолжала:—Вы конечно слышали о моихъ несчастіяхъ?—«Слышала, сударыня, но зачѣмъ вспоминать прошлое; позвольте мнѣ лучше поздравить васъ съ шеперешнимъ щасіемъ вашимъ.» — О, конечно я щаслива, очень щаслива! Видѣли ли вы мои сокровища! дѣти, подите сюда! вотъ мой старшій сынъ, а это *Альфредъ*.— «Какъ они милы! Такъ старшаго зовутъ

Альфредъ?» — Нѣтъ, *Генрихъ*, — опивѣчала она едва слышимымъ голосомъ, и видимо сражаясь сама съ собою. О, если бы я могъ думать, что въ сердцѣ ея оспалась хотя одна искра прежней любви, я бы опять полюбилъ жизнь, для того, чтобы спряться вмѣстѣ съ нею. Я ловилъ каждое ея слово, каждый взглядъ ея, все еще надѣясь подсперечь въ немъ шайну души ея, но скоро заблужденіе мое исчезло, какъ послѣдній догорающій огонь въ каминѣ, когда мы нечаянно разшевелили его. Цѣлый часъ проперзала она меня выученными фразами. — Ихъ говорилъ *Кандида*, думалъ я; но развѣ она не знаетъ, что ей менѣе, нежели кому нибудь, прилично говорить ихъ. Я рѣшился на послѣдній опытъ и сказалъ: «А что прекрасный вашъ садъ?» — Ахъ, онъ въ совершенномъ запущеніи; однако шамъ есть еще нѣсколько Европейскихъ цвѣтвъ, которые напомнятъ вамъ объ опечесствѣ! — И съ этими словами подбѣжала къ дверямъ, которыя со скрипомъ отворились на терасу. Кто не испыталъ хотя разъ въ жизни какъ радостно бьется сердце, когда заскрипитъ дверь, при входѣ того, котораго мы ждали со всѣмъ неперпнѣемъ пламенной любви. Въ этомъ скрипѣ соединяются для насъ все — и самый предметъ мыслей нашихъ, и звуки его голоса, и сладкій опзывъ милыхъ словъ. — О, какъ живо, какъ разительнo напомнилъ онъ мнѣ прошлое, и сколько воспоминаній въ саду, на всякой дорожкѣ, при видѣ каждаго деревца... Но чтожь? по сучьямъ развѣшано было дѣтское бѣлье, на лужайкахъ валялись изломанныя игрушки, растерянные башмаки; полузапопманные цвѣты показывали, что шуть пробѣгли недавно рѣзвые дѣти; даже самое краснорѣчивое молчаніе эшаго сада было нарушено громкимъ смѣхомъ мальчиковъ, шедшихъ за нами! — О, какъ раскался я, что хотѣлъ взглянуть на мѣста, гдѣ все, на каждомъ шагу, волновало мою душу! Ахъ, для чего *Кандида* не умерла, для чего не посѣщала я сада ея съ одними воспоминаніями! Тогда я могъ бы рыдать свободно, и со слезами цѣловать тропинки, по которымъ такъ часто ходила она со мною; но нѣтъ, она шла возлѣ меня, какъ какое нибудь ночное

привидѣніе — шла холодная, бездушная — улыбаясь на дѣтей, и говоря о мужѣ своемъ, о своемъ домашнемъ щастіи, и Богъ знаетъ о чемъ еще, чего я почти не слушалъ. Наконецъ, дошедши до бамбука, она взялась за вѣтви его преступною рукою; шуть я оспановился. Колѣна мои задрожали, въ глазахъ потемнѣло. — Боже, проговорилъ я самъ не помня себя — и прижавъ руки къ сердцу, которе, казалось, хотѣло вылетѣть изъ груди моей. — Что съ вами? — спросила *Кандида* съ участіемъ: не укол yourself ли вы? — И полная, бѣлая рука ея опклонила опъ меня вѣтви. «*Кандида!*» вскричалъ я, схвативъ руку ея, и устремивъ на неѣ пламенный, испытующій взоръ. Но она — холодная, спокойная, выдержала его съ удивительнымъ присутствіемъ духа, и глаза ея, казалось, спрашивали меня: Что все это значило? — Ахъ, она забыла все! все! но если сердце ея не поняло меня въ эту ужасную минушу, то по крайней мѣрѣ рука, на которую я оперся, чтобъ выпити изъ сада, почувствовывала всю силу моего опчаянія.... *Кандида* вскрикнула — но не опъ чего другаго, какъ опъ боли физической.

Въ два прыжка очутился я за калиткою сада, и на другой день рано поупру бригъ *Фениксъ*, плывшій въ Нью Юркъ, несъ меня съ собою — спраждающаго пою пляжкою душевною болѣзнію, которая послѣдно роетъ безвременную могилу мою.

T.

НЕУМЫШЛЕННАЯ ДОНОЩИЦА.

(Судебный рассказъ.)

Я знаю многихъ докторовъ и адвокатовъ, которые превращаютъ должность свою въ какой-то глупый приказный порядокъ, основанный на бессмысленныхъ формахъ и непонятномъ пустословіи. Не ужьли забываютъ они, что опъ нихъ зависитъ все благополучіе и часто самая жизнь человека? Но лекаръ думаетъ только о своихъ рецептомъ; адвокатъ о сводѣ законовъ; одинъ безжалостно преслѣдуетъ несчастнаго, ко-

порый за недоспакомъ законныхъ доказательствъ дѣлается жертвою плутовства и лишается послѣдняго куска хлѣба; другой, ни мало не содрогался, запускаетъ ножъ въ препещущую внутренность подобнаго ему существа, не заботясь, выздоровѣетъ ли онъ или умретъ во время операціи. Ему всё равно, и если онъ зарѣзалъ его по всѣмъ правиламъ хирургіи, если обогатилъ медицинскій журналъ новыми и любопытными открытіями, по совѣсти его спокойна и онъ совершенно доволенъ собою. Всѣ эти господа спараются только о томъ, чѣмъ имѣть гошовый шрупъ и дѣлать надъ нимъ ученые свои наблюденія. — Для нихъ наука дороже человѣчества.

Не таковъ былъ покойный отецъ мой, честный, благородный, искусный адвокатъ, который послѣ получилъ званіе судьи, и въ немъ списалъ къ себѣ всеобщее уваженіе согражданъ. Ничто, до самаго конца его жизни, не могло попушить въ возвышенной душѣ его той глубокой и пламенной любви къ человѣчеству, которая въ людяхъ обыкновенныхъ истребляется всѣмъ тѣмъ, что только носитъ имя сословія, должности—ремесла!

Недавно нашелъ я въ бумагахъ его одинъ анекдотъ, ошмѣченный имъ въ запискахъ, который онъ обыкновенно составлялъ для себя на память, когда какое нибудь важное дѣло поступало на его рѣшеніе. Нѣкопорый изъ этихъ записокъ чрезвычайно занимательны, и особливо потому, что даютъ понятіе о прежнемъ порядкѣ Англійскаго судопроизводства, которое хотя и удержалось въ существенной цѣлости своей; но слѣдуя, однакожь, общему перевороту вещей — не могло не измѣниться въ нѣкоторыхъ наружныхъ формахъ, и слѣдовательно нечувствительно и постепенно отклонилось отъ первобытнаго своего состоянія.

Вотъ одно давно забытое происшествіе, котораго нѣкоторыя обстоятельства могутъ быть опысканы въ журналахъ того времени (и именно въ Судебномъ журналѣ 1773), но которое отецъ мой описалъ со всѣми его подробностями. — Жизнь человѣ-

ческая—то есть матеріальная, положительная жизнь, столь обильная грубыми и, такъ сказать, *неоцифрованными* романами, никогда еще не представляла намъ отрывка, подобнаго этому. Всѣ обстоятельства въ немъ такъ спранны, такъ невѣроятны, что нельзя не признавъ въ нихъ дѣйствія высшей силы, и не сознавъ въ истинѣ, что Провидѣніе, рано или поздно, открываетъ пресупника. Здѣсь законъ человѣческой—оправдать обвиненнаго; невинность его доказана—онъ торжествуетъ; и вдругъ одинъ свидѣтель, ему преданный, имъ самимъ вызванный, нечаянно и неумышленно обличаетъ его.

Джонъ Смитъ (писалъ отецъ мой), владѣтель прекраснаго помѣстья въ Лапкасферской области, слылъ очень богатымъ и жилъ такъ, какъ обыкновенно живутъ въ деревняхъ всѣ почти мелкіе дворяне.

Въ концѣ осени 1772 года пріѣхалъ къ нему совершенно незнакомый человѣкъ, и просилъ переночевать въ его домѣ. *Смитъ* принялъ его, и послѣ легкаго ужина, проводилъ въ назначенную ему комнату. Незнакомецъ, котораго никто не видывалъ въ селеніи, легъ скоро спать, и просилъ разбудить его поранѣе.

Но, увы! для несчастнаго уже не было упра, и когда слуга вошелъ къ нему въ комнату—онъ лежалъ на постелѣ мертвый, и тѣло его давно остыло; однакожь на немъ не видно было никакихъ слѣдовъ насилія, и спокойное выраженіе лица показывало человѣка, погруженнаго въ сладкій и глубокій сонъ. Скоро это происшествіе разнеслось по деревнѣ и навело ужасъ на весь окологокъ. Собралась полиція—нарядили судъ, сдѣлали первыя справки, но никто не зналъ что за человѣкъ незнакомецъ, ни откуда пріѣхалъ онъ, и смерть его осталась для всѣхъ непроницаемою пайною. — Добираясь по догадкамъ, узнали только то, что въ прошедшую ночь онъ проѣхалъ черезъ селеніе.

Въ то время быстрое сообщеніе посредствомъ журналовъ было еще не установлено, и каждая область была почти совершенно

неизвѣсна другой области, сосѣдственной съ нею. Нынче подобное происшествіе было бы въ одни сутки извѣстно во всѣхъ трехъ королевствахъ, но тогда издавался одинъ журналъ на двѣ провинціи, и я помню одинъ довольно важный случай, въ которомъ нѣскольکو инженеровъ—имѣя порученіе производить какія-либо работы, для которыхъ надлежало собраться помѣщикамъ изъ сосѣднихъ графствъ, были въ большомъ затрудненіи, — какъ извѣстны ихъ черезъ журналъ о мѣстѣ и времени съѣзда.

Въ назначенный срокъ присяжные собрались для освидѣтельствования тѣла, чѣмъ опредѣлить родъ смерти; но ничто не доказывало убійства, напропивъ того, покойный казался умершимъ отъ паралича во время сна, и судъ былъ принужденъ вписать въ журналъ свои слѣдующія слова, принятыя въ Англійскомъ судопроизводствѣ: *Умеръ по воли Божіей.*—Голосъ народа намъ казалъ однакожь о смертоубійствѣ, и подозрѣніе, хотя легкое и ни на чемъ неоснованное, но всеобщее, и рѣшительное, особливо въ низшемъ сословіи, падало на Джона Смита. Не смотря на богатство, онъ былъ не любимъ ни поселянами, ни сосѣдами своими. Напропивъ, предупрежденіе пропивъ него было такъ велико, что, съ эпою минутой, всѣ какъ будто наперерывъ спарались вспоминать все, что слышали о его молодости. Извѣстно было, что онъ велъ тогда жизнь распущную, дѣлалъ большіе долги—и наконецъ уѣхалъ изъ Англии, куда возвратился не прежде, какъ по смерти отца своего.

Конечно, безразсудно было бы судить этого человѣка по прежней его жизни, но она, однакожь, вооружалась пропивъ него въ общемъ мнѣніи. Говорили, что въ то время, промахывая большія суммы денегъ, онъ добывалъ ихъ не совсѣмъ честнымъ образомъ, и дѣлалъ разныя насилія беднымъ и беззащитнымъ сосѣдамъ; но какъ со времени возвращенія своего въ отечество онъ совсѣмъ переѣхался и спалъ жить тихо и порядочно, но хоня и не пользовался оптимизмомъ уваженіемъ, по крайней мѣрѣ ни-

кто въ сосѣдствѣ не могъ сказать о немъ ничего рѣшительно худого. Къ несчастію, послѣднее обстоятельство пробудило пропивъ него все прежнее недоброжелательство жипелей — и болѣе попому, что богатство его и независимое состояніе были предметомъ зависти для многихъ изъ его сосѣдей. Что же касается до самаго Смита, то онъ не смотря на бурю, свирѣпствовавшую около него, оспазался въ совершенномъ спокойствіи и, казалось, презиралъ ею.

Спустя два мѣсяца, пріѣхалъ какой-то человѣкъ, и объявилъ, что имѣетъ большую причину думать, что профзжій, умершій недавно въ селеніи скоропоспигною смертью, былъ братъ его, и попому желалъ имѣть подробное свѣдѣніе о томъ, какъ это случилось.—Требованіе его было исполнено—лошадь и плашь покойнаго, взятыя въ полицію, были ему показаны, и онъ узналъ ихъ. Вырыли тѣло—полное разрушеніе еще не совершилось, и онъ, посмотря трупъ, удостовѣрился, что это былъ братъ его.—Тогда всѣ подозрѣнія, которыя давно уже носились на щель Смита, не имѣя однакожь въ себѣ ничего положительнаго, соединились въ одну грозную массу, и обратили на него вниманіе Георга Томсона — брата умершаго путешественника. Народъ уже давно называлъ Смита убійцею Генриха Томсона; судъ не зналъ что дѣлать.—Обвиненіе, какъ я сказалъ, не основывалось еще ни на какихъ доказательствахъ; но не менѣе того все сосѣднее дворянство подтверждало его; и эпою общій приговоръ перевѣшивалъ, такъ сказать, недостатокъ законныхъ документовъ. Наконецъ, Джонъ Смитъ былъ арестованъ—допрошенъ слегка, и такъ какъ въ отвѣтахъ его не оказалось ничего поваго, по судьи не сомнѣвались въ его оправданіи. Напропивъ того сосѣди увѣряли, что преступленіе откроется скоро и непременно, и эпо странное противорѣчіе, вопреки очевидности, основывалось частію на томъ, что первый допросъ, сдѣланный Смиту, казался слишкомъ незначущимъ; частію же на общей ненависти, которая неусыпно преслѣдовала этого человѣка.

Наконецъ, наступилъ день, въ который надлежало слушать дѣло. — И засѣданіе палаты открылось. Лордъ *Мансфелдъ*, предсѣдатель этого высшаго судилища, былъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые оспавляютъ по себѣ глубокое воспоминаніе вездѣ, гдѣ только являюся они. — Ни одинъ юристъ въ цѣлой Англіи — не имѣлъ его тонкаго и пронцапельнаго ума, его врожденной и удивительной смѣпливости, — пресупленіе рѣдко укрывалось отъ наблюдательнаго и опытнаго взора его, и такъ какъ честность и правосудіе *Мансфелда* были неоспоримы, по годось его имѣлъ всегда большой вѣсъ въ Совѣтѣ, и онъ по волѣ своей располагалъ судьями и присяжными.

Лордъ *Мансфелдъ* съ особеннымъ вниманіемъ выслушалъ изложеніе дѣла, и рѣчь его по сему предмету можетъ щитаться образцомъ судейскаго краснорѣчія. «Господа!» сказалъ онъ присяжнымъ: «если вы полагаете, что подсудимый невиненъ, то я бы совѣтовалъ вамъ не допускать обвиненія. Положимъ, что современемъ и явились бы новыя доказательствва противъ подсудимаго, но если вы теперь дадите ходъ дѣлу, то въ такомъ случаѣ, когда бы даже онъ и уличенъ былъ въ пресупленіи, онъ всё таки останется навсегда оправданнмъ. Напротивъ того, не допускайте теперь обвиненія, и отъ васъ зависить черезъ нѣсколько времени допустить его, возобновить дѣло и потомъ наказатъ преступника.»

Не смотря на представленіе *Мансфелда*, присяжные, по долгомъ и довольно шумномъ совѣщаніи, опредѣлили дать дѣлу ходъ и немедленно открытъ пренія. Между тѣмъ, жителямъ городка N., гдѣ производилось дѣло, были въ ужасномъ волненіи и безпокойствѣ. Выслушавъ рѣчь *Мансфелда*, они думали сначала, что судъ прекратится; когда же присяжные рѣшились продолжать его, тогда всѣ полагали, что послано собрать какія нибудь важныя справки, и что скоро все будетъ обнаружено.

Лишь только судъ собрался, главный адвокатъ вдругъ попреобавилъ оспановившъ дѣ-

ло, говоря, что слѣдствіе, произведенное по немъ, было еще неполно и не могло окончиться прежде будущаго года. Повѣренный подсудимаго сильно противопився этому требованію.

«М. г., сказалъ онъ испцу: вамъ должно поддерживать теперь слова ваши. Вы выбрали время; чтобы обвинить насъ; слѣдовательно должны были запастись нужными доказательствами къ нашему уличенію. — Проволочка дѣла угрожаетъ кліенту моему долгимъ и тяжкимъ започеніемъ, и такъ какъ свойство обвиненія не позволяетъ опустить его на поруки, по въ вашей волѣ продлить арестъ его на неопредѣленное время, и тѣмъ, еще прежде судебного приговора, подвергнуть его жестокому наказанію, не удосовѣряться еще, заслужилъ онъ его или нѣтъ.»

Лордъ *Мансфелдъ* согласился на справедливое преобаваніе повѣреннаго и велѣлъ начатъ дѣло. — Всѣ, казалось, служило къ оправданію подсудимаго — даже самое преобаваніе оспановки суда, подъ предлогомъ неоконченнаго еще слѣдствія, что явно показывало недостатокъ въ доказательствахъ.

Съ этой минутой въ городѣ совершенно никто не зналъ покоя. — Чѣмъ кончится эта драма? Какъ можетъ быть уличенъ человекъ, противъ котораго нѣтъ никакихъ доказательствъ? Вотъ что было предметомъ безпрестанныхъ разговоровъ, по вечерамъ, въ пошь часъ, когда въ провинціи собираются пить чай и шолковать о городскихъ новостяхъ.

Никогда не забуду я того любопытнаго зрѣлища, которое представляла Палата во время перваго ея засѣданія. Публика была въ несказанномъ волненіи, и самые судьи, казалось, раздѣляли его. — Вдругъ всё смолкло — зрители всё еще ждали чего-то необыкновеннаго; одни: что дѣло вдругъ оспановятъ, другіе: что преступникъ неожиданно будетъ обличенъ и лишится всѣхъ средствъ къ оправданію; но ничего подобнаго не случилось — и черезъ нѣсколько минутъ раздастся въ залѣ голосъ лорда *Мансфелда*:

«Введите арестанта.»

Онъ вошелъ; тысячу глазъ устремились на него въ эту мину, и легкая краска мелькнула на блѣдномъ лицѣ его. Ему казалось опъ сорока до пятидесяти лѣтъ. Волосы его начинали сѣдѣть опъ занятій, печали или душевнаго безпокойства, — съ перваго взгляда эшаго отгадавъ было невозможно. Вошедъ въ залу, онъ почпипельно поклонился судьямъ и потомъ, сложивъ руки, ждалъ начала драмы, въ которой игралъ первую ролю. Онъ стоялъ прямо и съ какою-то изученною важностію; фізіономія его выражала чрезвычайное высокомеріе и необыкновенную твердость характера; покрытый морщинами лобъ былъ высокъ и благороденъ. Холодность и презрѣніе, съ которыми смотрѣлъ онъ на всё его окружающее, высказывало пайну спраспей глубокихъ, сильныхъ, необузданныхъ; мысль его кипѣла, можетъ быть, великими намѣреніями или мрачными и зловредными замыслами. Тонкія, плотно сжатые губы, взглядъ изъ подлбья и нѣсколько рѣзкихъ морщинъ около глазъ, — доказывали въ немъ необыкновенную скрытность, несвойственную душамъ добрымъ; вообще всё выражение лица его въ цѣломъ было не въ его пользу, и когда въ послѣдствіи времени я читалъ поэмы Байрона, и особливо Лару его, по невольному вспомнилъ о Джонѣ Смитѣ. Гордая, но благородная его фізіономія глубоко вѣзлась въ память мою.

— Виноватъ ты, или не виноватъ? — спросилъ его повыпчикъ, слѣдуя установленной формѣ въ Англійскомъ судопроизводствѣ.

«Не виноватъ!» отвѣчалъ онъ выпянувшись и загремя цѣпами, которыми обременены были ноги его.

Этомъ ясный, твердый голосъ поразилъ меня и произвелъ въ душѣ моей чувство, похожее на угрызеніе совѣсти. Признаюсь, я раскаялся въ предубѣжденіи моемъ противъ эшаго человѣка, такъ благородно доказывавшаго невинность свою, и слушая со вниманіемъ докладъ публичнаго донощика, почпи не сомнѣвался въ невинности подсудимаго.

«Никогда,» говорилъ онъ: «не поступало еще сюда такого многосложнаго, двусмысленна-

го и запутаннаго дѣла. Никогда не было такъ трудно опредѣлить на чѣмъ именно основывается обвиненіе, и потому господа присяжные должны судить теперь просто по однимъ фактамъ, которые я намѣренъ сообщить имъ.

«Подсудимый пользовался въ обществѣ почетнымъ званіемъ, онъ имѣлъ доспашокъ и слѣдовательно долженъ быть выше пѣхъ искушеній, которыя доводятъ до пресупленія людей бѣдныхъ и необразованныхъ. Человѣкъ, въ смерти котораго обвиняютъ его, везъ съ собою большія суммы денегъ и множество разныхъ дорогихъ вещей, которыя похищены. Но это не доказываетъ пресупленія, потому что у подсудимаго не нашли ни вещей, ни пропадшихъ денегъ. При томъ, умершій былъ совершенно незнакомъ Джону Смиту: слѣдовательно безразсудно было бы приписывать ему побужденіе мести или ненависти противъ человѣка, во все ему неизвѣстнаго; не менѣ того подозрѣніе существуетъ; но съ одной стороны трудно объяснить на чѣмъ оно основывается, — съ другой трудно опвергнуть пѣ подозрѣнія, которыя, не смотря на опсупствие очевидности, сильно предупреждаютъ насъ противъ подсудимаго. И такъ, милоспивые государи, — вотъ простые факты, которые я предъявляю на внимательное разсмотрѣніе суда:

«Покойный Генрихъ Томсонъ опправлялъ въ Лондонѣ ремесло ювелира, имѣлъ большое состояніе и пользовался общимъ уваженіемъ и довѣренностію. Торговля сношенія его съ Германіею и Голландіею были значительны, и онъ часпо ѣздилъ въ эти земли по дѣламъ съ негоціантами. За мѣсяць до смерти своей онъ оставилъ Лондонъ и опправился въ Гюль, чтобы съхаться пашъ съ однимъ Голландскимъ купцомъ, для заключенія съ нимъ важнаго торга; и мы предспавимъ вамъ свидѣтеля, который дѣйствительно видѣлъ съ Гюль эшаго Голландца. — Трактирщикъ того-жъ города также засвидѣтельствуетъ, что свиданіе эшихъ людей происходило у него, и что въ то упру, когда Генрихъ Томсонъ собирался опять въ

путь, онъ видѣлъ у него множество бриллиантовъ, банковыхъ билетовъ, векселей и большія суммы денегъ. На другой день, ювелиръ кончивъ дѣла свои съ Голландскимъ негодяномъ, оставилъ Гюль и, вѣроятно опасаясь воровъ, сворошилъ на проселочную дорогу. Проѣхавъ селеніе N. не оспанавливаясь, онъ приспалъ у Джона *Смита*, который принялъ его, и на другой день поутру въ постель *Смита* лежало мертвое тѣло ювелира.

«Отсюда начинается непонятная и непроницаемая пайна: чпѣ было причиною смерти *Томсона*? Лекаря, которые свидѣтельствовали тѣло, единогласно признаютъ существованіе отравы, но отравы необыкновенной, недавно изобрѣщенной химіею и которой дѣйствіе скоро и сокровенно. Она внезапно оспанавливаетъ обращеніе крови и не оставляетъ по себѣ никакихъ слѣдовъ на тѣлѣ такъ, что самые искусные врачи едва могутъ распознать ихъ. Но кто могъ дать эпипъ жестокой ядъ *Генриху Томсону*.... Принялъ ли онъ его самъ, или другая какая рука совершила убійство—неизвѣстно. Въ комнатѣ не нашли ни спиклянки, ни другаго какого либо сосуда, который могъ бы содержать въ себѣ отраву. Неужли подсудимый отважился на такое ужасное злодѣяніе, пропивъ незнакомца, который просилъ у него пріюта и полагался на его честность?»

«Теперь я намѣренъ войти въ нѣкоторыя мѣстныя подробности и дать вамъ полное понятіе о жилищѣ *Смита*. Въ домѣ его живетъ служитель и ключница; первый спалъ въ небольшой избушкѣ, выстроенной на дворѣ возлѣ конюшни; самъ *Джонъ Смитъ* занималъ опдаленную комнату на одномъ концѣ дома, а на другомъ была горница ключницы, возлѣ которой отведена была комната *Томсону*. Въ эту ночь, когда совершенно злодѣяніе, нѣкто, часа въ 3 по-полуночи, проходя мимо дома *Смитова*, удивился, увидѣвъ тамъ свѣтъ въ такое необыкновенное время; свѣтъ эпипъ переходилъ изъ комнаты въ комнату—и свидѣтель сказывалъ, что онъ очень ясно разсмотрѣлъ тѣнь мужчины или женщины, которая держала свѣчу. Эпа тѣнь вышла изъ комнаты

Смита и подвигалась къ пою, которую занимала ключница. Потомъ двѣ человѣческія фигуры вышли вмѣстѣ, свѣтъ пропалъ; но скоро обѣ тѣни вспрѣпились и черезъ минуту все опять исчезло во мракѣ. Свидѣтельство ключницы казалось важнымъ; за нею послали; но она не нашлась, и намъ сказали, что на другой день послѣ приключенія она выѣхала изъ дому *Смита*; но куда—неизвѣстно. — Мы послали за свидѣтелемъ, который говорилъ о свѣтѣ, поставили его на томъ же самомъ мѣстѣ и велѣли смотрѣть въ окна, между тѣмъ какъ двое другихъ людей ходили со свѣчею по комнатамъ. Свидѣтель сказалъ, что онъ очень хорошо помнилъ направленіе, которое принималъ свѣтъ въ роковую ночь, что онъ двигался не прямо и не всегда свѣпилъ съ равною силою. По временамъ, продолжалъ онъ, что-то высокое, похожее на дверь или на ширмы, заслоняло его опъ окошка; но такъ, что онъ могъ разсмотрѣть слабый лучъ его въ комнату.

«Осмотрѣвъ расположеніе комнаты, мы никакъ не могли понять дѣйствія свѣта, о которомъ говорилъ свидѣтель, потому что не было ни двери, ни шкапа, которые бы могли производить его; припомъ, во всемъ домѣ не нашлось ни однихъ ширмъ; но все-го же спрашивается, что комната, гдѣ умеръ *Томсонъ*, была совершенно пуста, и слуга *Смита* сказалъ намъ, что уже съ годъ не спинали туда никакой мебели.

«Дозвольте мнѣ еще одно слово, м. г., послѣ чего г. присяжный займется дѣломъ своимъ. На полу, въ домѣ *Смита*, найдена хрупкая пробка иностранной работы, которая вѣроятно упала съ маленькой спикляночки; но никакой духъ, никакая осадка на эпипъ пробкѣ не обнаруживали вещества, которое могло бы наполнять спиклянку, и потому мы не могли опгадать по ней ничего; опъ назоужъ вамъ извѣстно, что Нѣмецкіе химики употребляютъ подобные пузырьки для сохраненія въ нихъ ядовитыхъ составовъ и летучаго спирту.»

Такъ говорилъ главный адвокатъ, и въ это время я не спускалъ глазъ съ подсудимаго. — Онъ казался совершенно спокойнымъ; видѣ

его былъ мраченъ, но хладнокровенъ; полько въ ту минуту, когда рѣчь коснулась хрустальной пробки, легкая, едва примѣтная пѣнь безпокойства пробѣжала по чертамъ его, и исчезла въ одно мгновение. Имя неотысканной ключницы заставило его улыбнуться съ презрѣніемъ. Ввели свидѣтелей, но они не объяснили ничего; конечно пробка дѣйствительно была найдена въ комнатахъ *Смита*, но точно ли она принадлежала къ спяльнѣ, и самая спяльница эта существовала ли подлинно — вопль чего никто не могъ сказать намъ.

Лордъ *Мансфельдъ* вспалъ, и сказалъ собранію:

«Я не думаю, чтобъ всѣ слышанныя нами обвиненія были доспапочно къ тому, чтобъ допустить подсудимаго защищаться, и потому, если гг. присяжные согласны, мы прекратимъ слѣдствіе.»

Присяжные собрались въ кружокъ, пополковали между собою, и потомъ главный изъ нихъ объявилъ, что всѣ они согласны съ мнѣніемъ лорда *Мансфельда*. Повыпчикъ заготовлялъ уже опредѣленіе, адвокаты прятали бумаги свои въ портфели и зрители готовились выпйти изъ залы, какъ вдругъ арестантъ сказалъ судьямъ:

«Мм. гг.! я былъ обвиненъ въ ужасномъ злодѣяніи, и самое полное оправданіе не смоеть паяна, которое налегло на мое имя. Оскорбительное подозрѣніе соопчицей будетъ всегда носиться надъ годовою человека, котораго судъ оправдалъ потому только, что не было доспапочныхъ доказательствъ его преступленія. Мм. гг.! я прошу васъ разрѣшить всѣ сомнѣнія ваши на щепъ мой подробнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя кажутся непонятными и двусмысленными; я желаю представить сюда единственнаго свидѣтеля, который можетъ испребить невыгодное впечатлѣніе общесства въ разсужденіи меня. Ключница, жившая въ домѣ моемъ, отыскана; она явился, когда вамъ угодно, и я самъ прошу вельшь привести её.—Г. президентъ,» сказалъ онъ лорду *Мансфельду*: «надѣюсь, что вы доведете мнѣ просить гг. присяжныхъ выслу-

шать коропкое мое оправданіе; копя я и не имѣю въ немъ нужды—но ясность дѣла...»
Лордъ *Мансфельдъ* сначала долго не соглашался—но, наконецъ, по усиленной просьбѣ арестанта, позволилъ ему говорить и—*Джонъ Смитъ* началъ такъ:

«Мм. гг., я надѣюсь, что скоро невинность моя опкроется, и вы оправдаете меня, не по недоспапкѣ въ доказательстввахъ, но по внупреннему убѣжденію.—Чѣмъ доказано, что *Томсонъ* умеръ отъ яда?... Но положимъ, что и были бы тому доказательствва,—почему полагаешь, что я далъ его *Томсону*? Что я употребилъ сосавъ, котораго свойство мнѣ неизвѣстно: я клянусь въ помѣ самимъ Богомъ! — Говорятъ, что Нѣмецкіе химики и аптекари приготавлиютъ подобныя оправы, и что дѣйствіе ихъ опкрыто ими.—Я никогда не бывалъ въ Германіи, но *Томсонъ* путешествовалъ по ней неоднократно... и этаго обстоятельство довольно уже, кажется, чтобъ оправдать меня. Но я продолжаю: чѣмъ именно доказано, что когда *Томсонъ* прѣхалъ ко мнѣ въ домъ—съ нимъ точно были деньги и брилліанты? — Развѣ не могъ онъ быть ограбленъ на дорогѣ? Развѣ не могъ съ опчаянія оправить себя?—Вспомните, м. г., что въ домѣ моемъ, не смопря на всѣ поиски, не нашлось ни одной вещи, принадлежавшей *Томсону*. Говорятъ, что ночью видѣли у меня свѣпъ;—это правда; я чувствовалъ себя нездоровымъ, и разбудилъ ключницу, приказавъ ей засвѣпить огонь, что она пошчасъ исполнила; но я долженъ былъ ждать нѣсколько минутъ въ проходной комнатѣ пока она одѣлась; и такъ вы видите, что спранные появленіе и зашпѣніе огня въ окнахъ моихъ, о которомъ говоритъ свидѣтель, объясняется самымъ проспымъ и еспественнымъ образомъ; что же касается до ключницы, то я самъ велѣлъ ей скрыться изъ дому и мой повѣренный принялъ её къ себѣ.—Это удивляетъ васъ, м. г.? Такая опсорожность кажется вамъ подозрительною?—Никакъ! — Я имѣю сильныхъ и опасныхъ враговъ,—я знаю ихъ, и удалилъ эту женщину потому, что боялся слабости ея, и можетъ быть корысплюбія, двухъ орудій

легкихъ, для руки того, кто захопѣлъ бы погубить меня. — Теперь она можетъ—она должна припши сюда, и я о томъ прошу васъ: пусть слова ея подтвердятъ истину того, что я сказалъ вамъ.»

Подсудимый говорилъ такъ просто, такъ спокойно и съ такою благородною твердостью, что рѣчь его, которую я запомнилъ слово въ слово — произвела на всѣхъ удивительное впечатлѣніе. Повѣренный *Смита* ввелъ ключницу. Она была женщина лѣтъ около 35, съ правильнымъ, но непріятнымъ лицомъ. Опвѣты ея совершенно согласовались съ словами господина ея: засвѣтивъ огонь, она легла опять спать и на другой день узнала отъ слуги о смерти *Томсона*. — Всѣ это совершенно оправдало *Смита*; — но главный адвокатъ желалъ подробнѣе допросить ключницу.

«Пока ты была у г. *Смита*,» спросилъ онъ её: «не стояла ли свѣча на столѣ, посреди комнапы?»

—Стояла. —

«Ты, кажешься, сказала, что онъ былъ нездоровъ и доспалъ (вѣроятно, изъ шкафа) лекарство, чтобы поспѣе принять его?»

—Сказала, сударь. —

«Эпопъ шкафъ или комодъ, или что другое, гдѣ спрячано было лекарство, былъ опворенъ однажды, или два раза, пока ты была въ комнапѣ?»

Женщина молчала.

«Кажешься, ты не поняла меня: я спрашиваю, когда г. *Смитъ* вынулъ изъ шкафа лекарство, то онъ заворилъ дверь шкафа, или оставилъ её опворенною?»

—Заворилъ. —

«А сколько времени эпопъ шкафъ былъ опворенъ?»

—Съ минупу. —

«Когда дверь шкафа опворялась, то не оставалась ли она между окошкомъ и столомъ, на которомъ стояла свѣча?»

—Прямо между окошка и стола, сударь. —

«Я не помню, какъ сказала ты стоять шкапъ эпопъ—въ право или влѣво отъ окошка?»

—Влѣво. —

«Дверь шкафа, когда она опворяется, скрипитъ или нѣтъ?»

—Ни крошечки! —

«Ты увѣрена въ эпомъ?»

—Какъ же, сударь, конечно увѣрена! —

«Опворяла ли ты когда нибудь шкафъ эпопъ, или г. *Смитъ* всегда опворяетъ его самъ?»

—Всегда самъ. —

«Можетъ быть, что ключъ оспается иногда у тебя?»

—Нѣтъ, *Смитъ* прячетъ его всегда у себя. —

Она взглянула на *Смита*; я наблюдалъ за обоими; холодный потъ капалъ съ его лица, и онъ споялъ блѣдный, какъ привидѣніе. Ключница вскрикнула и безъ чувствъ упала на полъ. — Въ первый разъ еще представились уму ея въ эпо минупу всѣ ужасныя послѣдствія ея необдуманнаго опвѣповъ. — Она безъ всякаго умысла произнесла смерпный приговоръ своему господину.

Главный адвокатъ сначала еще обратилъ вниманіе на обспоятельство, которое никого изъ насъ не поразило. Онъ думалъ: отъ чего могла происходить пѣнь, которая по словамъ свидѣтеля заслоняла свѣчу, и заключилъ, что въ комнапѣ непременно долженъ былъ быть чуданъ или шкафъ, котораго не замѣтили. — Припворная безпечность его вопросовъ обманула ключницу, и она вывела всю тайну, нимало не подозрѣвая, что губила господина своего. — Обморокъ ея прекратилъ засѣданіе; присяжные удалились въ особый покой для совѣщанія, и арестанты опвели въ пюрму; но зрители не оспавляли залы. Наконецъ, черезъ два часа г. *Мансфельдъ* возвратился на свое мѣсто; — подсудимый вошелъ опять, и съ нимъ свидѣтели и ключница.

«Я еще сдѣлаю тебѣ нѣсколько вопросовъ,» сказалъ ей г. *Мансфельдъ*: «но говори правду и помни, что отъ эпого зависитъ жизнь твоя. — Знаешь ли ты эпо?» продолжалъ онъ, показывая ей хрустальную пробочку.

—Знаю. —

«Кому принадлежитъ эта пробка?»

—Г. *Смиту*. —

«Когда ты увидѣла её въ первый разъ?»

—Въ ту ночь, когда умеръ г. *Томсонъ*. —

«Хорошо!»

Въ эпо минупу вошли два спорожа и за ними деревенскій судья съ большимъ подно-

сомъ, на которомъ лежалъ бумажникъ, часы, золотая цѣпочка и нѣсколько мѣшковъ съ деньгами; посреди эшаго всего стояла маленькая шкапулка и хрустальная спкляночка, къ копорой принадлежала пробка.—Всѣ это опыскано было полиціею въ домѣ *Смита*,—когда разломали деревянное украшеніе, находившееся въ комнаѣ *Томсона* между двумя окошками, гдѣ скрывался попаенный шкафъ.—Вещи, банковые билеты и векселя пещаспнаго ювелира, нещипая монеты, проспирались болѣе, нежели на 8 п. ф. сперт.; спкляночка, освидѣпельспвованная химиками, сохраняла еще оспашки сильнаго яда.

Подсудимый хранилъ глубокое и мрачное молчаніе.

Развязку эпои ужасной драмы опгадашь не спрудно, но нельзя не удивляться въ ней чудесному сцѣпленію обстояельствъ и шуму непоняпному побужденію, которое заспавило преспуника, оправданнаго судомъ, выдашь самаго себя, и призвать свидѣеля, копорый неумышленно обличилъ его.

T.

СПИСОКЪ

Дѣйствительныхъ Членовъ Императорской Россійской Академіи, уже окончившихъ свое земное поприще.

(Продолженіе.)

	Время избра- нія.	Время кон- чины.
38. <i>Покорскій</i> , Георгій Михайловичъ, священникъ церкви Вознесенія Господня въ Санктпетербургѣ	1783 Окп. 28.	1802 въ Окп.
39. <i>Григорьевъ</i> , Василій Григорьевичъ, священникъ Академіи Наукъ	— —	1800 до 21 Ян.
40. <i>Мелиссино</i> , Иванъ Ивановичъ, курапоръ Московскаго Университета	— —	1795 Мар. 23.
41. <i>Дамаскинъ</i> , (Семеновъ - Рудневъ), епископъ Нижегородскій и Алаштырскій	— —	1795 Дек. 18.
42. <i>Воронцовъ</i> , графъ Романъ Ларіоновичъ, генералъ - аншефъ	— —	1783 Нояб. 30.
43. <i>Щербатовъ</i> , князь Михаилъ Михайловичъ, тайн. сов.	— —	1790 Дек. 12.

(Продолженіе, въ слѣд. листкѣ.)

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ САКСОНСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

Народонаселеніе 1,435,676 чеховѣкъ.

Пѣхота.

1 дивизионъ гвардіи	370 чел.
4 пѣхотныхъ полковъ. Въ нихъ по 3 бата- ліона, а въ баталіонѣ по 4 роты. Въ нихъ	7,488 —
2 баталіона легкой пѣхоты	1,248 —
3 баталіона спрѣлковъ	1,500 —

Всей пѣхоты. 10,606 чел.

Конница.

3 полка легкой конницы	2,066 —
----------------------------------	---------

Артиллерія.

1 полкъ пѣшей артиллеріи	} 1,032 —
1 бригада конной артиллеріи	
1 фуришадтскій баталіонъ	191 —
1 рота масперовыхъ	100 —
1 гарнизонная рота	100 —

Вся армія состоиптъ изъ 14,095 чел.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

41.

L'auteur remplit de son sujet.

Lafontaine.

Мы было чрезвычайно обрадовались, найдя въ Сенплярской книжкѣ Библиотеки для чпенія, на спр. 69-й. Иностранной словесности, два мѣсна, изъ копорыхъ можно было пипать себя надеждою, что высокосепенный баронъ *Брамбеусъ* начинаешъ предпочптать порчанію на колѣ спокойное расположеніе на креслахъ, превожной позиціи на спрубъ кипящаго самовара—мягкій диванъ съ пружинною подушкою. И кпо бы не возмѣлъ эшаго сладкаго упованія, прочипавъ нижеприводимыя нами мѣсна:

«*Сентъ-Бевъ*,» возглашаешъ господинъ баронъ: «*Сентъ-бевъ* обспавляетъ свои духов-

ныя созерцанія картинами отвращительнаго сладоспращія, и, не имля чувства гистоты и стыда, хочеть казаться благочеспивымъ.

«Чишайше ужь скорѣе романъ *Томаса Мура*, человека съ глубокими прилигьями,» увѣщеваесть насъ оный же баронъ («вкус и стыда, который не заставляетъ краснѣть никого въ свѣтъ.»)

Но, увы! мы ошиблись въ своемъ упованіи. Высокостепенный баронъ *Брамбеусъ* поспушаесть съ нами, какъ верста, спющая на сполбовой дорогѣ: она показываесть дорѣгу, а сама идееть по ней. Изъ чего же мы выводимъ такое о вышеписанномъ баронѣ невыгодное заключение? Изъ того, что онъ въ Ноябрьской книжкѣ, на спр. 69, возвратился обѣявъ къ любимому своему предмету и, кромѣ кола и прубы самовара, опыскаль новое *сдалице*. «Чорпъ взяль банку горчицы въ одну руку, другою поднля въверхъ поды своего нѣмецкаго кафтана и спль въ каминъ на горлицихъ угольяхъ.»

Не правда ли, что сочинитель *Записокъ Домоваго* человекъ съ глубокими прилигьями вкуса и стыда? Не замѣчаете ли вы, какъ у него на каждой спраницѣ блещеть чувство гистоты и стыда?

42.

Кто могъ бы быль эпопѣ здравомыслящій сочинитель разбора прагедіи *Петръ Басмановъ*, эпопѣ шайнственнй *Кси*? спрашивали другъ у друга на литературной вечеринкѣ у Генерала *М*. Одинъ утверждалъ, что эпо . . . «Слогъ похожъ на его,» замѣпилъ другой: «но *Кси* хвастается, что имѣль на свои сочиненія по 4,000 подписчиковъ, а скромный писатель, котораго вы подозрѣваете въ сочиненіи эпопѣ спашейки, не только не хвалиль себя; не только въ союзныхъ журналахъ не допускаль пріятелей восписывать похвалы своимъ сочиненіямъ; но стораль со спыда, чипая похвалы, копорыми, бывало, издаеель Моск. Телеграфа оспалъ самъ себя, и неумѣспныя выходки г. *Тю-тонджи*, копорый вызывается преобразованъ, усовершенспвованъ Русскій языкъ

и довести насъ Русскихъ до такой спепенн просвѣщенія, вскарабкавшись на копорую, мы будемъ въ соспюяніи пониманъ его высокід пворенія. Нѣпъ, нѣпъ! не можееть быль, чтообъ эпо спашейку онъ написаль.»—Ктобы ни написаль её,—громко и рѣшительнѣо произнесъ полковникъ *Д****: она вышла изъ подъ пера, не заразившагося новыми идеямъ; изъ головы, не перевернувшейс я пыломъ наперѣдъ, а лицомъ назадъ; изъ головы пакого писателя, копорый не шевелиеть пра-дѣдовскими коспиями, не высиживаееть въ дьявольскомъ колпакѣ любви.

А. Кораблинскій.

19-е Ноября

1835.

С. П. Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КУРГАНЪ МАРИЛИ.

Погонщикъ ватины (барки), Пастушка, Янъ, Мать и Подруга.

Погонщикъ.

На брегѣ Нѣмана, гдѣ ручейкъ ирривый
Свой недалекій пуль скончалъ—
И пихую спрюю съ волной его сляль—
Чей вижу я курганъ красивый?
Обсаженный кругомъ
Шиповникомъ, малиною и шѣрномъ—
И вокругъ одѣшый свѣжимъ дѣрномъ—
И куспъ черемухи на нѣмъ,
Обвѣшанный завялыми вѣнками,
И опъ него по споронамъ
Я при дорожки видѣль памъ:
Одна идееть между полями,
Другая въ томъ рыбащій домъ,
А шрешья къ хижинѣ пусшынной...
Я памъ приспаль съ моей вишней—
Скажи, пашущка, чей-то холмъ?

Пашущка.

Спроси холъ у дѣрвени цѣлой,
Всѣ скажутъ: въ хатѣ опустѣлой

Пастушка кропкая жила,
Прекрасная и добрая *Марилля*,—
Она весною умерла,
Курганъ—ея могила;
Тропинка межъ полей—
То слѣдь ея младаго друга;
Изъ хапы мапъ приходишь къ ней,
Издалека подруга.
Уже заря—свѣшло кругомъ —
Они сей часъ придуть на холмъ...
Коль хочешь, по иди за мною—
Мы спрячемся за шой вербою —
Они насъ не увидяшь шамъ;
Ты посмотри на нихъ, заплачешь вѣрно самъ...
Смотри! Вотъ другъ идешь: какой унылый, блѣд-
ный!

Какъ онъ перемѣнился бѣдный!
Смотри, вотъ мапъ въ слезахъ;
А вотъ и добрая подруга:
Онъ здѣсь жими другъ для друга...
Всѣ идуць тихо—шагъ за шагъ;
Несуць вѣнки ей, розы
И слѣзы.

Я н ъ.

Марилля! До сихъ поръ
Еще мы невидались—
Еще не цѣловались!
А солнце выше горъ!...
Я дождаюсь... ужъ не рано...
Уже-ль ты упрю проспала?
Или ты сердилъся на *Ана*,
И въ поле безъ него пошла?
Марилля! Солнце ужъ высоко!
Ахъ, нѣтъ! Не проспала ты дня,
Ты не сердита на меня...
Но ты глубоко, ты глубоко!...
Ты въ гробъ—ты въ земль сырой —
Ты шамъ въ неволь:
Ты не увидишься со мной—
Тебя я не увижу болъ.
Бывало прежде, я съ побой
Просия вечеркомъ украдкой,
Съ надеждой спать иду домой,
Что мы увидимся съ зарей—

И спалъ я крѣпко—спалъ я сладко.
Теперь не спишься дома мнѣ—
Сегодня спать приду къ кургану...
Съ побой увижусь хопъ во снѣ—
И можешь быть уже не вспану...
На что опцу я своему?
Когда я былъ щаспливымъ —
Я былъ прудолубивымъ,
Все было хорошо въ дому;
Сосѣди всѣ меня хвалили,
Хвалилъ меня опець съдой—
И мы тогда богато жили;
Теперь опець бѣднѣшь мой —
А я ни людямъ и ни Богу!
Я не работаю давно:
Пусть на поляхъ гниѣшь зерно,
Пусть сѣно шацупъ всѣ со стогу,
Пусть хлѣбъ нашъ крадешь злой сосѣдъ,
Пусть волки разгоняютъ стадо —
Мнѣ здѣсь ужъ ничего ненадо:
Марили нѣтъ! *Марили* нѣтъ!...
Опець! не спрой мнѣ новой хапы—
Я не женюся ни на комъ...
Напрасно, ласковые свапы,
Напрасно ходите въ нашъ домъ!
Уже ли вы забыли,
Что нѣтъ *Марили*? Нѣтъ *Марили*!
Я не могу, не въ силахъ я —
Прощай, прощай моя семья!
Я далеко уйду съ печали —
И не найдѣте вы меня,
Хопя бы вы меня искали...
Я не вернуся больше къ вамъ.
Ахъ, нѣтъ! Ахъ, нѣтъ моей *Марили*!...

Ма п ъ.

Зачѣмъ я проспала развѣшь?
Уже всѣ люди въ подѣ:
Марили нѣтъ! *Марили* нѣтъ!
Будишь никто не придетъ болъ...
Я ночь всю провела въ слезахъ,
Уснула я передъ зарею...
Давно мой *Силонъ* на лугахъ—
Ушелъ онъ не проспая со мною.

Не разбудилъ меня, моихъ жалѣя слѣзь,—
Безъ завтрака ушелъ на сѣнокосъ...

Коси себѣ, коси день цѣлой—
Что дѣлашь въ хатѣ опустѣлой?...

Я здѣсь останусь на холму:
Мнѣ тяжело въ моемъ дому...

Теперь должны все дѣлашь сами:
Кто насъ попроситъ на обѣдъ?

И у спола кто сядетъ съ нами?...

Марилу нѣтъ! *Марилу* нѣтъ!
Покуда съ ней мы жили,
Мы жими будно въ небесахъ:

У насъ и вечеринки были,
Вино и пиво на сполахъ.

Со всей деревни парни, дѣвки
Къ намъ заходили каждый часъ;

Зажинки, шумныя досѣвки
Всегда у насъ, всегда у насъ— — —

Теперь нашъ домъ пустыня: нѣтъ родимой!
Кто ни идетъ—все мимо, мимо!

И не заглянуть въ домъ пустой;
Весь дворъ заросъ уже травой...

Насъ Богъ и люди позабыли—
Ахъ, нѣтъ *Марилу!* нѣтъ *Марилу!*

Подруга.

Вотъ здѣсь бывало мы вдвоемъ
Съ тобой сидѣли надосугъ!

Я о твоёмъ щасливомъ другѣ,
Ты говорила о моемъ...

Кѣмъ злую замѣню потерю?
Марилу, нѣтъ уже тебя!

Кто здѣсь повѣритъ мнѣ себя?
Кому и я себя повѣрю?

Ахъ, ты пеперь любви моей
Не раздѣляешь грусть и сладость;

Печаль я чувствую сильнѣй—
А радость безъ тебя—не въ радость...

.....
Пловецъ, распротганный, узналъ
Ихъ тяжкой горести причины—

Вздѣхнулъ ... заплакалъ ... и погналъ
Свою выпину.

Пер. *Юрій Познанскій*.

Кіевъ.

1825, Октябрия 5.

С H A R A D E.

Petit canal détaché d'un ruisseau,
Mon premier, en passant, seconde une industrie,
Ou fertilise une prairie.

Sans mon second, jamais on ne marie.
Mon tout est noble et beau,
Quand on a servi la patrie.

О М О Н И М Ъ.

Святаго города старинный основатель,
Большова княжества въ Россіи обладатель
Звался—какъ я.

Но только-ль? Безъ меня,
Въ какомъ ни будешь вы азартѣ:
Совсѣмъ нельзя играть на билиартѣ!

Въ No 10-мъ, помѣщенная шарада значить: *Война*.

Н О В А Я К Н И Г А.

Описание Кордуанскаго и Эддастона-
скаго Маяковъ, съ литографированными иллю-
браженіями, составилъ лейтенантъ Р. Скалов-
скій.—С. П. б. 1835. Цѣна 2½ р.

Небольшая, изящно изданная и прекрасно
написанная книжка съ изящными картинка-
ми. Она знакомитъ нѣсколько съ исторіею
эпихъ свѣшпильниковъ мореплаванія и опи-
сываетъ подробно два изъ нихъ.

Описание Эддастона, — эпига торжества
человѣка надъ природою — есть небольшая
поэма: желанельно, чтобы являлось у насъ
побольше такихъ описаній для дѣльнаго и
пріятнаго чтенія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 13.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 12 ДНЯ 1856 ГОДА.

Изъ оды Оирсъ своей лишь пронѣсь два слова:
Всеенная зѣвашь гопова.

Нахимовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РАЗСКАЗЪ НА ПЕРЕПРАВѢ ЧЕРЕЗЪ ПРУТЬ.

Скажице, есть ли чтонибудь на свѣтѣ прелестнѣе милой, прекрасной, рѣзвой, умнишкой 17-ти-лѣтней дѣвушки? Только прекрасной, непремѣнно прекрасной, а безъ эпаго условія женщина никуда негодится. Я ничего не знаю плѣнительнѣе женской красоты, и ничего таже ея безобразія. Мнѣ часто говорили, что и дурная женщина можетъ обворожить умомъ; я этому не вѣрю и не хочу удословляться; я лучше возьму книгу или пойду на профессорскую лекцію, когда умъ попребуешь занятія. Къ тому же, я не люблю ни очень умныхъ, ни очень ученыхъ женщинъ—онѣ большія педаншки; я не могъ равнодушно слышать, когда хозяйка, понохивая пабачекъ, заведетъ длинный разговоръ про дѣянія *Наполеона*, или про политическія дѣла Европы; я сучаль, грызъ ногти, беспрестанно вертѣлся на спулѣ, мялъ шляпу, щипаль перья изъ сулпана, и при первомъ удобномъ случаѣ выбѣгалъ изъ гостиной; къ тому же у энихъ хозяекъ всегда холодный чай, жидкія сливки и много грязи въ кухнѣ. Опытъ заставилъ

меня опмѣнить въ моей памятной книжкѣ: «Не пить чаю и не объдашь шамъ, гдѣ хозяйка часто говоритъ о полишкѣ и о *Наполеонѣ*.»

Я не опспунаю опъ эпаго правила.

Я не говорю, что всякая женщина должна быть красавица, которая бы выдерживала всѣ претребанія возвышеннаго вкуса, которая могла бы сравниться съ Мадонною *Рафаэля*. Простая пословица: у всякаго свой вкусъ, уничтожаетъ всю теорію эстетики. Красота заключается не въ правильности формъ, не въ гибкомъ ростѣ, не въ бѣлизнѣ шеи, не въ пышныхъ округлостяхъ. Красота есть то, что намъ нравится, что наполняетъ сердце пріятнымъ претепомъ и заспавляетъ его битѣся скорѣе и сладостнѣе. Еще разъ повторяю, что я ничего на свѣтѣ не знаю очаровательнѣе хорошенькой женщины. Можетъ быть на эпо мнѣ скажутъ, что я очень мало знаю, мало видѣлъ, мало испыталъ;—говорите, что вамъ угодно, я не разсержусь, только оспавьте меня въ эпомъ сладкомъ заблужденіи.

Хорошенькой женщинѣ я позволю всѣ недоспатки, всѣ прихоти, всѣ капризы, даже

кокетство: къ ней все идетъ, въ ней все мило, очаровательно. Ея голосъ—гармонія, движенія—легкость и спройность, разговоръ—сердечная жизнь, любовь—небесное призваніе, а слеза, знаете ли, что такое слеза въ глазахъ прекрасной женщины—знаете ли, что она можетъ сдѣлать непобѣдимою армію Жидовъ? Нѣтъ ничего возвышеннѣе и прогашельнѣе этой слезы.

Всѣ сокровища душевныя и спроую нравственностъ я уважаю только въ хорошенькой женщинѣ: думаю, что безобразной женщинѣ легче быть добродѣтельной, нежели безнравственною. Это я думаю очень часто.

Помните ли вы *Олинку С.*, веселую, рѣзвую, прекрасную? Помните ли вы это пышное, круглое личико, съ воздушнымъ эшарпомъ на шеѣ, съ поэтической прическою и со всегдашнею ангельскою улыбкою... Нѣтъ? Не вѣрю, вы ошибаетесь! поройтесь въ вашей памяти, вы опытите эту свѣтлую, идеальную головку. Вамъ не прудно найши её: вы рѣдко встрѣчали что нибудь подобное въ жизни. Вы очень часто видѣли её на улицѣ, на чепвѣркѣ рѣзвыхъ гнѣдыхъ лошадей. Вы сожалѣли тогда—зачѣмъ вы ей не родственникъ, или по крайней мѣрѣ не коронкій знакомый и не можете заняты пустаго мѣста пропивъ её въ коляскѣ. Вы были влюблены въ неё при этой встрѣчѣ; любопытнымъ взглядомъ слѣдили коляску, пока не исчезла она при поворотѣ, и если вы не вѣтренникъ, *Олинка* была любимою вашею мечтою, по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Вы часто встрѣчали её въ театрѣ, въ ложѣ перваго яруса, въ блондахъ, въ алмазахъ, съ собольими хвостами, которые такъ заманчиво оппѣняли бѣлизну ея прекрасныхъ плечъ и шеи, и вѣрно наводили на неё ревнивый лорнетъ во всё время антракта. Вы часто выходили въ коншору справляться: на чье имя взята ложа такого-то нумера? и вамъ отвѣчали со всевозможною важностью—на имя княгини *К.*—не правда ли? Вы думали, что *Олинка* дочь знашней княгини, васъ пугали громкій шипуль, басанные гербы на красной ливрѣ,

и оспанавливали дальнѣйшія ваши искапелства. Вы ошибались, какъ никто въ мѣрѣ. Я жалѣлъ, очень жалѣлъ о вашемъ недоразумѣніи; мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ влюблялись въ прекрасную *Олинку*.

Такъ вы думали, что *Олинка* дочь княгини *К.*? Не имѣя ни полковничьихъ эполетовъ, ни тысячи душъ, ни каменнаго дома въ споліцѣ, вы спарались подавить душевное очарованіе... Жаль, право жаль, вы всѣмъ не знали *Олинку*. Ваши опасенія были напрасны, она полюбила бы васъ безъ чиновъ, безъ золота, она искала ума и чувствва... Если бы вы знали, какъ она была мила и простодушна, эта прекрасная *Олинка!*

Вѣрите ли вы безкорыстной дружбѣ мушны съ 17-пи-лѣтнею прекрасною дѣвушкою? Вы смѣетесь злобно, коварно смѣетесь при этомъ вопросѣ. А если я скажу вамъ, что этому мушнѣ было немного болѣе 30 и немного менѣе 50-пи лѣтъ — можетъ ли это васъ успокоить? Вы скажете, что эта дружба похожа на опеческую любовь: называйте её какъ вамъ угодно, мнѣ доэтого нѣтъ никакого дѣла. *Олинка* была моимъ рѣзвымъ, веселымъ, признапельнымъ другомъ. Ея веселостъ разбивала мою мучпельную желчь, которая наводила на меня такую хандру, что я готовъ былъ бросаться на людей и кусать имъ носы и уши,—она избавила меня отъ эпаго припорнаго кушанья. О, я никогда не забуду ея заботливости, ея искреннихъ одолженій!

О, какъ воздушна представляется очарованнымъ глазамъ любимая дѣвушка, когда любовь ваша къ ней исполнена чистыми, священными чувствами. Когда бывало *Олинка* скользнетъ передо мною со всею прелестью граціи, мнѣ казалось, что она ни сколько ни тяжель блондовой своей косынки, лебязьяго боа, который такъ живописно змѣился вокругъ ея шеи. Тогда я сравнивалъ её съ разноцвѣтною радугою, которая такъ заманчиво спелелась по небу, не включая въ себя ни вѣсу, ни матеріальности. Я помню, что не успѣвалъ я задуматься, какъ эта милая *Олинка* подбѣжитъ ко мнѣ со всею рѣзвостію и простодушіемъ ребен-

ка, положивъ мнѣ на плечо свою пухленькую ручку—и я забывалъ мое горе, любовался ея ручкою, копорая была такъ бѣла, такъ нѣжна, такъ граціозна, съ такими поненскими, голубинскими жидками и съ розовыми погонками. И тогда я только видѣлъ эту ручку, беззаботно покоящуюся на плечѣ моемъ, по нисколько не чувствовалъ ея тяжести. Такъ легка была ручка этой *Олинки!*

За то, спросите, какъ любилъ, какъ лелѣлъ я этого 17-ти-лѣтняго ребенка! Было ли хотя одно желаніе, хотя одна ничтожная прихоть, копорой не исполнилъ бы я въ ту же минуту, если онѣ были сколько нибудь возможны. Сколько разъ давили мнѣ бока и ноги въ театральнѣйшій конפורъ, когда продирались я между грубіанами лакеями, чпобы достать лучшую ложу для *Олинки*. Сколько издержалъ я времени и денегъ на то, чпобы подружиться съ *Шарлемъ* и убѣдиль его—призывать весь свой вкусъ и дарованія на темнорусыя ея локоны. Сколько ночей я употребилъ на чтение модныхъ журналовъ, на изученіе дамскаго туалета, чпобы привозить ей самыя свѣжія новости Парижа. Чѣго стоила мнѣ дружба модистокъ, которыя для *Олинкинаго* платья бросали всю работу. Не правда ли, вы удивлялись прелести и великолѣпію ея нарядовъ и замѣчали на ней прежде другихъ каждую новинку? Да, да, я очень любилъ *Олинку!* Мнѣ такъ было весело угождать ей.

Да кто же эта *Олинка*? Боже мой, какъ вы докучливы съ вашими распросами. Вамъ непременно надобно знать всю подноготную, весь формуляръ ея отца. Такъ вотъ не скажу же ни слова. *Олинка* была воспитанница княгини К. и собесѣдница ея дочери. Не такая собесѣдница или компаніонка, копорая весь свой вѣкъ зашивающъ Фор на княжескихъ узорахъ, и въ случаѣ неожиданыхъ гостей, за споломъ, при появленіи блюда, должны рашивать вѣрнымъ глазомъ, брашь ли имъ персикъ, абрикось, или другую новинку, чпобы достало ихъ для всѣхъ гостей. — Нѣтъ, княгиня любила *Олинку* со всею нѣжностію матери, лелѣла ея молодость, какъ нельзя болѣе, и ни

въ чемъ—ни въ нарядахъ, ни въ обращеніи не дѣлала разницы между ею и родною дочерью.

Какъ я уважалъ княгиню, какъ я уважалъ еѣ, когда она ласкала *Олинку*, всегда покорную и признательную. Часто удивлялся я возвышенной, безкорыстной душѣ ея, когда не увлекался материнскими чувствами, она отдавала въ обществѣ предпочтеніе достоинствамъ *Олинки* передъ своею дочерью. «Добродѣтельная женщина!» думалъ я: «сирота, проводникъ къ небу, она одна выкупитъ тебѣ вѣчное блаженство.»

Впрочемъ, княгиня была уже щедро награждена за свое доброе дѣло. Вышедъ за мужъ по спраси, она три года была бездѣтна, вѣроятно отъ того, чпю бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Княгиня была въ опчаяніи; наблюдала посты, пѣшкомъ ходила къ Сергію, ѣздила въ Чудовъ монастырь... и въ одинъ темный Сентябрскій вечеръ, когда на дворѣ было сыро и холодно, ей принесли ребенка, подкинушаго къ ворошамъ ея дачи. Княгиня заплакала отъ радости, когда веселый малюшка пропаянулъ къ ней маленькія рученки. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась матерью *Олинки*.

— Добрая примѣта, ваше сіятельство, — сказала спарая няня княгини, разсматривая ребенка: авось Господь Богъ пошлетъ и вамъ такую куколку. —

Черезъ годъ сбылось пророчество спарой няни. Я терпѣть не могу старухъ съ ихъ пророчествами.

Княгиня поровну раздѣляла сердце между родною дочерью и приемышемъ. У нихъ были одинаковыя кроватки, одинаковыя платья, одна Англичанка, одинъ учитель. За то благословеніе Божіе явно обѣняло домъ ея.

Олинка минуло 18, княжнѣ 17 лѣтъ: блистательное время для хорошенькой дѣвушки. Когда княгиня замѣтила, чпю на *Олинку* обращены всѣ лорнеты, чпю за *Олинкою* всѣ ухаживающъ, чпю *Олинка* отбиваетъ жениховъ у ея дочери,—тогда, однажды возвратившись въ кабинетъ, она произнесла довольно явспвенно: «Пора выдашь еѣ за

мужь.» Что-жь шуть удивительнаго! она была мать.

На другой день была пятница. По пятницамъ у княгини были положенные вечера. Въ этотъ вечеръ княгиня была разсыяна и какъ бы чѣмъ-то занята; она отказалась даже отъ виспа, и я очень хорошо помню, что ея мѣсто заняла Пелагея Сергѣевна Толская, въ высокомъ чепцѣ съ голубыми лентами и съ широкою оборкою и въ желтой Турецкой шали съ букетами. Съ правой стороны Пелагеи Сергѣевны лежала золотая собачка, съ бриллианновыми глазами, изъ которой она довольно часто пошухивала пабачекъ. Я очень помню, что Пелагея Сергѣевна нюхала тогда бобковый пабакъ и даже помню весь спектакль ея, почему предпочитала она бобковый пабакъ рульному, Березинскому и сыромолопному, — я все это перескажу вамъ при случаѣ, потому что все это важно, очень важно; а теперь займусь княгинею, которая очень часто ходила по комнатамъ, и, разсматривая своихъ знакомыхъ, выбирала для Олинки жениха; наконецъ она остановилась на опсавномъ роммистрѣ N.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ).

ФРАНЦУЗЫ НАЧИНАЮТЪ ОБРАЗУМЛИВАТЬСЯ.

А что вы думаете? Право, мы доживемъ до того, что Французы очнупся, вспрепенупся, сдѣлаются Христіанами, вѣрными подданными своего короля, обратятся къ классицизму, Батте и Лагарпу. Уже есть благоприятные признаки: на Парижскихъ театрахъ, неблагоприспосойныхъ, безнравственныхъ и до неперпимости ужасныхъ — оцпшь начинаютъ играть Расиновы трагедіи, Мольеровы комедіи. XIX вѣкъ начинаетъ сознавать свою благодарноснть къ предшественнику и свою ребяческую самонадѣянность. Нельзя сказать, что всѣ спарыя комедіи хороши; но нельзя же не согласишься, что новѣйшія никуда не годятся.

ПРЕЗИДЕНТЪ МОНТЕСКЬЕ.

Во время представленія трагедіи Китайской Сирота на придворномъ театрѣ, былъ въ числѣ зрителей и президентъ *Монтескье* который заснулъ при самомъ почини началъ пьесы. *Вольтеръ*, примѣтивъ это, разбудилъ его слѣдующими словами: «господинъ президентъ! не думаете-ли вы, что вы въ судейской камерѣ?»

С П И С О К Ъ

Дѣйствительнымъ Членамъ Императорской Россійской Академіи, уже окончившимъ свое земное поприще.

(Продолженіе).

	Время избранія.	Время кончины.
44. <i>Петровъ</i> , Василій Петровичъ, над. сов.	1783 Ноя. 11.	1799 Дек. 4.
45. <i>Яковиль-де-Миріево</i> , Федоръ Ивановичъ, дѣйс. сп. сов.	— —	1814 Мая 22.
46. <i>Никитинъ</i> , Василій Никитичъ, профессоръ Морскаго кадетскаго корпуса	— —	1809 въ Янв.
47. <i>Суворовъ</i> , Прохоръ Игнатьевичъ, профессоръ того-же корпуса	— —	нсизвѣстно.
48. <i>Богдановичъ</i> , Ипполитъ Федоровичъ, кол. сов.	— —	1803 Янв. 7.
49. <i>Салугилъ</i> (Миславскій), мнпрополнитъ Кіевскій. . . .	1784 Ян. 13.	1796 Янв. 5.
50. <i>Баженовъ</i> , Василій Ивановичъ, архитекторъ, дѣйс. сп. сов.	— —	1799 Авг. 2.
51. <i>Павель</i> , (Пономаревъ), архимандритъ Московскаго Симонова монастыря, попомъ архіепископъ Ярославскій. .	1784 Фев. 24.	1806 Мар. 19.
52. <i>Хелищевъ</i> , Иванъ Ивановичъ, колл. совѣтникъ.	— —	1784 Мар. 20.
53. <i>Соколовъ</i> , Никипа Петровичъ, профессоръ Московскаго университета.	— —	1795 Апр. 7.
54. <i>Зыбелинъ</i> , Семень Герасимовичъ, профессоръ Моск. Унив.	1784 Мар. 12.	1802 Апр. 6.
55. <i>Аверосій</i> , (Серебренниковъ), архіеп. Екатеринбургскій. .	1784 Іюл. 6.	1792 Сен. 15.
56. <i>Аппоктій</i> , (Полянскій), епископъ Воронежскій. . . .	— —	1794 Апр. 15.
57. <i>Стагивевъ</i> , Александръ Стасевичъ, стат. совѣтникъ. . . .	1785 Фев. 1.	1794 Апр. 12.

	Время избра- нія.	Время кон- чины.
58. <i>Верекинъ</i> , Михаилъ Ивано- вичъ, дѣйств. спаш. сов., корреспондентъ Академіи Наукъ	1785 Мар. 20.	1795 Апр. 28.
59. <i>Камистъ</i> , Василий Василье- вичъ, спаш. совѣтникъ	— —	1824 Окп. 28.
60. <i>Июходцевъ</i> , Пётръ Борисо- вичъ, членъ Академіи Наукъ.	1785 Окп. 7.	1806 Окп. 27.
61. <i>Аполлосъ</i> (Байкаковъ), епи- скопъ Архангелогородскій и Холмогорскій.	1786 Мар. 14.	1801 Мая 14
62. <i>Захаровъ</i> , Иванъ Семеновичъ, сенаторъ	1786 Авг. 8.	1816 Янв. 29. (4?)
63. <i>Нарышкинъ</i> , Алексій Василье- вичъ, сенаторъ	1787 Окп. 2.	1804.
64. <i>Мусинъ - Пушкинъ</i> , графъ Алексій Ивановичъ, дѣйств. пайн. сов.	1789 Ноя. 17.	1817.
65. <i>Хвостовъ</i> , графъ Дмитрій Ивановичъ, дѣйств. пайн. сов.	1791 Июл. 5.	1835 Окп. 22.
66. <i>Мальгинъ</i> , Тимофей Семено- вичъ, колл. ассесоръ	— —	1819 Авг. 28.
67. <i>Николевъ</i> , Николай Пепро- вичъ, Маюръ	1792 Янв. 3.	неизвѣстно.
69. <i>Данковъ</i> , Василий Семеновичъ, придворный протоіерей.	— —	1826 Окп. 11.
69. <i>Соколовъ</i> , Дмитрій Михай- ловичъ, колл. совѣтникъ.	1792 Апр. 9.	1819 Апр. 23.
70. <i>Соколовъ</i> , Пётръ Ивановичъ, дѣйств. спаш. сов., членъ Главнаго Правленія Учи- лищъ.	— —	1835 Янв. 10.
71. <i>Ириней</i> (Клементьевскій), архіепископъ Псковскій и Ревельскій.	1792 Сен. 24.	1818 Апр. 24.
72. <i>Анастасій</i> (Брашановскій), архіепископъ Астраханскій и Кавказскій.	1794 Апр. 24.	1806 Дек. 9.
73. <i>Хвостовъ</i> , Александръ Семе- новичъ, пайн. совѣтникъ	1794 Июл. 21.	1820 Июн. 15.
74. <i>Долгинскій</i> , Иванъ Григорье- вичъ, пайн. совѣтникъ	— —	1809 въ Янв.
75. <i>Меводій</i> (Смирновъ), архіе- пископъ Псковскій.	1794 Авг. 10.	1825 Фев. 2.
76. <i>Севергинъ</i> , Василий Михай- ловичъ; дѣйств. спаш. сов. членъ Академіи Наукъ	1795 Сен. 1.	1826 Ноя. 17.
77. <i>Мелединскій - Мелеуцкій</i> , Юрій Александровичъ, пайн. сов.	1796 Дек. 16.	1829 Фев. 3.
78. <i>Куракинъ</i> , князь Александръ Борисовичъ, дѣйств. пайн. совѣтникъ 1 класса	1798 Апр. 12.	1818 Июн. 24.

	Время избра- нія.	Время кон- чины.
79. <i>Севастьяновъ</i> , Александръ Федоровичъ, спаш. сов., членъ Академіи Наукъ.	1800 Июл. 14.	1824 Дек. 4.
80. <i>Гурьевъ</i> , Семень Емельяно- вичъ, спаш. сов., членъ Ака- деміи Наукъ.	1800 Сен. 1.	1813 Дек. 11.
81. <i>Озерцовскій</i> , Павелъ Яков- левичъ, оберъ-священникъ арміи и флота.	1800 Окп. 20.	1807 Мая 12.
82. <i>Бгльселъскій - Бгльозерскій</i> , князь Александръ Михайло- вичъ, дѣйств. пайн. сов.	1800 Ноя. 3.	1809 въ ис. Де.
83. <i>Шировскій</i> , Григорій Ива- новичъ, колл. совѣтникъ.	1800 Ноя. 17.	1811 въ Фев.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА. СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ НЕАПОЛИТАНСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

Народонаселеніе 7,160,794 души.

Королевская гвардія.

Двухбаталіонные гренадерскіе полки. Въ каждомъ баталіонѣ по 6-пи ротъ	3,306 чел.
2 полка егерскихъ, также двухбаталіонные.	
Баталіоны имѣющіе по 6-пи ротъ	3,306 —
2 роты піонеръ	437 —
1 морской баталіонъ изъ 6-пи ротъ	804 —
2 роты морскихъ канонеровъ	275 —
2 чепырехъ эскадронные полка	1,406 —
1 эскадронъ королевскихъ егерей	216 —
1 полубригада конной артиллеріи	72 —
2 фуришашскія роты	194 —

Всей гвардіи 10,094 чел.

Армія.

9 прехбаталіонныхъ полковъ пѣхоты.	18,288 —
6 однобаталіонныхъ полковъ легкой пѣхоты	2,160 —
3 Швейцарскихъ полка двухбаталіонные.	4,575 —
2 полка конницы	1,406 —
2 полка артиллеріи	1,960 —
2 роты масперовыхъ.	148 —
2 роты пожарной команды	182 —
2 баталіона саперовъ.	1,486 —
1 фуришашскій эскадронъ	328 —
8 баталіоновъ жандармовъ	6,732 —

8 эскадроновъ жандармовъ 736 —
3 баталіона веперановъ 2,700 —

Итого 40,701 чел.

Всей арміи Неаполитанскаго королевства
приписана 50,717 чел.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

43.

Часпоупоминаемый и почти всегда безприсрастный въ своихъ сужденіяхъ о вновь выходящихъ книгахъ и вновь играемыхъ въ Петербургъ театральныхъ пьесахъ г. В. В. В. (который сбивается съ большой дороги только тамъ, гдѣ ему хочется поддержать опчальный вылазки г. Сергѣя Скромненки прошивъ *Нестора, Карамзина, Шлёцера* и здраваго смысла), разбирая водевиль *Une journée de la Fronde*, весьма справедливо замѣнилъ, что — «не надобно раскрывать исторіи, если вы хотите узнать, что такое *Фронда* и познакомиться съ кардиналомъ *Мазариномъ*; а посмотрѣть въ театрѣ два — при историческіе водевиля — и вы вполне узнаете хипраго, пронырливаго министра; а если пересмотрите всѣ водевили *Ангело*: то будете знать Французскую исторію не хуже *Гизо* и *Мишеле*».

Мы Русскіе также, если хотимъ короче познакомиться съ годиною Самозванцевъ, смуть и междоусобицъ, обуревавшихъ несчастное наше отечество послѣ смерти царя *Теодора Иоанновича*, до избранія на царство *Михаила Теодоровича Романова*: то можемъ сдѣлать это, не читая ни книги *Спенсера*, ни *Хронографовъ*, ни лѣтописи о мятежахъ, ни даже *Исторіи* государства Россійскаго. Все это мы найдемъ въ трагедіяхъ и историческихъ романахъ, начиная отъ *Димитрія Самозванца*, соч. А. П. *Сумарокова*, до *Димитрія же Самозванца*, соч. *Ф. В. Булгарина*.

М. М. Херасковъ оставилъ намъ холодную трагедію *Освобожденная Москва*, многоплодный С. Н. *Глинка* написалъ эпическую поэмю: *Пожарскій и Мининъ*, или *Пожертвованіе Россіянъ*, скончавшеюся и по-

гребенною прежде своего родителя; князь С. А. *Шихматовъ*, которому нельзя указать въ пиитическомъ дарованіи, сочинилъ эпическую же поэмю на толь же предметъ; *Крюковскаго* трагедія *Пожарскій* и теперь еще въ торжественные дни играется не безъ успѣха, а въ 1812 году принята была публикою съ энтузіазмомъ, которому нѣтъ примѣра въ исторіи Русскаго театра; А. С. *Пушкинъ* положилъ на алтарь Музы образцовую трагедію — *Борисъ Годуновъ*. Это лучшая изъ Русскихъ трагедій и лучшее произведеніе гениальнаго писателя. М. Н. *Загоскинъ* изъ эпохи же эпохи взялъ предметъ для своего историческаго романа *Юрій Милославскій*, одного изъ прекраснѣйшихъ и занимательнѣйшихъ; баронъ *Розень* написалъ трагедію *Петръ Басмановъ*, смѣсь золоты съ грязью, какъ всѣ произведенія эпохи писателя; наконецъ, г. *Кукольникъ* обогатилъ нашу отечественную сцену превосходною трагедіею: *Рука Всевышняго* *Отечество* спасла.

Мы поименовали здѣсь только нѣкія сочиненія, которыя носятъ на себѣ печать таланта и дойдутъ до потомства. Намъ пришлось бы намарать книгу, толщину съ самую пучную книжку *Библиотеки для чтенія*, еслибъ мы взяли исчислить все, что написано о сихъ безцарственныхъ временахъ посредственно или непосредственно господами: *Гурьяновымъ, Сивковымъ, Николаемъ Фоминымъ, Кузнецовымъ, Иваномъ Георгиевскимъ, Яковомъ Лыкошинымъ, Павломъ Сетинымъ, Павломъ Свиннымъ, Александромъ Потаповымъ, Никитинымъ, Андреевымъ*, и другими новѣйшими прозаиками и стихотворцами.

А. Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ НОВОМУ 1856 ГОДУ.

Здравствуй, гость нашъ вождельный!
Что ты новаго принесть

Намъ ошь благоспныхъ небесъ?
 Дни спокойны и блаженны,
 Иль исполненные бѣдъ,
 Злыхъ нещастій и печали,
 Чшо недавно оплгчали
 Такъ жестоко бѣлый свѣшь? (1)
 Чшо, скажи, гласяшь свяшья
 Божьи праведны судьбы?
 Ждашь ли жизни намъ земныя,
 Иль Архангельской прубы?
 Пировашь ли безъ заботъ,
 Твой приходъ къ намъ, Новый годъ,
 И, за чашей круговою
 Познакомившись съ шобою,
 Все печальное забывъ,
 Или плакать и грустить?
 Молчаливъ и безопвѣшенъ,
 Съ хладнымъ, пасмурнымъ челомъ,
 Не суровъ и не привѣшенъ,
 Ты идешь своимъ пушѣмъ
 И не внемлешь восклицаньямъ
 Поздравляющихъ тебя,
 Нашимъ радостямъ, желаньямъ,
 Зръшь щаспливыми себя.
 На привѣтствія радушны,
 На живой восторгъ сердецъ
 Ты зриаешь равнодушно,
 Какъ таинственный пришлецъ.
 И тогда, какъ съ наступленьемъ
 Всъ встрѣчаешь себя спѣшащъ,
 И взаимнымъ поздравленьемъ
 И усердїемъ дарящъ;
 Какъ одежду уборы пышны
 Роскошь выспавляешь въ свѣшь,
 Какъ повсюду громко слышны
 Кликъ людей и спужъ карешъ,
 Какъ всъ спогны града полны,
 Всѣ спремисля, всѣ бѣжисъ,
 Всѣ какъ бурны моря волны,
 Всколебалось и кипишь: —
 Ты виновникъ сихъ движеній,

Сей всеобщей суеты,
 Сихъ волшебныхъ превращеній,
 Сей нарядной неспрошны.
 Ты самъ шощъ же, какъ и прежній;
 Тѣмъ же холодомъ покрывъ,
 И среди людей мяшежныхъ-
 Твой спокоенъ мрачный видъ.
 Пущь они своимъ убранствомъ,
 Блескомъ прихотливыхъ модъ,
 Обновляющъ швой приходъ:
 Эшо ихъ непостоянство,
 Эша суета суещъ
 Не умножисъ ихъ блаженства,
 Не прибависъ долгоденства,
 Не удержисъ швой поленъ.
 Непрерывно, неизмѣнно,
 Предначерпанной спезей
 Ты пойдешъ всѣ постепенно,
 Повлечешъ всѣхъ за собой.
 Какъ волна обратно въ море
 Невозвратно успешѣтъ:
 Такъ тебя, годъ Новый, вскорѣ
 Въ бездну вѣчность унесѣтъ.
 Ты сольѣшься въ ней съ своими
 Братьями шибѣ родными.
 Надъ землей ты пролетишь,
 Какъ духъ міра безшлесный.
 Чшо-жь въ залогъ намъ подарисъ?
 Чшо остависъ въ поднебесной?
 О! не дай же новыхъ ращъ
 Ушомленному шворенью!
 Не подуй опустошеньемъ,
 Какъ свирѣный ураганъ!
 Но, какъ въпръ благопріятный,
 Послѣ грозныхъ будъ повѣй
 Тишиною благодашной
 Красныхъ и щаспливыхъ дней!

В. Тихонравовъ.

L O G O G R I P H E.

Je suis un joli nom qu'on donnait autrefois
 Aux fils des grands seigneurs, et même à ceux des Rois;
 Mais par un triste arrêt du moderne langage,

(1) Разумѣются холера и голодъ, бывшіе въ предыдущихъ годахъ.

J'ai changé, malgrai moi, de forme et de visage:
 Je ne suis plus qu'un fat, de tout le sexe épris,
 Qui, las de ses propos, le traite avec mépris,
 Si tu me fais subir quelques métamorphoses,
 Dans moi tu trouveras l'auteur de toutes choses;
 Deux pronoms personnels; un habitant de l'air,
 Qui plane sur les mouts et la profonde mer;
 Du genrs humain le père; un royaume d'Asie,
 Du peuple hébreu le grand législateur;
 Un monument de l'art, créé par le génie;
 Un élément; un titre d'honneur,
 Qui d'un aimable sexe est l'exclusif partage.
 Mon sein renferme encore un meuble de ménage;
 Du Ciel un présent rare; un tissu précieux;
 Puis un souffle divin; la Déesse volage,
 Qui réunit le fou comme le sage,
 Sous son sceptre capricieux.
 Un beau mois de l'année; une fille immortelle,
 Que ses adorateurs trouvent souvent rebelle;
 Enfin ce lourd oiseau, qui vers la St.-Martin,
 Figure avec honneur à plus d'un grand festin.

Въ N№ 11 и 12-мъ, помѣщенныя, шарада значить:
Ruban, омонимъ Кий.

M O D E S.

Le calme renaît un peu ici, ma chère sœur; le jour de l'an, semblable à un orage qui soulève les vagues de la mer, met toute la population de Paris dans une agitation dont rien ne peut vous donner une juste idée. Tout ce public, qui court, se heurte, se choque sans que rien puisse l'arrêter, ces innombrables voitures circulant au milieu de ce peuple animé, qui se dérange à peine pour les laisser passer, sont une image pour laquelle plusieurs pages de descriptions suffiraient à peine, aussi ne l'entreprendrai-je pas et m'en tiendrai-je à ma *classique* chronique de mode, bonne et complaisante mode, dont les variations me fournissent sans cesse de nouveaux sujets d'observations. Une charmante innovation vient d'apparaître sous la rubrique de Mme Oudot-Manoury: ce sont de très grands mantelets en velours ou satin ouaté, garnis d'une haute dentelle noire, à double collet et longues péle-

rines. Ces mantelets sont d'une haute élégance et remplacent avec avantage les schalls et les palatines. Sur une robe un peu claire, ces mantelets, qui se font toujours noirs, sont d'un très bel effet. Comme autre nouveauté, je vous citerai les étoles *Norma*, sorte de pélerine longue ouattée, piquée en losanges qui encadrent des bouquets brodés au passe. On les fait généralement en satin blanc ou de couleur claire, garnies de sygne.

Pl. No 5. Coiffures ornées de perles et de plumes.—
 Robe d'organdie de lin brochée et imprimée d'or.—
 Robe de tulle application de satin brodé d'argent.

М О Д Ы.

Тишина опять водворяется здѣсь понемногу, любезная сестра; день новаго года, подобно бурѣ, воздымающей волны морскія, приводить все народонаселеніе Парижа въ движеніе, о которомъ намъ ничто не можешь дать настоящаго понятія. Вся эта публика, которая бѣгаетъ, толкается, такъ что ничто не можешь удержавъ еѣ, эти безчисленныя кареты, раздѣжающія между эшимъ суешающимся народомъ, едва отспаранивающимся, чтобъ пропустить ихъ: все это представляетъ картину, для которой едва ли достаточны нѣсколько страницъ описанія; потому я и не предпринимаю его, а удовольствуюсь своей *классической* хроникой моды: добрая и сходительная мода, ея измѣненія доставляютъ мнѣ безпрестанно новые предметы къ замѣчаніямъ. Появилась прелестная новостъ: это большія атласныя или бархатныя маншильи на вапѣ, обшитыя широкимъ чернымъ кружевомъ, съ двойнымъ воронниками и большими пелеринками. Эти маншильи весьма щеголеваты и замѣняютъ съ выгодой шали и палашины. Онѣ дѣлаются всегда черныя, и весьма красивы на платьѣ свѣтлаго цвѣта. Какъ о другой новостѣ, упомяну тебѣ объ *этолахъ Norma*, родъ длинной пелеринки на вапѣ, выстеганной кружками, которые окружаютъ букепы, вышитыя въ наснанку. Ихъ вообще дѣлаютъ изъ бѣлаго или свѣтлыхъ цвѣтновъ атласа, и обшиваютъ лебяжьемъ пухомъ.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ)

Карш. No 5. Прическа съ жемчугомъ и перьями.—
 Платье изъ льнянаго органди, шитое золотомъ.—
 Тюлевое платье съ атласною, серебромъ вышитою опдѣлкою.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 14.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 15 ДНЯ 1856 ГОДА.

Сидѣнь, напившись пьянь и возвратясь домой,
Вдругъ видишь двѣ жены ... кричишь онь: Боже мой!
За что меня такъ наказуешь?
Я муку адскую терплю и отъ одной,
А ты другую мнѣ даруешь!

П. Суляроковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РАЗСКАЗЪ НА ПЕРЕПРАВѢ ЧЕРЕЗЪ ПРУТЬ.

(Окончаніе).

И. былъ высокій, худощавый мущина, съ большими свѣтлорусыми усами и бакенбардами. У него были слишкомъ огненные глаза, слишкомъ рѣзкія черты лица, чпобы поправиться скромной 18-лѣтней дѣвушкѣ. Въ его взглядѣ было болѣе звѣрскаго, нежели нѣжнаго, болѣе самонадѣянности, нежели доброты. Онъ былъ болѣе молчаливъ, нежели любезенъ, рѣдко показывался въ панцовальномъ залѣ, велъ большую игру и былъ принятъ во многихъ знапныхъ домахъ. Сначала служилъ онъ въ одномъ изъ армейскихъ гусарскихъ полковъ, и слылъ тамъ безспрашнымъ дуэлистомъ и отважнымъ наѣзникомъ; попомъ вышелъ въ опшавку съ прями ранами, съ двумя крестами на шеѣ и цѣлымъ рядомъ въ пеплицѣ. Нѣскольکو лѣтъ онъ занимался опкупами съ невѣроятнымъ щастіемъ, такъ, чпо когда я заспалъ его въ Петербургѣ, онъ соспавилъ

уже, почти изъ ничего, 2500 душъ въ Орловской губерніи и на 200 тысячъ ломбардскихъ билетовъ.

Хотя И. былъ уже нѣсколько лѣтъ поспояннымъ жильцомъ Петербурга и не предполагалъ никуда выѣзжать изъ него; однако же онъ жилъ всегда въ *Далуповомъ* пражирѣ и ѣздилъ въ наемной каретѣ. Въ домашнемъ быту онъ сохранилъ всѣ привычки и неопряпность армейской жизни; часто давалъ роскошные обѣды, завтраки, — но всегда за городомъ, или во Французскихъ госпинницахъ.

Я познакомился съ И. еще въ арміи; онъ служилъ юнкеромъ въ моемъ эскадронѣ. Я очень обрадовался увидя его въ первый разъ въ домѣ княгини, и полюбилъ его еще болѣе, когда замѣтилъ въ немъ особенное участіе къ *Олимпіѣ*. Его расположеніе къ ней походило болѣе на дружбу, нежели на любовь, и совершенно гармонировало съ моими чувстввами. При всемъ своемъ богатствѣ, И. часто бывалъ недоволенъ жизнію; безпокойная душа его требовала непрерывной дѣл-

пельности. Часто, въ припадкѣ грустнаго расположенія, онъ приходилъ ко мнѣ обдумывать свои планы: хотѣлъ ѣхать въ Америку, укрѣпивъ за *Олинкою* всё свое имѣніе. Ему никогда не приходила мысль о женитьбѣ. *Н.* былъ раздражипелень, вспылчивъ, бѣшенъ, ревнивъ и непоспопненъ. Понимая свои недоспапки, онъ никого не хотѣлъ сдѣлать мученицею своего несноснаго характера. *Н.* любилъ *Олинку* съ ея малолѣтства, любовью дружескою—не болѣе. Однако же онъ меня не скрылись и тѣ спрашпные, пламенные взгляды, которые иногда бросаю онъ на неѣ украдкою. Тогда глаза его блистали и зеленѣли, какъ у шигра при видѣ сырой говядины.

Въ поспъ же вечеръ, когда *Пелагея Сергеевна* вытерла носъ концомъ плапка, и спряпавъ кошелекъ и золотую собачку въ полосатый ридикюль, вошла въ залъ, гдѣ только что кончили мазурку, княгиня, подошедъ къ *Олинкѣ*, шепнула ей на ухо: *Олинка*, ты очень нравишься *Н.*

—Кто это сполодой человекъ?—спросила княгиню какая-то барыня, въ голубомъ беретѣ, указывая на *Н.*

«Отспавной роммистръ.... Не правда ли—прекрасный мущина. Какое важное, значптельное лицо, и какъ онъ *одушевленъ!*»

—Да,—подхватилъ сосѣдъ, перебивая княгиню: у него 2500 душъ въ Орловской губерніи.—

Далѣе я ничего не слышалъ, потому что въ то время у меня усилилось воспаление въ горлѣ, съ которымъ прѣхалъ я посмопрѣшь, какъ одѣта была *Олинка*—и я отправился домой спавить пѣлвки.

На другой день, довольно рано, княгиня позвала *Олинку* къ себѣ въ кабинетъ, заперла двери на ключъ, и болѣе двухъ часовъ проговорила съ нею о чемъ-то въ полголоса. И когда послѣ этой наспавптельной рѣчи *Олинка* вспрѣпилась со мною блѣдая и безпокойная, она прикусила верхнюю губку, сложила двѣ пѣжныя морщинки между бровей, выпянула немножко свое хорошенъкое личико—и, съэтою миленькою гримаскою, сказала мнѣ со всѣмъ своимъ просподоушпемъ:

—Меня хопяпть опдашь за мужъ за *Н.*—Я спакъ боюсь его.—

«Зачѣмъ же вы не сказали эпаго княгинѣ?»

—Я говорила, но татап (спакъ называла она свою благодѣпельницу) сказала, что онъ очень хорошпй человекъ, богатый и добрый; а я дѣпья и большая причудница. Виповата ли я, что онъ спаккой спрашпный.—

«Что-жь вы на это опвѣчали княгинѣ?»

—Я плакала.—

«Бѣдная *Олинка!* вы плакали. Ну спакъ общаю вамъ, что *Н.* опкажеспя опъ своего пребованія.»

—Ахъ! пожалуйпте уговорите его. Скажипте, что я опдамъ ему всѣ пмапья, всѣ бриліанпны,—чтобы онъ только опспавилъ меня въ покоѣ.—

«Хорошо! хорошо!»

—А если онъ не согласипся. Право, я очень боюсь.—

«Такъ я убью его!»

—Ахъ, Боже мой! какіе вы злые. А я думала, что добрѣе васъ никого нѣтъ на свѣтѣ. Такъ видно всѣ мущины спакіе спрашпные какъ *Н.*,—а я боюсь только его одного.—

Н. болѣе 15-ти лѣтъ былъ знакомъ въ домѣ княгини; онъ велчески спарался сблизипся съ *Олинкою*, но никогда не могъ добипся опъ неѣ радостнаго прпвѣспствія. Даже и тогда, когда она была еще ребепкомъ, каждая вспрѣча съ нимъ пугала еѣ—и она, прпжималась къ ппѣтѣ и закрывая глаза, просила, чтобы еѣ вынесли опъ него въ другую компану. Время нисколько не переппило опвращенія ея къ *Н.* Еспъ много магнетической силы, много памнспвеннаго влпнія въ глазахъ каждаго человекъ—это спайна, которая доселѣ опспается неразгаданною, не смотря на безпреспанные наши возгласы, что мы живемъ въ проспвщенномъ XIX вѣкѣ. Эпа спайна проявлется для васъ почти всякпй день при вспрѣчѣ незнакомыхъ людей. Эпа спайна сблизаетъ васъ съ перваго взгляда съ неизвѣспнымъ человекомъ; а опъ другаго опспалкпваетъ, какъ опъ злодѣя, хотя пп спощъ, ни другой не имѣли пп

времени, ни случая сдѣлать вамъ доброе или злое. Эта же тайная сила препятствовала *Олимпкѣ* сблизиться съ *N.* Веселая и любезная со всѣми, она поначасъ дѣлалась молчаливою и задумчивою, когда *N.* входилъ въ комнату, хотя все ея знакомство съ нимъ оканчивалось одними только безмолвными свиданіями. Когда *N.* сидѣлъ противъ неѣ за столомъ, успремивъ на неѣ неподвижный взоръ свой, *Олимпка*, по невольному движенію безпрестанно на него глядѣла: она ужасалась его взора, но не въ состояніи была ему сопровивляться. *N.* имѣлъ надъ *Олимпкою* какую-то сверхъ-естественную власть, какое-то непонятное могущество, хотя во все время долговременнаго ихъ знакомства они не передали другъ другу пяти словъ. Пускай это дѣйствіе объясняютъ чинашелямъ гг. философы... но оно сбылось надъ *Олимпкою*.

«Послушай *N.*,» сказалъ я однажды ромисіру: «если я замѣчу послѣ сватъбы на глазахъ *Олимпки* хотя одну слезу, вызванную твоимъ несноснымъ характеромъ, ты заплашишь за неѣ жизнью... Не забудь этого на всякой случай!»

N. увѣрялъ меня всѣмъ для него священнымъ, что онъ совершенно перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался женихомъ *Олимпки*; что онъ долго испытывалъ и повѣрялъ себя, и наконецъ убѣдился, что только одна *Олимпка* можетъ ошаспливить его скучную, безцвѣтную жизнь, что до сихъ поръ онъ не видѣлъ никакой цѣли въ жизни и не имѣлъ надобности быть ни лучше, ни хуже, потому, что никто не перѣлъ опъ его характера. Вдохновенный любовію, онъ такъ высокоправдивенно описалъ мнѣ обязанности мужа и взаимное супружеское обращеніе, что я готовъ былъ почестъ его за ангела-благовѣспишела, если бы не порчали у него такіе спрашные усы, а во рту огромный янтарный мушпукъ.—Я опъ души радовался этой перемѣнѣ *N.*, потому что онъ былъ очень добръ, уменъ, богатъ—и только этого одного недоставало для шаспія будущей его жены.

Всѣ свадебные наряды и приготовленія были окончены. *N.* всякой день ѣзжалъ въ

домъ княгини, былъ очень нѣженъ и вѣжливъ съ *Олимпкою*; но ничто не могло побѣдить ея къ нему отвращенія. Она не могла сопровивляться ни его желаніямъ, ни его ласкамъ; она садилась возлѣ него, позволяла цѣловать свою руку, выслушивала его кипучія чувствва,—но все какъ будто изъ спраха, изъ принужденія. Въ этомъ случаѣ она похожа была на безмысленнаго шеленка, лижущаго руку мясника, пу руку, которая перерѣжетъ ему со временемъ горло.

Сначала я раздѣлялъ печаль *Олимпки*;—но разобравъ еѣ непвердое значеніе въ свѣтѣ, 2500 душъ, образованность, воинспвенную наружность и добрую репутацію *N.*, соглашался съ княгинею, что *Олимпка* причудница.

Я думалъ какъ мущина, княгиня думала какъ мать, желавшая избавишься опъ соперницы своей дочери. У дѣвушекъ еспъ какой-то внуспренный инспинкпъ, копорый ихъ рѣдко обманываетъ, инспинкпъ, съ помощью котораго они выбираютъ себѣ мужа, по какимъ-то спрашнымъ, имъ только извѣстнымъ чувствваніямъ. Иногда предпочипаюпъ они людей съ большими недостатками, даже преданныхъ кармапъ, распущспву. Родспвенники жалѣюпъ бѣдную невѣспу, удивляясь ея выбору—и что же?—посмопришь, не пройдетъ году, и вѣспренный женихъ дѣлается примѣрнымъ мужемъ, а хваленый, опринутый его соперникъ—разѣзжается ночью по краснымъ кабакамъ. И хотя говоритъ наша пословица, что надобно съѣсть нѣсколько пудъ соли съ человекомъ для того, чтобы узнать его; однако же увѣряю васъ, что рѣдкая 18-пи-лѣшняя дѣвушка ошибется въ выборѣ мужа, почти съ перваго взгляда на мушину, если только эпомъ выборъ совершенно ей предоспавленъ. Спросите у знакомыхъ вамъ барышень, какая наука руководитъ ихъ при этомъ случаѣ. Ужъ конечно не физиогномика *Лафатера*.

Въ день сватъбы къ княгинѣ собралися ея родспвенники, и всѣ тѣ, которые любили *Олимпку*; а ихъ было очень много. Женихъ ожидалъ уже въ церкви, и я, поддерживая

дрожащую ручку *Олинки*, повелъ её къ карещь. Невѣста шла медленно, опираясь на чугуныя перила; кареша была подана, дверцы отворены; общій смѣхъ и говоръ увеличивался съ каждымъ шагомъ.... вдругъ намъ навспрѣчу вбѣжала женщина—большая, изнеможенная, съ распрепанными волосами, задыхаясь опть успалоспи; она схватила руку *Олинки* и сказала дрожащимъ, прерывающимся голосомъ: Оспановись, дочь моя! *Л.* швой браптъ!... Безчеловѣчный, онъ зналъ апу пайну. —

Безпорядокъ черной одежды эпой женщины; блѣдное, худое лицо, на которомъ горещь врѣзала глубокія морщины, соспавляли разительную противуположность съ прекрасными, цвѣтущими дамами въ великолѣпныхъ нарядахъ, которыми усѣяны были ступени лѣспницы. Всѣ онѣмъли опть ужаса... и когда я успѣлъ опомнишься, молодая и прекрасная невѣста, въ бѣломъ блондовомъ пляшь, съ вѣнкою изъ *Heurs d'orange* и блондовымъ вуалемъ на головѣ, разсвѣченная алмазми и разноцвѣтными камнями, и изнеможенная, спрашная вѣспница, въ изношенномъ черномъ капотѣ, лежали безъ чувствъ въ объятіяхъ другъ друга.

Послѣ этаго я только два раза видѣлъ *Олинку*: первый разъ, на преніи день послѣ роковаго открытія, въ припадкѣ сильной горячки,—послѣдній въ розовомъ гробу въ церкви Волкова кладбища.

А *Л.*?

Черезъ полгода я опыскалъ его въ Бернскомъ кантонѣ—и убилъ на поваль.

Такъ кончилъ разсказъ армейскій бивачный поварищъ мой, когда переправлясь черезъ Прущъ и взошедъ на высокій берегъ; прощались мы съ любезнымъ опечествомъ. На противуположномъ холмѣ прубачи играли Французскую кадрили. На двухъ пороммахъ безпрестанно перевозили уланъ на вороныхъ лошадяхъ. Болѣе дюжины Шампанскихъ бупылокъ брошены были въ мутный Прущъ; мы шли... Любопытные Молдаване, въ нѣсколькихъ мѣстахъ сидѣвшіе на

берегу въ разноцвѣтныхъ нарядахъ, перемѣшавшись съ нагими Цыганами, дополняли живописную картину нашей переправы.

Владиславлевъ.

ЦВѢТОКЪ НА ГРОБЪ СЛУЖАНКИ ЖУРНАЛИСТА.

По смерти одного стараго журналиста, вдова его поручила мнѣ разобрать его бумаги. Между ними я нашель слѣдующій опривокъ и получилъ позволеніе напечатать его:

22-го Января 18... года скончалась моя служанка *Саша*. Круглою сиротою, безпріютная, она поступила къ намъ въ домъ на 13-мъ году' возраста. Мы учили её грамотѣ, читать и писать. Сама по себѣ приспрасплась она къ книгамъ, которыя у меня разбросаны и на окнахъ, и на споллахъ и подъ сполами; читала вслухъ съ чувствомъ, которое показывало, что она понимала то, что читала. Скоро выучилась она дѣлать пакеты, надписывать ихъ, запечатывать, заносить въ исходящую книгу; смотрѣла, чтобъ не вывели съ соромъ нужныхъ бумагъ, укладывала на письменномъ столѣ моемъ печати, сургучъ, облатки, бѣлую бумагу, карандаши, перья, ножи и ножички, разрѣзывала новыя газеты, книги, журналы, подкладывала мнѣ ихъ въ томъ порядкѣ, который я однажды показалъ ей; потомъ, по прочтеніи ихъ мною, укладывала въ картоны, подобрала нумеръ къ номеру, книжку къ книжкѣ. Черезъ годъ, она знала не только въ какомъ шкафѣ и на какой полкѣ сполить сочиненія такого-то Русскаго писателя, такой-то Русскій словарь, такое-то пушешествіе Русскаго; но и всѣ иноспранные книги. «*Саша*, принеси IX-й томъ *Вольтеровыхъ* сочиненій! *Саша*, подай мелкія спихопворенія *Шиллера!*»—И *Саша* схватывала ключи, проворно оппирала шкафъ—и даже въ пощмахъ находила пребуемую книгу и въ одинъ мигъ приносила её. Тоже и съ бумагами.—«*Саша*, не помнишь-ли, куда я дѣвалъ сегодня полученное письмо опть генерала *А***?*» И *Саша* отвѣчала: Вы его всунули опять въ пакетъ и положили въ синенькій картончикъ, гдѣ храняпся письма *А****, *Ж****;

*П***.*—«*Саша*, не помнишь-ли, куда запропала записка ошъ цензора *Г***?*» И памятливая горничная отвѣчала, что я отослала её къ смотрителю университетской типографіи. *Саша*, поди пособишь мнѣ отыскать щётъ книгопродавца *Ш***.*» Она бросала шпиль, раскрывала кармонъ; въ кофромъ хранился щётъ, ращёты, росписки въ полученіи денегъ и другіе акты хозяйственные, и черезъ минуточку подавала мнѣ требованную мною бумагу. Приносили-ль казённый пакепъ, журналъ, газету, пребываніе газетной экспедиціи: она принимала ихъ—и росписывалась въ полученіи. Надобно ли было отсылать письма, книги, деньги: проворно набрасывала она на плеча свой съренъкій салопъ съ малиновымъ бархатнымъ воротникомъ—и бѣжала на ближнюю почту, или мчалась въ Почтамтъ на извозчикъ. Она знала по имени, опечесству и фамиліи всѣхъ моихъ знакомыхъ,—и ежедневно вѣрно сказывала о пѣхъ, кпо посѣщаль меня, но не заспалъ дома; умѣла хитро отказать докучливымъ, радушно принималъ людей мнѣ любезныхъ. Когда я, уѣзжая со двора, позабывалъ ключъ ошъ денегъ: она прибирала его; когда я занемогалъ (а я пакъ часпо бываю больнъ!): она, какъ дочь, за мною ухаживала. И эта проворная, честная, вѣрная служанка—умерла на семнадцатомъ году,—жертвою обольщенія..... Горе ея соблазнителью!

П. Смирновъ.

Москва.

Февралъ 4-е

1836.

ЗАМКИ И ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ.

Одинъ путешественникъ посѣпилъ *Вольтера* въ его Фернейскомъ замкѣ и былъ имъ весьма хорошо принятъ. Это сполько ему понравилось, что гостъ на другой же день объявилъ хозяину, что онъ принялъ намѣреніе въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ прожить цѣлый мѣсяцъ; *Вольтеръ* съ улыбкою отвѣчалъ ему: вы поспушаете не такъ, какъ знаменитый *Донъ-Кихотъ*: онъ принималъ постоялыя дворы за замки, а вы щинаете замки постоялыми дворами! —

СПИСОКЪ

Дѣйствительнымъ Членамъ Императорской Россійской Академіи, уже окончившимъ свое земное поприще.

(Продолженіе.)

	Время избранія.	Время кончины.
84. <i>Колосовъ</i> , <i>Спакій</i> <i>Ивановичъ</i> , протоіерей.	1800 Дек. 8.	1831 Ноя. 17.
85. <i>Неплюевъ</i> , <i>Дмипрій</i> <i>Николаевичъ</i> , пайн. совѣтникъ.	1801 Фев. 16.	1806 Окп. 28.
86. <i>Свистуновъ</i> , <i>Николай</i> <i>Петровичъ</i> , дѣйс. камергеръ.	— —	неизвѣсно.
87. <i>Нартовъ</i> , <i>Андрей</i> <i>Андреевичъ</i> , президентъ Академіи, дѣйс. пайный совѣтникъ.	1801 Мая 29.	1813 Апр. 2.
88. <i>Васильевъ</i> , графъ, <i>Алексій</i> <i>Ивановичъ</i> , дѣйсв. пайн. совѣтникъ.	1801 Юня 5.	1807 Авг. 16.
89. <i>Троицкій</i> , <i>Дмипрій</i> <i>Прокоевичъ</i> , дѣйсв. пайн. совѣтникъ.	— —	1829 Фев. 26.
90. <i>Дмитревскій</i> , <i>Иванъ</i> <i>Афанасьевичъ</i>	1802 Апр. 6.	1821 Окп. 27.
91. <i>Феофантъ</i> , (<i>Мочульскій</i>), архіепископъ Курскій и Бѣлоградскій.	1802 Мая 3.	1818 Апр. 30.
92. <i>Рижскій</i> , <i>Иванъ</i> <i>Спепановичъ</i> , профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета.	— —	1811 Мар. 14.
93. <i>Михаилъ</i> , (<i>Десницкій</i>), митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій.	— —	1821 Мар. 24.
94. <i>Никольскій</i> , <i>Александръ</i> <i>Сергѣевичъ</i> , дѣйсн. спан. совѣтникъ.	— —	1834 Фев. 26.
95. <i>Голенщцевъ-Кутузовъ</i> , <i>Павель</i> <i>Ивановичъ</i> , сенаторъ.	1803 Янв. 10.	1828 Сен. 12.
96. <i>Карабиновъ</i> , <i>Петръ</i> <i>Матвѣевичъ</i> , дѣйсв. спан. сов.	1803 Фев. 7.	1829 Апр. 19.
97. <i>Львовъ</i> , <i>Павель</i> <i>Юрьевичъ</i> , коллежскій совѣтникъ.	1804 Мар. 13.	1825 Мая 31.
98. <i>Муравьевъ</i> , <i>Михаилъ</i> <i>Никитичъ</i> , пайн. совѣтникъ.	1804 Мая 28.	1807 Юл. 29.
99. <i>Бедрипскій</i> , <i>Иванъ</i> <i>Ивановичъ</i> , протоіерей.	1806 Апр. 7.	1831 Фев. 9.
100. <i>Мартыновъ</i> , <i>Иванъ</i> <i>Ивановичъ</i> , дѣйсв. спан. сов. членъ Главнаго Правленія Училищъ.	1807 Фев. 22.	1833 Окп. 20.
101. <i>Федоровъ</i> , <i>Сергій</i> <i>Федоровичъ</i> , протоіерей, членъ Святейшаго Синода.	1807 Мая 18.	1808 въ Мат.

	Время избра- нія.	Время кон- чины.
102. <i>Горгаковъ</i> , князь <i>Дмитрій Пешровичъ</i> , колл. сов.	1807 Авг. 10.	1820 Ноя. 29.
103. <i>Сестренцевичъ-Богушъ</i> , мн-проподинъ Римско-Католическихъ церквей въ Россіи.	1807 Дек. 17.	1826 Дек. 1.
104. <i>Гамалея</i> , Платонъ Яковлевичъ, капитанъ-командоръ	1808 Фев. 1.	1817 Окп.
105. <i>Байтышъ-Калиенскій</i> , Николай Николаевичъ, дѣйств. спаш. сов.	1808 Мая 17.	1814 Янв. 20
106. <i>Леванда</i> , Иванъ Ивановичъ, колл. совѣтникъ	1811 Дек. 2	неизвѣстно.
107. <i>Гильдигъ</i> , Николай Ивановичъ, спаш. совѣтникъ	1811 Дек. 16.	1833 Фев. 13.
108. <i>Постыловъ</i> , Ѳеодоръ Тимофеевичъ, колл. совѣтникъ	— —	неизвѣстно.
109. <i>Каралзинъ</i> , Николай Михайловичъ, дѣйств. спаш. совѣтникъ	1818 Июл. 10.	1826 Мая 22.
110. <i>Инокентій</i> (Смирновъ), епископъ Пензенскій и Саратовскій	1818 Дек. 21.	1819 Окп. 10.
111. <i>Стойковичъ</i> , Афанасій Ивановичъ, дѣйств. спаш. сов.	1823, Мая 5.	1832 Авг. 25.
112. <i>Мансеговъ</i> , Григорій Ивановичъ, оберъ-священникъ	— —	1832 Ноя. 12.
113. <i>Бролевскій</i> , Владиміръ Богдановичъ, генераль-майоръ	1829 Янв. 12.	1835 Апр. 7.
114. <i>Барановъ</i> , Дмитрій Осиповичъ, дѣйств. тайн. сов.	1833 Авг. 5.	1834 въ Авг.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА. СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

Народонаселеніе 24,000,000 чел.

Пѣхота.

3 полка пѣшей гвардіи	5,253 чел.
<i>Прим.</i> въ семь числъ 1 гренадерскій полкъ изъ 2,353-хъ человекъ.	
93 полка армейской пѣхоты	74,950 —

Прим. Здѣсь включены инвалидныя роты.

Конница.

3 полка конной гвардіи по 437-ми человекъ въ каждомъ	1,311 —
9 легкихъ драгунскихъ полковъ	7,002 —
12 тяжелыхъ	8,313 —

Въ Остѣ-Индіи.

Пѣхоты	14,450 —
Конницы	2,699 —

Прим. Сюда не включены войска, изъ Индѣйцевъ состоящіяе.

Всю же Великобританскую армію можно положить въ 108,672 человекъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

44.

На дняхъ (именно 27 Ноября) г. Александръ Гренъ подарилъ маленькую дѣтскую публику книжечкою, которую назвалъ: *Моей малюткѣ*. Подарокъ, хопя и небогатый, однако-же и не совсѣмъ ихъ недостойный! Но вопль что изъ рукъ вонъ, плохо: въ предисловіи къ эпому дѣтскому календарнику, авторъ увѣряетъ насъ, будто бы — «одинъ Б. М. Федоровъ обращаетъ вниманіе на сей важный предметъ.» Слыдно Русскому писателю, живущему въ Петербургъ, не знашь о князѣ *Одоевскомъ*, котораго сочиненія для дѣтей почитаются образцовыми, и не уступаютъ ни *Кампе*, ни *Беркеню*, ни *Буми*, ни миссъ *Эджевортъ*, если не превосходятъ ихъ. Непроспительно не упомянуть объ издателѣ оптѣнно полезнаго дѣтскаго журнала г. *Огкинъ*, который, набивая всякою вслчиною Сынъ Опечесства, его надзору издавателями въ минувшемъ 1835 году порученный, поддержалъ дѣтскій журналъ, и заслуживаетъ за то полную признательность родителей и наставниковъ юношества.

Грѣшно было г. Грену забыть и Владиміра Пешровича *Бурнашева*, одного изъ самыхъ усерднѣйшихъ и искуснѣйшихъ дѣлателей этой дѣтственной нивы, друга дѣтей, благодѣтеля юношей, котораго книжечки мать смѣло можетъ давать въ руки дочери.

45.

Г. Виссаріонъ *Бльгинскій* отважно идетъ по слѣдамъ храбраго издателя Моск. Телеграфа, то есть, на перекоръ мнѣнію цѣлаго свѣта, опытнымъ и заслужившимъ довѣренность читающей публики журналистамъ и профессорамъ словесности. И свѣтъ, жадно раскупившій стихотворенія *Бенедиктова*, и ученые, которые, сколько намъ извѣстно, произнесли благопріятный судъ о нихъ съ

кафедры, и журналисты (разумеется, кроме того, кто завѣдываетъ крипическою часпью въ *Библиотекъ для чтенія*), съ восторгомъ извѣстившіе публику о новомъ геніальномъ поэтѣ, проявившемся на святой Руси: всѣ рукоплещутъ ему, хвалятъ, съ восторгомъ читаютъ его пламенные, лирическія стихотворенія. Какъ же утерпѣть господину *Бельминскому* и, рѣзкимъ противорѣчіемъ общему мнѣнію, не унизить молодаго поэта? Эпюго ожидать было надобно, эпю онъ и исполнилъ въ № 45 *Молвы*. (*)

Вопъ какъ понко приготавлиаеиъ онъ своихъ читателей (ежели еспъ они) къ грому, который вскорѣ разразится надъ головою нашего юнаго любимца *Каліюны*. «Въ XI-мъ № *Телескопа*, который долженъ скоро выдти, помѣщенъ подробный опчепъ о стихотвореніяхъ г. *Бенедиктова*, обращающихъ на себя вниманіе не собственнымъ достоинствомъ, которое очень не велико; но шумными обспояшельствами (разумеется липературными), сопровождавшими ихъ появленіе въ Свѣтъ.»

Съ непрерывнымъ ожидаемъ пріѣзда въ Пшерь одиннадцатаго нумера *Телескопа*. Рецензентъ *Б.* для *Ч.* назвалъ стихотворенія *Бенедиктова* *премиленькими!!!* Опъ чего же Московскому рецензенту не назвать ихъ, пренегодненькими?

46.

Временный издапель *Молвы* не удивилъ насъ, опсылая *Ломоносова* въ уздное училище обучаться грамотѣ, утверждая, что *Озеровъ* писывалъ по-Русски такъ, какъ писывали Славяне до изобрѣненія буквъ *Кирилловъ* и *Меводіевъ*. Мы слышали прежде его, какъ одинъ рецензентъ поставилъ въ число худыхъ образцовъ историческій романъ *Юрій Милославскій*, и давалъ сочинителю совѣтъ не писать романовъ; какъ *другой*, прочитавъ послѣднюю главу *Евгенія Онпгина*, подсматрѣлъ въ ней закапъ паланта *А. С. Пушкина*;

(*) Которой вмѣстѣ съ *Телескопомъ* выписывается въ Петербургъ здѣшней Газетною Экспедицією *четыредесятъ* экземпляровъ!—*К.*

кина; какъ *третій* надувался уничтоживъ Испорію государства Россійскаго, прорѣкалъ намъ въ историкъ Русскаго народа новаго *Тацита*, *Миллера*, *Баранта*; какъ *четвертый* превозносилъ фантаспическія путешествія барона *Брамбеуса*, а ихъ не только дѣвушка, но и дамъ нельзя дать въ руки, потому что они въ салъ... Насъ мудрено удивилъ!

А. Кораблинскій.

Ноября 29.
1835.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЕЛЬМОЖА (*).

(*Басня*).

«Какой-тъ въ древности вельможа
Съ богато-убраннаго ложа
Осправился въ спрану, гдѣ царствуетъ Плушонъ:
Сказашъ простѣе, умеръ онъ;
И, такъ, какъ вспаръ велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допрось ему:— Чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?—
«Родился въ Персіи, а чпномъ былъ сапранъ;
Но такъ какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ.»
—Что-жь дѣлалъ ты?— «Шилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ.»
—Скорый же въ рай его!— «Какъ! гдѣ же справедливоспъ?»

(*) «Мы уже имеемъ передъ собою при первыхъ книжкахъ *С. О.*» говоритъ *Б. для чтенія*: «въ зеленой оберткѣ, на бѣлой бумагѣ, напечатанныя краскою, и весьма почтенной полціны. Внутреннее его достоинство, кажеиъся, будетъ соотвѣствовать зпнымъ вещеспвеннымъ улучшеніямъ: въ прехъ первыхъ книжкахъ еспъ уже нѣсколько хорошихъ спашей, и одна даже прекрасная, которую, по ея краскоспи, мы (п. е. издатели *Б. для ч.*) здѣсь выпишемъ, и для того, что-бы показать стремленіе «*Сына Отечества*» къ украшенію своихъ страницъ предметами чтенія, испинно добройными любопышства публики, и для вознагражденія себя, чѣмъ-нибудь, за обильныя выписки, которыя «*Сынъ Отечества*», говорятъ, дѣлаетъ изъ нашего журнала.

Издапель *Липп. Прибавленій*, который немножко съ родни редактору *Русскаго Инвалида*, переноситъ эпю превосходное стихотвореніе въ свой журналъ, вознаграждая себя *за обильныя выписки* изъ *Русскаго Инвалида*.—*В.*

Меркурій шуть вскричалъ, забывши вею учпивость.

— Эхъ, братецъ! отвѣчалъ Эакъ:

Не знаешь дѣла ты ни какъ.

Не видишь развѣ ты—покойникъ былъ дуракъ!

Что, если бы съ такою властью

Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?

Вѣдъ погубилъ бы цѣлый край!.....

И ты-бъ самъ слѣзь не обобрался!

Запѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,

Что за дѣла не принимался. —

Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ памъ судью:

Ну такъ и кажется, что быль ему въ раю!

И. Крыловъ.

О М О Н И М Ъ.

Мнѣ лучше пята сыграть по гривнѣ въ супки,

Чѣмъ получить одну въ високъ, или въ лобъ.

Тамъ проигрышь рублей десятокъ: это шупки;

А здѣсь ложися въ гробъ.

Въ № 13-мъ, помѣщенный догоришь значить: *Damoiseau*, въ космѣ заключается: *Dieu, moi, soi, oiseau, Adam, Siam, Moise, dôme, eau, dame, seau, ami, soie, âme, Mode, mai, Muse* и *ois*.

М О Д Е С.

Les résilles sont totalement à leur décadence:

Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses!...

C'était une trop jolie invention et une mode trop gracieuse, pour qu'on ne s'en emparât pas avec *fièvre*, c'est ce qui est arrivé!... et on les voit maintenant appendues derrière les vitres poudreuses de la boutique du coiffeur, à 50 centimes. Les turbans ont, par je ne sais quel miracle, soutenu le choc de la multiplicité, tout le monde en porte, ce qui n'empêche pas: *que tout le monde en porte*. Ceux qui sont faits sur la tête par les coiffeurs sont certainement ceux qui vont le mieux. On sait combien un visage de femme est mobile, et telle était jolie hier, qui le sera beaucoup moins demain; donc un coiffeur habile saura tourner son turban à l'air de votre visage, avantage que ne peut avoir un turban *établi*. On porte beaucoup de capotes de satin *piqué*, très épaisses et très chaudes; la forme est basse derrière, la passe très descendante

et très resserrée des joues. Les chapeaux ne sont nullement en harmonie avec la manière dont les cheveux s'arrangent maintenant, c'est un grand manque de tact. Les cheveux se portent bouclés à l'anglaise, très touffus et très bas sur les joues, avec cela, les chapeaux collent sur le visage, il s'en suit que lorsqu'une femme quitte son chapeau (et qui peut vivre avec son chapeau sur la tête?) elle est décoiffée, échevelée de manière à désespérer la moins coquette: c'est un vice de mode, auquel le bon goût des modistes parisiennes doit chercher à remédier, d'autant plus que cette quantité de cheveux appliqués sur le visage fait paraître les joues creuses et enlaidit les femmes.

М О Д Ы.

Съзки въ совершенномъ упадкѣ.

Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses!...

Эта мода была слишкомъ красива и ловка, чтобы не ухватилась за неѣ съ рвеніемъ, что и случилось!... а теперь видны онъ за запыленными стеклами въ лавкахъ парикмахеровъ, по 50 сантимовъ. Не знаю, какимъ чудомъ шюрбаны удержались; не възпя на ихъ размноженіе, все ихъ посялъ, что не препятствуешь, *чтобы все ихъ носили*. Сдѣланные на головѣ парикмахерами конечно болѣе идутъ къ лицу. Все знаютъ, какъ переменчивы женскія лица, и одна и та же будетъ сегодня менѣе хороша, нежели вчера; потому, какъ искусный убирапелъ волосъ будетъ умѣть наколотъ шюрбанъ къ лицу. Капюны изъ *навысшего* апласа въ большомъ употребленіи; они весьма плотны и теплы; шубли сзади низкія, поля спущены на щеки, и къ нимъ прижаты шляпки ни мало не сообразно съ прическою волосъ: это большой недостатокъ смѣшливости. Волосы носятся локонами на Англійскій манеръ, весьма густо и низко на щекахъ; при этомъ, шляпка вплотъ къ лицу; изъ того слѣдуетъ, что когда женщина снимаетъ шляпку, (а кто можетъ жить съ шляпкой на головѣ?) волосы ея до того измяты и распрѣпаны, что наименѣе собой занимающійся приходитъ въ отчаяніе: этоиъ порокъ въ модѣ, который долженъ быть исправленъ хорошимъ вкусомъ Парижскихъ модиспокъ, пѣтъ болѣе, что это множество волосъ, прилепленныхъ къ лицу, показываетъ щеки впалыми и безобразными женщиной.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 15.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ-модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 19 ДНЯ 1856 ГОДА.

Чиновные и должностные—
Всѣ ей друзья и всѣ родные.

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗА БОГОМЪ МОЛИТВА НЕ ПРОПАДАЕТЪ.

Разсказъ.

Въ Замосковныхъ или степныхъ губерніяхъ нашихъ зима хопя не продолжительна и не слишкомъ сурова, за то нерѣдко бушуютъ тамъ страшныя мятели: внезапность и сила этихъ вьюговъ иногда бываетъ гибельнѣе самыхъ жестокихъ морозовъ. Въ глубокую осень или въ перевозимье, когда рыхлый, еще несвѣтлый снѣгъ, легко опадаетъ въпрямь, и дробясь въ мелкую пыль, клубится, волнуется по обширнымъ пустырямъ, — мятели въ безлѣсныхъ равнинахъ Придонскихъ сполько же опасны пупникамъ, сколько въ знойныхъ степяхъ Аравійскихъ ураганъ пагубенъ для каравановъ.

Примѣромъ тому послужить происшествіе, случившееся въ окрестностяхъ Б***.

По узкой проселочной дорогѣ, еще не обставленной вѣхами, пробирались медленно два пѣшехода: ихъ видъ и поступь, давно уже небритыя бороды, а болѣе всего наушники и оспапки нѣкогда форменныхъ фура-

жекъ, показывали почтенныхъ инвалидовъ, за выслугу лѣтъ или за ранами уволенныхъ отъ службы. Въ послѣднемъ удостоверялъ копейка, на который опирался, шагаль прихрамывая старшій изъ служивыхъ, тогда какъ другой, снисходя къ немощи своего повара, видимо умѣрялъ бодрость своей походки.

Между воинами, особенно успарѣвшими, рѣдко наблюдается молчаніе, а разговоры всего чаще ведутся о быломъ, незабвенномъ времени ихъ походовъ, опасностей и удачлива, всегда помогавшаго имъ выпутываться изъ бѣды: конечно, не безъ примѣси хвастовства бывають эти разсказы, и красное слово всегда имѣетъ въ нихъ свое мѣсто; но кто-жъ не внукъ своей бабушки? Кто скажетъ, что онъ всегда держался правды, говоря о возлюбленномъ предметѣ?... Послушайте слепаго помѣщика, разсказывающаго объ охотѣ и борзыхъ; конолюбиваго англomана, полжующаго с достопинствъ его кровныхъ; самоучку агронома, о семипольномъ хозяйствѣ, или закоренѣлаго въ своихъ мѣстностяхъ скопюлюбца, который доказываетъ, какъ дважды два чепыре, что

все новое и вредно и безбожно, а хорошо и благословенно только то, что дѣлалось при дѣдахъ и прадедахъ; послушайте судей, — съ какимъ жаромъ выхваляютъ они прямодушіе и быспропу въ дѣлахъ, съ какимъ достоинствомъ Ариспидовъ, начальники ихъ, пріѣзжая въ столицы, провозглашаютъ о безкорыстїи, справедливости, дѣятельности, ревности къ пользѣ общей, и Богъ знаетъ еще о чемъ... Послушайте любовниковъ... но въ этомъ случаѣ всѣ любовники своего предмета!... и такъ, лучше слушаемъ нашихъ инвалидовъ, изъ которыхъ младшій не замедлил начать разговоръ, обращаясь съ участіемъ къ своему спутнику.

— А что, *Арефій Сидорычъ*, чай больно напряглась ноженька? —

«Да, братъ, нечего грѣха таить, побаливаетъ. Да ничего, поболитъ, да переспанетъ; не такіе походы доводились ей на вѣку.»

— А скажи-ка, *Арефій Сидорычъ*, гдѣ тебя искалъ Богъ раною-то, подъ Туркомъ или подъ Французомъ? —

«Нѣтъ, *Карлычъ*, съ басурманомъ-то мы ладили по добру по здорову; да и съ Французомъ-то, какъ онъ шелъ на Москву, обходились ладно! — Эхъ, братъ *Карлычъ*, жаль! молодъ ты былъ, не повидалъ ты многова! а ужъ шутъ-то пошвышилось ретивое, какъ назадъ-то его оборотили! — Ну, братъ, ужъ была кампаньца, нечего сказать, и поработали, и понапердѣлись въ волюшку! — Да что и говоришь, за то врагу не дали помахиваться; узналъ, окаанный, что въ святой Руси не то, что въ Нѣмечинѣ!»

— Да, сказываютъ, что вошелъ проклятый, такъ силы-то у него было видимо-невидимо; а какъ убрался, такъ и съ горсточку не осталось. Такъ тебя, *Арефій Сидорычъ*, зналъ шутъ и подстрѣлили? —

«Нѣтъ, и шутъ миновало: а вотъ въ Нѣмечинѣ, такъ подмѣшилъ окаанный! Вотъ, какъ мы его проводили отъ себя порядкомъ, такъ батюшка-государь и сказалъ: Ну, ребята, благодарю, что хорошо попочивали госпя. Теперь, помолимся Богу, да и сами пойдемъ угощать его! — А мы въ

одинъ голосъ: изволь, опець нашъ, только прикажи, ради спарашься! — Вотъ и пошли, Аршаву, какъ пипъ дали, и не пикнула. — Пришли и въ Нѣмечину; шутъ приспалъ къ намъ и Прусакъ — и онъ, слышь, прогналъ отъ себя Француза. Ну, что-жь, милый, нечего сказать, хотъ не Русской, а славный камадъ Прусакъ! Вотъ мы съ нимъ и въ Дризну, а Француза все нѣтъ, сгибъ да пропалъ, слыхомъ неслыхать! Знаешь де-скашь отдыхаетъ бѣдняга. Мы и дальше; подошли къ Липску, а шутъ глядимъ и Французъ на встрѣчу, — отдохнулъ, знаешь. Вотъ и пошло опять! — что день, то и сраженье; глядимъ, нашъ Французъ шибко пріосамился, — новая сила, вишь, подошла къ нему, а у насъ, охоты-то бы и много, да зарядовъ-то спало маленько, — пораспрашились, оспалось, вотъ такъ, десятка по полтора на пушку. Вотъ командеры насъ и назадъ, — горе да и только! — Капитанъ, — а у насъ былъ лихой капитанъ, молодець! — и говоритъ прапорщику: Поѣзжай, братецъ, въ парокъ, да привези скорый снаряду. — «Гей, спаршій!» закричалъ прапорщикъ: «за снарядомъ, проворитъ!» — Какъ разъ, ваше благородіе! — И поѣхали; давай принимаешь снарядъ; я и говорю: Худо, ваше благородіе, гранаты плохи, пашпырь потерся, прубки качаются. — «Бери, *Сидоровъ*, что даютъ; и за то спасибо! будемъ битъ и плохими, коли нѣтъ хорошихъ: не въ резервѣ же оставаться!» — Оборони Господи, ваше благородіе: драмся, такъ драмся впереди, а въ резервѣ, что въ лазаретъ, добра нечего ждать! — Вотъ мы и опять въ авангардію. Капитанъ и кричитъ: гранатою жай... а она проклятая, битъ-то бьетъ, да не лопаешь. Вотъ къ нимъ и несется генералъ *E****, прискакалъ, да и кричитъ: Скверно стрѣляютъ! дурно стрѣляютъ! гранаты не лопаютъ! назадъ прогоню!... Гдѣ капитанъ?... Ну, срѣзалъ да и только!...»

— Что-жь капитанъ? —

«Онъ побѣлѣлъ, словно бѣлая рубаха. Обернулся ко мнѣ: *Сидоровъ*, подай гранату да пальникъ. — Я сподѣлъ съ карпузомъ; граната въ рукахъ распудренная; зарядъ прочь, я подаю еѣ, да и пальникъ. Онъ еѣ голу-

бушку на ладонь, зажегъ, словно трубку, закурилъ, да и поднесъ генералу: Изволише посмопрѣть—какія у насъ гранаты.»

—Ай, молодецъ! вопъ, шакъ капитанъ! Съ шакимъ командеромъ, хопъ сейчасъ въ огонь и въ воду! Такъ решивое и заиграю.— А генераль чпо?...—

«И не поморщился. Успавиль глаза на гранішу, какъ будто съсьспъ хочеть! а ша голубушка, знай себъ куришь да попыхваешь.»

—Нашла коса на камень! молодцы да и полько!—Чпо-жь, лопнула?—

«Погасла. Капитанъ швырнулъ её въ спорону, поклонился да и молвилъ: Изволише видѣть, ваше превосходительство.—Вижу, вижу, чпо вы правы, а я виноватъ: опвѣпилъ генераль.—Нагнулся, поцѣловаль его въ шея, да и поѣхаль шагомъ.»

—Чпо-жь, чай Французъ шупъ же и назадъ?—

«Нѣпъ, *Карныгъ*, эпо ему и не въ домекъ было; онъ и безъ того скоро убрался; полько и поживился, чпо меня подспрѣдилъ.»

Между пѣмъ, какъ спарые войны припомнили давно минушую храброспъ, грозная мяшель гоповила шяжкій опышь ихъ настоящему мужеспву. Судьба какъ бы нарочно хопѣла выказатъ во всѣхъ видахъ швердоспъ и добродушіе Русскаго солдапа.

Сперва малал поземка, звѣвал рыхлый снѣгъ на пол-аршина опъ земли, капила его по обширному полю; потомъ, чѣмъ чаще и сильнѣе спановились порывы вѣпра, пѣмъ выше и выше вздымались облака снѣжной пыли и скоро преврапились въ непроницаемую вьюгу, заслѣпляющую глаза и почпи занимающую дыханіе пупниковъ. Долго и мужеспвенно боролись инвалиды съ грозною, заспигшею ихъ опасностію; наконецъ спаршій, изнуренный раною и лѣпами, оспановилсл, едва переводя дыханіе; младшій сдѣмалъ поже.

—Чпо-жь ты спалъ, *Арефій Сидорыгъ*, или не сможешь брести далѣе?—

«Плохо, *Карныгъ*, не смогу, братъ.»

— Да намъ ужъ недалеко: всего верспы при оспалось... принашужься, *Арефій Сидорыгъ*, я подведу; авось, Господь милоспивъ, добредѣмъ кое-какъ.—

«Нѣпъ, *Карныгъ*, не смогу; право слово не смогу. Кабы не ноги, то еще попянулъ бы, а то плохо, совсѣмъ спали. Спупай, братъ, съ Богомъ! одинъ, ты еще дойдешь, а я оспанусь на волю Божию.»

—Чпо ты, *Арефій Сидорыгъ*, Бога чпо ли я не боюсь; чпобы тебя оспавилъ на вѣрную смерпъ?... Нѣпъ, эдакъ и нехриспъ поганая не дѣлаешь, а не то мы православные! нѣпъ, пустое выдумаль! иппи, такъ иппи вмѣспѣ, а одинъ не пойду. Давай-ко руку, да съ Богомъ, маршъ далѣе!—

Спарикъ, молча подаль руку и, опираясь на *Карныга*, двинулся по дорогъ; однакожь было видно, чпо усиліе эпо не долго продлится. Съ четверть верспы, и то съ распановками, прошли еще наши инвалиды; но здѣсь былъ придѣль силамъ *Арефья*. Онъ съль, или скорѣе повалился на снѣгъ; *Карныгъ* оспановился, опуспивъ неподвижно руки. Долго ни топъ, ни другой не могли вымолвить слова; наконецъ *Сидорыгъ*, какъ бы очнувшись, спросилъ дрожащимъ голосомъ:

«Ты здѣсь еще, *Карныгъ*?»

—Здѣсь, *Арефій Сидорыгъ*; опдохнулъ ли ты?—

«Нѣпъ, *Карныгъ*, нѣпъ.—Видно мнѣ ужъ не опдохнуть! Спупай, *Карныгъ*, въ село, ты еще можешь, вспомни жену и дѣпокъ.»

Карныгъ вздрогнулъ, оборопилъ голову по дорогъ въ село; но вдругъ, какъ бы въ судорожномъ движеніи, крупно повернулся къ поварищу, перекреспился и сказалъ швердо и опрывиспо:—Жена и дѣпи дома, въ шепль, хлѣбъ еспъ, далѣе Богъ не оспавилъ,... а ты одинъ замерзнешъ; я подожду; опдохнешъ: тогда пойдемъ.—

«Я не опдохну, не могу опдохнуть, нога не двигается. Со мной ты полько замерзнешъ, а помочи не будетъ. Спупай, братъ *Карныгъ*, спупай скорѣй въ село; придешь,

кликни кличь; не безъ добрыхъ людей; найдутся охотники, придутъ на саняхъ, авось еще живаго заспануть. Знаешь, у меня еспь казна, будешь чѣмъ за труды заплапипь.— Вотъ эшакъ мнѣ пособишь, а хозяйку съ дѣпками не осиропишь! И Богъ, и добрые люди похваляпть! Послушай же меня, *Карпыгъ*, вишь даромъ чпо въ чистой, а все же я пвой спаршій.»

—Ну, бышь по пвоему,—сказаль подумавши *Карпыгъ*.— Авось и вправду еще опыщемъ пвою душу. Прощай, *Арефій Сидорыгъ*, пошно, да нечего дѣлать! Молись Богу, за нимъ молитва не пропадаетъ!..—

Спарикъ уже не отвѣчалъ; *Карпыгъ* нагнулся, поцѣловаль поварища, перекрестилъ его, поклонилъ ему, перекрестилъ самъ, и скорымъ шагомъ пуспилъ впередъ.

Опойдя нѣсколько шаговъ, онъ остано-вилъ, медленно оборотилъ назадъ, пропянулъ руки, какъ бы еще разъ желаль обнять оставленнаго сослуживца — и вдругъ топнулъ ногою, крупо повернулся и бросилъ почти бѣгомъ по дорогѣ.

Но оставимъ пеперь *Карпыга* боропься съ ужасами бурной мятели; соспраданіе къ поварищу, любовь къ женѣ и дѣпямъ, собственная опасность и горькая досада погибнуть въ степи отъ снѣга и вьюги, когда шпыки, ядра и карпечи пощадилы, вѣрояпно, также сильно бушевали въ душѣ его, какъ неукропимо свирѣпспивоваль вихоръ въ снѣжной пустынь.

Большое многолюдное село разсѣллось по крупому берегу Дона. Спаринная деревянная церковь, обнесенная каменною оградю, занимала средину круглой площади; на которой только кабакъ безобразно, какъ бы въ противуположность свящынѣ, выдавался изъ порядка прочихъ спроеній. Рыжій, приземистый и одноглазый цѣловальникъ, какъ непасыпная акула, вынырнулъ изъ этой харибды, поглощающей имѣніе и нравспвенность нашихъ поселанъ.

Рука объ руку съ цѣловальникомъ, переваливался дородный мущина, съ окладиспою, чѣрною бородю, въ красной съ позумен-

помъ рубахѣ, заспегнупой большою позолоченною запонкою, и въ синемъ суконномъ кафпанѣ, подпоясанномъ шелковымъ кушакомъ, за копорымъ справа торчали запкнутыя рукавицы, а слѣва висѣль кожанный мѣшокъ, вѣрояпно съ пабакомъ, въ чѣмъ уличаль конецъ деревяннаго чубука, выгладывавшій изъ своего хранилища. Эпа важная по платью и выпуни особа была, ни менѣе, ни болѣе, какъ волоспной голова, благосклонностію губернскаго чиновника и спараніемъ свапа цѣловальника выбранный большинствомъ голосовъ въ эпу почетную и прибыльную должность.

Оба лица опсправлялись въ правленье, гдѣ собралась мѣрская сходка, полковаль о новой повинности—перевозипть по наряду купленный для другихъ селеній и даже волоспей хлѣбъ,—о чѣмъ прибыль извѣспипь ихъ земскій засѣдатель.

Сборная изба была полна, когда вошли въ неѣ два описанныя лица, первенспвующія въ нашихъ селеніяхъ; претпье рангомъ ниже, но сподыко же великомощное, уже давно занимало въ ней обычное мѣспо,—эпо былъ сельскій писарь. Плуповская, приказная рожка, красный носъ и павлинка, соспавляли опличительные признаки его званія и наклонностей: во всемъ прочемъ онъ походилъ на другихъ членовъ засѣданія.

При входѣ головы и цѣловальника всѣ крестьяне вспали, и каждый, взявши въ лѣвою рукою за кушакъ, отвѣспилъ по низкому поклону его милоспи. Писарь также при-вспаль, смахнулъ полою со спола, и очиспилъ почетное мѣспо новопришедшимъ.

Голова, насдѣланные ему поклоны, одному или двумъ кивнулъ головою, на нѣкоторыхъ посмопрѣль, а прочихъ какъ бы и не замѣпиль. Здѣсь кспати пояснпть обычай, издавна уже сущеспвующій въ опдаленныхъ волоспяхъ: шамъ избираемые головы бываюпть въжливы, обязательны и даже гостепримны только передъ выборами, и во времѣ выборовъ. Въ эпомъ опношеніи они походяпть, какъ двѣ капли воды, на кандидатпвъ, избираемыхъ въ Англии для нижняго парламента; и, признаюсь, если бы эпи гост-

пода головы были немножко пограмошнѣ, по можно было бы усомнишься—не почно ли опшуда заняли они споль похвальную привычку, копорая вовсе не принадлежить къ кореннымъ Русскимъ обычаямъ, въ чемъ и удосповѣряють наши почтенные испоррики, совершенно умалчивая о такомъ повѣрьѣ, при описаніи нравовъ нашихъ предковъ.

— За по цѣловальникъ — что за смѣшливый народъ наши цѣловальники!—какъ бы въ заглаженіе грубости безграмотнаго, спѣсиваго свапа-головы, вполне оправдалъ привѣспливое свое прозванье; мелкимъ бисеромъ разсыпался онъ въ дружескихъ привѣспспвіяхъ къ своимъ обычнымъ друзьямъ — посѣспшпелямъ: Здорово, *Власыгъ*, какова пшволя головушка?—Что, *Терентій Прохорыгъ*, продалъ ли гнѣдка? Прошу на магарычъ, дружнице!—А! *Сысой Мироныгъ*! что закручинился, аль припала зазнобушка?—Спудено, брашъ *Еремлыгъ*, больно спудено! да милоспи просимъ къ намъ, поразогрѣемъ.—И пакъ каждый изъ присущспввавшихъ получилъ опъ него на долю вопросъ, совѣспъ или приглашеніе, сполько недоспавало обѣщаній, чтообы и ему походисъ на кандидатна въ головы!—Иногда самодовольная, глупая, а чаще горькая, язвипельная улыбка опвѣчала на его привѣспспвія, коѣ-у кого прорывались даже опривисспыя, полувнпспныя восклицанія: Жидъ! Иуда! разбойникъ!... Но цѣловальникъ не слыхалъ, или не хопѣлъ ихъ слышпть. Да и что за надобность была ему разбирпть чувспва, когда все вождѣспніе его спремидось къ сумочкамъ и закромамъ своихъ благопріятелей; онъ различалъ ихъ по меподѣ ращепливости и приличія, съ испиннымъ самоопвѣрженіемъ довольспсвовался нисшими, пшпапельными чпспями, предоспапляя возвышенныя, эспепическія свапу-головы. Онъ еще не довольно былъ спучень, а попому язва пшцеславія и не коснулась души его. Словомъ, при описанныя нами особы, совершенно сходспсвовали въ качеспвахъ съ павлиномъ, коршунномъ и... и... но все царспва живоппныхъ не заключають въ себѣ ничего подобнаго приказной душѣ сельскаго писаря.... Это долженъ бытъ вы-

родокъ, исчадіе не природы, а упонченныхъ соображеній лукаваго.

Когда все заняли приличныя мѣспа, по голова опкрылъ засѣданіе: «*Павнутій Дронныгъ*,» произнесъ онъ, обращаясь къ писарю: «спрочель ли ты мірянамъ нарядъ его благородія?»

— Какъ-же-съ, ваша милоспъ, прочипали-съ.—

«Ну, слыхали, что надо гоповиспть подводы, хлѣбъ возиспть?»

— Слыхали, ваша милоспъ,—опвѣчалъ, почесывая запылокъ, одинъ спарикъ.

— Слышпть-по слышпты, да въ полкъ не взяли, ваша милоспъ, — сказалъ другой, осаниспый креспьянинъ: ппмъ, виспть, полкують: народу хлѣбъ возиспть опъ села до села, да и прогонъ плащиспть. Такъ кпо ихъ знаеспть, намъ ли спанупъ прогонъ плащиспть, али съ насъ возьмуспть?—

«Эко диво, чего не понимають;» сказалъ цѣловальникъ: «виспть хлѣбъ-по возиспть надо, пакъ и прогонъ плащиспть надо; а кому плащиспть?—вѣспсимо, что его благородію, да его милоспи. За что-жь они для васъ спрудяпся, даромъ что-ли?»

— Вѣспсимо, что не даромъ спрудяпся, ихъ милоспи! это мы и безъ тебѣ давно уже въ полкъ взяли,—опвѣчалъ поппъ-же креспьянинъ.

«Вопъ, что разумно, по разумно, свптъ;» сказалъ голова, хлопнувъ цѣловальника по плечу: «дѣльно разсудилъ!»

— Съ умной головой и въ мящель не стипнешъ, — добавилъ писарь. Ну, взяли-ль пеперь въ полкъ, міряне?

«Взяли-спа, нечего дѣлапть;» сказало нѣсколько голосовъ.

— Оно, ваща милоспъ, кажисъ бы и пакъ, — сказалъ опптъ осаниспый дѣппина: за прогонъ-по мы не споймъ, плащиспть пакъ плащиспть, и хлѣбъ-по бы возиспть нѣшпо — да та бѣда, что возиспть-по его не себѣ, а другимъ.—

«Ну, коли велптъ, пакъ и другимъ поведепть,» сказалъ голова.

СПИСОКЪ

Почетнымъ Членамъ Императорской Россійской Академіи, уже окончившимъ свое земное поприще.

(Окончаніе).

	Время избра- нія.	Время кон- чины.
1. <i>Лопухинъ</i> , князь Пётръ Васильевичъ, дѣйств. тайн. сов. 1 класса.	1818 Юля 10.	1827 Апр. 6.
2. <i>Вязмитиловъ</i> , графъ Сергій Козмичъ, генералъ опъ инф.	— —	1819 Окт. 15.
3. <i>Гурьевъ</i> , графъ Дмитрій Александровичъ, дѣйств. тайн. сов.	— —	1825 Сеп. 30.
4. <i>Аракчеевъ</i> , графъ Алексій Андреевичъ, ген. опъ арміи.	— —	1834 Апр. 21.
5. <i>Кочубей</i> , князь Викторъ Павловичъ, госуд. канцлеръ.	— Септ. 21.	1834 Юня 3.
6. <i>Поповъ</i> , Василій Степановичъ, дѣйств. тайн. сов.	— —	1821.
7. <i>Рулинецъ</i> , графъ Николай Петровичъ, госуд. канцлеръ.	1819 Янв. 18.	1826 Янв. 9.
8. <i>Нарышкинъ</i> , Александръ Львовичъ, оберъ-камергеръ	— —	1826 Янв. 23.
9. <i>Загрѣжскій</i> , Николай Александровичъ, оберъ-щенкъ.	— Мая 10.	1821 въ Юль.
10. <i>Добровский</i> , Іосифъ, аббатъ.	1820 Мар. 6.	1828 Дек. 26.
11. <i>Италинскій</i> , Андрей Яковлевичъ, дѣйств. тайн. сов.	1821 Авг. 13.	1827 въ Юль.
12. <i>Милорадовичъ</i> , графъ Михаилъ Андреевичъ, генералъ опъ инф.	1823 Янв. 14.	1825 Дек. 15.
13. <i>Саргеевъ</i> , Гавріиль Андреевичъ, вице-адмиралъ	— —	1831 Юля 25.
14. <i>Меріанъ</i> , баронъ, дѣйств. спаш. совѣтникъ	1824 Апр. 26.	1828.
15. <i>Мартосъ</i> , Иванъ Петровичъ, дѣйств. спаш. совѣтникъ.	1829 Янв. 12.	1835 Апр. 5.

—Ваша милость, да когда у насъ рекрушчина? — пропищалъ писарь, бросивъ значительный взглядъ на осанистаго орапора.

«А вотъ скоро,» отвѣчалъ голова: «кажись, за побой очередь, *Климовъ?*» Такъ назывался смѣлый вопрошатель.

— Да, очередь! У вашей милости за пѣмъ, и очередь, кто не любъ, — пробормоталъ орапоръ, удаляясь въ дальній уголъ.

— Свѣспу Божьяго не видно, какъ гудеть мятелица, — сказалъ вновь вошедшій креспыянинъ, проширая глаза и опряхивая полы.

«Да, что-жь, поставлены ли вѣхи?» спросилъ голова. «Видь паньясь еще приказывалъ его благородіе.»

— Онъ было и приказалъ, да изволилъ опмѣнить; время дикашь еще будетъ, а теперь пусть мужички помолошались; — отвѣчалъ писарь.

«Ужь добръ, такъ добръ, его благородіе! нечего сказать, такого намъ и со свѣчой не найти;» провозгласилъ цѣловальникъ.

— Да, будетъ добръ, какъ взялъ полсопни, — проворчалъ въ полголоса неугомонный *Климовъ*.

«Помогите, опцы родные, помогите!» сиделся кричать, замирающимъ голосомъ, едва ввалившійся въ избу *Карныкъ*.

— Какъ? что? кому помочь? пожаръ что ли? гдѣ горить? — раздалось со всѣхъ споронъ.

И всѣ поселяне полною окружили едва переводившаго духъ *Карныка*. Вопросы сыпались одинъ за другимъ; шумъ смѣщенныхъ голосовъ и восклицаній долго не давалъ никому понять въ чемъ состояло дѣло. Наконецъ, голова и цѣловальникъ вышли изъ перлѣнія — и силою, сколько умспвенной, сполько же и физической власти, уняли и любопытныхъ и соспрадательныхъ вопрошателей.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ).

МУХИ И ДУРАКИ.

Маршалъ С. въ своемъ письмѣ къ *Вольтеру* между прочимъ спрашивалъ: что всего несноснѣе? «Мухи лѣтпомъ, а дураки зимою.» Отвѣчалъ *Вольтеръ*.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

АВСТРІЙСКІЯ МОРСКІЯ СИЛЫ.

- 3 линейныхъ корабля;
- 5 фрегатшвъ;
- 5 корветъ;
- 8 бриговъ;
- 11 мелкихъ судовъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

47.

Г. *Полевой* былъ издатель вреднаго по многимъ отношеніямъ для 'опечесвенной нашей литературы журнала. Нельзя исчислить зла, которое онъ ей сдѣлалъ своими ни какихъ литературныхъ законахъ не основанными книжными разборами, переводами изъ юной Французской словесности такихъ статей, копорыхъ перелагать-бы на Русскій языкъ не слѣдовало, и превратными полками о древнихъ Русскихъ законахъ, нравахъ, обычаяхъ и самыхъ происшествіяхъ.

Г. *Свиньинъ* изданіемъ *Отечественныхъ Записокъ* принесть существенную пользу Русской литературѣ. Его журналъ оспаенся въ библиотекахъ, также, какъ *Свѣ. Архивъ* г. *Булгарина*, сокровищницею матеріаловъ для Русской исторіи. Конечно, не статьи собственнаго сочиненія П. П. *Свиньина* даютъ ему цѣну; но тѣ, копорыя опрѣлъ онъ въ монастырскихъ и частныхъ книгохранилищахъ, во время многолѣтнихъ путешествій своихъ по отечеству, или получилъ отъ особъ, достойныхъ вѣры и уваженія, изъ коихъ наименуемъ фельдмаршала князя Н. И. *Салтыкова*, адмирала А. С. *Шийкова*, спашсь-секретаря А. В. *Храповицкаго*.

Какъ журналистъ, г. *Свиньинъ* беретъ верхъ надъ г. *Полевымъ*, копорый въ свою очередь, поржествуешъ надъ нимъ, какъ писатель.

Въ Живописцѣ, въ Эмѣ, въ Разказѣ Русскаго солдата и Аббадонѣ—есть слогъ живой, текуцій, увлекающій, чего нѣтъ въ его, такъ называемой, Исторіи Русскаго народа, копорую по всей справедливости надлежало бы названъ Исторіею государства Россійскаго, вывороченною на изнанку. Випъ есть же Энеида, на-изнанку вывороченная! Въ повѣстяхъ г. *Полеваго* видно пылкое, разгульное воображеніе, сорвавшее съ себя цуны педантизма и правила схоластики, умѣнье заманить читателя, знаніе человеческого сердца и начитанность.

П. П. *Свиньинъ* написалъ при романа: первый изъ нихъ *Ягубъ Скупаловъ* наполненъ ~~за~~широкими карпинами и описаніями, до того, что ежели-бы поставили подъ ~~нимъ~~ имя А. *Блжкина* (*): то никто бы не догадался, что это обманъ.

Н. А. *Полевой* знаетъ опчаспи грамматику, обученъ риторикѣ, доходилъ до пѣлики, но пренебрегаетъ и ту, и другую, и прешью, и щипаетъ знакомство съ ними неприличнымъ мужу, изобрѣшшему Новгородскихъ — жюри, Псковскихъ префектовъ и Старорусскихъ меровъ.

П. П. *Свиньинъ*, напрошивъ, нерѣдко дѣлаешъ ошибки прошивъ языка. Ссылаюсь на два его историческіе романа: *Ермакъ* и *Шемакинъ* судъ.

Очень жаль; что Русскіе журналисты не заведутъ у себя контроля. Онъ вездѣ необходимъ: въ государственныхъ финансахъ, въ Губернскомъ правленіи, въ конторѣ банкира, у издателя газеты и у крестьянина, поргующаго въ мелочной лавочкѣ.

За неимѣніемъ его въ одномъ и помъ же журналъ былъ спо разъ перевозносимъ Моск. Телеграфъ и помомъ сполько же разъ разруганъ. Последнему опдана была полная справедливость, п. е. онъ названъ плохимъ, а спустя нѣсколько времени былъ расхваленъ, какъ нельзя больше. А всѣ эти несообразности происхоятъ отъ юныхъ сотрудниковъ, копорые пипнутъ врознь журнальную колесницу, какъ орелъ, копъ и щука въ извѣстной баснѣ знаменишаго *Крылова*, копорый видѣлъ эпу басню на практикѣ, будучи безъ года недѣлю редакторомъ Библиотеки для Чтенія.

Къ чему же привело насъ сравненіе литературныхъ прудовъ г. *Полеваго* и г.

(*) Не Ивана Петровича *Блжкина*, а незнакомаго намъ писателя, копорый воспользовался именемъ *Блжкина*, почъ въ почъ, какъ Александръ Анфимычъ *Арлофъ* именемъ *Выжигина*. — К.

Свингина? Къ тому, что оба они либераторы полезные. П. П. *Свингинъ*, будучи хорошииъ издавателемъ журнала, можеть сдѣлаться и хорошииъ писателемъ. Н. А. *Полевой*, написавъ нѣсколько прекрасныхъ повѣстей, спашью О посѣщеніи Государемъ Императоромъ Московской выспавки опечиственныхъ издѣлій (напечатанной въ Сѣв. Пчелѣ), доказалъ, что можеть издавать опличнииъ журналъ.

А. Кораблинскій.

1-е Декабря 1835.
С. П. Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

A LA BELLE INCONNUE.

Экспромптъ.

Скажи, откуда, неба житель;
Ты занесень сюда судьбой?
Скажи, гдѣ миръ швой, гдѣ обилель?
Какою Феей неземной
На крылахъ радужныхъ спустилась
Сюда, средь Павловскихъ садовъ?
Здѣсь, предъ тобой, краса склонилась,
Ничтоженъ Флоры блескъ цвѣтовъ;
Въ полнѣ ты прелестей—единая!
Ты солнце здѣсь межъ шьюю звѣздъ!
Гдѣ-жь пронъ швой, горная богиня?
Владычество надзвѣздныхъ мѣстъ?

Павелъ Хотяинцевъ.

1834. Юль,
Павильонъ розъ
въ Павловскѣ.

LOGOGRIPHE.

Un Dieu me porte avec ma tête;
Le pauvre me porte sans tête.

Въ Но 14-мъ, помещенный ономимъ значить: *Пуля.*

M O D E S.

J'ai vu, ce matin, une robe magnifique, destinée à la duchesse de D. . . . elle est en satin blanc, brodée d'un semis de feuilles de rosiers en chenille; la bordure haute d'un demi-pied est une guirlande de roses brodée également en chenille, rien ne peut vous rendre l'admirable effet de cette robe, dont la broderie est nuée avec un art infini. Le corsage est plat avec une haute mantille de blonde, les manches courtes sont plates à la naissance de l'entournure et se terminent par des sabôts de blonde très bouffans avec des nœuds de rubans de satin bleu, au milieu desquels est placée une large émeraude; à la poitrine, dans le dos, sur les épaules, des nœuds pareils. Pour mettre avec cette robe, un bandeau en émeraude et une branche de rose sur le côté de la tête. Les bijoux reviennent à la mode plus que jamais, on les monte, avec beaucoup de luxe, à l'antique.

Adieu, ma bonne sœur; j'espère que vous ne vous plaindrez pas de mon silence, je vous donne des nouvelles, non pour votre argent, mais pour votre bonne amitié.—*Sarah.*

M O Д Ы.

Я видѣла сегодня упромъ великолѣпное платье, назначенное для герцогини de D. . . . Оно бѣлое атласное, на немъ вышиты синелью лисья розановаго кустарника; койма, шириною въ пол-фула, состоить изъ розовой гирлянды, также вышитой синелью. Ты не можешь себѣ вообразить удивительный эпаго платья, въ которомъ вышиванье опшѣнено съ необыкновеннымъ искусвомъ. Лишь гладкой, съ широкой блондовой манпильей, рукава короткіе вгладь, начиная опъ пройма, и окапчиваются пышными блондовыми буфами съ баншами изъ голубыхъ атласныхъ лентъ, въ средиѣ которыхъ по большому изумруду; на груди, на спинѣ, на плечахъ шакіе же банши. Къ этому же платью повязка изъ изумрудовъ, и вѣлка розъ на головѣ съ боку. Драгоценныя вещи оиашъ входяшь въ употребленіе, болѣе нежели когда нибудь; ихъ дѣлають чрезвычайно роскошно, на старинный манеръ.

Прощай, добрая моя сестра; надѣюсь, что де будешь жаловаться на мое молчаніе; я сообщаю тебѣ новости не за деньги, а за дружбу швою.—*Sara.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 16.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104. Но
и 40 картинокъ модь, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Февраля 22 дня 1836 года.

Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суемъ:
Желудокъ—вѣрный нашъ Брегемъ.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗА БОГОМЪ МОЛИТВА НЕ ПРОПАДАЕТЪ.

(Окончаніе.)

Карныгъ, опдохнувъ нѣсколько минутъ, могъ передать слушаателямъ свое похождение и просьбу.

—Вы, народъ православный,—сказалъ онъ, вышедъ на середину избы и поклонившись собранію на всѣ четыре стороны: не погубите добраго солдата, вѣрою и правдою служившаго нашему батюшкѣ Царю Бѣдому и вамъ мои родимые!—Всѣ вы знавали *Арефья Сидорыга*; у него таки и казна водился, будешь чѣмъ заплашишь за шруды и услугу. Вотъ, сегодня мы, по естѣ онъ и я, приняли въ городъ пенсію, Государево жалованье, за шруды и увѣчье, и держали пущь домой; оно все бы, до поры до времени, обстояло благополучно; да, вотъ, верспъ за шесть отсюда, прилучилась такая оказія, поднялась какъ изъ засады мяшель, выюга ненастная, зги не взвидѣли, родимые! *Арефій*—по

Сидорыгъ, упаси Господь его душу! немного прихрамываль, — Французъ окаянный подспирьмилъ въ Нѣменчинѣ;—ну, такъ онъ, бѣдный, и не ссилмилъ съ такою бапашею. Вотъ, верспы за пѣри отсюда, грянулся о земь, да и оспался горемышный смерпъ кончапъ; а вамъ, православные, душу поручаешъ, слезно просипъ смидоваться, опыскапъ его со мною на общевнѣхъ, да привести въ село, хопъ для исповѣди. Поспѣшите православные, не дайте служивому опца нашего Гдусударя—умереть опъ снѣгу да морозу, какъ Французу цоганому.

Карныгъ оспановился, окинулъ взорами своихъ слушаателей и, довольный своимъ краснорѣчіемъ, поклонился снова на всѣ четыре стороны.

«Видишь, что выдумалъ! Ну, кого нелегкая понесетъ со двора въ такую куперьму?» сказалъ рыжій цѣловальникъ.

—Прямой ты Жидъ некрещеный,—вскричалъ *Климовъ*: развѣ бабы да ты, исполосгась ненастья, оспавиле погубапъ православнаго.

—И впрямь, *Климовъ* дѣло говоришь,—закричало нѣсколько голосовъ.

«Ну, такъ проворный, ребята, запрятайте по тройкѣ въ сани, да со Христомъ и въ путь, опыскивать *Арефья*,» крикнулъ *Климовъ*: «*Сидорычъ* покажетъ дорогу; авось, Господь сподобитъ спасти слугу Царскаго.»

Народъ засуетился, а цѣловальникъ подошелъ къ *головѣ* и шепнулъ ему на ухо: Не моги, сватушка, пускай дурней-по; только попадись въ село мертвое пѣло, такъ съ Земскимъ судомъ и не раздѣлаешься. Знаешь каковъ исправникъ?—

«Не моги никто изъ избы ни на пядень,» кричалъ *голова*.

—А опъ чѣго бы такъ,—сказалъ *Карнычъ*, приосамья: аль пвоя милость не слыхала, что православный погибаешь?—

«Слыхаль-спа, слыхаль, да надо дѣломъ пополковать,» отвѣчалъ *голова*.

—Что путь полковать! Надо ѣхать, да душу спасать!—неперпѣливо кричалъ *Карнычъ*.

—Не горячись, служивый, не горячись,—перебилъ писарь: мы сами люди грамотные, кое про что разумѣемъ: спасать-то душу рады, да вопъ пы-по зачѣмъ покинулъ поварища?—

«И впрямь, зачѣмъ покинулъ поварища?» повторилъ *голова*.

Начался споръ, а пѣмъ временемъ цѣловальникъ прокрался къ двери и непримѣпно ускользнулъ.

Между пѣмъ распря кипѣла: оскорбленный *Карнычъ* горячился, писарь, хладнокровно понюхивая изъ павлики табачекъ, возражалъ ему, и чисто приказнымъ краснорѣчіемъ приводилъ въ тупикъ бѣднаго инвалида, привыкшаго только къ разсудку и добродушію; *голова* впорилъ писарю, а прочіе члены собранія раздѣлились, какъ водился, на партіи и спорили между собою: такъ прошло болѣе часу. Наконецъ, *Климовъ* вышелъ на середину и относясь къ *головѣ* и *Карнычу*, сказалъ: «Попустому, ваша милость, ж ты служивый, табалу бѣете, да время

прашите, и за вами гибнетъ *Арефій*. Здѣсь, на селѣ, засѣдатель и, кажись, почуветь у его милости,—такъ не ладнѣй ли къ нему спрашайся? Онъ разбереть, такъ на немъ и отвѣтъ; а мы спасать не прочь.»

—Дѣло, *Климовъ*; ай да другъ, спасибо; научилъ уму-разуму,—вскричалъ радостно *Карнычъ*. Идемъ, ребята, къ засѣдателю!—

«А что *Пафнутій Дронъ*?» спросилъ *голова*.

—Нѣшто, — отвѣчалъ писарь: коли его благородіе соизволилъ распретревожиться.—

«Эка припча, распретревожится! — Великъ командеръ вашъ засѣдатель! У насъ бывало ударить въсповал, такъ и генералы на коня, ровно нашъ братъ.»

—Шуши, шуши, служба! а какъ дастъ по запылку, такъ и пойдешь, какъ несолоно нахлѣбался. Его-то благородіе, видишь, немножко грузень, изволилъ опочивать опъ правиться.—

«Ну, грузень не грузень, а ужъ мы добудимся,» сказалъ *Карнычъ*: «пойдемъ, ребята!»

Толпою всѣ опправились въ домъ, гдѣ опчивало нагруженное съ вечера благородіе; хозяинъ, какъ жожапый, выспуналъ впереди; *Карнычъ* и *Климовъ* шли по пятамъ, а писарь поотспавая, мало по малу, скоро очутился послѣднимъ и тихо бормоталъ про себя: «Опойди опъ зла и сотвори благо! Имъ всегда первая чарка, пакъ пусть же доспанется первая палка.»

Вошли во дворъ,—и *голова*, въ соупствіи неразлучныхъ *Карныча* и *Климова*, вошелъ въ избу.

Засѣдатель, одѣвшись нагольнымъ шуломъ, богатырски храпѣлъ, расположась на прилавкѣ. Письмоводитель его лежалъ распротершись на полу: пустой штофъ и огромный, съ полстымъ дномъ и синими полосками, спаканъ, опрокинутые возлѣ него, свидѣтельствовали сколь усердно вспомоществовалъ онъ своему начальнику.

Будить эпю полумертвую пварь, было бы напрасно перять и шруды и время, а по-

тому *Карныгъ* и приспустилъ прямо къ начальнику.

— Ваше благородіе, — произнесъ онъ сначала въ полголоса: опѣшпа не было. — Ваше благородіе! — повпорилъ онъ громко и твердо: поже молчаніе.

— Хорошъ командерь! — проворчалъ съ досадою инвалидъ; послалъ бы тебя подъ Турку, такъ и висѣли бы уши на чепкахъ у ихнова попа! — Ваше благородіе, — закричалъ онъ накопецъ, сильно дернувъ спящаго за рукавъ: извольте пробудиться, — Государевъ солдапъ замерзаетъ, а его и спасать не смѣютъ безъ вашего дозволенія. —

«Что?.. Государевъ солдапъ?» промышчалъ охриплымъ голосомъ засѣдатель: «мы всѣ Государевы!...»

— Дозвольте хопя убраться православное пѣло, ваше благородіе? —

«Пѣло! Гдѣ пѣло? какое пѣло?..» закричалъ вскочивъ засѣдатель.

— Солдапъ *Арефій* замерзъ въ прехъ верспахъ осюда: прикажите его перевезти въ село? —

«Мертвое пѣло! — Хорошо, не дурно;» проговорилъ скороговоркой засѣдатель. «Лошадей! — я самъ поскочу сей часъ. Гей! *Трифоныгъ*, *Трифоныгъ*, вставай проворнѣй!»

Но *Трифоныгъ* не шевелился — и самый громъ, разразившись надъ его ухомъ, не разбудилъ бы писмоводителя.

«Мерзавецъ! пьянюга!» проворчалъ засѣдатель, толкнувъ ногою усерднаго помощника: «Ну, нечего дѣлать, справимся и безъ него.»

Тройка сполла уже у ворошъ, другую выводили.

Засѣдатель, голова, *Карныгъ* и *Климовъ* сѣли на первую; на второй помѣспилось челоуѣкъ восемь поняпыхъ. Извошцики свиснули, кони рванулись, и сани быстро понесли по слободѣ, не смопря на снѣжные бугры, нанесенные мяпелю, копорая начинала уже спихать, и лунный свѣтъ освѣщаль по немногу предметы, являшіе какой-то раз-

рушительный безпорядокъ: все казалось какъ бы послѣ попопа или землетрясенія.

Не взирая, что мяпель уже почти стихла, что ямщики и всѣ креспяне твердо знали околицу и что мѣсяцъ свѣпльлъ все болѣе и болѣе, наши соспрадательные помощники въ бѣдспвіи *Арефья* съ прудомъ опыскивали слѣды дороги, на копорой долженъ былъ находиться прущъ его. Наконецъ *Карныгъ* узналъ мѣспо, гдѣ оставилъ поварища.

— Споп, — закричалъ онъ, кинувшись съ облучка: вопъ здѣсь, почно здѣсь оставилъ я *Арефья*! —

«Да вопъ и снѣгъ помяпъ,» добавилъ *Климовъ*: «а пѣла-по нѣпъ.»

— Что за диво! неужли онъ ожилъ, да побрель! — ворчалъ въ недоумѣннн *Карныгъ*.

«Да, побрель,» сказалъ засѣдатель, копорый наклонясь, какъ ищейная собака, шарилъ по измятому снѣгу, и что по найдя, спряпалъ за пазуху. — «Хорошо побрель! Нѣпъ, другъ, насъ не проведешь! Гей, попяые, придержите-ка молодца!»

Онъ указаль на *Карныга* — и нѣскольго мужиковъ схватили его за руки.

— Какъ? за что? — вскричалъ изумленный *Карныгъ*.

«А вопъ, за эту кровь!» сказалъ холодно-кровно и съ разспановкою засѣдатель, указывая на кровавыя пятна по снѣгу. «У замерзлыхъ кровь кажись не печепъ, развѣ у зарѣзанныхъ; не такъ ли дружокъ, а?...»

— Съ нами креспяная сила!... — шеппаль *Карныгъ*: таково всполоху я и подъ Туркой не слыхиваль!... Ужъ не лукавый ли обошель меня?... —

«Нѣпъ, любезный, не обошель, а поуппаль. Да что калякапъ пустое, винись лучше, такъ и вся недолга. Вишь, пы ужъ спаренекъ; пѣбя ни сквозь спрой, ни кнупомъ, а такъ вопъ, проспегаютъ слегка, да и дѣло съ концемъ.»

Карныгъ спопаль неподвижно, какъ жена *Лотова*; тольго, и то едва замѣпное движеніе губъ увѣрало, что онъ не совсѣмъ еще

окаменѣлъ. Бѣдный инвалидъ не постигаль случая, ни съ пропавшимъ поварищемъ, ни съ самимъ собою. Едва слышаль онъ слова грознаго засѣдателя. Не спрахъ и негодование привели въ оцѣпенѣлость спараго солдата: перваго онъ не зналъ, онъ впораго опущили — служба и опытъ; но какое-то мрачное чувство суевѣрія овладѣло его душою. Ему мнилось: все это тяжкій сонъ, навождение лукаваго — и спарикъ только могъ мысленно пворипъ молишву.

«Ну, что-жь молчишь, камадъ? Тебѣ же хуже. Свѣжипе-ко его покруче!»

— Ваше благородіе! ваше благородіе! — кричалъ подбѣгавшій *Климовъ*, который до сего бродилъ по споронамъ дороги и не видалъ происходившаго. — Кажется нашель; кровной слѣдъ ведетъ дальше, да и бугоръ намѣло, пупъ вѣрно и пѣло. — Ахипи, бапюшки! *Карныгъ*. . . что за припча? . . . да за что это тебѣ связали? —

«А вопъ за то, не рѣжь товарища;» сказаль *голова*.

— Эко диво! Да нѣпѣ, не вѣрипся! Какая бы нелегкая дернула его сзывать на помощь, да показывать пѣло убишаго. —

«Да, пы вишь уменъ гораздо! — умнѣй знапъ и наибольшаго!» продолжалъ *голова*. «Ужь коли его благородіе нашель, что онъ винованъ, такъ хопъ не билъ, да билъ: пупъ нашему брапу нѣшпо полкованъ.»

«Нашли! нашли!» закричало вдругъ нѣсколько голосовъ.

— Кого нашли, *Арефья Сидорыча*, что ли? — прознесъ радостно очнувшійся *Карныгъ*.

«Ахъ, бапюшки-свѣпы! Эко диво! эко сумленье!» раздавалось со всѣхъ споронъ.

— *Карныгъ*, *Карныгъ*, выпъ *Арефій*-то живъ, дышитъ, чупъ не говоритъ! — кричалъ запыхавшійся *Климовъ*; между пѣмъ, какъ полумертваго *Арефья* несли на рукахъ нѣсколько поняпыхъ.

«Эдакой казусъ! Ну, ужь диковинное будетъ дѣльцо!» ворчалъ засѣдатель, усаживаясь въ санц, и скоро обѣ пройки помчались обратно въ село.

Подъхавъ къ сборной избѣ, вынесли на рукахъ не одного *Арефья*; *Карныгъ*, изнуренный сильными, неожиданными волненіями души, впаль въ совершенное изнеможеніе и также не могъ держаться на ногахъ.

И такъ, обоихъ инвалидовъ внесли въ избу, и радушій *Климовъ* принялся одного опиширапъ снѣгомъ, а засѣдатель вздумаль лечипъ *Карныга* обычнымъ своимъ лекарствомъ — настпойкою: инова онъ не употребляль и самъ. По щаспію, настпойка хопъ въ это мъ случаѣ оказала пользу; *Карныга* всего наперли ею крѣпко накрѣпко и сверхъ того дали проглотипъ нѣсколько капель, смѣшавъ съ водою. *Арефій* также началъ оживанъ подъ усердною рукою *Климова*, а сдѣланная ему на груди и на шеѣ двѣ раны, заложила ширинками жена писаря, который между пѣмъ успѣль уже выпашься, и, только изъ любопытства, слезъ съ полаети и, равнодушно понюхивая изъ павлипки, повпоряль дивующимся: Бывалое дѣло, бывалое. . . .

Наконецъ, когда *Арефій* совершенно очнулся, засѣдатель приспунилъ къ допросу. Спарикъ рассказываль, что по уходѣ *Карныга*, оставшійся одинъ на снѣгу, онъ уже не слыхаль бури; а только пворилъ молишву и замѣчаль, какъ одинъ за другимъ коченѣли его члены; напослѣдокъ, лихась и этой способности, онъ лежалъ въ забыпьи, когда почувствоваль, что его поворачиваютъ; первая мелькнувшая мысль: чтобъ не сочли его мертвымъ и не оставили бы снова, придала ему силы проспонапъ, и въ ту же минупу, кто-то сильно поколомъ его и потащилъ; болѣе онъ ничего не помнилъ, только чувствоваль, что ему спало какъ бы пецтѣе. Кончивъ разсказъ, инвалидъ просилъ снятъ съ него сумочку: памъ лежипъ красенькая и при дѣлковыхъ, — прибавилъ онъ, — опдайте ихъ доброму чловѣку, который спасъ мою душу. Спарикъ еще не понималь, кто и какимъ образомъ спасъ его.

Но сумочки не нашлось, снурокъ былъ обрѣзанъ. Обыскали *Карныга*, у него нашли одну красенькую: по красенькой они получили пенсіи.

Засѣдатель призадумался; онъ собирался уже потребовать свой резервъ — письмоводителя, но судьба избавила его на этотъ разъ отъ подобнаго униженія.

Съ размаху распахнулась дверь сборной избы — и женщина, краснощекая, съ сверкающими глазами, съ усами и черными распрепанными волосами, выбившимися изъ подъ плашка, свернувшаяся на одно ухо, какъ киверъ у лихаго гусара, въ поношенной пелюгреѣ и красной спамедной засаленной юбкѣ, съ воплемъ вскочила въ середину разступившейся толпы.

— Опцы родимые, помогите! пропала я беспаланная! погибла моя головушка! не видать мнѣ моего кормильца, моего красного солнышка! —

«Развѣ рыжого, коли ты вопишь о своемъ Жидѣ некрещеномъ?» сказалъ *Климовъ*.

— Ахъ ты, озарникъ, забіяка! да съ чего ты взялъ даяться? да развѣ я на тебя суда не найду? — Ну-ка еще, нушка, назови Жидомъ, да я тебѣ глаза выцарапаю! —

«Полно, полно, сватьюшка, дуришь, али не видишь его благородія?» возгласилъ *голова*, подойдя къ цѣловальницѣ и оборачивая еѣ къ засѣдателю.

— Ахъ, бабюшка ты мой, ваше благородіе, помоги отецъ родимой! —

«Да что за бѣда случилась?... Прежде скажи, а потомъ ужъ проси, голубушка!» произнесъ важно засѣдатель.

— Ахъ, кормилецъ мой! вопъ въ эту ноченьку, вопъ такъ, передъ полуночью, мой *Емельюшко*, мой голубчикъ сизой.... —

«Хорошъ голубчикъ!... чай шрепаль пуще коршуна!»

— Врешь ты, бездѣльникъ! я сама, бывало, какъ вѣшляюсь ему въ волоса, такъ и мѣспа не сыщешь. —

Общій хохотъ оспановилъ нѣжную супругу; даже и сынъ *Өемиды* нарушилъ свою важность улыбкою, но скоро оправаясь: «Продолжай, голубушка, продолжай! мы уже знаемъ швою чесшь.... Чпо-жъ швой голубчикъ?»

— Да онъ, ваше благородіе, — продолжала цѣловальница, довольная вѣжливостію и вни-

маніемъ главнаго лица: прибѣжалъ запыхавшись, съ мірской сходки; закричалъ какъ полоумный: жена, давай скорѣе хомуць да дугу! — а самъ въ конюшню, я за нимъ съ дугою, да съ хомуцомъ, а онъ ужъ и лошадь вывелъ и сани выдвинулъ. — Куда тебя нелегкая песеть, въ такую погоду, окаленный? — спросила я моего *Емельюшку*. «Молчи, баба, не швое дѣло! а коли придущъ, да попросяшь вина, такъ поднеси, да скажи: чпо мужъ спитъ, недомагаешь.» Вопъ его и понесла нелегкая!... Я зашворяю воропа, да и думаю: не бышь пуши! въ такую мятелицу, чего добраго ждашь!... Анъ, сонъ-то, родимый мой, какъ въ руку. То-то въ дурной часъ подумаешь!... Не накажи Господи!... Вопъ, выпила съ горя чарочку.... сливокъ, бабюшка, ей, ей, сливокъ, а до ендовы и не допронулась. —

Новый хохотъ раздался въ избѣ.

«Ай да, баба! а мужъ-то, вишь, опъ неѣ такъ и прячется!... мѣспа не сыщешь, даромъ, чпо боекъ.»

— Ну чпо, поспрѣлы, зубы-то скалише?... проговорила, такъ проговорила, вишь не съ вами, а съ его милоспью, по еспъ, съ его благородіемъ говорю: ему и слушаешь, а не вамъ. —

«Такъ, испинно такъ, голубушка!... Продолжай....»

— Вопъ я, мой родимый, и прикорнула за печью; полько не успѣла, кажись, вздремнуть, слышу ржеть наша лошадка. Я скорѣй за воропа.... лошадь и сани спояпъ, а мужа нѣшу. Глядь въ сани, лежатъ кнупъ да рукавицы. Вопъ прибрала лошадь, да и думаю: пошелъ куда нибудь мой голубчикъ. Подожду, авось придетъ скоренько; жду часъ — и другой, ни шупъ-то было! нѣпъ шкого.... Дай-ка обѣгу сосѣдей, да поспрошаю; чай у кого нибудь балясы почипъ. Вопъ и пошла — все село обѣгала, нигдѣ не нашла... а куда нѣсъ ни сунешь, полько ругаюпся. Ну, да ужъ доспалось же и имъ опъ меня! — Опцу родному не спущу! Вопъ съ горемъ пошацилась домой, да и слышу: покойника де привезли, замерзшаго.... Я и сюда... охъ, помогите, родимые, опдайте мнѣ моего голубчика!... —

«Обожди, голубушка, найдется!» сказала засѣдатель, который слушалъ весь разговоръ призадумавшись. Да не бралъ ли онъ съ собою денегъ, или чего нова?»

— Нѣтъ, бапюшка, ваше благородіе, на что ему брать деньги; а только, помнился, совсѣмъ одѣвшись, схватилъ со спойки складной ножикъ! —

«Да вотъ, не пакой ли, голубушка, какъ у меня?» Засѣдатель выпатилъ изъ-за пазухи складной ножъ, съ концомъ мѣдной цѣпочки, и показалъ его болтаввой цѣловальницѣ.

— Точнехонько, опецъ мой! Да никакъ онъ-то самый и есть! — Ахъ, родной мой, гдѣ-жъ мой *Емелюшка*? —

«Ну, самаго-то я еще не видалъ, а дѣльцо-то начинаю видѣть. Возьмите-ка, ребяпа, бабу, да заприте въ чуланъ за замокъ.»

— Ахипи, свѣты мои! да за что-жъ такая невзгода, ваше благородіе? —

«А вотъ узнаешь, голубушка, какъ опыщемъ, да привеземъ своего голубчика. Гей, проворный, свѣжую тройку! понятные за мной, а четверо останьтесъ караулить бабу, да солдата. Ты, *голова*, приставъ караульныхъ къ кабаку, — да смотрите, ребяпа, ни капли не пропуснитъ!»

Лошади были готовы и досужій засѣдатель вторично отправился съ понятными опыскивать цѣловальника, обличеннаго въ грабежъ и убійствѣ.

Пріѣхавъ на мѣсто злодѣянія, понятные подъ предводительствомъ своего начальника разсыпались по равнинѣ, и скоро, пріобыкшіе къ такимъ поискамъ, открыли они въ разныхъ направленіяхъ слѣды человека, видимо блуждавшаго по полю; наконецъ, версхавъ въ двухъ отъ дороги, нашли въ оврагѣ окостенѣлый трупъ злодѣя, вѣроятно упавшаго въ оврагъ во время вьюги. Лѣвая рука его, всунувшая въ пазуху, крѣпко держала сумочку, опрѣзанную у *Арефья*, какъ бы еще силась опорвать отъ груди гибельную добычу. Красенькая и при цѣлковыхъ, завернутые въ тряпочку, найдены въ сумкѣ.

Оба инвалида остались живы; *Арефій* опдалъ опысканные деньги въ церковь, на поминанье за упокой души преслушника.

Такъ сбылись *Карпычевы* слова: за Богомъ молитва не пропадетъ.

И въ селѣ, и въ городѣ, долго дивились этому происшествію.

— Сильна рука Божія! — шептали набожныя старухи.

«Покараетъ Господь злодѣя!» говорили запомнящие.

— Курьезный казусъ! — восклицала *Трифонья*.

«Богъ опмщеній Господь, Богъ опмщеній не обинулся есть!» съ благоговѣйнымъ ужасомъ произнесъ священникъ, когда *голова* рассказалъ ему это происшествіе.

Грудзинскій.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ ДАТСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

Народонаселеніе 1,932,153 души.

Гвардія и армія.

Главный Штабъ	26 чел.
1 баталіонъ королевской пѣшей гвардіи	600 —
2 эскадрона — — конной гвардіи	300 —
13 двухбаталіонныхъ пѣх. полковъ, въ каждомъ баталіонѣ по 5 ротъ	15,600 —
5 баталіоновъ егерей	5,000 —
3 четырехъ-эскадронныхъ полковъ конницы	4,608 —
18 баталіоновъ артиллеріи, по 3 орудій въ каждомъ	2,610 —
1 баталіонъ сапѣровъ	
1 — — мастеровыхъ	
1 — — понтонѣровъ	
Артиллерійскій обозъ	26,744 чел.
Всего	

Резервъ.

26 баталіоновъ линейной пѣхоты, по 2 добавочныхъ въ каждый армейскій полкъ	21,502 чел.
4 баталіона егерей	3,308 —
2 — — артиллеріи	2,640 —
	27,450 чел.

Датское королевство имѣетъ сухопутныхъ силъ въ военное время 54,194 человека.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

48.

Напрасно кричимъ мы прошивъ соблазнительныхъ драмъ Александра Дюма: на Парижскихъ театрахъ издавна играютъ пьесы, развращающія нравы.

Я помню, что при мнѣ на театрѣ *Иозефины* (Théâtre de L'impératrice) данъ былъ спектакль въ пользу пятилѣтней дѣвочки—*Гюльенъ*. Для эпюга спектакля выбранъ самый соблазнительный балетъ: Плохо сбереженная дѣвушка (la fille mal-gardée). Мать заперла дочь свою *Лизаньку* въ сарай; вдругъ изъ подъ соломы выльзаетъ любовникъ, которому *Лизанька* давно ужъ ни въ чемъ не отказывается. Оба восхищаются; случай благоприятствуетъ; они обнимаются; волокита спановится часъ опъ часу наглѣе. *Лизанька* не въ силахъ прошивиться.... Мать застааетъ любовниковъ. Эпюга балетъ публично представляли дѣти, не спарье семи лѣтъ.

Теперь прошло эпюму 30 лѣтъ: желательнo бы знать, что вышло изъ сихъ маленькихъ лицедѣевъ, которые тогда удивили зрителей своихъ искусствомъ и превосходною игрою?

А *Фигарова женидба*? А *дѣв Маргариты*?

Ив. Тропопольскій.

Воронежъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПРЕЛЕСТИЦѢ.

J'éprouve souvent des plaisirs cuisants...

Jules Janin.

Нѣтъ, прелестница младая,
Не тверди напрасно мнѣ
Будто дѣва ты земная!
Нѣтъ! изъ спранъ надзвѣздныхъ рай
Ты явилась на землѣ!
Всѣ черты твои плѣняютъ
Неземною красотой!

Кудри ликъ пвой осяняютъ

И на перси упадаютъ

Шелковистою волной!

Очи мльютъ нѣгой южной,
Въ нихъ и умъ, и красота,

И, скрывая рядъ жемчужный,
Насъ дарятъ улыбкой дружной

Польоткрытыя уста!

И съ возвышенной душою

Слптъ зародышъ свѣпмыхъ думъ;

Взоры свѣпятся мечтою;

Но подъ дивной простотою

Скрытъ могущеспвенный умъ.

Взоръ, исполненный привѣпа,

Величавое чело!

Такъ съ тобой, о Ангель свѣпа,

Сердцу пылкому поэта

Такъ легко и такъ свѣпло!

Но—на мигъ ты поселилась

Въ мръ земнаго бышя!

Ты на мигъ здѣсь появилась!

Ты не здѣсь, не здѣсь родилась, —

Въ небѣ родина пвоя!...

Ө. Менцовъ.

Январь 1836.

Ш А Р А Д А.

Въ щасливой Греціи Олимпъ жпше былъ наше;

Изъ кубковъ золопыхъ мы некаръ пили шамъ;

Увы! теперь за то: изъ горькой пемъ мы чаши,

Живя съ поэтами, кой-какъ по чердакамъ.

Вошь *первый* слогъ;—*второй* мой слогъ поешя

Въ ученыхъ обществахъ и шакже флософъ;

Таланпъ же *цълаго* природою даешя,

Онъ восхищаетъ насъ гармоніей боговъ!

Въ No 15-мъ, помъщенный логогрифъ значить: *Flambeau, lambeau.*

М O D E S.

Il y a des gens, ma chère Nancy qui s'ennuient d'être privés des plaisirs du monde, moi, je m'ennuie de trop m'amuser, cela vous paraîtra un non-sens, et pourtant c'est une vérité: cette vie agitée de l'hiver lasse le corps et l'esprit, et comme par un enchan-

ment magique, on ne peut résister à la pente qu'ils entraînent. Le soir, en rentrant chez soi, en quittant ces robes si frêles et si légères, ces souliers si fins et si gênants, on *philosophe* en revêtissant une bonne robe de chambre ouatée et des pantouffles fourrées, on se dit: Demain, je passerai la soirée tranquille au coin de mon feu. . . Le lendemain arrive et vous retrouvez couronnée de fleurs et revêtue de gaze: *fragilité humaine!*

M. Th... vient de donner un bal qui restera dans les annales dansantes de cet hiver; il y avait plus de trois mille personnes, les salons ne pouvant contenir un si grand nombre de conviés, on avait bâti dans le jardin une salle attenante aux appartemens. Cette salle était décorée avec un goût admirable, les toilettes admirables de fraîcheur; je crois que peu de femmes avaient des robes déjà portées, tout était neuf et ravissant. La duchesse d'O... avait une robe en velours épinglé, bleu de ciel, la jupe était ouverte sur le côté, jusqu'à la hauteur du genou, et laissait voir une seconde jupe en satin blanc. Une grosse torsade de perles blanches prenait de l'ouverture de la jupe de dessus et venait joindre la ceinture, qui était de même en perles. Les manches courtes, justes, couvertes de rangs de perles et terminées par deux manchettes de blonde si hautes qu'elles descendaient presque jusqu'aux poignets. Le corsage drapé, avec torsades de perles et mantilles de blonde. Sur la tête, un esprit et des rangs de perles. — Une autre robe, fort jolie, était en crêpe blanc, avec une large guirlande de vigne; les feuilles étaient en application de velours violet et les fruits brodés en or, ainsi que les *vrilles*. Je n'ai rien vu de plus élégant que cette robe, les manches courtes et bouffantes étaient ornées de guirlandes appliquées de biais; autour du corsage à la grecque régnait aussi une guirlande; le dessous était en satin blanc.

Pl. No 6. 1) Chapeaux de satin avec resille de perles. — 2) Chapeaux de satin. — 3) Bonnet en tulle. — 4) Bonnet de dentelle et tulle. — 5) Mantelle en tulle broché garnie de dentelle et de rouleaux de satin. — 6) Sacs en velours brodés d'or.

М О Д Ы.

Есть люди, милая *Нанси*, которые скучают, лишаясь свѣтскихъ удовольствій; я же скучаю

ошь излишняго удовольствія; это покажется тебѣ безсмыслицей, между тѣмъ какъ это правда: эта безпокойная зимняя жизнь ушомляетъ тѣло и душу, а какое то волшебное очарованіе, увлекаетъ по этому направленію. Вечеромъ, возвращаясь домой, снявши въпрошлѣнные и легкія платья, эти шонкіе, безпокойные башмаки, философствуютъ надѣвая хорошій шлафрокъ на вѣтъ и шучи на мѣху, говорятъ себѣ: завтра я проведу вечеръ покойно дома. . . А завпрешній день находишь васъ опянь въ цвѣтахъ и въ газѣ: *суета сует!*

Г-нъ Th... давалъ балъ, который останется въ шанцовальныхъ летописяхъ нынѣшней зимы; тамъ находилось болѣе трехъ тысячъ особъ; какъ комната было недоспапочно для такого множества гостей, шо выстроена въ саду зала, примыкающая къ дому. Зала эта была отдѣлана съ необыкновеннымъ вкусомъ, наряды удивительно свѣжи; я думаю, что мало было женщинъ въ надѣванныхъ платьяхъ, все было ново и прелесно. Герцогиня d'O... была въ платьѣ изъ булавчатого бархата, небесно-голубаго цвѣта, юбка открыта съ боку, до колѣнъ, внизу видна бѣлая апласная юбка. Толстая торсада изъ бѣлыхъ бусъ, начиная опшуда, гдѣ открывалась верхняя юбка, присоединялась къ поясу также изъ бѣлыхъ бусъ. Рукава короткіе, въ обтяжку покрытые рядами бусъ, оканчивались блондовыми манжетами, которыя были такъ широки, что доходили почти до кистей. Лица драпированы съ торсадами изъ бусъ и блондовыми манжильями. На головѣ *esprit* и бусы. Другое весьма красивое платье, изъ бѣлаго крепа, съ широкою виноградною гирляндой; листья были накладки изъ фиолетоваго бархата, а плоды и плетни вышиты золотомъ. Я ничего не видѣла щеголеватѣе этого платья; рукава короткіе, пышные, отдѣланы были гирляндами, наложенными вкось; вокруг лифа à la grecque была также гирлянда; нижнее платье было бѣлое апласное.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листѣ)

Карц. No 6. 1) Апласныя шляпки съ бусами. — 2) Апласныя шляпки. — 3) Тюлевой чепчикъ. — 4) Чепчикъ изъ тюля и кружева. — 5) Тюлевал манжилья съ кружевами и апласными руло. — 6) Мѣшки изъ вышитаго золотомъ бархата.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 17.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 26 ДНЯ 1836 ГОДА.

Ты тьму различностей въ себѣ соединяешь:
Какъ Ангелъ ты, какъ духъ насъ мучишь злой,
Ты именовъ своимъ о мудрости вѣщаешь,
И до безумія плѣняешь красотой.

Кн. Вяземскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИВАНЪ ЛАПОТНИКЪ.

(Сказка.)

Слава-те Господи! вошь и лыкъ надраль! молвилъ *Иванъ Лапотникъ*, вошедши въ избенку свою, которая стояла на краю села и сама, какъ облупленная липка, безъ двора, безъ плетня, безъ забора, да чуть ли и не безъ кровли. *Иванъ Лапотникъ* былъ убогъ и голъ: бывалъ когда-то хлѣбецъ, да градъ побилъ, раннимъ снѣгомъ придавило, дождями повалило — а шамъ еще и мха нашла; послѣднюю краюху самъ съѣлъ, а сѣмянъ на посѣвъ и не оспалось ни зерна. Была — таки когда-то и скопинка, да падѣжь повалила, волки порѣзали, Калмыки украли да въ сухояшку поѣли — а послѣднюю яловку прикащикъ, за подушное, со двора согналъ. Прикащикъ эпошъ говорилъ такъ: не подой козы, молока не дастъ; не сприги овцы, она шерсти не дастъ, холь и сама, лыпа краснаго дождавшись, спанеть походя роняетъ еѣ клочками, а уже на дворъ тебѣ еѣ

не принесетъ. И таки не-гдѣ правды дѣвать: надъ *Иваномъ Лапотникомъ* сбилось поже: покодъ было у него что, такъ бывало всё только холился, да почесывается; бывало коли въ вороша кто по вечеру спукнетъ, такъ, не слезая съ печи, жену посылаетъ: поди опопри; а какъ только облупили его кругомъ, что липку, пошелъ и онъ лудить, драить лыку, да плести лапопки, и сдѣлался человекъ — источникъ и художникъ на ремесло, котораго прежде и въ глаза не видалъ и въ рукахъ не держалъ. Бывало двойные лапопки съ поднарядцемъ свахляеть, такъ что пивой чеботы спроченные! И перебивается нашъ *Иванъ* себѣ съ ломпю на ломопъ, и кормилъ и себя и спаруху свою.

—Слава-те Господи,—молвилъ онъ, кинувъ беремя лыкъ на полъ, вошь и лыкъ надраль! Спаруха, да что же ты спойшь, словно въ гости пришла, непоглядишь, не порадуешься, говори: слава Богу; хозяинъ лыкъ надраль!—

Хозяйка его была спаруха богомольная, знала Свяпцы не хуже дьячка инаго, и, при всей бѣдности своей, Пасхи безъ кулича, а

Масляны безъ блиновъ не проводила. Въ среду Средокрестной недѣли пекла изъ поспнаго, сдобнаго пестпа креспы; а уже коли не было мучицы ни крупинки, такъ хаживала печь ихъ къ сосѣдкамъ; пожь и чепверговую соль не позабывала пережигать съ квасною гущею; а купью гоповила не подько въ Рождественскій сочельникъ, но и въ одну изъ великихъ суббопъ; а въ память *Теодора Тирона* всегда варила колево, сирѣчь, купью пшеничную. Она, спаруха, на энопъ разъ, когда спарикъ пришелъ домой съ лыками, гоповила, разжившись съ легкой руки, законныя поминки сорока мученикамъ, копорымъ празднуютъ, какъ извъспно, 9-го Марпа. Спаруха капала сдобное пѣсто на коноплянномъ маслѣ, выгадывала да выкраивала изъ него 40 жаворонковъ, и песприла ихъ ключемъ, наперспкомъ, не по гребнемъ—ужь не пѣмъ гребнемъ, что въ банѣ космы расчесывають, — а пѣмъ, что лёнъ чешутъ. Ей было не до спарика спарухъ, а онъ пупъ привязался съ лыками.—Опойди, спарый,—молвила она: надраль, такъ надраль; такъ садись спупай, да плепи лапти, да неси на базаръ, припасай копѣйку на Свящую: надо сандалу купить, да шафрану, да инбирю.—

Спарикъ проворчалъ что-то про себя, а самъ таки принялся за кочадыкъ. Спаруха всё возилась съ жаворонками: капала, мѣсила, песприла, сажала, наконецъ, вынула ихъ—слава Богу! не подгорѣли жаворонки, дошли, доспѣли, зарумянились, и поглядѣшь, такъ лакомо, хопъ за разъ по мученикамъ поминки пвори!

«Спарикъ! а спарикъ! что же ты, знай, сидишь да сопишь, лапти свои ковыряешь, а сюда не глянешь? Слава-те Господи, я съ жаворонками-то управилась! вишь какіе!»

—Нѣптъ,—опвѣчалъ спарикъ: я пѣмъ часомъ лапотъ смель и подьѣмъ повершилъ, и концы схоронилъ; скажи-ка ты: слава-те Господи, лапотъ поспѣлъ!—

«Ну, поспѣлъ, такъ поспѣлъ, такъ берись задругой.»—Примусь я и за другой,—молвилъ спарикъ: да ты скажи сперва Господу Бо-

гу спасибо и за энопъ; скажи же по моему: слава-те Господи, лапотъ поспѣлъ!—

Спаруха зарпачилась.—Племи, говоришь, ты знай свое, а я свое.—Спарика взяла досада; съ чего спаруха моя задурила?—Аль ты, говоришь, опъ креспной силы опрѣлась, что не хочешь Бога помянуть за насущное пропитаніе наше? И пришелъ я давича, такъ не хотѣла слава Богу вымолвить, и работу покончилъ, поже да поже! Спаруха! промолви: слава Богу, коли не хочешь, чпобъ я разсерчалъ на тебя!—

«Опвѣжись ты опъ меня!» сказала спаруха.—Коли такъ, молвилъ мужикъ, вопъ тебѣ креспъ и образъ сыму, пожалуй, не примусь я за работу, поколъ не скажешь ты, чего хочу,—и закинулъ лапотъ подъ лавку, калодку подъ купникъ, кочадыкъ на полатил.

И пошла война у спарика со спарухой: крикъ, шумъ, ссора, споры. Берись, спарый хрѣпъ, за работу!—Говори, спарая корга, слава Богу, лапотъ поспѣлъ!—Нѣптъ, не хочу; поспѣлъ, такъ поспѣлъ, такъ берись, знай, за другой; объ одномъ лапнѣ ходить не спанешь.—Ну, не скажешь слава Богу, не берусь за работу, хопъ и ты преснешь, и самъ издохну голодомъ. Скажешь, что ли?—Нѣптъ, не скажу.—Спарикъ, за словомъ, пропѣянулъ руку, поймалъ бабу свою за волосы—и на что, скажите, бабы эпи подъ плапкомъ, подъ повязкою, космы опращивають?—поймалъ спаруху за косы, у шеба, говоришь, волосъ дологъ, да умъ коропокъ—говори: слава Богу!

Спаруха наша была и подъ старость таки голосистаго десятка; а бывало въ молодья дѣпа какъ упретъ руки въ бѣки, глаза въ пополоки—такъ хопъ свяпыхъ вонъ понеси, а грѣшникамъ, живымъ; такъ и вовсе житья нѣптъ: бѣги очерпя голову! Бывало, любое спадо гусей перекричипъ; изъ конца села въ конецъ съ кумой да со свахой здороваепся, да еще и не больно шибко кричипъ; а на энопъ разъ, по первому земному поклону, копорый нѣхотя она положила, когда сожипель попянулъ её и пригнулъ за косы—взвигнула и залилась перекапями, такъ, что всѣ сосѣди, шабры, какъ

говорятъ въ пощизовыхъ земляхъ нашихъ, съѣжались на шумъ и крикъ; шумъ пришелъ и прикащикъ;—пришла—и неужели дѣло безъ неѣ обойдется?—пришла, и прибѣжала прикащица, бойкая бабенка, изъ дворовыхъ дѣвокъ, чюдъ выдана была бариномъ за прикащица, и приданое пожь, сказываютъ, пошло съ нею опъ барина же. — Спариковъ розняли, допросили: и шумъ и крикъ и драка о пожь, чпо хозяйка не хочеть поблагодарить Бога за то, чпо у мужа работа съ рукъ идетъ! Принялись сосѣди соромить спаруху—куда! и приспуу нѣшь: заговорить любовь, забросаетъ рѣчами, чупь съ ногъ не сшибетъ. И принялся усовѣщивать еѣ самъ прикащикъ, великій и словоохотный краснобай, который былъ чепверти на полторы повыше люду мѣрскаго, сиживалъ прежде съ крющкомъ за спойкою, ходилъ нынѣ въ полушонкомъ кафтанѣ, подпоясывался сыромьянымъ ремнемъ съ пряжкой, на которомъ всегда висѣлъ огромный нушреной ключъ опъ анбара. — Оба лѣвки, оба пуги; сказалъ онъ прибоченевшись; оба крупы, оба глупы; оба упрямы; въ рукахъ не бывали! А ты не знаешь, *Евстигнѣвна*, чпо ты раба его, ребро его, онъ повелитель твой; помнишь ли ты, чпо подъ вѣнцомъ тебѣ отецъ *Панкратій* говорилъ? Аль дурью голову позасорило, да дупное повытрясло изъ неѣ вовсе? Упрямая овца волку корысть; а тебя, *Евстигнѣвна*, сапана на расправу попянетъ! Велико вишь дѣло, молвишь: слава-ше Господи, спарикъ лапопки сплѣлъ! Аль и подлинно ты опъ креста святаго опреѣдася? —

«Чего вамъ опъ меня, окаянные?» задалась *Евстигнѣвна*, собирая волосы; да повязывала платокъ свой: «чего вамъ? Спвѣжитесь, собаки; не скажу ничего; не скажу ему: слава Богу, скажу: чорпъ унеси душу его!»

Такъ говорила спаруха наша, и говорила еще хуже эшого. Какъ шумъ бышь? Прикащикъ, наслышавшись довольно опъ барина своего, чпо примѣръ самой благой самоучитель—а бариць, никакъ, помнилъ наспавление эго еще съ пѣхъ поръ, какъ писалъ его въ школѣ по прописи, при чемъ его и

пѣями кормили и на песокъ спавили,—вѣрный прикащикъ, слышавъ опъ барина каждый день, чпо примѣръ соблазняетъ, примѣръ наспавляетъ, обратился ни мало не медля къ дражайшей половинѣ своей, къ ребру своему, и молвилъ:—Вопъ, *Евстигнѣвна*, и Бога гнѣвишь, и противъ мужа грѣшишь, и людамъ досаждаешь, а все изъ-за пустяковъ такихъ, чпо слушается, да не вѣрится! Погоди, не шуми, не мечися, слушай, чпо я говорю: вопъ тебѣ хозяйка моя, для ради примѣра и добраго приклада, скажеть напередъ, а ты скажи за нею слѣдомъ: слава Богу, мужикъ лапопки покончилъ—да и Богъ съ вами, и грядите съ миромъ. Скажи же, *Аннушка*, для ради добраго примѣра, скажи: слава-ше Господи, мужикъ лапопки сплѣлъ! —

«Эпо въ какую спать?» спросила *Аннушка* сожигела своего: «а ей чпо за батрачка? Да по мнѣ, пусть бы они себѣ очи повыдирали; хопъ бы вѣкъ еѣ спарую вѣдму чорпъ за космы паскалъ, пакъ я и слова не вымолвлю! Чпо она мнѣ своя чпо ли? Да чорпъ ихъ возьми, прости Господи!»—Прикащикъ ну *Аннушку* свою уговаривать, упрашивать, приказывать, а па и пуще на дыбы: дошло и шумъ также до ссоры, до брани, до слѣзъ, и чупь ли и не до рукотворнаго увѣщанія.

Тѣмъ часомъ спаруха *Евстигнѣвна* и сама упѣрлась на своемъ: хопъ ты ей зубы дергай! да еще къ тому наговорила тебѣ всякой вслщины съ три короба, и кучу негодныхъ рѣчей; напустилась ужъ не по, чпо на спарика, а на всѣхъ свѣпыхъ. Взяли еѣ мѣряне, да обще со спарикомъ, съ *Иваномъ Лапотникомъ*, повели къ сельскому батюшкѣ. Пусть, говорятъ, отецъ *Панкратій* рассудишь и разберѣтъ васъ, и промежь съ собой и съ Богомъ, пусть усовѣспитъ и эппитмью наложитъ на спаруху, какъ самъ знаетъ: уже теперь не наше дѣло; не мѣрское.

Отецъ *Панкратій* спалъ увѣщавъ спаруху нашу, спалъ полковавъ ей, чпо она повинна мужа слушать, спалъ говоритъ ей о мукахъ кромешныхъ и о наказаніи Божескомъ.—Ежели, говорилъ онъ, дѣпище пвое

на пя руку свою подыметъ, по нечестивая рука эпа коспявыми перспами выростепъ изъ могилы его; а буде жена воспанепъ на мужа, хопя словомъ единымъ, языкъ закоснѣетъ у ней, либо сухопа нападетъ; а на помъ свѣпъ еще предспояпъ мукъ неисчислимыя, неописанныя! Чпо прикащикова *Аннушка* не захопѣла пепбъ, *Евстигнѣвна*-свѣпъ, примѣра показатъ, а послѣдовала пвоему, пакъ и эпо равно не годипся и грѣхъ ея не менѣ пвоего. Спронпываго Богъ караепъ. Пойдемъ къ мапушкѣ; — а гдѣ мапушка, дѣпи? — Пойдемъ къ ней; она покажетъ вамъ примѣръ. И чпо спойпъ вымолвипъ: слава пепбъ Господи! Славою возносипъ, славословипъ Господа подобаепъ во всякое время, во всякій часъ, и всякимъ помышленіемъ своимъ. Слава не нужна Господу, намъ нужна слава Господня! — А гдѣ мапушка, дѣпи? —

«Мапушка взяла вашу шляпу, бапюшка, вашу новую, пуховую шляпу,» опвѣчали дѣпи: «да пошла съ нею въ сарай, не по на свѣнникъ.»

— Чпо птакое эпо, — проворчалъ бапюшка: ужъ зачѣмъ мапушка опяпъ носипся со шляпою моею? эпаго-по я и не люблю; коли овесъ мѣряпъ, либо пересыпапъ, пакъ можно бы, кажись, коли нѣпъ гарница, взяпъ по крайности спарую, поярковую шляпу — а эпо чпо опяпъ птакое... — и пошелъ, со всѣмъ причетомъ искапъ по двору, по сараямъ, искапъ мапушки; и спарикъ за нимъ, и спаруха за нимъ, и мѣрской народъ, чпо привель дурней спарыхъ, всѣ — всѣ за нимъ.

А мапушка въ эпо время дѣлала вопъ чпо: она подсыпала изъ новой хозяйской, бапюшкиной шляпы, куръ своихъ опщипывая, нечепъ лицъ, клала ихъ бережненько въ шляпу, и высыпала, не прогая руками, на гнѣздо и сажала курицу. Дѣло эпо дѣлаепся въ психомолку: оно глазу боипся; и когда добрая хозяйка подсыпаепъ да сажаетъ куръ своихъ, пакъ эпо никому въ домъ и вѣдапъ не для чего, и знапъ не надо. А тупъ нелегкая принесла бапюшку, да еще и спаруху, да и спарика съ карими, пѣмными, цыганскими очами... Мапушка - по-

падья выскочила съ сердцемъ изъ сарайчика, рассыпала и побила яйцы въ бапюшкиной пуховой шляпѣ, всполошила курицу, которая было уже и усълась, а пеперь подняла крикъ, закудахпала на все село, и мапушка вспрѣшила бапюшку вопросомъ: А вамъ чего тупъ надобно, вы чего здѣсь не видали? — Бапюшка, смѣкнувъ пеперь дѣломъ и разгадавъ загадку, не спалъ уже дѣпыпывапся и доискивапся шляпы своей и общалъ сей же часъ уйпи и не мѣшатъ мапушкѣ, коли она полько скажетъ пмъ скорешенько, не переводя духу: слава Богу, у мужика лапопки поспѣли!

Какъ приняла предложеніе эпо мапушка-попадья, этого чай, не нужно и сказыватъ: она думала, чпо бапюшка пѣ число рхнулся; пакъ плохо улучилъ, принаровилъ онъ время, пакъ не впопадъ заспавилъ мапушку сказать: слава Богу, лапопъ поспѣлъ! Мапушкѣ-попадѣ почно было не до того: и бѣдный опець *Панкратій*, сколько ни толковалъ, сколько ни уговаривалъ, ни просилъ, не полько чпо самъ не добился никакого толку, но едва полько безъ грѣха опошелъ опъ мапушки, которая давно уже не гнѣвалась на бапюшку пакъ, какъ сего дня. Да и было за чпо, нечего сказать: рхнулся спарикъ — привязался, ни дай, ни возьми, а вынь да положь, скажи да скажи: слава Богу, лапопъ поспѣлъ!

Да и чпо же мнѣ водипъ снисходительнаго чипателя моего какъ спарца слѣнца, съ камешка на камень, какъ красную дѣвицу съ кладки на кладку, чпобъ ей въ грязи подолу не подмочипъ; скажу, да и опрѣжу, ужъ одинъ конецъ присказкѣ моей; и спарикъ со спарухой, и Аннушка съ прикащикомъ, и бапюшка съ мапушкой, всѣ перессорились за поже словечко, всѣ пришли подъ вечеръ во дворъ къ барину, который вышелъ мирипъ ихъ и податъ благое наспавленіе. Тупъ и мѣрской народъ сполкнулся, и бабы сбипсь въ кучу, и дворня въ песпредевыхъ юпченкахъ, да въ сѣрыхъ суконныхъ курпкахъ, всѣ пришли почесать, да позубоскальничать. Гдѣ ссора, гдѣ судъ, гдѣ драка, гдѣ покойникъ, гдѣ

свадьба, гдѣ расправа, шуда народъ валомъ валишь, черезъ тынъ лезешь, заборы разбираешь, кровли ломаешь, какъ будто, проспи Господи, шупъ на показъ для нихъ шпунки выкидываютъ, идите въ балаганъ, къ скоморохамъ, коли есть при пятака въ карманъ, а коли нѣтъ, такъ поглядите-ка сами на себя.

И такъ, пришли всѣ они къ барину на дворъ, и баринъ ихъ судилъ, рядилъ, разнималъ,—для чего не сказала: слава Богу, у мужика лапоть поспѣлъ!—Что за великое дѣло, и что за шумъ люди подняли! Да жена моя, барыня ваша, скажетъ вамъ не запнувшись, не заикнувшись двадцать пять разъ сряду въ одинъ духъ: слава Богу, у мужика лапоть поспѣлъ! Ну, скажи же ты душенька—обратился онъ къ плохой супругѣ своей, которая только что вышла на крыльцо подъ навѣсъ послушать о чемъ идетъ толкъ и безпощадно—скажи имъ: слава Богу, лапоть поспѣлъ, да и наплюй имъ дуракамъ всѣмъ въ глаза!...—А душенька на это ему: вопъ, дуру нашелъ, и сама плюнула, а сказала не сказала ничего; поворожилась да и ушла въ свои покои...

Я сказалъ уже, что полмира собралось на дворъ господскомъ, слушать судъ и ряду по уголовному дѣлу, гдѣ баба не хотѣла сказать спасибо за то, что у мужика работа съ рукъ идетъ, перессорилась сама съ мужемъ и перессорила вопъ уже прешью чепу—прикащика съ *Аннушкой*, бабюшку съ попадѣй, да барина съ барыней. На опказъ этой сказала—слава Богу и наплевать людямъ въ глаза, полна глумно ослабила уста свои, а барину спало досадно, ущемило его за живое; покинулъ онъ судъ и рядъ, пошелъ слѣдомъ за барыней, спалъ упрасивать ея, скажи да скажи, пожалуйста скажи, сдѣлай милость скажи, хотъ мнѣ одному да скажи; спалъ гнѣвался и попрекалъ со дня на день и перебранивался, и побранился съ нею совсѣмъ; а она, какъ уперлася себя: не скажу, опвяжись—такъ умерла черезъ годъ со днемъ, Богу душу отдала, и не пошлала мужа, не молвила даже и на смертномъ одрѣ своемъ, о чемъ супругъ ея

всѣми неправдами домогался, не сказала: слава Богу, лапоть поспѣлъ—и на этомъ дѣло и кончилось.

Въ самомъ дѣлѣ, на этомъ бы дѣло и кончилось; барыню схоронили, баринъ пошужилъ—и забылъ; поспорить и побранился, не по кланялся да упрасивалъ: скажи слава Богу, у мужика лапоть поспѣлъ—не съ кѣмъ и не кого; такъ бы дѣло и засохло и пропало, и до насъ бы не дошло; да на бѣду у барина съ покойной барыней была и барышня, и—горькая чаша не миновала ея!

Барышня эта была—какъ и всѣ барышни—дѣвушка молоденькая, пригоженькая, умниенькая: и была припомъ еще, такъ называемая *безприданница*, дѣвица, которая и безъ приданого не засидѣлась: нашелся женихъ, да и не вислоухій олухъ, что нашъ братъ, а щеголѣкъ, молодчикъ, хватъ женишокъ, какихъ немного изъ губернскихъ городовъ въ глушь деревенскую завозятъ: женихъ съ брыжжами, со свѣплыми пуговочками, со цвѣшными запоночками, въ бархатномъ жилетѣ, хохоль съ зачесомъ, подъ вѣскомъ да подъ лѣскомъ, словомъ, кладъ женишокъ, который знаетъ, съ котораго крыльца свяхъ засылаютъ; который умѣетъ и припши, и присѣсть, и сказаться, и приголубиться. И просватали за него барышню нашу, умниенькую, пригожинькую, и спарикъ онецъ справлялъ ииръ на весь мѣръ, и праздновали это послѣ помолвки обрученіе.

— Дай Боже, сказалъ одинъ изъ гостей свадебныхъ, близкій сосѣдъ нашему помѣщику и спаринный пріятель его: дай Боже имъ, молодымъ нашимъ, и того и другаго, и всякаго прочаго инаго, а пуще всего мира и согласія, чтобы жили да поживали молодые наши, *Парфентій Кузьмичъ*, какъ сами вы изволили жить съ покойною *Василисой Андреевною*—спаси Господь душу ея—какъ изволили жить съ нею, до неблагопріятнаго случая—не пѣтъ будь помянута покойница—до несогласія, которому причина была ссора спарой *Евстигневны* со спарикомъ *Иваномъ Лапотникомъ*, да ссора попадѣй съ бабюшкою, да быспроглазой *Аннушки* вашей съ прикащикомъ—дай Богъ прожить имъ, мо-

лодымъ въ мирѣ и согласіи, хопь до золо-
пой сватьбы своей, а памь—что Богъ дастъ!
Дай Богъ, *Парфентій Кузьмигъ!*—

«Какъ до золопой сватьбы?» закричалъ *Пар-
фентій Кузьмигъ*: «а памь на спароспи лѣпъ
побранишься, какъ я съ покойницею своею,
царство ей небесное! это не годится; дочь
моя не такава: это дитя примѣрное, по-
слушное, нравъ ангельскій, око мое, зеница
моя! *Надинька*, сердце мое! слушай: скажи
же жениху своему, и намъ всѣмъ: слава Бо-
гу, лапоть поспѣлъ; скажи, не стыдись, ду-
ша; покажи, что ты не упряма, что умница.»

Надинька глянула черезъ сполъ на папень-
ку; поалѣла и популила очи свои: слово,
которое заставляли вымолвить еѣ, было ей
въ душѣ ненавистно: она очень помнила,
какъ родилели ея за это слово день за день
ссорились и бранились; ей было такъ боль-
но и грустно вспомнить это, что она рѣ-
шилась бы вымолвить всё на свѣтѣ, только
не это. Этого губки ея не прошепчуть ни
за что. А пупъ еще и весь сполъ, всѣ со-
прапезники припихли, замолкли, ожидая
рѣчи невѣсты; а пупъ еще и бапюшка
спалъ гнѣваться, горячиться, да наспаи-
вать; а пупъ и женихъ, въ куцохвостомъ
гнѣдомъ кафтанѣ, подлѣ невѣсты сидя,
спалъ упрашивать неотступно, привязчи-
во, наспопашельно—скажи да скажи, коли
любишь, такъ скажи; бѣдная *Надинька* въ
слѣзы, въ плачь, изъ-за сполы бѣгомъ въ свои
поки, да и схоронилась въ постель и заби-
лась подъ подушки.

— Скажи, коли любишь меня,—умолялъ
хвать голосистый невѣсту свою, не давая
ей ни опдыху, ни покою: если любишь,
скажи!— Не проси меня объ этомъ, коли
любишь меня, опвѣчала *Надя*... глядь, пупъ
вмѣшались и дружки, и свахи, и посаженая
и кумы со прикумками, и сваты... Тупъ
спали заступаться шѣпки, да бабки; а
пупъ и отецъ спалъ кричать и сердить-
ся; а пупъ и женихъ женишокъ, золопой
пѣпушокъ, масляная головка, сказалъ сло-
вечко невѣстѣ, сказалъ и нареченному пс-
пю своему,—а женишокъ-апъ, вишь, былъ
изъ горяченькихъ;—сказалъ словцо—а слово
не воробей, вылетипъ, не поймашь; слово

за слово—и кончилось на помъ, что гнѣдой
кафтанчикъ, по вашему свѣтлокоричневый
фракъ, и розовый бархатный жилетъ, и ма-
нишка съ запонками, все это покапало съ
женишкомъ домой—только запылелся онъ,
да помялъ кудри свои, да хохолъ модный въ
двѣ четверши съ вершкомъ—покапиль въ
губернію, опколъ пожаловалъ и—сватьба
разспрошлась, на эпомъ разъ не сосполалась!

О бѣдная безприданница! пожалѣйте объ
ней, подруженьки!

Вотъ теперь моя сказка вся; на эпомъ
дѣло кончилось, и невѣста не сказала того,
чего хопѣлъ отецъ и женихъ; слезками оп-
дѣлалась, и опреклась, и не сказала. На эпомъ
кончилось дѣло—кончилось здѣсь у насъ; а
что будетъ, коли и чипапели и слушапели
наши будущъ заставляпъ жѣнъ и не-
вѣспъ вымолвить имъ въ угоду: слава Богу,
лапоть поспѣлъ—что тогда будетъ, гово-
рю—не знаю; и ни за что не поручусь;
глядите, чтобы не началась паже сказка,
про Ивана Лапотника, оппашь сначала, и чтобы
не пропинулась на вѣки вѣчныя, какъ сказ-
ка о *Костяномъ долѣ*, либо сказка про *Солда-
та Яшку*, да *спрую спрмляску*.

В. Луганскій.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

МОРСКІЯ СИЛЫ НЕАПОЛИТАНСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

- 2 линейные корабля.
- 5 фрегатовъ.
- 1 корвета.
- 5 бриговъ.
- 3 пакетбота.
- 30 кононерскихъ лодокъ.

Всего 46 судовъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

49.

Письмо къ издателю Свѣ. Пчелы изъ Кяжты (*).

Въ девятипомъ помъ Библиотеки для Чте-
нія 1835 года помѣщена рецензія на книгу

(*) Это письмо взято нами изъ No 35-го *Свѣ. Пчелы* въ
доказательство того, что всѣ благомыслящіе Русскіе

о. *Иакинва*: Историческое обозрѣніе Ойраповъ или Калмыковъ. Г. рецензентъ съ перваго раза назвалъ трудъ почтеннѣйшаго о. *Иакинва* бесполезнымъ и потеряннмъ для науки, потому что онъ писалъ на языкѣ, который не имѣетъ еще правъ на извѣстность въ ученмъ свѣтѣ, и что Русскій языкъ до сихъ поръ оставался и *всегда останется* внѣ круга ученыхъ Европейскихъ преній о предметахъ восточныхъ, и что, наконецъ, гг. ориенталисты *Шмитъ*, *Клапротъ* и *Релюза* не могутъ пользоваться имъ: слѣдовательно на будущее время никто уже не долженъ писать по-Русски подобныя сочиненія.

Принимая такое пророчество за чистѣйшее недоброжелательство Русскому языку, которое, къ сожалѣнію, вездѣ проглядываетъ въ писаніяхъ высокостепеннаго *Тютюнджи-Оглу*, и которое пѣтъ опаснѣе, что помѣщено въ такомъ журналѣ, который всѣ читаютъ, мы спѣшимъ разувѣрить г. рецензента извѣстіемъ, что трудовъ почтеннѣйшаго отца *Иакинва* до сихъ поръ никто не считалъ трудами бесполезными, вопервыхъ потому, что всѣ Русскіе приняли ихъ съ благодарностію и уваженіемъ; вторыхъ: для гг. ориенталистовъ, поименованныхъ г. рецензентомъ, они не могутъ быть чуждыми, потому что гг. *Шмитъ* и *Клапротъ* весьма хорошо знаютъ по-Русски. Докажемъ сіе на дѣлѣ. — (*Тютюнджи-Оглу* пребуетъ вездѣ фактовъ.) — Г. *Шмитъ* живетъ въ Петербургѣ болѣе пятнадцати лѣтъ, издалъ Монгольскій Словарь съ Русскимъ переводомъ, — знаетъ по-Русски хорошо, въ помъ каждый можетъ удостовериться лично. Г. *Клапротъ* былъ въ 1806, 1807 и 1808 годахъ въ Россіи, учился по-Русски, и объяснялся еще тогда, на *ономъ* языкѣ хорошо, въ послѣдствіи же времени разбиралъ сочиненія о. *Иакинва*, писанныя по-Русски, и помѣщалъ свои рецензіи въ

журналисты видятъ вредъ, причиняемый Отецественному нашему языку и словесности — критиками г. *Тютюнджи-Оглу*, и спѣшатъ отвратить, или уврачевать сіе зло. — В.

Journal Asiatique. И такъ, изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что историческое обозрѣніе Ойраповъ будетъ прочитано въ Петербургѣ г. *Шмитомъ*, а въ Парижѣ г. *Клапротомъ*. — Намъ остается согласиться съ критикомъ только въ томъ, что для покойнаго ориенталиста *Абель Релюза*, вышеупомянутый трудъ о. *Иакинва* точно бесполезенъ.

Теперь взглянемъ на мысль, что Русскій языкъ никогда не будетъ языкомъ ориентальнымъ! Россія географически обхватываетъ весь такъ называемый Ориентъ, кромѣ Аравіи; она въ близкихъ сношеніяхъ съ ориентальными народами; занимается ихъ языками, только не шарлапанивъ своими познаніями *въ оныхъ*, какъ дѣлаютъ нѣкоторые. Русскій языкъ нельзя спавить въ паралель съ языками умирающими; всѣмъ извѣстно, что языкъ *сей*, не смотря на крики недоброжелателей, дѣлается болѣе и болѣе Европейскимъ, и долженъ быть, по порядку вещей, первенствующимъ языкомъ въ Европѣ. Доказывать сіе считаемъ бесполезнымъ.

Кяхта.

1-го Декабря 1835.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОМАНСЪ.

(Посвященный С. И. Б.....ой.)

Когда увидѣлъ васъ, во мнѣ вмигъ пробудилось
 Всѣ пылкое, всѣ пламенное вновь!
 И всё, чѣмъ сердце такъ бывало сильно билось,
 И всё, что сильно такъ мнѣ волновало кровь!...

*

Когда увидѣлъ васъ, я жадеиъ былъ молиться,
 Не о себѣ: къ чему мнѣ жизнь влачить безъ васъ!
 Да вашей жизни цвѣтъ оправдно продолжится,
 Какъ поцѣлуй любви въ свиданья тихій часъ!

*

Когда увидѣлъ васъ — и геній Вышней силы
 Скрижали развернулъ мнѣ рока моего:
 «Ты будешь жить одинъ и мрачный и унылый,»
 И сердца не найдешь для сердца твоего!»

*

Когда увидѣлъ васъ—съ надеждою проснулся:
Она, жестокая, за вами полепшпъ!
И юныхъ дней моихъ небесный сводъ зашмылся!
Мнѣ солнца моего никто не возвратитъ!...

Н. Д.—овъ.

LOGOGRIPHE.

Libre dans l'air avec ma queue,
Je suis esclave sans ma queue;
De bois, de pierre avec ma queue,
On me fait en métal sans queue;
Immobile en gardant ma queue,
L'on m'agite souvent sans queue;
Partout visible avec ma queue,
Je le suis rarement sans queue;
Couvert de mousse avec ma queue,
Je prends du verd-de-gris sans queue;
Enfin, muet avec ma queue,
J'annonce ou fête ou deuil sans queue.

Въ № 16-мъ, помѣщенная шарада значить: *Музыкальн.*

MODES.

Les cheveux en bandeaux et nattés très simplement derrière; sur le front, un croissant de diamans, monté sur un diadème en velours violet, les boucles d'oreilles, le collier, les agraffes en diamans. Une belle écharpe de batiste de soie, frangée d'or, complétait cette belle toilette; qui a été une des plus remarquées, la dame qui la portait était grande et belle.... — Une autre avait une robe de satin vert émeraude toute garnie, volant, mantille, manchettes, de belles et anciennes dentelles de fil à réseaux et broderies épaisses; c'est encore une exhumation des temps passés que ces dentelles, mais je suis fâchée de dire que c'est une des moins jolies choses que nous ayons prises de nos grand'mères. Ces ornemens lourds et épais sont dénués de grâce, surtout appliqués sur des robes de couleurs foncées, ces dentelles n'ayant aucune transparence, forment des plaques blanches qui n'ont rien d'agréable à l'œil; et voilà la mode? On pourrait la représenter, aveugle comme l'amour, n'agissant que d'après ce grand principe . . . c'est la mode! Belle et

laide, disgracieuse ou plaisante, elle ne calcule rien, comme une femme qui aime celui qui la trahit ou la trompe, pourquoi? *parce qu'elle l'aime.* . . . Elle ne pourrait pas nous donner une autre raison; et c'est la meilleure de toutes, attendu qu'il n'y a rien à y opposer. Le froid qui diminue chaque jour fait disparaître peu à peu les manteaux et les fourrures. Les schalls prennent un grand accroissement; on les porte d'une grandeur démesurée, la pointe descendant aussi basse que la jupe. Les dessins en sont d'un grand luxe, et le tissu du plus beau travail.

МОДЫ.

Волосы спереди гладкіе, сзади заплетены весьма просто; на лбу бриліантовый полумѣсяцъ, нашитый на діадему изъ фиолетоваго бархата, серги, ожерелье и застѣжки бриліантовые. Прекрасный шарфъ изъ шелковаго батиста, съ золотую бахрамою, довершилъ этотъ прекрасный нарядъ: онъ былъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ. Дама, на которой онъ былъ, высокаго роста и хороша собою. На другой было атласное платье изумруднаго цвѣта, оборка, мантилья, манжеты, изъ красивыхъ шарпанныхъ и пшяныхъ кружевовъ, съ рѣшешками и густымъ шпьемъ; эти кружева еще опзывъ прошедшихъ временъ; къ сожалѣнію скажу, что изъ всего, что мы заняли отъ нашихъ бабушекъ, это всего менѣе красиво. Въ этихъ тяжелыхъ и плотныхъ опдѣлкахъ нѣтъ никакой прелести, особенно на темнаго цвѣта платьяхъ; кружева эти, не имѣя никакой прозрачности, составляютъ бѣлые бляхи, что нисколько непріятно на взглядъ . . . и вотъ мода! Её можно бы представитъ сълюпою, какъ Амура, поспуающую только по этому великому правилу: *это мода!* Красивая или дурная, неловкая или смѣшная, она ничего не рашиваетъ; какъ женщина, любитъ того, кто измѣняетъ ей или обманываетъ её, отъ чего? *Отъ того, что она любитъ его.* Она не могла бы сказать другой причины; и эта лучшая изъ всѣхъ, потому что на неё нѣтъ возраженія. Уменьшающійся холодъ заставляетъ исчезать понемногу плащи и мѣха. Размѣръ шалей весьма увеличивается; онъ такъ огромный, что конецъ ровнѣ съ юбкой. Узоры чрезвычайно великолѣпны, а шкань отличной работы.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 18.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 29 ДНЯ 1836 ГОДА.

Чудно-ль, что любите козловъ пшвой супругъ?
Свой своему по неводъ вѣдь другъ.

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. СОЧИНИТЕЛЬ МЕЛОДРАМЪ.

Вы гуляете спокойно на бульваръ; вдругъ попадается вамъ человекъ хорошо одѣтый, набѣгаетъ прямо на васъ, полкаетъ васъ; попомъ, не извинившись, бѣжитъ прочь, размахиваетъ руками и кричитъ: нашель! нашель! Какая богатая идея!

Этотъ господинъ—сочинитель мелодрамъ; онъ нашель идею свою въ кабинетъ для чтенія, въ новомъ романѣ *Бальзака*.

Сочинитель мелодрамъ обыкновенно завпракаетъ въ респораціи, близъ Цирка, обѣдаетъ у *Киня*—и живетъ между воротами святаго Мартина (*porte saint Martin*) и малаго Лазаря. Весь этотъ кварталъ знаетъ его, уважаетъ, и удивляется его таланту. Если онъ проходитъ мимо магазина, сидѣлецъ кричитъ ему изъ дверей лучшую фразу изъ новѣйшаго его произведенія; фигурантъ снимаетъ передъ нимъ шляпу; *дуена* вяжетъ для него шерстяные носки; первая любовница дѣлаетъ ему глазки; директоръ театра говоритъ ему *мильй*; комическій актёръ называетъ его *добрымиъ*, а суб-

репка *котёночкомъ*.— Однимъ словомъ, послѣ перваго хлопальщика, никто не пользуется такимъ уваженіемъ за кулисами, какъ сочинитель мелодрамъ. Сочинитель мелодрамъ никогда не выходитъ изъ дому безъ прехъ манускриптовъ въ карманъ и двухъ подъмышкою каждой руки. Онъ насильно читаетъ вамъ главную сцену свою—и даетъ чувствовать эффектъ развязки.— Онъ тогда только выпускаетъ васъ изъ когтей своихъ, когда попадается ему какойнибудь другой знакомый—по естѣ, новая жертва, на которую онъ бросается въ ту же минуту.

Онъ знаетъ членовъ всѣхъ литературныхъ комитетовъ; пишетъ стихи женамъ ихъ, ласкаетъ дѣтей, носитъ гостинцы поспельной собачкѣ—и прелеплетъ по щекѣ горничныхъ дѣвушекъ.

Войдя въ комитетъ, онъ обходитъ кругомъ залу, ласково кланяясь и приглашая къ себѣ обѣдать; попомъ съ жаромъ декламируетъ прозу свою, спучивъ кулакомъ по столу, ногами въ полъ; выпиваетъ цѣлые спаканы воды съ сахаромъ—и, наконецъ, совершенно бѣснуется, когда доходитъ до сцены, въ которой юростный любовникъ кричитъ ге-

ропнѣ: о! о! о! Мщеніе! мщеніе!... Я жажду имѣ... мщеніе!— Мнѣ нужно оно, какъ воздухъ!....

Выходя, онъ кланяется такъ низко, что голова его только на два вершка не доспаетъ до паркета — и такимъ образомъ идетъ задомъ до самой двери, опирая пошъ, который печетъ ручьями по широкому лбу его, и падаетъ въ объятія перваго актёра или машиниста, вступившагося съ нимъ на лѣспницѣ.

На другой день, онъ каждые пять минутъ бѣгаетъ къ притворницѣ, освѣдомившись — нѣтъ ли къ нему записки изъ дирекціи; наконецъ, она приходитъ по городской почтѣ, и онъ узнаетъ свою участь. Если пьеса его принята, то онъ объявляетъ вездѣ, что гг. члены Театрального комитета, всѣ люди просвѣщенные, исполненные вкуса и глубокихъ познаній; если же къ несчастію ему отказали, то будьте увѣрены, что онъ имѣлъ дѣло съ совершенными Вандалами.

Въ день перваго представленія какой нибудь мелодрамы его, онъ съ четырёхъ часовъ по полудни забирается въ театр: смотритъ машины, декораціи, величъ зажигать кенкеты, глядитъ въ дыру занавѣса — шутъ ли солдаты, и споятъ ли они по мѣстамъ; потомъ идетъ за кулисы, ободряетъ любовницу, прижимаетъ къ сердцу своему — первую ролю, и когда подымается занавѣсъ — упадаетъ въ обморокъ. Сидя въ креслахъ, онъ мало по малу оживаетъ съ каждымъ рукоплесканіемъ, и лишается опять чувствъ, какъ скоро слышитъ роковой свистокъ. — Если пьеса его удалась, — онъ пишется, оправляетъ галспухъ, и, какъ полубогъ, рисуется въ креслахъ своихъ. Въ проливномъ же случаѣ, принимаетъ угнѣтенный видъ липературнаго мученика и говоритъ, что въ нашъ вѣкъ истинный палантъ почти всегда обиженъ и не распознанъ.

При видѣ на афишкѣ новой пьесы — сочинитель мелодрамъ всегда жалуется, что сюжетъ украденъ у него.

По его словамъ, Викторъ Гюго присвоилъ себѣ два сюжета его, а Александръ Дюма четыре или пять.

За по и онъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, живетъ воображеніемъ ближняго, и не является въ свѣтъ ни одной новой книги, изъ которой бы онъ, какъ пчела, не высосалъ меду.

Такимъ образомъ дожидъ онъ до пятидесяти лѣтъ, щипая до двухъ сотъ пьес своихъ въ репертуарѣ, между тѣмъ какъ обкраденные имъ сочинители — умираютъ съ голоду.

Т.

И ВЪ АНГЛІИ ЛАКОМЯТСЯ СЫРЫМЪ МЯСОМЪ.

Славный путешественникъ Брюсъ, вскорѣ по напечатаніи своей *Повѣдки къ истогникамъ Нила*, объѣдалъ въ одной Лондонской павернѣ. Одинъ хвапикъ — дженпельментъ, разговорясь съ нимъ, имѣлъ дерзость сказать ему въ глаза, что онъ не вѣритъ написанному имъ въ его книгѣ, будто Абиссинцы питаются сырымъ мясомъ; это невозможно! — «Вы думаете, что невозможно есть сырое мясо?» съ досадою возразилъ Брюсъ; попомъ сходивъ въ кухню, принесъ кусокъ сырой говядины и, бросивъ его передъ женпельмена, величельно сказалъ ему: «я хочу вамъ доказать возможность есть сырое мясо. Если вы не скушаете сей часъ же эпонтъ бифъ-спексъ: то должны со мною спрѣлаться.» Хвапикъ было это кушанье не по нутру; однакожъ надлежало повиноваться. Онъ посолил его и преблагополучно съѣлъ, чѣмъ и доказалъ возможность питаться сырымъ мясомъ.

ХИТРЫЙ СПЕКУЛАТОРЪ.

Одинъ пройдоха, не имѣвшій у себя ни одного гроша, разыгралъ въ лотерею сто рублей во спа двадцати пяти. Это было сдѣлано такъ: напередъ онъ составилъ лотерею изъ 125 билетовъ, попомъ собралъ за нихъ деньги, попомъ выдалъ сто рублей выигравшему, а послѣдніе взялъ себѣ. Хитрая спекулація!

СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕСТРЫ ДВОЙЧАТКИ.

(Повѣсть.)

Въ царствованіе *Лудовика XIV*, въ одной изъ сѣверныхъ провинцій Франціи стоялъ въ горахъ древній замокъ, принадлежавшій двумъ дочерямъ маркиза *Аринвалл*. Въ пишицѣ и неизвѣстности, достигли онѣ осмой весны своей; были прекрасны, какъ баснословныя нимфы, свѣжи, какъ Майскіе цвѣты — и обѣ родились въ одинъ день и въ одну минуту.

Аликса и *Бланка* имѣли обѣ совершенно одинакій ростъ, одинакія черты, глаза, волосы, даже одинакій голосъ; такъ, что смотря на одну, вы видѣли другую, слушая старшую сестру, воображали слышать меньшую. Этого мало! Природа, давъ имъ обѣимъ одну наружность, вложила въ нихъ также и одну душу, однѣ чувства, однѣ склонности; что ощущала одна, то раздѣляла другая; онѣ вмѣстѣ радовались, вмѣстѣ грустили, вмѣстѣ смѣялись или плакали. Если *Аликса* была больна, *Бланка* занемогала въ ту же минуту; что любила или ненавидѣла *Бланка* — то было приятно или постыло *Аликсѣ*. Словомъ, обѣ онѣ были одно существо, въ двухъ прелестныхъ образахъ — и обѣ жили одною жизнью.

Почтенная осьмидесятилѣтняя пѣпка съ отпѣннымъ щаніемъ воспитала ихъ и, чувствуя близкую смерть свою, ни о чемъ такъ ревностно не молилась Богу, какъ о томъ, чтобы при жизни видѣть обѣихъ сиротъ за мужемъ.

II.

Въ *Аринвальскомъ* замкѣ большая новость; желаніе госпожи *Кламоргъ* наконецъ исполнилось — и на дняхъ будутъ сыграны въ семействѣ ея двѣ богатшыя свашьбы, о которыхъ она тайно старалась. Графъ *Рудольфъ Эрминьи* назначенъ въ женихи *Аликсѣ*, баронъ *Рауль Деревиль* — *Бланкѣ*. — Оба они должны въ скоромъ времени пріѣхать въ замокъ; оба молоды, богаты, знатны и прекрасной наружности.

— Сестрица! — говорила *Аликса Бланкѣ*: знаешь ли, что я боюсь пріѣзда жениховъ нашихъ. —

«И я также;» отвѣчала *Бланка*.

— *Аликса!* ты выдешь за *Рудольфа*, я буду женою *Рауль*; но думаешь ли ты, что мы будемъ любить ихъ? —

«Я только что хотѣла спросить это у тебя.»

— Что, если мой женихъ мнѣ не понравится? —

«О! тогда я возненавижу его!»

— Конечно! иначе быть не можетъ. Слѣдовательно, если *Рудольфъ*, сдѣлавшись мужемъ моимъ, уморитъ меня съ печали... —

«То уморитъ и меня, *Аликса!*»

— *О Бланка*, опять чего мнѣ такъ страшно? —

«Ахъ, *Аликса*, я также чего-то ужасно боюсь!»

— Но всѣ говорятъ, что они оба добры, милы, любезны; чего бояться? Мы вѣрно будемъ съ ними щасливы. Я слыхала, что любовь есть первое блаженство въ мірѣ. — О! какъ бы я желала любить *Рудольфа!* —

III.

Наконецъ графъ *Эрминьи* и баронъ *Деревиль* пріѣхали въ замокъ, на прекрасныхъ лошадяхъ, окруженные многочисленною и богатою свитою. Оба они, какъ храбрые и отличные воины, покрыты блестящимъ оружіемъ; оба высоки, спаты, прекрасны и величавы.

Сестры споятъ на балконѣ и смотрятъ на великолѣпную карпину, въ первый разъ еще поразившую взоры ихъ. Благородные женихи ихъ выказывали всю роскошь двора *Лудовика XIV*. Ихъ лошади были покрыты парчевыми чепраками; ливрея на слугахъ блестяла золопомъ, и сами они ослѣпляли великолѣпіемъ одежды своей. На шляпахъ ихъ развѣвались бѣлыя перья; на груди, на шпагахъ, на шарфахъ — сіяли алмазы. Вся эта пышность великаго вѣка Франціи изумила сестеръ.

— *Бланка, Бланка*, — сказала *Аликса*: посмотри на того, который въ голубомъ бархатномъ кафтанѣ; какъ бы я желала, чтобы

это былъ *Рудольфъ!*... О, я увѣрена, что это онъ! —

«Ахъ, конечно; это *Рудольфъ*, сестрица; нѣтъ сомнѣнiя: я слышала какъ кто-то назвалъ его этимъ именемъ.—Ты права, онъ лучше другаго.»

— Этого я не говорила. —

« Но подумала?»

— Это правда. —

« Мы ничего не можемъ скрыть другъ отъ друга.»

IV.

Госпожа *Кламоргъ* предспавила жениховъ племянницамъ своимъ; оба провели нѣсколь-ко дней въ замкѣ; и, плѣняясь красотою и любезностью молодыхъ дѣвицъ, спарались имъ нравиться. Старый замокъ вдругъ ожилъ; тамъ, съ утра до вечера, гремѣла музыка, устроивались карусели, балы, прогулки, охота—и каждый день былъ новымъ праздникомъ. Веселый, милый, чувствительный *Рудольфъ* былъ душою всѣхъ забавъ, и выдумывалъ безпрестанно неожиданныя волшебства.

Оба жениха, оплечившіеся всѣми дарами природы и щастiя, наперерывъ спарались прельстить невѣстъ своихъ. Соединяя благородную гордость съ плѣнительною кротостью, и любезность съ прекрасными чертами лица, *Рудольфъ* скоро заслужилъ всеобщее одобренiе. — *Рауль* также ни въ чемъ не уступалъ ему; но видъ его былъ иногда мраченъ и суровъ; и поступки часто доходили до грубости. — Когда сосѣди, возвращаясь съ праздниковъ, разговаривали о женихахъ и спрашивали другъ у друга, который изъ нихъ казался имъ лучше и любезнѣе, то никогда никто не отдавалъ преимуществва *Раулю*.

V.

Г-жа *Кламоргъ* приближалась къ смерти;— дряхлость лѣтъ помрачила въ ней умственные способности и ослабила самый разумъ. Она не вставала съ креселъ;— лишилась почти зрѣнiя, и быстрыми шагами сходила въ могилу.

Свадьба обѣихъ сестеръ была торжественно объявлена въ приходской церкви; и въ этотъ день *Аликса* проснулась съ разсвѣтомъ. Она пламенно любила *Рудольфа*, съ восхищенiемъ думала, что скоро соединится съ нимъ на вѣки, и говорила сама себѣ: *Теперь совершились все желанiя мои!* однакожь сердце ея ужасно билось; какіе-то мрачныя мысли бродили въ умѣ ея; всю ночь ей снились безпокойные сны, и она чувствовала внутреннюю лихорадку, лицо ея пылало и глаза выражали душевное волненiе. Она бросилась къ сестрѣ.

Бланка также давно вспала и ходила по саду. Въ первый разъ въ жизни еще одна изъ сестеръ не бѣжала на встрѣчу другой, когда та искала ея и шла къ ней. Наконецъ, *Аликса* подошла, взглянула на *Бланку*—и содрогнулась. *Бланка* сидѣла на холмѣ, блѣдная, недвижимая, оледѣлая. На лицѣ ея выражалось что-то неопредѣленное, таинственное, непонятное! глаза ея, почти опухшіе, остановились на сестрѣ, и казалось говорили ей: *Не ужь-ли ты не догадываешься?* *Аликса* вскрикнула отъ ужаса.

— Сестра, милая сестра! что случилось съ нами!—сказала она, рыдая; я щаспливая—я люблю его, *Рудольфъ* будетъ мой, онъ меня любитъ, и со всѣмъ плѣмъ я содрогаюсь! Какое-то страшное предчувствiе терзаетъ меня... О, скажи! что это значитъ? объясни мнѣ эту ужасную тайну... А! понимаю теперь!... Ты спрадаешь, на душѣ пвоей лежишь какая-то тяжелая грусть... вопъ отъ чего спрадаю и я... О! не запирайся! я въ этомъ увѣрена... не даромъ въ радости моей таятся слѣзы... не даромъ смерть опзывается въ моемъ блаженствѣ.

VI.

Распроганная *Бланка* крѣпко сжала руку сестры своей.

«Признаюсь,» сказала она: «меня поразилъ жестокой ударъ. *Аликса*, прости! о! прости меня! Я открою тебѣ сердце мое: настала часъ, въ который должно открыть его передъ побою;—созданныя жить одною жизнью, думать одною мыслью, чувствовать однимъ сердцемъ, мы должны были любить одного

человѣка и—*Аликса*, *Аликса*—я также люблю *Рудольфа* — люблю также спраспно, какъ ты. Твой *Рудольфъ*, — мой, также мой *Рудольфъ*, *Аликса!*»

—Боже!—вскричала *Аликса*, поднявъ руки къ небу: И такъ, вопъ пайна ужаснаго моего предчувствія... Чпо я говорю: нѣтъ! не одно предчувствіе... Я видѣла, я знала это и не вѣрила самой себѣ; и такъ, это сходство нравовъ нашихъ, склонностей, мыслей, чувствъ, эта чудесная симпатія, которую я щипала даромъ небеснымъ, не чпо иное, какъ казнь, назначенная для насъ Провидѣніемъ, долгая пытка, которую мы осуждены испытать въ здѣшной жизни!—

«Милая *Аликса*,» отвѣчала *Бланка* слабымъ голосомъ: «зная спранное наше сходство, мы должны были бы посвящипь себя Богу... его можно любить обѣимъ безъ соперничества. Мы раздѣлили бы любовь его—и онъ принялъ бы насъ обѣихъ! Но, другъ мой, не будемъ увеличивать нашего нещастія бесполезнымъ опчаяніемъ. Не упрекай себя ни въ чемъ. Конечно я спрадаю, но, мысль, чпо мы щасплива, облегчаепъ мученія мои, и бываюпъ даже минуны, въ которыя думая о тебѣ, я забываю учаспъ свою — и радуюсь спвоему блаженству.»

Аликса со слезами бросилась въ объятія сестры.... О, какъ обѣ онѣ любили *Рудольфа!*

VII.

На другой день принесли письмо изъ Бенедиктинскаго монастыря. *Аликса* поспѣшно разламываетъ печать... Боже! это рука *Бланки!*

—Милая сестра, всё кончено! я слишкомъ люблю *Рудольфа*, чпобъ быть женою *Рауля*, и потому рѣшилась посвящипь себя Богу. Не ищи поколебать моего намѣренія, ты должна чувствововать, чпо я не могу переменить его; поспѣши свадьбою спвоею съ *Рудольфомъ*, — ты знаешь въ чьемъ сердцѣ щаспце спвое будетъ имѣть опгодосокъ; оно заставипъ меня забыть мои горести, и Богъ, Который далъ намъ такое чудное сходство, исцѣлитъ меня. Надѣюсь, чпо со

временемъ ты будешь вспоминать обо мнѣ безъ всякаго горестнаго чувства, потому чпо я буду думать о тебѣ съ нѣжностію. Я внутренно увѣрена, чпо ты не будешь грустить и предаваться опчаянію, потому чпо я опгоню его опъ себѣ, и всеми силами спану спараться о томъ, чпобы ты была весела и спокойна.—О *Аликса!* улыбнись—и слѣзы въ ту же минуны высохнутъ на глазахъ моихъ; будь щасплива, для щаспія сестры спвоей; мы спанемъ по прежнему любимъ другъ друга; люби *Рудольфа*—я буду любить Бога! и избираю лучшую часть. Когда же земная любовь измѣнитъ тебѣ, *Аликса*, то приди ко мнѣ—и я подѣлюсь съ тобой любовьюю небесною — любовью Того, Кпо приметъ въ жертву сердца наши.—

P. S. Увѣдомъ меня о днѣ и часѣ спвоей свадьбы; я не спану плакать — но буду молишься. —

VIII.

Скоро послѣ этого письма, *Аликса*, украшенная брачнымъ вѣнкомъ, вошла въ церковь, гдѣ щаспливый *Рудольфъ* ожидалъ еѣ; но она казалась блѣдна и задумчива.

Наканунъ баронъ *Деревиль* въ бѣшенствѣ оставилъ замокъ. Настоящая причина, заставившая *Бланку* удалиться въ монастырь, не могла сокрыться опъ его ревности, и онъ клялся опмстить за обиду свою.

Невъста подошла къ алтарю; колына ея дрожали, щеки покрылись смерпною блѣдностію, и она съ спрудомъ держалась на ногахъ.

Они спали на колына; въ это время часы показывали полдень. Священникъ соединилъ руки ихъ и надѣлъ брачное кольцо на руку *Аликсы*,— какъ вдругъ голова ея опуспилась на грудь, глаза закрылись и она безъ чувства упала въ объятія *Рудольфа*.

IX.

Аликсу вынесли изъ церкви; въ замкѣ была ужасная превога.

Еѣ положили въ постель. Она пришла въ чувство и спаралась успокоить сппревоженного *Рудольфа*. Помомъ просила всѣхъ выпити изъ комнаты.

Всѣ удалились; даже самыя горничныя *Аликсы*; глубокое молчаніе царствовало въ замкѣ; г-жа *Кларморъ*, по дряхлости и болѣзни, ничего не чувствовала, ничего не знала—сидѣла въ своей комнатѣ. Прочіе думали, что *Аликса* погрузилась въ глубокой сонъ—и не смѣли нарушить покоя, въ которомъ она имѣла пужду.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ; она вспала, и, пользуясь темнотою, вышла тихонько изъ замка, прошла черезъ садъ на большую дорогу—и пошла въ монастырь, гдѣ посприглась сестра ея, и который былъ въ двухъ миляхъ отъ Аринваля.

X.

—*Бланка*, я съ побою опять, — вскричала она запыхавшись и бросаясь въ объятія сестры. — Не правда ли, что когда ударило двѣнадцать часовъ, тебѣ вдругъ сдѣлалось такъ дурно, что ты чуть не умерла? —

Удивленная *Бланка* не вѣрила глазамъ своимъ. Сестра ея спояла подъ мрачными сводами монастыря, еще полуодѣтая въ брачный нарядъ свой; на рукахъ ея сіяли алмазные перстни, шея украшена была драгоценнымъ жемчугомъ, но плащѣ ея было изорвано сучьями деревьевъ, волосы распепаны, ноги почти обнажены и обгажены кровью, лицо блѣдно и глаза неподвижны. — *Аликса* казалась какимъ-то ужаснымъ привидѣніемъ, вызваннымъ изъ гроба.

«Это правда!» отвѣчала *Бланка* рыдая. — «Сегодня поутру, ровно въ полдень, я думала, что умираю... Ты писала мнѣ, что въ эпоху часть...»

—О! я знала, я чувствовала все, что дѣлалось съ побой въ эпоху минушу, — возразила *Аликса* торжественнымъ голосомъ. — Но когда я бѣжала къ тебѣ, то была увѣрена, что найду тебя живою, потому что сама жива еще... допронься до руки моей, ты видишь—она не мертва! —

XI.

Прошла ночь, но сестры еще не разлучались; онѣ повѣряли другъ другу тайны сердець своихъ—и одинъ Богъ слышалъ разговоры ихъ.

Вдругъ вбѣжалъ запыхавшись одинъ изъ слугъ замка—и объявилъ вѣсть ужасную:

Рауль вызвалъ на поединокъ графа *Рудольфа*; они сразились наканунѣ вечеромъ—и графъ былъ убитъ.

Громовый ударъ разразился надъ сестрами, онѣ упали на землю подъ бременемъ общей горести; но скоро сила души ихъ воспоржесивовала надъ опчальніемъ.

Аликса заговорила первая.

—Кто утѣшилъ насъ?—сказала она.

«Богъ!» отвѣчала *Бланка*—и указала на образъ.

Объ вмѣстѣ поверглись онѣ передъ *Ниль*, и, прижавшись другъ къ другу, обнялись у ногъ Спасителя.

T.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ ОТЪ 9-го ФЕВРАЛЯ 1836 ГОДА.

М. г! На сихъ дняхъ, на домашнемъ театръ спанской совѣтницы *Троицинской* разыграна была вновь вышедшая комедія въ стихахъ: *Заговоръ противъ себя, или сонъ въ ружу*; соч. г. фонъ *Бейера*.

По окончаніи представленія, хозяйка дома, какъ собственно отъ себя, такъ и отъ лица всѣхъ своихъ гостей, раздѣлявшихъ съ нею удовольствіе, доставленное этою пьесой, которая исполнена замысловатыхъ выраженій и вполне комическихъ сценъ, а равно отъ лица каждого изъ присутствующихъ, такъ сказать beau négligé разговорнаго слога, — поручила мнѣ изъявить свою полную благодарность г. *Согинителю*, доставившему своимъ талантомъ ей и гостямъ ея случай провести очень пріятно нѣсколько времени и поспѣлаться отъ души.

Желая исполнить съ почтоснію возложенное на меня порученіе почтенною дамою, но не зная кларпиры г. *Бейера*, я нахожусь въ необходимости обратиться къ вамъ, М. г., съ покорнѣйшею просьбою уделить спраничку вашего журнала для напечатанія моего письма.

Имѣю честь быть, и проч.

Подписано: князь *Б—онъ М—скій*.

Съ величайшимъ удовольствіемъ исполняемъ желаніе его сіятельства.—*Издателю*.

О СВЕКЛОВИЧНОМЪ САХАРѢ.

Парижскій Коммерческій Совѣтъ болѣе ширинствомъ голосовъ положилъ, что справедливостъ пребудетъ устанавивъ налогъ съ свеклосахарныхъ заводовъ. Въ 1834 г. изъ 60 миліоновъ фунтовъ сахара, употребленныхъ во Франціи, было 30 миліоновъ фунтовъ свекловичнаго, и опасаются, что наконецъ вовсе прекратится ввозъ сахару Французскихъ колоній: ибо поселяне находятъ выгоднѣе разводить свекловицу, нежели сѣять хлѣбъ.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ И МОРСКІЯ СИЛЫ СОЕДИНЕННЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТОВЪ.

Армія.

Армія состоитъ изъ Главнаго Штаба, 4-хъ полковъ артиллеріи и 7-ми пѣхотныхъ. Въ нихъ щитаются 8,221 чел.

Народное ополченіе.

Въ немъ записано 1,500,000 —

Флотъ.

- 12 линейныхъ кораблей, на коихъ находится 888 пушекъ.
- 14 фрегатовъ перваго ранга, вооруженныхъ 616-ю пушками.
- 3 фрегата втораго ранга, съ 132 орудіями.
- 15 военныхъ шлюповъ, на коихъ щитаются 282 орудія.
- 7 шкуновъ, съ 75-ю орудіями.

И того: 51 судно.

Въ дѣйствительной службѣ состоитъ: 37 флота капитановъ, 40 командоровъ и 357 лейтенантовъ. На жалованье, содержаніе и постройку военныхъ судовъ опущается 21,000,000 рублей (4,000,000 долларовъ). Расходы по Военному министерству вообще простираются до 69,000,000 нашихъ рублей (13,000,000 долларовъ).

Примѣчаніе. Если судить по числу кораблей и фрегатовъ: то флотъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ совсемъ не грозенъ. Но надобно знать, что въ морскихъ арсеналахъ хранятся члены двадцати огромныхъ военныхъ кораблей, разобранные поштучно, и къ нимъ всѣ снаряды и вооруженіе. Черезъ два мѣсяца можемъ выпустить столько сильный флотъ въ море: ибо за матросами дѣло не спанетъ, купеческій флотъ доставитъ ихъ съ избыткомъ. Извѣстно, что искусные и отважные мореходцы образуются на судахъ купеческихъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

50.

Въ 1802 году вышла въ свѣтъ *Деллиева* поэма Жалость (*la Pitié*); всѣ Французскіе писатели одинъ громче другаго превознесли еѣ похвалами: въ педѣлю разошлось еѣ 20,000 экземпляровъ. Это, по мнѣнію г. *Морозова* (онъ же и *Тю-тюджи-Оглу*), есть самое вѣрное доказательство изящесства *Деллиева* творенія. Въ 1806 году напечатана въ Парижѣ превосходная поэма Воображеніе (*l'Imagination*) въ 8 пѣсняхъ, того же автора, который 10 лѣтъ еѣ обрабатывалъ. Во всѣхъ журналахъ помѣщены были изъ неѣ отрывки, съ самыми лестными отзывами о достоинствѣ стиховъ и поэмы. Еще до выпуска ея въ свѣтъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ тогдашнихъ критиковъ сказалъ, что если вся поэма состоитъ изъ такихъ прекрасныхъ стиховъ, какіе напечатаны въ журналахъ, и если планъ сочиненія выдержитъ безпристрастную критику: то ничего болѣе не нужно для славы г. *Деллиа*.

Всѣ произведенія пера его, кромѣ переведенныхъ *Виргиліевой* Энеиды и *Мильтонова* Поперяннаго Рая, принадлежатъ къ роду дидактическому, философическому и описательному (*descriptif*). *Деллиа* имѣлъ передъ глазами великіе примѣры: *Толсона*, *Виргилія* и особенно *Лукреція*, который написалъ поэму О натурѣ вещей (*de natura rerum*), по есть: о цѣломъ мірѣ и о всемъ, что въ немъ содержится. Говорятъ, что поэмы философическія скучны, описательныя слабы. Авторъ Воображенія умѣлъ воспользоваться всеми пособіями искусства поэтическаго; каждая пѣснь содержитъ въ себѣ прогнательный эпизодъ, или занимательное опускленіе; съ эпическимъ повѣствованіемъ удачно перемѣшаны карпіны и описанія.

Вопъ, что говорили и писали во Франціи въ 1806 году. Прошло 20 лѣтъ — и Александръ Анфимычъ *Арлофъ*, г. *Морозовъ* (имя и какъ по бапюшкѣ, не знаю), и Виссаріонъ *Блѣкнскій* — употребляютъ имя *Деллиа* для означенія плоскаго, водянистаго риѣмондѣпа, па-

равнѣ съ господами *Сиговыми, Паршовыми, Картавцевыми, Евсихіевыми, Гурьяновыми, Оедуловыми и Кузьмигевыми.*

Послѣ эшаго надѣйшесь на безсмертіе, на благодарностъ попомства!

А. Кораблинскій.

Декабря 4-е
1835.

С. Петербургъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗМѢЯ и КРОЛИКЪ.

Разъ кролика ужалила змѣя.
«Скажи, что сдѣлалъ я?» спросилъ онъ умирая.
—Такъ! по привычкѣ уязвила я.—
Такъ—часто въ свѣтъ намъ вредяшь, не размышляя.
Сухановъ.

Вяшское.

ЛОГОГРИФЪ - АНАГРАМА - ШАРАДА - ОМОНИМЪ.

Я съ головой хитрецъ—и вамъ давно знакомъ:
Я обхожу у васъ амбары, лавки, домъ,
Какъ спорожь вѣрный и отважный;
Я крысамъ спрашенъ, какъ чума.
Снимите голову съ меня —
И спану я предлогъ неважный.
На оборотъ меня хопите-ль прочищать,
Тогда ужъ вамъ меня не трудно опгадать,
Я знаю, вы какъ разъ поймете:
Мой *первый* слогъ
Во всѣхъ грамапикахъ найдете,
И тамъ увидите глаголь онъ, иль предлогъ;
Второй въ грамапикахъ союзомъ величаютъ,
Его всѣ школьники и филологи знаютъ.
По цѣлому лады и челноки плывущъ,
Его въ стихахъ серебрянымъ зовущъ,
На немъ молошашъ рожь, а иногда гуляютъ,
Его на балъ красочки надѣваютъ;

Его вамъ сдѣлають у Цихлеръ на заказъ,
Его и продають и выставляють
Въ окошкахъ модныхъ лавокъ на показъ;
Подъ ладъ его у васъ спучашъ часы спѣнные
И передъ rendez-vous сердца шрепещуть молодые.

М. Делидовъ.

1835. Слупкъ.

Въ No 17-мъ, помѣщенный логотрифъ значить: *Clocher cloche.*

М O D È S.

On pourrait croire, en passant devant les magasins de bonnetiers que nous visons à l'espagnol, par la grande quantité de bas brodés qu'on aperçoit appendus aux vitrages. Cette mode, quoique fort jolie et fort élégante, n'a encore de prosélytes que parmi les amateurs de travestissemens. Cependant, comme on disait autrefois, rien n'est *galant* comme un bas brodé, bien tiré sur une fine jambe de femme; cette broderie de la cheville et du coude-pied est bien séduisante et a remplacé plus d'une fois un œil noir ou une bouche rose. Entre le bas brodé et la dentelle de fil, mon choix serait bientôt fait. Adieu, ma chère sœur, puisse cette lettre vous trouver en joie et liessé.

Votre affectionnée sœur.—*Sarah.*

М O Д Ы.

Проѣзжая мимо чулочныхъ магазиновъ, можно подумать, что мы подражаемъ Испанцамъ, по множеству вышитыхъ чулокъ, вывѣшенныхъ за стеклами. Эша мода, хопя весьма красивая и идеголе: вапая, имѣеть прозелиповъ только между охотниками до переряживанія. Однако же, какъ говаривали прежде, *rien n'est galant*, какъ вышитый чулокъ, хорошо напянутый на складную женскую ногу; эшо шипье на щиколкѣ и на стнбѣ ногъ весьма обольстително и часто замѣняло черныя глаза или розовый ропикъ. Между вышитымъ чулкомъ и кружевнымъ нипянымъ—мой выборъ скоро былъ бы рѣшенъ. Прощай, любезная сеспра, желаю, чпобъ писъмо эшо застаало тебя въ весельѣ и радости.

Любящая тебя сеспра.—*Sara.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 19.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Марта 4 дня 1856 года.

Родныхъ миліонъ у нихъ и съ помощью сесприць
Со всей вселенной породнятся.

Грибобъ довь.

СЛОВЕСНОСТЬ. КРАСНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Повѣсть.

Въ одинъ вечеръ, въ Августъ мѣсяцъ прошедшаго года, почти въ девять часовъ, неизвѣстный всадникъ подъѣхалъ къ *Бѣлому Лебедю*, деревенскому пракпиру, опшнющему на 9 миль отъ Поршсмуна. Онъ сидѣлъ на росломъ, черномъ какъ смоль конѣ. Широкій, дорожный плащъ, темнаго цвѣта, покрывалъ его совершенно и даже опчаспи спускался на коня. Шляпа на головѣ была чрезвычайно низенькая, а поля весьма широкія. На ногахъ были длинныя сапоги, копорые доходили выше колѣнъ, и къ копорымъ были прикрѣплены шпоры необычайной величины. Въ рукѣ держалъ онъ бичъ, длиною по крайней мѣрѣ въ двѣнадцать футовъ и котораго рукояпка была бы, кажешся, способна уничтожить самаго *Голиафа*.

Подъѣхавъ къ пракпиру, онъ спокойно сошелъ съ лошади и кликнувъ пракпирищика, назвалъ его по имени. «*Франкъ!*» сказалъ онъ: «опведи мою лошадь въ конюшню, вы-

чиспи, и когда она отдохнетъ—приди сказать мнѣ. Потомъ, взявъ свой чемоданъ, вошелъ въ пракпиръ, въ сопровожденіи докучливаго хозяина, копорый, за минушу до его пріѣзда, завидѣвъ приближающагося путешественника, вышелъ къ нему на встрѣчу. Въ это время въ кухнѣ находилось множество лицъ, копорыхъ занятія были почти одинаковыя. Съ одной стороны у огня сидѣлъ деревенскій школьный учитель, человекъ маленькаго роста, сухощавый, съ длиннымъ носомъ, съ блѣднымъ лицомъ и въ напудренномъ парикѣ, оканчивавшемся длиною косою: судя по его физиономіи, замѣпно было, что онъ весьма высоко цѣнилъ себя; онъ курилъ трубку и съ неизъяснимымъ самодовольствіемъ смотрѣлъ на густыя облака пабачнаго дыма, копорыхъ онъ былъ виновникомъ. Напротивъ его находился приходскій паспоръ, съ лысымъ челомъ, съ задумчивымъ видомъ, одѣтый съ ногъ до головы въ черномъ, а на башмакахъ его красовались огромныя серебряныя пряжки. Сборщикъ подашей занималъ центръ бесѣды; онъ въ одной рукѣ держалъ трубку, а въ другой кружку съ пивомъ. Сія кар-

пина довершаема была хозяйкою, женщиною лѣтъ 35, нѣсколько дородною, привлекательной и веселой паружности, съ жемчужнымъ и румянымъ лицомъ.

Но возвратимся къ пріѣзжему. Когда онъ вошелъ въ кухню, всѣ взоры обратились на него. Поля шляпы его были такъ широки, шноры такъ длинны, роснѣ такъ высокъ, лицо такъ скрыто ворошикомъ огромнаго чернаго плаща, что немедленно возбудилось любопытство всѣхъ присутствующихъ. Это любопытство не уменьшилось, когда они услышали грубые звуки его голоса, приказывающаго хозяйкѣ помочь ему снять плащъ. Когда же онъ снялъ его, то всѣ увидѣли человека среднихъ лѣтъ, съ рыжими волосами и крѣпко сложеннаго. На немъ былъ фракъ красный, панталоны красные, галстукъ красный, и даже перчатки были красного цвѣта. «Онъ весь красный!» вскричалъ почти невольнo паспортъ.

— Совершенно справедливо, этакъ человекъ весь красный!—сказалъ школьный учитель съ обычною своею самоувѣренностію; но путь взглядъ, брошенный на него хозяйкою, остановилъ продолженіе этой рѣчи. Къ несчастію, пріѣзжій услышалъ замѣчаніе учителя—и устремилъ на него пронзительный и грозный взоръ. Школьный учитель принялся было снова курить съ видомъ неуспрашимости, но не могъ: онъ почувствовалъ всю силу этого взора и осмался въ совершенномъ безмолвіи и недвижности.

«Теперь принеси мнѣ чѣмъ снять сапоги;» сказалъ пріѣзжій; хозяйка исполнила его приказаніе, и сапоги вмгъ были скинуты. Къ всеобщему удивленію увидѣли, что и чулки его были красные. Трактирщикъ пожалъ плечами, сборщикъ подапей также, хозяйка покачала головою; паспортъ воскликнулъ: весь красный! и школьный учитель навѣрно также повторилъ бы это восклицаніе, еслибъ успѣлъ оправиться послѣ ужаснаго взгляда незнакомаго.

— По чести, это весьма странно!—сказалъ хозяйка.

«Больше, нежели странно,» подхватилъ пріѣзжій, садясь между паспортомъ и сбор-

щикомъ подапей. Хозяинъ былъ смущенъ и не зналъ, что обо всемъ этомъ заключать. Пріѣзжій отдохнувъ нѣсколько минутъ, велѣлъ трактирщику подать почтой его колпакъ, который былъ въ шляпѣ. Колпакъ, также какъ и вся одежда, былъ красного цвѣта. «Какъ! и колпакъ красный!» воскликнулъ сборщикъ подапей. Хозяйка ударила его по плечу, чтобы онъ замолчалъ, но поздно—пріѣзжій, услышавъ эти слова, устремилъ на него одинъ изъ своихъ взглядовъ, которые придавали лицу его какое-то звѣрское выраженіе.

— Конечно это чрезвычайно странно!—пробормоталъ сквозь зубы паспортъ;—и конечно чрезвычайно странно!—повторилъ школьный учитель, который между тѣмъ уже опомнился. Онъ навѣрное сказалъ бы что нибудь еще, еслибъ хозяйка не дала ему новаго намѣка, наступивъ ему на ногу, и еслибъ и мужъ ея не мигнулъ ему въ знакъ молчанія.

«Теперь хозяйка,» продолжалъ пріѣзжій: открой мой чемоданъ и вынь оттуда мои туфли.» Хозяинъ сдѣлалъ то, что было ему приказано, и вынулъ изъ чемодана пару красныхъ туфель. Тутъ новое невольное восклицаніе вырвалось изъ устъ присутствующихъ. Прежде всѣхъ произнесъ его паспортъ, потомъ школьный учитель, за нимъ сборщикъ подапей, а наконецъ трактирщикъ и жена его. «Все у него красное!» бормотали они потомъ разными голосами. Трактирщикъ заговорилъ громче всѣхъ, а школьный учитель тише всѣхъ.

«Я полагаю, господа,» сказалъ пріѣзжій: «что вы говорили о моихъ туфляхъ?»

— Да,—отвѣчалъ школьный учитель запинался: мы замѣтили, что онъ красный.—

«Ну, такъ чтожь! Развѣ вамъ до сихъ поръ никогда не случалось видѣть пару красныхъ туфель?»

Этотъ вопросъ привелъ въ затрудненіе бѣднаго педанта, и онъ взглянулъ на паспорта, какъ бы прося у него помощи. Паспортъ вступился за него: Но вы весь красный,—сказалъ онъ, поднося ко рту бывшій у не-

го въ рукахъ горшокъ съ пѣниспымъ пивомъ:—и вотъ что приводитъ насъ въ удивленіе.—

«А вы? вы весь черный!» отвѣчалъ пріѣзжій, опустивъ свою трубку и выпуская дымъ, которымъ ротъ его былъ наполненъ. «Шляпа у васъ черная, борода ваша черная, платье ваше черное; панталоны, чулки и башмаки ваши черные; словомъ, сударь, вы...»

—Кто я?—воскликнулъ паспортъ, вспыхнувъ отъ бѣшенства.

—Да-съ, кто онъ?—сказалъ школьный учитель съ пѣмъ же жаромъ.

«Онъ чернокафтанникъ,» сказалъ пріѣзжій съ величайшимъ презрѣніемъ: «а вы—педашъ!»

За сими словами послѣдовало глубокое молчаніе; всѣ присутствующіе смотрѣли другъ на друга, не смѣя вымолвить ни одного слова. На фizioноміяхъ паспорта и школьнаго учителя отражалась въ особенностѣ досада; на устахъ сборщика подапей выказывалось презрѣніе, а у хозяйки видно было нѣчто насмѣшливое, когда она смотрѣла на паспорта и педагога. Что же касается до практирщика: то трудно было опредѣлить, какое именно чувство одушевляло его въ эту минуту, удивленіе, гнѣвъ или боязнь. Посреди этой мрачной тишины, пріѣзжій казался совершенно равнодушнымъ; онъ курилъ и пилъ попеременно съ неизъяснимою безпечностію.

Въ продолженіе этой видимой тишины, посреди внутренняго безпокойства, волновавшаго души,—маленькій колюхъ, съ перовою походкою и съ трудомъ двигаясь впередъ, пришелъ доложить всаднику, что лошадь его была накурмлена и напоена. *Красный человекъ* тотчасъ всталъ и пошелъ въ колюшню. Уходя его позволилъ наконецъ оставшимся вздохнуть свободнѣе. Оковацные языки ихъ, какъ бы силою магическаго дѣйствія, тотчасъ же снова пріобрѣли прежнюю свою гибкость, и потокомъ словъ облегчили себя отъ мучительной принужденности, въ которой до того находились.

«Кто это? *Красный человекъ*?» сказалъ паспортъ, который былъ изъ первыхъ, нарушившихъ всеобщее молчаніе.

—Да, кто онъ таковъ?—повторилъ школьный учитель.

«Знаете ли что?» сказалъ практирщикъ съ значительнымъ видомъ: «я думаю, что онъ или Французскій шпионъ, или Цыганъ.»

—А я увѣренъ,—сказалъ паспортъ: что онъ ни чуть не лучше того, что показываетъ его рожа.—

«Безъ сомнѣнія!» воскликнула вся честная компанія, начиная, какъ обыкновенно, съ педагога, бывшаго всегда эхомъ паспорта, и оканчивая практирщикомъ. Тутъ на нѣсколько времени всѣ снова умолкли. Потомъ паспортъ продолжалъ: «Когда онъ воропился, я допрошу его, и если отвѣты его будутъ неучпугвы или неудовлетворительны, то придумаю, какъ поступить съ нимъ.»

—Какъ бы то ни было,—сказала хозяйка: всё-таки слѣдуетъ обходиться съ нимъ повѣжливѣе, потому что я право не хотѣла бы, чтобъ его озлобилъ.—

«Чортъ его побери и съ его злобою!» воскликнулъ хозяинъ съ жаромъ: «если онъ завдоритъ, я выполкаю его вонъ.»

—Пускай, пускай его злился,—сказалъ сборщикъ подапей: посмотрите какъ я угомоню его этою просьбою.—

«Вашею просьбою!» сказалъ пріѣзжій, который въ это время возвращался и занялъ свое прежнее мѣсто у очага, посмотрѣвъ презрительно на сборщика. Чиновникъ смѣшался и не посмѣлъ болѣе вымолвить ни слова; онъ наклонилъ голову, а просьба, которою онъ за минути передъ тѣмъ храбро размахивалъ, упала къ ногамъ его.

Здѣсь снова водворилось молчаніе. Присутствіе *Краснаго человека*, подобно волшебству, дѣйствовало на голоса присутствующихъ. Паспортъ молчалъ; а по непремѣнному слѣдствію, и школьный учитель также. Никто изъ присутствующихъ не имѣлъ охоты завести какую нибудь рѣчь. Можно бы подумать, что это было Квакерское

общество. Съ одной стороны у огня сидѣлъ пучный паспортъ, имѣя видъ весьма озабоченный; напрошивъ его, школьный учитель, который жестко дымилъ своею трубною, для того, чпобъ казаться менѣе смущеннымъ. Сборщикъ подашей находился между хозяйкою и прѣзжимъ. Трактирщикъ сидѣлъ на нѣсколько шаговъ позади.

Довольно долго всѣ, за исключеніемъ *Краснаго геловька*, казались весьма смущенными, посмапривали другъ на друга съ безпокойствомъ и удивленіемъ. Если-бъ предметъ ихъ любопытства былъ человекъ весь черный или коричневый и даже желтый, то онъ могъ бы войти въ пракпиръ и выйти изъ него, не будучи никѣмъ замѣченъ. Но *геловькъ красный!*—дѣло иное. Эпопъ заключаетъ въ себѣ что-то такое особенное, такое спрашное, чпо всѣ онѣмѣли оцѣ испуга. Первый, прервавшій молчаніе, былъ опять паспортъ.

— М. г., мы подумали, чпо вы.... —

«Чпо я шпионъ Французскаго правительсва, Цыганъ или нѣчто въ эпомъ родѣ.» Паспортъ запряся на своемъ спулѣ, услышавъ такія слова.

— Кпо вы таковы, м. г.?— закричалъ онъ въ великомъ смущеніи. Какъ ваше имя?—

«Меня зовушь капитанъ *Красный.*»

— Но ради самаго Бога, скажите, откуда вы прѣехали, гдѣ ваша родина?— продолжалъ паспортъ съ возрастающимъ смущеніемъ.

«Я родился на берегахъ Краснаго моря.» Тутъ паспортъ не нашелъ болѣе никакихъ словъ; школьный учитель, также изумленный, выпустилъ изо рта трубку; сборщикъ уронилъ свою на полъ; пракпирщикъ пробормошалъ чпо-то невнятно, и жена его невольнo возвела руки къ небу.

Сообщивъ эти подробности о себѣ, удивительный незнакомецъ вспалъ съ своего мѣста, разбилъ трубку и бросилъ черепки въ огонь; потомъ небрежно накинувъ на себя широкій плащъ свой, надѣлъ на голову шляпу, взялъ подъ мышку чемоданъ, въ лѣвую руку сапоги, а въ правую бичъ, и приказавъ

хозяину опвеспи его въ свою комнату, вышелъ изъ кухни, сперва окинувъ всѣхъ присутствующихъ насмѣшливымъ взоромъ, а потомъ раскланявшись съ ними ловко и прѣстельски. Безмолвіе продолжалось и по выходѣ его, и прекратилось только тогда, какъ ворочился пракпирщикъ, проводившій прѣзжаго до его спальни, находившейся надъ самою кухнею.

Когда хозяинъ вошелъ въ кухню, то его, какъ говорится, осыпали вопросами. Паспортъ, школьный учитель, сборщикъ подашей, хозяйка—словомъ всѣ въ одинъ голосъ спрашивали: кпо эпопъ *Красный геловькъ?* Утверждали, чпо хозяинъ долженъ былъ видѣть его прежде, чпо онъ навѣрно слышалъ уже объ немъ прежде; словомъ, чпо онъ долженъ знать какія нибудь на щепъ его подробности. Трактирщикъ клялся, чпо до сего времени нигдѣ не видывалъ прѣзжаго; чпо онъ въ первый разъ появился въ пракпирѣ *Благо Лебедя*, и чпо, если Богъ поможетъ, конечно будетъ и въ послѣдній. «Почему ты не выполкалъ его вопъ?» воскликнулъ сборщикъ подашей.

— Если васъ на это спанепъ,—опвѣчалъ пракпирщикъ: такъ милости просимъ.— Чпо касается до меня, то я вовсе не имѣю охоты войти въ соспязаніе съ длиннымъ его бичемъ и съ огромнымъ ножищемъ, который торчитъ у него изъ-за пояса.— Эпо показалось неоспоримымъ доказательствомъ, и человекъ, намѣревавшійся прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ, снова опустилъ голову на грудь и не вымолвилъ болѣе ни слова.

Въ сію минуту они услышали надъ головою тяжелую и мѣрную походку; эпо были шаги *Краснаго геловька*. Они прислушивались съ четверть часа, полагая, чпо онъ перестанепъ ходить; но во все время не было ни минуты отдохповенія и эпопъ таинственный человекъ не оспанавливался ни на минуту.

Между тѣмъ дѣло подходило уже къ ночи; часы приходской башни пробили десяты, но никто не располагался уйти. Любопытство и боязнь удерживали, каждаго на своемъ мѣстѣ. Къ эпому времени небо, которое

до того было чисто, покрылось пучами; слышались раскаты опдаленнаго грома, и крупныя дождевыя капли по временамъ падали на оконныя стекла пракира. Всё по видимому предвѣщало бурную ночь; но никто не обращалъ вниманія на грозныя признаки бури. Ежеминутно дождевыя капли становились крупнѣе, молнія чаще и чаще разсѣкала черныя тучи, громъ гремѣлъ сильнѣе—и вѣтеръ бушевалъ между деревьями сосѣдняго кладбища. При всемъ помѣ въ кухнѣ почти не замѣчали этой борьбы природы со стихіями: до такой степени все вниманіе каждаго устремлено было на одинъ предметъ—на гулъ шаговъ *Краснаго геловька*. Прошелъ цѣлый часъ, а онъ всё таки не переставалъ ходить взадъ и впередъ. Во всемъ эпомъ было нѣчто болѣе чѣмъ таинственное, нѣчто мрачное, объемлющее какимъ-то неизбяснимымъ ужасомъ. Черныя лица и рыжіе волосы пріѣзжаго, также яркій цвѣтъ его одежды—возбуждали до высшей степени удивленіе; и никто не могъ безъ содроганія помыслить о его грубомъ голосѣ, объ огненныхъ его взглядахъ и о томъ, что онъ родился на берегахъ Краснаго моря. Ни одна трубка не курилась уже въ кухнѣ. Предметъ, занимавшій всѣ умы, былъ слишкомъ необыкновенный, чтобы судить объ немъ слегка. Всѣ, какъ будто влекомые припадательною силою, болѣе и болѣе суживали общій кружокъ, и наконецъ совершенно вплотную придвинулись другъ къ другу.

Тутъ вбѣжалъ въ комнату маленькій, кривоногій конюхъ въ сильной превогѣ, и донесъ пракирщику, что лошадь пріѣзжаго взбѣсилась; что она съ яростію кусала ясли, какъ бы желая расперзати ихъ въ куски. Въ эту минуту слышалось громкое ржаніе и сильный ударъ копытами.—Вопль, слышите? Я думаю, что чортъ сидитъ въ ея тѣлѣ, если она сама не чортъ! Ахъ! хозяинъ, посмотриль бы ты на эту лошадь; глаза у неѣ словно... —

«Ну, словно что?» сказалъ пракирщикъ.—Словно что?—повторили вмѣстѣ всѣ другіе голоса съ равнымъ неперцвѣніемъ.—«Словно раскаленные уголья!» воскликнулъ

бѣдный прусишка, весь дрожа и бросившись подъ порожній спуль между сидѣвшими. Это донесеніе еще болѣе вспревожило всё общество.

Въ продолженіе всего эпата, шумъ шаговъ пріѣзжаго не переставалъ раздаваться ни на минуту; даже часовой маятникъ не могъ бы, кажется, двигаться правильнѣе. Еслибы по крайней мѣрѣ была нѣкоторая остановка, нѣкоторое уменьшеніе или увеличеніе скорости шаговъ, то все еще было бы сносно; но нѣтъ, они безпрестанно слышались надъ головою только мѣрный и однообразный гулъ. Между тѣмъ буря усиливалась, шумъ отъ борьбы стихій сдѣлался страшнымъ—и ржаніе чернаго коня, похожее на крикъ адскихъ духовъ, увеличивало общій ужасъ. Но все это было ничто въ сравненіи съ ужасомъ, наводимымъ медленными, плавными и однообразными шагами *Краснаго геловька*.

Паспоръ не щипалъ уже его шпиономъ Французскаго правительсва, но судя по тому, что происходило въ продолженіе эпихъ двухъ часовъ, онъ возымѣлъ объ немъ совсѣмъ другую мысль. По ученымъ своимъ соображеніямъ, онъ выводилъ заключеніе, что это былъ самъ искуситель; и въ самомъ дѣлѣ, кто другой осмѣлился бы развѣзжати въ ихъ спранѣ въ одеждѣ такого адскаго цвѣта? Школьный учитель съ своей спороны утверждалъ основательность эпата заключенія. Что же касается до маленькаго конюха, онъ о *Красномъ геловькѣ* не говорилъ ни слова, потому что это было не по его часпи; но продолжалъ утверждать, что въ лошади пріѣзжаго, по всѣмъ признакамъ, сидитъ чортъ.

Въ эту минуту огонь на очагѣ началъ угасать; онъ не издавалъ болѣе пламени, но изливалъ только красный свѣтъ. Догорѣвшая свѣчка, дымясь, погасла. Другая, съ копорой не снимали болѣе часа, потому что никто не смѣлъ пошевелиться, такъ нагорѣла, что свѣпильня вышла почти на 2 вершка и вокругъ еѣ образовалось желтое пламя,—словомъ, уподоблялась бащнѣ, полуйспребленной пожаромъ, начинающимъ угасать.

По мѣрѣ того, какъ огонь уменьшался, маленькое общество сжимало болѣе и болѣе кругъ свой; неясный образъ каждаго присутствующаго лица уподоблялся видѣнію, показавшемуся посреди возрастающаго мрака.

Наконецъ спѣнные часы пробили полночь, и шаги незнакомца внезапно умолкли; короткій промежутокъ тишины усугубилъ всеобщее молчаніе; потомъ послышался шумъ, похожій на то, когда влачатъ по полу какую нибудь тяжесть. Минуту спустя, *Красный человекъ* отворилъ свою дверь; потомъ затворилъ ея съ шескомъ, и спускъ его полночныхъ сапоговъ раздался по ступенямъ лѣстницы. По мѣрѣ его приближенія, ужасъ возрасталъ въ кухнѣ: боялись, чпобъ онъ не явился пуда въ наслощемъ своемъ видѣ. Сборщикъ подапей и хозяйка упали въ обморокъ; мужъ ея, весь скорчившись, казался полуаршиномъ менѣе; школьный учитель въ полголоса творилъ молитву о спасеніи души своей. Одинъ только паспортъ сохранилъ еще малое присутствіе духа. — Прочъ опъ меня, нечисный духъ! — воскликнулъ онъ: будь проклятъ и обращай пакы въ пучины Краснаго моря. —

«Осправлюсь какъ можно скорѣе,» сказалъ пріѣзжій, пройдя мимо кухни. Голосъ его заставилъ всѣхъ вострепунуться. Они, превозмогая себя, бросились къ окну—и увидѣли высокаго человека, закутаннаго въ черный плащъ и пробиравшагося чрезъ дворъ въ конюшню. Точно также, какъ и при пріѣздѣ его, на головѣ у него была шляпа съ большими полями, надвинушая на глаза, къ сапогамъ были прикрѣплены огромныя шпоры; въ правой рукѣ держалъ онъ гигантскій бичъ, а лѣвою несъ чемоданъ, которій, казалось, былъ чрезвычайно тяжелъ. Онъ вошелъ въ конюшню, и тотчасъ же вывелъ за узду свою лошадь, которая продолжала спрашно ржать. Въ одно мгновеніе ока вскочилъ на сѣдло, взглянулъ на смотрѣвшихъ въ окно, захохоталъ звѣрскимъ голосомъ, махая рукою; потомъ, прищоривъ лошадь, помчался съ быстротою и скрылся во мракъ бури.

Войдя въ комнату, которую чортъ удостоилъ своимъ присутствіемъ, практир-

щикъ замѣнилъ, что лукавый присвоилъ себѣ все то, что ему могло пригодиться. Онъ сбиль замѣкъ у бюро и выпащилъ 25 золотыхъ гиней, десять банковыхъ билетовъ, нѣсколько серебряныхъ приборовъ, два перстня и пабакерку. Съ того времени онъ болѣе не показывался въ томъ окологѣ; и я полагаю, что съ его стороны это весьма благоразумно; потому что паспортъ, сдѣлавшись нынѣ судьбою, не покинувъaddockъ своего духовнаго саиа, вмѣсто того, чпобъ проклятіемъ низвергнуть его въ пучины Краснаго моря, могъ бы легко упряпять пріятеля за крѣпкія спѣны смиришельнаго дома, учрежденнаго въ Порпсмутѣ, для ожиданія, законами положеннаго наказанія за подобныя неумѣстныя шулки.

Пер. Ю. Дж—ни.

КАЮЩІЯСЯ ГРѢШНИКЪ.

Одинъ Берлинскій академикъ, поднося *Фридриху II* росписъ своихъ сочиненій, сказалъ: *Voila mes pechés! Вотъ мои грѣхи!* Добрый человекъ, желая пошупитъ, сказалъ сущю правду, и Прусскій король могъ бы опвъчаль на сію чисносердечную исповѣдь: «*Иди, и къ тому не согрѣшай!*»

Нынѣ уже не только писатели, но и писаря и писачки, не признаются въ литературныхъ грѣхахъ. Нынѣ обкрадываютъ *Лесажа, Сервантеса, Эразма Ротердамскаго, Адиссона, Бальзака*, и не боятся ни бича крипики, ни общеспвеннаго мнѣнія, ни адскаго пламени. Воруяпъ себѣ, воруяпъ,

Да и въ усь не дуптъ!

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ БАДЕНСКАГО ВЕЛИКАГО ГЕРЦОГСТВА.

Народонаселеніе 1,223,584 человекъ.

По мирному положенію.

Пьхота.

Пѣхоты 3,608 чл

Конница.

Конницы 1,059 чел.

Артиллерія и Инженерство.

Артиллеристовъ и пионеровъ 485 —

Всего 5,147 чел.

Лошадей въ конницѣ и артиллеріи . . . 1,196.

По военному положенію.

Пѣхота.

1 гвардейскій гренадерскій баталіонъ . . . 882 чел.

4 полка пѣхоты, въ каждомъ 1,713 чел. . . 6,852 —

1 баталіонъ легкой пѣхоты 852 —

Всей пѣхоты 8,586 чел.

Конница.

3 полка драгунъ, въ каждомъ по 628-ми чел. 1,884 чел.

Артиллерія.

1 бригада артиллеріи 670 —

Инженерство.

1 рота пионеровъ и саперовъ 226 —

Во всей Баденской арміи по военному положенію должно быть 11,266 чел.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

50.

Никто не оппустилъ на барона *Брамбеуса* такой язвительной эпитаграммы, какъ авторъ полуповѣсти: *Домашнее дѣло между откупщиками*. Онъ, рассказывая, что у одного винопродавца дочь—прелесть!—прибавляетъ: «Вопль это личико съ настоящей дѣвизгой кожицей, а въ глазкахъ при четверти всего солнечнаго пламени.—Чудо дѣвочка, а какъ умна,—ну, право, хопъ бы сей часъ пожаловать въ *Брамбеусы!*»

Здѣсь оспановимся и поразмыслимъ: какова должна быть дѣвица съ умомъ, съ образомъ

мыслей, съ образомъ выраженія барона *Брамбеуса*? Впрочемъ, авторъ вполне достигъ своей цѣли: онъ вонзилъ въ сердце *Брамбеуса* спрѣлу; напоенную эпитаграммическимъ смертоноснымъ ядомъ.

А. Кораблинскій.

Января 20-е
1836.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Х И М И К Ъ.

(Переводъ съ Нѣмецкаго).

Нашъ лекарь химикъ, господа;
Науку разлагашь, онъ право чудно знаетъ
И у больныхъ своихъ всегда
Онъ душу съ пѣломъ разлучаетъ.

М. Делидовъ.

С H A R A D E.

Mon premier, grâce au romantique,
A, comme conjonctif, été fort en crédit.
C'est, le proverbe nous le dit,
Mon dernier qui fait la musique.
Quant à mon tout, mobilier de rigueur,
Dont chaque belle en voyage est porteuse,
C'est le trésor de toute voyageuse
Et le tourment du pauvre conducteur.

Въ No 18-мъ, помѣщенный логогрифъ-анаграмма-шарада-омонимъ значить: *Котъ, отъ, токъ* (воды), *токъ* (на гумнѣ, гдѣ мохотпашь).

M O D E S.

Quand vous recevrez cette lettre, ma chère sœur, les joies de Paris approcheront de leur fin, et chaque fou déposera sa marotte, en lui jetant un regard de regret. On pourra dire de ce carnaval-ci comme bien

des gens disent de la vie: courte et bonne. En mettant le proverbe au masculin, vous aurez l'histoire du carnaval de 1836.

Je pensais, en voyant la facilité avec laquelle on se procure des billets ici pour les bals d'abonnés, à la différence qui existe entre les mœurs françaises et anglaises. Que de peine n'a-t-on pas pour être initié à nos fameux *almacks*, et certes je ne sais si un étranger, à moins d'être pourvu de toute une collection de lettres de recommandation, pourrait s'y introduire. Je blâme, soit dit entre nous, cette grande sévérité qui, en empêchant chez nous la fusion des nations, nous donne une teinte de malveillance.

La Mode, ma chère sœur, est à l'apogée de son règne; chaque jour elle ajoute un article à sa charte. Nous avons aujourd'hui les robes quasi-tuniques, c'est-à-dire que la robe de dessus sa fait d'un demi-pied plus courte que celle de dessous, ce qui donne la latitude de multiplier les garnitures. J'ai vu en ce genre une robe de satin noir garnie de bouillons de tulle noir arrêtés de distance, en distance par des bouquets de petites roses; des bouquets pareils montaient en échelle sur le devant de la jupe. Une jupe de satin rose passait dessous avec un gros rouleau ouaté. Le corsage était plat faisant la pointe et busqué; il était orné de dentelle noire et de petits bouquets de roses; les manches plates ornées de même; les cheveux en bandeaux très descendans sur les joues; une couronne de roses posée sur le front et revenant entourer une natte, placée très en arrière. Au cou, une magnifique croix et un cœur de diamans, suspendus à un velours noir; des boucles d'oreilles de diamans. On peut varier ce genre de toilette des couleurs citron sur bleu, rose sur blanc, bleu sur blanc; mais il faut éviter pour ces sortes de robes les couleurs trop éclatantes qui leur donneraient tout de suite une apparence de travestissemens.

Pl. No 7. Coiffures. — Robe de tulle garnie de rubans, de bouquets d'épis et de bleuets. — Robe de tulle garnie d'un volant de blonde.

М О Д Ы.

Когда ты получишь это письмо, любезная сестра, по Парижскія удовольствія будутъ приближаться къ концу, и каждый шагъ оставитъ

свою любимую игрушку со взоромъ сожалѣнія. Можно бы сказать объ нынѣшнемъ карнавалѣ, какъ многіе люди говорятъ о здѣшней жизни: коротка, а хороша. Упомявша пословицу въ мужескомъ родѣ, ты будешь имѣть исторію карнавала 1836 года.

Я думала, смотря, какъ легко достаются здѣсь билеты на подписные балы, о разницѣ, существующей между Французскими и Англійскими обычаями. Сколько стоить труда имѣть доступъ въ наши славные *almacks*. И я дѣйствительно не знаю, могъ ли бы чужестранецъ войти туда иначе, какъ съ помощію цѣлой коллекціи рекомендательныхъ писемъ. Я осуждаю, будь сказано между нами, эту чрезвычайную строгость, которая, препятствуя сближенію народовъ, придаетъ намъ видъ недоброжелательства.

Мода, любезная сестра, въ самомъ большомъ распространеніи своего царства каждый день прибавляетъ новую статью къ своей хартии. Платья у насъ теперь *почти-туники*, то есть, верхнее платье дѣлается на пол-фула короче нижняго, а это даетъ средство умножать отдѣлки. Я видѣла въ такомъ родѣ черное атласное платье, отдѣланное буфами изъ чернаго тюля, перехваченными въ нѣкоторомъ разстояніи букетами мелкихъ розъ; такіе же букеты возвышались лѣсенкой спереди юбки. Внизу была розовая атласная юбка, съ толстымъ руло на вѣшѣ. Лицъ гладкой съ мыскомъ, зашнурованный; онъ отдѣланъ былъ черными кружевами и маленькими букетами розъ; рукава гладкіе, отдѣланы также; волосы гладкіе, низко спущены на щеки; вѣнокъ изъ розъ положенъ по лбу и окружаетъ косу, весьма запрокинутую назадъ. На шеѣ великолѣпный крестъ и сердце изъ брилліантовъ, на дѣшные на черномъ бархатѣ; серги брилліантовые. Можно разнообразить въ этомъ родѣ нарядъ, желтое на голубомъ, розовое на бѣломъ, голубое на бѣломъ; но надлежитъ избѣгать для эпикъ платьевъ слишкомъ яркихъ цвѣтовъ, которые потчѣетъ бы имъ придали видъ маскараднаго платья.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карп. No 7. Прическа. — Тюлевое платье, отдѣланное лентами, колосьями и цвѣтами. — Тюлевое платье обшитое блондами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 20.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 7 ДНЯ 1836 ГОДА.

Прощай, Венера, Богъ съ тобою
Съ фіаломъ проспивъ я.
Двоихъ дружишь ты межъ собою,
А Вакхомъ всѣ друзья.

Баронъ Дельвигъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СОВРЕМЕННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

I. *Посыщеніе въ новый годъ.*

Пріѣхалъ мой *Юлій Шеретъ* имѣетъ порядочное состояніе, то есть четыре или пять тысячъ франковъ ежегоднаго дохода. Онъ, какъ говорится, человекъ хорошій, тихъ, скромный, бережливъ, любитъ неприужденность, лѣнивъ какъ *Лазарюи* — и спраненъ до крайности. — Послушайте его, и онъ расскажетъ вамъ о себѣ Богъ знаетъ что; увѣритъ васъ, что онъ ботаникъ, библиоманъ, антикварій, и что у него голова кругомъ идетъ отъ дѣлъ. Но я скажу вамъ, что пріѣхалъ мой *Юлій Шеретъ* совершенно ничѣмъ не занимается, и проводитъ цѣлые дни у камина, опыскивая въ плѣтущемъ перлѣ какія-то подобія башенъ, церквей, замковъ или фигуры, похожія на рыцарей и дамъ среднихъ вѣковъ. Совсѣмъ эшимъ *Юлій* одаренъ остроуміемъ и прекрасною душою, и я предпочитаю его всѣмъ друзьямъ моимъ. 1-го Генваря 1833 года я прицель къ нему поздравилъ его съ новымъ годомъ;

это пронуло его до слезъ. Оставляя меня завтракать, онъ непременно хотѣлъ показать мнѣ свою библиотеку, и ввелъ въ маленькую, темную горенку, гдѣ на разныхъ полкахъ я увидѣлъ древніе кубки, рукописи, старыя книги, минералы и пр. Словомъ, это былъ настоящій *Sanctum Sanctorum* какого нибудь ученаго антикварія. Пріѣхалъ мой ~~посылитъ~~ въ длинную и скучную диссертацию о древностяхъ и старался объяснить мнѣ, къ чему служила такая-то Римская чаша или Эпирская ваза. Я, слушая его хладнокровно и почти зѣвая, взглянулъ въ разъяни на окно противоположнаго дома, и сдѣлался недвижимъ отъ удивленія, какъ жена древняго *Лота*, превращенная въ соляную статую.

Вообразите, что у эшаго окна, почти прыльнувъ къ стекламъ, сполло блѣдное привидѣніе, и смотрѣло на насъ съ какимъ-то дикимъ опчаяншемъ.

«Смотри, смотри,» сказалъ я *Юлію*, показывая на предметъ любопытства моего и ужаса.

— Это сумасшедшая, — отвѣчалъ онъ.

«Сумасшедшая?»

— Да! или, лучше сказать, жертва корыстолюбия. О, *Эдуардъ*, исторія этаго бѣднаго существа ужасна! Я расскажу тебѣ еѣ и ты можешь быть найдешь способъ помочь несчастной.

— Она дочь Англійскаго баронета сира *Герога Осборна*, и имѣетъ болѣе 300,000 ф. стерлинговъ ежегоднаго доходу, съ богатыми помѣстьями въ сѣверной Шотландіи. Отецъ ея умеръ въ Лондонѣ года четыре тому назадъ, и она осталась подъ опекою брата его, живущаго въ Парижѣ, гдѣ онъ совершенно разорился, входя въ разныя спекуляціи. Человѣкъ этотъ совершенный злодѣй, для котораго нѣтъ ничего святаго, и который для удовольвенія корысти своей и честолюбія—радъ жертвовать всѣмъ. Сначала *Клара* жила у него довольно спокойно, попому что онъ, пользуясь ея доходами, о ней не заботился; но совершеннолѣтіе ея пугало *Осборна*; онъ съ пренебреженіемъ думалъ, что сложивъ съ себя опеку племянницы, онъ упадетъ въ крайнее разореніе и, чтобы предупредить это несчастіе, выдумалъ на *Клару* ужасную клевету.—*Она сошла съ ума*, сказалъ онъ друзьямъ и знакомымъ, и черезъ нѣсколько дней, всё общество, весь городъ, съ сердечнымъ участіемъ повпоряли: *она съ ума сошла!* Повѣришь ли, *Эдуардъ*, что нашелся безчестный докторъ, который за деньги повпорилъ передъ судомъ эту ужасную ложь, и законы опдали *Клару* и всё имѣніе ея въ опеку дядѣ. Несчастную лишили всего того, что необходимо въ жизни: лишили воздуха, неба, свободы—и подъ предлогомъ, будто сумасшествіе доходило иногда до бѣшенства, связали нѣжныя ея руки и нѣсколько мѣсяцовъ держали въ заперти, не давая ей никакой пищи, кромѣ хлѣба съ водою!—Ты содрогаешься, *Эдуардъ!* но что почувствуешь ты, когда я скажу тебѣ, что эта бѣдная *Клара*, которая теперь блѣдна и худя, какъ скелетъ, была прежде одна изъ первыхъ красавицъ въ столицѣ.—

«И такъ, *Клара* не сумасшедшая?» сказалъ я, испуганный всѣмъ нѣмъ, что слышалъ.

— Она такая же сумасшедшая, какъ ты и я.—

«Опъ кого жь ты слышалъ это?»

— Опъ неѣ самой. Разъ, мѣсяца два тому назадъ, она, съ опасностью жизни, выпрыгнула изъ окна, которое послѣ загородилъ рѣшеткою, прибѣжала ко мнѣ, и пока мучители ея бѣгали и искали еѣ по всему дому, успѣла рассказать мнѣ всё.—

«И ты не придумалъ средствъ спасти еѣ?»

— Я думалъ объ этомъ, *Эдуардъ*; да видишь ли! я начинаю спарѣться; это завлекло бы меня въ большіе хлопоты; вѣдъ надобно искать спрячихъ, приказныхъ, видѣться съ судьями (три рода людей, которыхъ я ненавижу). Припомъ путь нужны деньги—и много денегъ; слѣдовательно, куда мнѣ братья за это?—но ты, *Эдуардъ*, молодъ, предприимчивъ; въ тебѣ еще есть энтузіазмъ, поэзія. Попробуй помочь этой несчастной, и ты сдѣлаешь истинно доброе дѣло.—

Во всякомъ другомъ случаѣ, выслушавъ эту спокойную мораль друга моего, я бы захохоталъ во всё горло,—но исторія, которую онъ мнѣ рассказалъ, опняла у меня всю охоту смѣяться.

«Я спасу еѣ!» сказалъ я съ жаромъ. «Я докажу, что въ нашемъ опечествѣ подобное пресупленіе не можетъ совершиться безъ того, чтобы по крайней мѣрѣ одинъ голосъ не вступился за угнетеннаго.»

— Прекрасно, *Эдуардъ*, прекрасно! Да поспой, я хочу быть тебѣ товарищемъ въ благородномъ поступкѣ своемъ. Къ счастью, соння червонцевъ—спитъ у меня давно въ этомъ ящикѣ, возьми ихъ на нужные расходы; я отдаю ихъ опъ добраго сердца.—

«Благодарспвую, благодарспвую, они мнѣ не надобны.»

— И такъ, мнѣ оспается послѣко дать тебѣ кое-какіе совѣты.—

«Я приму ихъ съ благодарспвіемъ,» опъ вѣчалъ я.

И мы распались очень довольные другъ другомъ.

II. Свиданіе.

Черезъ недѣлю я пришелъ опянь къ другу моему сказать, что я не потерялъ времени, и всякой день бѣгалъ къ судьямъ, совѣщавался съ лучшими адвокатами и ко-

ролевскимъ прокуроромъ — и наконецъ, благодаря настойчивости моей, успѣлъ возбудить любопытство и участіе въ пользу несчастной *Клары*.

— Какой поржественный видъ! — сказалъ *Юлій*, встрѣчая меня. «Я бьюсь объ закладъ, что ты пришелъ съ добрыми вѣстями. —

«Именно! всѣ судьи принимаютъ большое участіе въ *Кларѣ*, и *Б.* согласился быть ея адвокатомъ. Черезъ двѣ недѣли дѣло поступитъ на апелляцію — и процессъ нашъ выигранъ.»

— Помише, помише! ты говоришь какъ Кесарь, другъ мой: *Veni, vidi, vici*. Но я опытишь и благоразумишь этого сумасшедшаго Кесаря, и, если смѣю сказать, себя самаго, любезный *Эдуардъ*. Противная сторона сильна, ея бапарей важнѣе нашихъ; вспомни, что тамъ рѣшеніе суда и свидѣтельство извѣстнаго лекаря. —

«О, эту послѣднюю бапарею я опрокину.»

— Что ты хочешь сказать? —

«То, что я твердо рѣшился заставить г. *П.*... опречься отъ своего свидѣтельства; человекъ, который могъ подтвердить гнусную ложь, долженъ быть презрѣнный прусъ.»

— Я тоже думаю; однакожь совѣтую тебѣ не очень горячиться. — Неосторожность испортитъ всё. —

«Успокойся, я буду оспорожень,» отвѣчала я, улыбаясь учительскому тону друга моего. «Главное дѣло теперь въ томъ, чтобы какъ нибудь извѣстить *Клару*, что есть люди, которые о ней пекутся.»

— Ничего нѣтъ легче. Всякой день въ два часа она подходитъ къ рѣшеткѣ окна, чтобы подышать чистымъ воздухомъ: балконъ изъ кабинета моего прямо противъ этого окошка. Поди туда — она скоро явится. —

Дѣйствительно, прождавъ минути пять, я увидѣлъ, что въ комнату противъ балкона показалась легкая тѣнь, и *Клара* тихо приближалась къ рѣшетчатому окну — и остановилась у него въ глубокой задумчивости.

«*Клара, Клара!*!» сказалъ я шопотомъ, но такъ, чтобы она слышала меня.

Она подняла голову, взглянула на меня, поняла мои знаки и подошла ближе къ окошку.

— Что вамъ угодно? — спросила она.

«Я другъ вашъ; надѣйтесь: участіе ваша скоро переменится.»

— Надѣяться!... ахъ! я долго надѣялась, пламенно надѣялась... вы не оптадаете чего?... умереть... но и эта послѣдняя надежда обманула меня. —

«Несчастіе сдѣлало васъ недовѣрчивою... но будьте увѣрены, что надежда, которую я даю вамъ, необманчива. Клянусь жерпвовать спасенію вашему самую жизнь мою.»

Несчастливая печально улыбнулась. — Если бы и въ правду вы принимали во мнѣ участіе, — продолжала она такимъ слабымъ голосомъ, что я съ трудомъ могъ слышать еѣ: то чѣмъ можете вы пособить мнѣ? — Развѣ я не сумасшедшая? развѣ несправедливости людей не написала этого ужаснаго слова на челѣ моемъ? —

«Мы сопретъ его!»

— Вы не будете имѣть на то времени! Послушайте, сударь, вы мнѣ кажетесь добры и великодушны; я всё скажу вамъ. Сегодня поутру я подслушала слова моихъ преслѣдователей. Потерпите немного, милордъ, говорилъ одинъ изъ нихъ другому, ей не долго оспаеется жить! — Жить! какъ будто я дорожу жизнью! эпою жизнь, которую они сдѣлали несносною! — Не я ли на колѣняхъ просила ихъ избавить меня отъ этого бремя, котораго не въ силахъ сносить долге! — Дайте мнѣ яду, — говорила я имъ, зарѣжьте меня, я прошу вамъ всѣ мои земныя спраданія... но знаете ли, что они отвѣчали мнѣ? О, сударь! они говорили, что я сумасшедшая! —

«Злодѣи!.. *Клара*, вы будете опмщенны, вѣрьте мнѣ въ эпомъ, прошу васъ! Я былъ у судей — я пронулъ сердца ихъ рассказавъ о вашей участи, и они обѣщались мнѣ освободить васъ.»

— Свобода! свобода!... Какъ сладко эпо слово тому, кто четыре года, четыре вѣка провелъ въ темницѣ — имѣя поварищемъ одну желѣзную рѣшетку!... Свобода!... О, отъ эпой мысли я съ ума сойду... Свобода! можно ли? нѣтъ! разсудокъ мой не вынесетъ этого!... Идушь! сказала она вдругъ, отскочивъ со страхомъ отъ окошка. Про-

щайте, сударь, не забудьте меня, я очень несчастлива! —

И она опроремью побѣжала прочь.

Ш. Господинъ II.

«Дома ли господинъ II.?» спросилъ я у при-
рашника великолѣпныхъ палапъ.

— Спросите въ первомъ этажѣ, на право.—

Докторъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, кив-
нулъ головою, и ввелъ меня въ кабинетъ
свой. Онъ былъ человекъ лѣтъ сорока или
сорока пяти; имѣлъ въ пейлицѣ крестъ По-
чепнаго легиона, и съ перваго взгляду пока-
зался мнѣ напыщеннымъ пщеславиемъ.

— Чшо вамъ угодно? — спросилъ онъ, не
удостоя посадишь меня.

«Милоспивый государь, я имѣю пужду
поговорить съ вами о дѣвицѣ *Кларѣ Осборнѣ*.»

Эпо слово было элекпическимъ ударомъ
для доктора.

— Понимаю, — бормоталъ онъ блѣднѣя:
вы желаете имѣть нѣкоторыя свѣдѣнїя
на щепъ эпой молодой дѣвицы. — Но развѣ
вы не знаете, что она сумасшедшая... со-
вершенно сумасшедшая... что доказано за-
коннымъ порядкомъ, и засвидѣльствовано
многими искусными докторами, и между
прочими мною.—

«Я знаю, сударь, что въ эпомъ случаѣ
обманули судъ и вашу совесть. Я знаю всю
завязку эпой ужасной драмы... но оставимъ
обиняки... вы знаете, что *Клара* жертва
безчестнаго корыстолюбїя... О! вы очень
хорошо знаете эпо!»

— Клянусь вамъ.... —

«Не клянитесь, милоспивый государь! я
видѣлъ *Клару*, говорилъ съ нею... и знаю,
что она не сумасшедшая.»

— Но..... —

«Милоспивый государь, если вы находите,
что я клевету на васъ, то въ такомъ слу-
чаѣ опъ васъ зависить требовапъ опъ ме-
ня удовлетворенїя.»

Г. II. поблѣднѣлъ еще больше прежняго.
— М. г.! — опвѣчалъ онъ: я долженъ предупре-
дить васъ, что я не принимаю вызововъ ни
опъ кого. Мое дѣло лечить людей, а не уби-
вать ихъ. —

«То еспъ, что вы прусъ и подлець. Я
думалъ эпо... Но обратимся къ предмету
моего посъщенїя.»

— Говорите, сударь, говорите, — продол-
жалъ докторъ, дрожа опъ ярости.

«Такъ слушайте-жь! — Нашлось два чело-
вѣка, которые знаютъ навѣрное, что дѣви-
ца *Клара Осборнѣ* была жертвою злодѣйска-
го умысла — и они рѣшились, во чпобы то
ни спало, спасти её. Я одинъ изъ эпоихъ
двухъ человекъ. — Я уже жаловался въ судъ
и судъ принялъ мою просьбу. Завтра участъ
несчастной *Клары* будетъ рѣшена въ пол-
номъ собранїи, и преслѣдователи ея будутъ
посрамлены передъ лицомъ всего города.»

— Чшо-жь мнѣ до эпоаго?... какая въ эпомъ
пужда мнѣ? — сказалъ докторъ II., вскочивъ
и сильно опшолкнувъ опъ себя кресла, на
которыхъ сидѣлъ. Къ чему клоняпся всѣ
ваши угрозы, м. г.? Однимъ словомъ, чего вы
хопите опъ меня? —

«Ничего, кромѣ честнаго дѣла, м. г.» И я
вынулъ изъ записной своей книжки бумагу,
которую подалъ ему. Докторъ пробѣжалъ
её глазами, и, смявъ её въ рукахъ своихъ,
сказалъ:

— Эпаго я не подпишу никогда... нѣтъ,
ни за что на свѣтѣ я не соглашусь обя-
вить, что дѣвица *Клара* не сумасшедшая.—
М. г., выдѣте опсюда, выдѣте — или я при-
нужденъ буду вѣлѣть васъ вывести слугамъ
моимъ. —

«Вы эпоаго не посмѣете сдѣлать!» опвѣ-
чалъ я хладнокровно. — И за эпоимъ съ мину-
пу послѣдовало глубокое молчанїе. Оно бы-
ло ужасно. Наконецъ, онъ поднялъ голову и,
съ неизяснимымъ выраженїемъ ярости во
всѣхъ черпахъ, посмотрѣлъ на меня.

— Чшо-жь долженъ я подписать, — сказалъ
онъ удушеннымъ голосомъ.

«Я буду вамъ сказывать; пишите: Я ни-
жеподписавшїйся свидѣльствую, что дѣ-
вица *Клара*....»

— Дальше, сударь, дальше. —

«Чшо дѣвица *Клара Эвелена Осборнѣ* нынѣ
совершенно излечилась опъ припадковъ су-
масшествїя, замѣченныхъ въ ней за нѣсколь-
ко лѣтъ предъ симъ, о чемъ я тогда сви-
дѣльствовалъ...»

«Вы видите, м. г., что я великодушно скрываю низость вашего поступка.»

— Всё ли? — сказала докторъ, скрежеща зубами.

«Нытъ еще. Прибавьте это: свидѣтельствую также и то, что дѣвица *Клара*, пользуясь нынѣ полнымъ разсудкомъ, въ состояннй войши во владѣніе имѣнія своего — и вышли изъ подъ опеки. — Теперь подпишите имя ваше.»

Докторъ *П.*, казалось, пріоспановился, но послѣ мнѣшней сильной борьбы съ самимъ собою, подписалъ, и отдавая мнѣ бумагу, сказалъ спрашнымъ голосомъ:

— Совѣшю вамъ не осмѣливайтесь въ другой разъ приходить сюда. —

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

Въ No 19-мъ, помѣщенная шарада значить: *Carton*.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

51.

Въ No 6-мъ *С. О.* на стр. 404 и 405-й нашли мы спашейку прелюбопытную. Вошь она слово въ слово:

«Въ Январской книжкѣ *Библіотеки для чтенія* нашли мы выписку... чего бы вы думали?... цѣликомъ всей басни *И. А. Крылова* изъ первой книжки *Сына Отечества!* Но, для ослабленія эффекта, который могъ бы быть произведенъ въ публикѣ увѣдомленіемъ опечатанія басень *Крылова* не въ *Библіотекѣ*, прибавлено: *Эта басня, еще до напечатанія ея въ Сына Отечества, уже ходила въ рукописи, и повторялась всѣми наизустъ въ Петербургѣ.* Хитро! Мы охотно прощаемъ эту хитрость; но не простимъ клеветы: на той же страницѣ сказано, будто это дѣлается издателями *Библіотеки для вознагражденія себя за обильныя выписки*, которыя *С. О.* дѣлаетъ изъ ихъ журнала. Опвѣчаемъ, что это неправда, въ *Сынѣ Отечества* не было и не будетъ выписано ни строки изъ *Библіотеки для чтенія*, кромѣ развѣ цитатъ, приводимыхъ для подтвержденія сужденій, излагаемыхъ въ немъ о *Библіотекѣ.*»

Наконецъ, Издатели *Сына Отечества* увидѣли спрашный вредъ, который производятъ

произвольные, приспраспные приговоры книгамъ, въ *Библіотекѣ для чтенія* печатаемые. Они подняли барона *Брамбеуса*: они обязаны поставитъ его на свое мѣсто. Къ этому обязываютъ ихъ и честь, и либературная совѣсть.

Въ журналъ *А. Ф. Смирдина* много находимъ мы новаго, любопытнаго, занимательнаго. Еще не всѣ первоклассные писатели отъ него отступились. *Марлинскій, Д. В. Давыдовъ, кн. Одоевскій, Массальскій, И. И. Козловъ* — украшаютъ его своими твореніями; но заносчивость, самонадѣянность и презрѣніе къ писателямъ и читателямъ главнаго ея редактора — нестерпимы.

А. Кораблинскій.

11 Февраля,
1836.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Стихотворенія *В. Жуковскаго*, Часть I, II, III, IV и V. *С. Петербургъ*, 1835 года.

Книгопродавецъ *Смирдинъ* пріобрѣлъ отъ автора право напечатать вновь не только всѣ его творенія, помѣщенные въ собраніи 1824 года, коего теперь уже почти всѣ экземпляры разошлись; но и новыя произведенія знаменитаго поэта, разсѣяныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Всѣ изданіе будутъ состоятъ изъ семи томовъ; теперь напечатаны пять. Первые четыре тома заключаютъ въ себѣ стихотворенія, седьмой прозу.

Извѣщая публику о семъ пріятномъ явленіи въ нашей либературѣ, мы щитаемъ излишнимъ входить въ подробный разборъ твореній *В. А. Жуковскаго*, и намѣрены ограничиться здѣсь только общимъ взглядомъ на оныя. Красоты ихъ уже торжественно оценены не журналами, но цѣлою образованною Россією: ибо кто изъ соотечественниковъ нашихъ, вкусившихъ уже сколько нибудь отъ плода *Изящныхъ Искусствъ*, не знаетъ или не знаетъ наизустъ многихъ стихотвореній *Жуковскаго*? Жизнь, ихъ одушевляющая, сдѣлалась частію нашего нравственнаго существованія. То, что геній чистой красоты внушаетъ людямъ божествен-

наго и опраднаго, перешло къ нашему сердцу изъ его успѣ — въ плѣнительныхъ, допотопъ неслыханныхъ звукахъ роднаго слова. Мы не боимся упрека въ преувеличеніи, когда скажемъ, что онъ свелъ на землю Русскую съ неба эту чистую, важную Музу, коей уста разверзаются только для пѣсней про свое небо и про всё, что человекъ предчувствуетъ небснаго. Не удивительно, что вліяніе *Жуковского* на современное поколѣніе гораздо глубже и обширнѣе, чѣмъ вліяніе всякаго другаго изъ нашихъ поэтовъ, исключая развѣ *Крылова*: его поэзія не есть поэзія спраспей, коихъ языкъ понятенъ не каждому сердцу и не каждому возрасту; она столь возвышенна и столь безпорочна, что должна соединить всѣ партіи, согласить всѣ требованія, и именемъ человѣческаго достоинства испоргнувъ уваженіе даже у пѣхъ, кои подозрительнымъ окомъ смотрятъ на всякій порывъ духа, возвышающій насъ надъ обыкновеннымъ, прозаическимъ порядкомъ жизни.

Крипика наша, однакожь, кажется, судила досель односторонно о *Жуковскомъ*: она болѣе удивлялась ему какъ Живописцу, нежели какъ Поэту, въ обширномъ значеніи сего слова. Взглянемъ на него съ эпою спороны. — Зидидительная сила духа въ области Искусства обнаруживается двумя актами: есть пворенія, въ коихъ она развиваетъ первоначальныя идеи, сжимаетъ въ пѣсное проспранство стихіи жизни великой, богатой, кои должны одушевлять и питать многія поколѣнія; есть другія пворенія — необходимыя послѣдствія первыхъ, — гдѣ сіи первоначальныя идеи исчерпываются во всей ихъ глубинѣ, разлагаются, дробятся, гдѣ каждая спорона ихъ опредѣляется въ возможной полнопѣ и опредѣлительности, прилагается къ различнымъ требованіямъ вѣка и мѣста. Пусть людей, представляющихъ чловѣчеству произведеніе перваго рода, называютъ гениями по преимуществу, пворцами, душеводителями вѣка и основателями Школъ: отдавая полную справедливость симъ помазанникамъ Природы, мы не должны спавить на одну степень съ подражателями пѣхъ художниковъ, кои, овладѣвъ

идеями эпихъ сильныхъ мужей, проникнувъ пайнспвенный и глубокой смыслъ раскрытой ими жизни, передаютъ её намъ съ новою физиономіею, въ новыхъ формахъ, пидѣляютъ её доспоаніемъ болѣе общимъ. Если первыхъ можно щипать основателями области, то другихъ мы должны признать учредителями въ ней порядка. Одни назначаютъ ея проспранство и границы, другіе населяютъ оную и обогащаютъ. Надобна великая сила духа, чтобы достигнуть сей области, а еще болѣшая, чтобы получить въ ней право гражданства съ полномочіемъ располагать ея богатствами и быть органомъ ея законовъ.

Жуковский изъ своихъ предшественниковъ только въ одномъ нашелъ истинно самобытнаго поэта, который внесъ въ Русскую словесность свои идеи и свой способъ ихъ живописатьъ. Это былъ *Державинъ*. Но *Державинъ* не могъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ высшей жизни, которая быспро, со времени *Великой Екатерины*, пробудилась въ Россіи; надлежало уважить священныя нужды новаго поколѣнія и дать ему пищу по желанію его сердца. Французская классическая Школа, еще сильная въ теоріи, на дѣлѣ уже начинала возбуждать скуку непрерывнымъ своимъ соспизаніемъ съ жизнью: она не могла удовлетворить возникавшимъ новымъ спремленіямъ. Подъ великолѣпной одеждой сей прославленной богини, одеждой, сшитой съ величайшимъ пщаніемъ по самой строгой мѣркѣ, предугадывали холодный, безжизненный мраморъ, скелетъ, вырытый изъ темныхъ каптасомъ Древняго Міра. Надлежало, вмѣсто еѣ, призвать Природу — и *Жуковский* призвалъ еѣ. Конечно лучше было бы искасть эпою Природы подъ Русскимъ небомъ, въ стихіяхъ Русской жизни; по время для эпого еще не пришло. Еще не существовало безсмертнаго пворенія *Карамзина*, которое обратило насъ къ самопзнанію, заставило изучать положительно и основательно всё Русское, которое пробудило въ насъ и національную гордость и національныя надежды. И такъ не удивительно, что *Жуковский* обратился къ общей чловѣческой природѣ, очищен-

ной, возвышенной до идеального достоинства: эту природу нашелъ онъ въ твореніяхъ Нѣмецкихъ поэтовъ, особенно въ твореніяхъ *Шиллера*. Идеи, внесенныя имъ въ нашу литературу, были совершенно новы. Тутъ не было насильственныхъ воспорговъ, общихъ мѣстъ изъ исторіи сердца, порождаемыхъ искусственнымъ насроеніемъ духа по извѣстнымъ, принятымъ въ литературу формамъ: тутъ была жизнь, истина; тутъ былъ человекъ съ его спрашпями, съ его спайнспвенною судьбою и съ его возвышенными упованіями. *Жуковский* первый преломилъ у насъ жезлъ литературнаго авпоритета, освященнаго громкими именами Греціи и Рима; онъ показалъ, что вездѣ, гдѣ человекъ, тамъ и источникъ поэзіи, гдѣ талантъ, тамъ и искусство. Нѣтъ нужды, что Пѣвецъ во спанѣ Русскихъ воиновъ взошелъ на эту высоту идей по спезямъ другихъ: намъ необходимо было новое направление, не Греческое, не Французское, направление сперва человеческое, чтобы наша поэзія послѣ сдѣлалась *нашею* — и это направление дано имъ. Отсюда легко уже было сдѣлать поворотъ къ народности: ибо легче сдѣлаться Русскими изъ человека, чѣмъ изъ Француза. Въ первыхъ произведеніяхъ *Жуковского*, можетъ быть, никто не предугадывалъ зародыша самобытной Русской Словесности: между тѣмъ эпопѣ великій шагъ былъ дѣйсствительно сдѣланъ. Самъ авпоръ обнаружилъ неизбежность эпого послѣдствія. *Биргера Ленора* сдѣлалась у него Русскою Людмиллою, и Русскою не по одному имени; мысль о многозначительности народныхъ преданій и повѣрій выразилась въ Русской *Свѣтланѣ*.

Вопъ заслуги *Жуковского* въ опношеніи къ идеалу. Форма еспественно должна была также измѣниться, получить подъ перомъ его новые егибы, черты, но черпы красокъ живыхъ, а не румянъ. Чпо болѣе всего поражаетъ насъ въ картинахъ *Жуковского*? вѣрность, съ какою передаетъ онъ нѣжныѣшіе оппѣнки Природы, — сила, истина эпоихъ разспельныхъ, неожиданныхъ изображеній, въ коихъ каждое движеніе еспъ или улыбка, или вздохъ, или шо-

рохъ лиспьевъ, или порывъ бури. Это не бездушные списки со списковъ, это не гробы повапленные: это жизнь въ ея богатой, разнообразной игрѣ, въ ея праздничной одеждѣ. Въ душныхъ спѣнахъ города вы видите передъ собою Природу; вопъ она:

Ужь солнце за гороу,
И спешелъ вечерня пѣнь
Прозрачной пеленою;
Ужь сумракъ... смерклося... вопъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы пишина;
Ушихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ;
Зажглись свѣтила ночи,
И сонъ глубокій на поляхъ;
И близокъ часъ полночи!...

Или:

... Ужь и послѣдній день
Край неба озлащаетъ;
Сквозь темную дубраву сѣнь
Блнспанье проникаетъ;
Всѣ спихо, весело, свѣкло!
Все нѣгой сладкой дышетъ!
Рѣка прозрачна, какъ спекло;
Едва, едва колышетъ
Листами легкой вѣперокъ;
Въ поляхъ благоуханье;
Къ цвѣткѣ прищипнуть мопыдѣкъ
И пѣеть его дыханье.

Вопъ ужасные, глубокіе споны пресупленія. Громобой говоритъ съ дочерью своими:

О дѣти! дѣти! гаснетъ день?
— Нѣтъ! упрю; лишь проснулась
Заря на холмѣ; черна пѣнь
По долу проплетнулась;
И нивы пусты... въ высоту
Лишь жаворонокъ вѣпса! —
Увы! заупра въ красотѣ
Опять сей день проснется!
Но мы... ужъ скрылись опъ земли!
Уже насъ гробъ снѣдаетъ!
И мѣсто, гдѣ поднесъ цвѣли,
Насъ болѣе не признаетъ.
Нещасныя! дерзну-ль на васъ
Изречь благословенья?

И въ самой вѣчности для насъ
 Погибло примиренье!
 Но не сопустивуйше опцу
 Съ проклишѣемъ въ могилу!
 Можешьсь! воззовемъ къ Творцу:
 «Разгнѣванный! помилуй!»
 И дѣвы, спрашннхъ снхъ рѣчей
 Не всю объемля силу,
 Съ невинной ясностью очей
 Воскликнули: «помилуй!»

Разумѣется, что другой на мѣстѣ Жуковскаго, съ меньшимъ талантомъ, изобразилъ бы эту жизнь пускло, не обозначилъ бы ея разительныхъ оппѣнковъ: Жуковский— великій живописецъ независимо опъ того, что онъ великій поэтъ въ душѣ. — Другія принадлежности его картинъ, кромѣ свѣжести красокъ и естественности, суть дѣвственна чистота, грація, удивительная тонкость эстетическаго чувства, которое, сохраняя вѣрность Природы, вездѣ однако же разумѣетъ Природу въ лучшемъ, идеальномъ ея значеніи. И въ этомъ-то отношеніи особенно Жуковский открылъ намъ нова, невиданныя дополь богатства отечественнаго языка. Онъ не такъ плѣнитель гармоніей стиха (хотя стихъ его чрезвычайно разнообразенъ и звученъ), какъ Батюшковъ (*); не такъ быспиръ, пронзитель, своеобразно-глубокъ, какъ Пушкинъ; но онъ удивительно богатъ всегда точными, чистыми, разительными оборотами въ самомъ глубокомъ и упорченномъ анализѣ Природы. Мы не должны забыть того, что онъ первый умѣлъ на семъ поприщѣ воспользоваться средствами нашего языка; первый умѣлъ вынудить у него самыя пѣжныя, самыя разнообразные звуки и краски для изображенія такихъ оппѣнковъ жизни, которые подъ перомъ всякаго другаго въ

(*) Мы не можемъ съ этимъ согласиться. Золота Арфа и Галлиона есть музыка Моцарта. Гексамеръ Жуковскаго безъ сравненія сладкозвучнѣе, гибче и разнообразнѣе Гндилева.—Ворйковъ.

его время исчезли бы, или слились въ пускля, общія, безцвѣтныя выраженія.
 (Окончаніе въ слѣд. листкѣ).

М O D E S.

On a beaucoup remarqué au bal du duc d'O... la comtesse Po.... Elle avait une robe de dessous en satin blanc assez courte, rallongée par une bande de gaze, à travers laquelle de jolies jambes faisaient très bien; par-dessus une jupe d'organdi des Indes de six lés non cousus, et entourés chacun de chefs d'or; un corsage de velours blanc, lacé pardeyant en gances d'or brillant, sur une pièce de brocart d'or mat; les cheveux nattés et trois rangs de chefs d'or sur la tête; une plume fort longue *pacarat*, placée dans la natte, et tombant en revenant autour du cou jusque sur la poitrine. Cette parure était d'un effet merveilleux. On parle beaucoup de robes en tulle illusion blanche sur transparent de couleur; on les garnit de ruches de rubans de satin, pareilles au dessous, ou de ruches de julle entremêlées de nœuds. Pour les jeunes personnes, l'organdi uni ou broché de blanc, ou de laine de couleur, est ce qui'il y a de plus distingué; plus la parure est simple, plus elle est de bon goût.

М O Д Ы.

На балѣ у герцога d'O... чрезвычайно замѣтна была графиня Po.... На ней было довольно короткое нижнее бѣлое атласное платье, съ пришиною газовой полоскою, сквозь которую красивыя ножки имѣли хорошій видъ; сверху юбка изъ Индѣйскаго органди, изъ шести нешитыхъ полошнщъ, обшитыхъ вокругъ золотыми полосками, лишь бѣлый бархатный, зашнурованный шнурками изъ блестящаго золота, на закладѣ изъ маховой парчи; на головѣ коса и при золотыя полоски; весьма длинное перо, цвѣта *pacarat*, припиленное въ косу, обернувшись около шеи, упало на грудь. Этотъ нарядъ имѣлъ чудесный видъ. Много говорятъ о платьяхъ изъ бѣлаго тюля *illusion* на прозрачной цвѣтной подкладкѣ ихъ отдѣлываютъ рюшами изъ атласныхъ лентъ подъ цвѣтъ нижнему платью, или бѣлыми рюшами съ бантами. Для молодыхъ дѣвицъ всего лучше органди гладкой или зашканный бѣлымъ или цвѣтной шерстью; чѣмъ простѣе одежда тѣмъ болѣе видѣнъ вкусъ.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 21.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 11 ДНЯ 1836 ГОДА.

Имѣеть сельская свобода
Свои щастливья права,
Какъ и надменная Москва.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СОВРЕМЕННОЕ ПРОИШЕСТВІЕ.

(Окончаніе).

IV. Судъ.

Толпы народа наполняли дворъ королевской палаты, и ни одинъ адвокатъ не запомнилъ такого многочисленнаго спеченія публики, которая четыре дни сряду ожидала въ залъ засѣданія рѣшенія участи *Алары Осборнъ*. Дѣло шло о свободѣ ея или вѣчномъ започеніи, то есть, о жизни ея или смерти; слѣдовательно, тяжба эта, полная драмы, раждала попеременно тысячи различныхъ впечатлѣній въ слушателяхъ, и въ высшей степени возбуждала въ нихъ участіе и любопытство. Перенесемъ въ судилище, во время послѣдняго его засѣданія 4-го Февраля 1833 года, и посмотримъ, что происходило тамъ въ ту минуту, когда вошелъ дордъ *Осборнъ*. — Непоколебимая дерзость, которую оказалъ онъ во время первыхъ допросовъ, казалось, совершенно его оставила; блѣдное лицо его было страшно, и какъ будто носило на себѣ печать отверженія и неминуемой гибели; черные глаза, до по-

ловины закрытые нависшими густыми бровями, блискали молніями, и черпы лица, измѣненные внутреннимъ волненіемъ, ужасно дергались всякой разъ, когда взглядъ его встрѣчался со взглядомъ его жертвы, которая сидѣла прошивъ него. Она была блѣдна, какъ мертвая, но лицо ея выражало спокойствіе невинности и покорность Провидѣнію. — Въ толпѣ сидѣлъ другъ мой *Юлій*, и, съ обыкновеннымъ важнымъ видомъ своимъ, рассказывалъ присутствовавшимъ печальную исторію *Клары*. Въ первой частъ картины. Другая представляла толпу распроганныхъ, внимательныхъ слушателей и адвокатовъ двухъ прошивныхъ споронъ, которые, казалось, собирали силы свои для послѣдняго, рѣшительнаго рѣшнія. — Адвокатъ *Клары* выступилъ первый; обспоятельствва были въ его пользу, слѣдовательно онъ говорилъ сильно, увлекательно, и рѣчь его была совершенствомъ краснорѣчія. Ни одинъ герой мелодрамы не возбуждалъ еще такого живаго, глубокаго участія въ публикѣ, какое возбудилъ въ ней г. *Б...*, говорившій не приговорясь, по первому внушенію сердца и съ жаромъ внутренняго убѣжденія, въ

эпою блестящемъ собраніи, при этой несчастной жертвѣ неслыханнаго злодѣйства, которой блѣдныя, изнуренныя горестію черты, свидѣтельствовали въ истинѣ словъ его. Когда онъ кончалъ, тогда никто изъ присутствовавшихъ не думалъ, чтобы можно было пропигурчить такимъ сильнымъ и яснымъ доказательствомъ. Но пропигивная сторона не перила бодрости, и хотя адвокатъ *Оборнъ* не обладалъ тѣми могущественными средствами, которыми собралъ его дѣйствовать на воображеніе публики, и умѣлъ распротогать судей до глубины сердца; но онъ чувствовалъ, что имѣлъ на своей сторонѣ первое рѣшеніе суда, и собственноручное свидѣтельство одного изъ славнѣйшихъ врачей въ Парижѣ, и потому рѣшился воспользоваться этими выгодами, и съ искусствомъ опытнаго адвоката представилъ постепенно всѣ доказательства, могущія поколебать судей, сильно опираясь на свидѣтельство г. *И*. . . . Но пропигивникъ его, давъ ему время истощить всё краснорѣчіе свое, вдругъ вспалъ, и подобно искусному полководцу, который въ одно мгновеніе разрушаетъ всѣ планы непріятеля, спокойно вынулъ изъ кармана бумагу и просилъ позволенія прочесть её.—Это было отреченіе доктора *И*. . . . Можете вообразить, какое дѣйствіе оно произвело на всё собраніе! казалось громовый ударъ обрушился на залу; лордъ *Оборнъ*, который было приподнял голову съ гордостію успѣха, въ опчаяніи опустилъ её на грудь, и смущенный адвокатъ его сказалъ ему:

— Милордъ, дѣло ваше проиграно; насъ обманули и одурачили.—

«Дѣвица *Клара* не имѣетъ ли еще чего прибавить къ словамъ своего защитника?» сказалъ президентъ.

— Имѣю, — отвѣчала она.

Послѣдовало священное молчаніе. *Клара* вспала, просто и прогательно рассказала всѣ свои спрадация, и потомъ продолжала съ благородною гордостію:

— М. г.! васъ увѣряли, что я сумасшедшая. За нѣсколько минутъ, еще здѣсь передо мною, искусный адвокатъ истощалъ все краснорѣчіе свое, чтобы доказать вамъ, что

я лишена разсудка; но я слушала его спокойно и хладнокровно; я не закричала этому человѣку, дерзнувшему быть ходатаемъ врага моего: ты лжешь; я не сумасшедшая!— Нѣтъ, м. г., я слишкомъ долго спрдала, слишкомъ много пролила слезъ, чтобы удвляться несчастію, гдѣ бы оно не встрѣилось со мною. Но молчать уже не время: когда грусть изсушила меня такъ, что никто не узнаетъ меня, когда кровь застыла отъ опчаянія въ моихъ жилахъ, и волосы, въ двадцать лѣтъ, побѣлѣли на головѣ моей,—четыре года пытки заставили меня узнать что такое жизнь. М. г.! обвиненіе, въ другой разъ произнесенное пропигивъ меня, безчестно и безразсудно; оно не можетъ обмануть ни совѣсти, ни пропигивательности вашей. . . . Нѣтъ, м. г., не вѣрьте имъ, я не сумасшедшая, не безумная, опасная для общества и бесполезная свѣту, но бѣдная, гонимая сирота, которая требуетъ отъ васъ справедливости и защиты.— Слушатели плакали отъ умиленія и жалости.— Прекрасно! сказалъ я *Юлію*; прекрасно! отвѣчалъ онъ упирая слезу, которая выкатилась изъ глазъ его.

Президентъ объявилъ, что засѣданіе кончилось, и судьи удалились въ особый покой для совѣщанія.

— Какъ вы думаете, другъ мой, — сказала мнѣ *Клара*, взявъ меня за руку: чего я могу надѣяться?—

«Свободы,» отвѣчалъ я.

Публика еще не успѣла опомниться отъ впечатлѣнія, произведеннаго словами *Клары*, какъ судьи возвратились въ залу, и президентъ прочелъ слѣдующее опредѣленіе.

Въ уваженіе того:

Что дѣвица *Клара Эвелина Оборнъ* находится въ совершенно здоровомъ разсудкѣ;

Что свидѣтельство г. доктора медицины *И*. . . . служитъ поному неоспоримымъ подтвержденіемъ;

Что дѣвица *Клара Эвелина Оборнъ* достигла совершеннолѣтія—

Судъ повелѣлъ:

Освободить вышесказанную дѣвицу *Клару Эвелину Оборнъ* отъ спражи и опеки дяди ея, и какъ движимое, такъ и недвижимое имѣніе

опца ея, лорда *Осборна*, опдать ей, какъ единственной и законной его наслѣдницѣ.

Въ эту минузу на двухъ противуположныхъ концахъ залы раздася крикъ двухъ голосовъ. Одинъ изъ нихъ былъ опчаянный крикъ лорда *Осборна*, кспорій, выслушавъ приговоръ суда, въ бѣшенствѣ вскочилъ съ своего мѣста, и шщепно силился произнести нѣсколько словъ; другой былъ крикъ *Клары*, которая въ тоже самое время упала въ обморокъ.

Президентъ, оборотясь къ *Осборну*, сказалъ ему спрогимъ голосомъ:

«Законы прощаютъ васъ, но правосудіе Божіе караеть нечестивыхъ!»

И *Осборнъ*, блѣдный, препенущій, вышелъ изъ залы, шапаясь между тѣмъ какъ зрители повпоряли за нимъ слова судьи: *Правосудіе Божіе караеть негестивыхъ.*

У. Свобода.

Вы можете себѣ представить благодарность *Клары*. Дѣвица *Осборнъ* имѣла душу возвышенную, слѣдовательно не могла забыть услуги моей; я сдѣлался ея помощникомъ, другомъ, брапомъ. — Мнѣ поручила она устроитъ свое имѣніе, что признаюсь, было очень не легко, потому что *Осборнъ*, чрезвычайно запупалъ его. Когда всё было приведено въ порядокъ, тогда великодушная *Клара*, какъ единственная наслѣдница послѣ опца своего, не хотѣла оставить брата его безъ пропитанія и опредѣлила ему 4000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно удалился въ Америку. Но человекъ, которому поручено было извѣстить о томъ лорда *Осборна*, нашель его плавающего въ крови своей. Лишась богатства, которому жертвовалъ онъ честью своею и совѣстью, несчастный съ опчаяннѣмъ застрѣлился. Тогда я присовѣтывалъ *Кларѣ* удалиться изъ шумной сподлицы, и купилъ для неѣ въ окрестностяхъ Булонскаго лѣсу прекрасный загородный домъ, построенный совершенновъ Италіанскомъ вкусѣ; устроилъ для неѣ прекрасную библіотеку и составилъ ей маленькое избранное общество, котораго другъ мой, домосѣдъ *Юлій*, былъ главнымъ членомъ. Словомъ, я учредилъ для неѣ жизнь

пихую, спокойную и совершенно приличную ея положенію.

Такимъ образомъ, на чистомъ воздухѣ, окруженная друзьями и природою, *Клара* начала оживатьъ и силы ея видимо укрѣплялись. Я, глядя на неѣ, наслаждался тѣмъ внушеннымъ блаженствомъ, которое доставляетъ намъ совершеніе добраго дѣла, и былъ щасливъ щасіемъ *Клары*, какъ вдругъ получилъ письмо, которое нарушило мое спокойствіе. Оно было опъ доброй, преспарълой матери моей, которая чувствуя себя нездоровою, можетъ быть умирающею, желала обнять милаго сына и звала меня къ себѣ. Это было въ Апрель 1833, въ пощъ ужасный годъ, въ который холера, похипивъ столько жертвъ во Франціи, преспирала убійственный полетъ свой и въ самыя опдаленныя ея провинціи. Мапушка, по спарости лѣтъ и дряхлости своей, могла ею разириться: это меня пугало, и я рѣшился пощасъ скакать къ ней; но прежде желалъ повидаться съ *Кларою*.

Я нашель еѣ въ саду, въ задумчивости, съ *Новою Элоизою* въ рукѣ.

«Я пришелъ проспириться съ вами,» сказалъ я. Она вздрогнула и выронила книгу.

—Проспириться?—сказала она съ видимымъ смущеніемъ.

«Да! прочтите это письмо и скажите, что я долженъ дѣлать.»

Клара дрожащею рукою взяла письмо, пробѣжала его съ безпокойствомъ и, сдѣлавшись блѣднѣе обыкновеннаго, сказала:

—Просьба матери священна... Повѣжайте, милый *Эдуардъ*, но вы поѣдете не одни, у васъ естъ поварищъ.

«Кшо?.. Что вы хотите сказать?»

Клара смѣшалась, потому что я не ниялъ еѣ.—Спыдливый румянецъ пробѣжалъ по блѣдному ея лицу; но скоро оправаясь, она подняла большіе черные глаза свои и сказала съ твердостью:

—Я хотѣла вамъ сказать, что *Клара*, другъ вашъ, сеспра ваша сегодня, можетъ сдѣлаться завтра женою вашею и ѣхать за вами всюду, куда только судьба опредѣлитъ послать васъ.—

Тупъ я понялъ всё — и увидѣлъ передъ собою всю прекрасную будущность мою.

«О эпо, невозможно!» вскричалъ я: «Не ужьли *Клара*, знашная, богатая *Клара*, выдѣшь за *Эдуарда*, бѣднаго художника, безъ имени, безъ состоянія, который живетъ трудами.»

— Чпо-жь имѣла я? — отвѣчала благородная дѣвушка со слезами на глазахъ, — чпо имѣла я, когда вы испоргнули меня изъ рукъ злодѣевъ моихъ? чпо тогда ждало меня въ будущемъ? —

— Молчите, сударь, — продолжала она, когда я хотѣлъ было прервать её: молчите, вы знаете, чпо я еще не расплащилась съ вами... и такъ, на вѣки, — сказала она, подавая мнѣ руку.

«На вѣки!» вскричалъ я, цѣлуя съ восторгомъ эпу нѣжную, прекрасную ручку.

И четыре мѣсяца спустя послѣ того, добрая мапушка моя была такъ здорова, чпо могла на свадьбѣ моей пропанцовать свой родной Марсельскій панецъ.

НА ГРОБЪ И. В. СЛѢНИНА.

Шестнадцать лѣтъ бывший единственнѣйшимъ комиссіонеромъ, принимавшимъ подписку на Военныя вѣдомости, извѣстный книгопродавецъ Иванъ Васильевичъ *Слѣнинъ*, скончался 14 сего Февраля, 47 лѣтъ отъ рожденія. Честность во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ, просвѣщенный умъ, пламенная ревность къ добру и любовь къ ближнему: вотъ достоинства его въ быту гражданскомъ. Изданія *исторіи* Карамзина, *басенъ* Крылова, и многихъ избранныхъ ученыхъ книгъ: вотъ заслуги, оказанныя имъ отечественной литературѣ. *Слѣнинъ* былъ страстный любитель отечественной словесности, и первый изъ Русскихъ книгопродавцевъ торговалъ иностранными книгами и открылъ теплый, свѣтлый магазинъ на Невскомъ проспектѣ. Къ нему по упрямъ любили собираться писатели и журналисты; у него почти каждый день можно было найти барона *Дельвига*, А. Е. *Измайлова*, О. В. *Булгарина*, О. Н. *Глинку*, В. Н. *Берха*, *Воейкова*, графа *Хвостова*, М. А. *Яковлева*, Н. И. *Гнѣдига*. Самъ

знаменистый *Крыловъ* захаживалъ отдыхать къ нему, во время прогулокъ по Невскому проспекту. Имъ написано нѣсколько эпиграммъ, помѣщенныхъ въ журналахъ. Скромность, неизмѣнная спутница *Слѣнина*, не позволяла ему выславлять его имени подъ произведеніями, исполненными благородной оспроты, оппюдь не личности. — Миръ праху пвоему: добрый сынъ, нѣжный супругъ, чадолубивый отецъ, полезный гражданинъ! Миръ праху пвоему! — В.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

МОРСКІЯ СИЛЫ ДАТСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

4 корабля, имѣющіе 294 орудіа.

7 фрегатовъ — — 298 —

4 корветы — — 84 —

5 бриговъ — — 78 —

1 шкуна — — 10 —

21 судно. 764 орудіа.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭПИГРАММА.

Пипомца лекарскихъ наукъ
Пресѣкли дни пплюли злыя.

Здѣсь все ему сходило съ рукъ:
Чпо скажутъ памъ его больныя?!

Фонъ-Бейеръ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

52.

Во всѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ двадцати шести книжкахъ Библиотеки для чтенія, О. И. *Сеньковский* твердитъ намъ, чпо г. *Тимофьевъ* поэтъ гениальный, писатель удивительный, исполненный *мечтъ* (*), *людей* (*), *щастій* (*), *восторженности* и *творчества*. Особенно выхваляетъ онъ *Елисавету Кульманъ*, поэму г. *Тимофьева*.

Въ No 1-мъ *Сына Отечества*, на страницѣ 56-й, новымъ, опличнымъ шрифтомъ, на бѣ-

(*) Нововведенныя слова барономъ *Брамбеусомъ* и припаяны О. И. *Сеньковскимъ*. — К.

лой какъ снѣгъ веленовой бумагѣ, напечапано: «Въ 1855 году мы видѣли нѣсколько жалкихъ сценъ, въ которыхъ пристрастіе г-на крипника (О. И. Сеньковскаго) обнаружилось въ высшей степени; говоримъ жалкихъ потому, что прискорбно видѣть, какъ талантъ умышленно унижается до липературной недобросовѣстности, по личнымъ отношеніямъ. Г. Тилофьевъ, начинающій писать стихи, произведенъ г. крипникомъ (О. И. Сеньковскимъ, съ которымъ согласенъ и баронъ Браубергъ) въ первоклассные поэты, а баронъ Розенъ, писатель, извѣстный уже многими произведеніями, поставленъ ниже какого-то плохаго рѣмоплѣта, прудившагося надъ Палермскими Бандитами, ничтожною пьескою, въ которой нѣтъ сноснаго стиха. Это умышленное сближеніе оригинальной трагедіи съ переводною оперою, кажется намъ забавною, смѣшною ошибкою, или жалкою, неудачною насмѣшкою. Посупокъ съ барономъ Розеномъ и г. Тилофьевымъ объясняется очень просто: баронъ Розенъ не участвуетъ въ Библиотекѣ, а г. Тилофьевъ весьма часно надѣляется еѣ своими произведеніями и, кромѣ того, написалъ посланіе къ любимому ея автору.»

Въ № 15 Ств. Пчелы, въ дѣльной и хорошо обдуманной статьѣ: *Настоящій моментъ и духъ нашей литературы*, сказано: «Нынѣ возспаеетъ цѣлое поколѣніе новыхъ писателей, которые пробуютъ силы свои въ журналахъ. Больше всѣхъ подають о себѣ надежды гг. Тилофьевъ и Ершовъ. Стихотворенія Бенедиктова, изданныя особо, обратили на себя справедливое вниманіе публики. Въ нихъ много мыслей и шеплага чувства. Языкъ очень хорошъ.»

На эпихъ дняхъ случилось мнѣ быть въ одномъ обществѣ, гдѣ сполкнулись *отцы нашей поэзіи*, какъ называется одинъ извѣстный нашъ писатель, лавроносныхъ Русскихъ пѣснопѣвцевъ. Въ залѣ молодѣжь танцовала, въ гостиной играли въ виспъ, а въ кабинетѣ хозяина (признаннаго за первоклассаго липератора и Н. И. Грегель, и О. В. Булгаринь, и О. И. Сеньковскимъ, и А. О. Воейковь, и Плетневь, и Никитенко, и Гла-

голевь, и Шевырѣвь, и покойнымъ Мерзляковь и покойнымъ Срезневскимъ) курили трубки и сигарки первоклассные липераторы и нѣсколько знатныхъ особъ, любитель оипечесивенной словесности. Хозяинъ развернулъ новое стихотвореніе г. Тилофьева, подъ заглавіемъ *Елисавета Кульманъ*: началось чпеніе, начался хохотъ. Чѣмъ далѣе читали, тѣмъ хохотъ становился громче и громче. Наконецъ, когда всѣ успали со смѣху и едва дышали: тогда положено поставили *Елисавету Кульманъ*, г. Тилофьева, на ту полку библіотеки, на которой въ мирѣ опочивають *Зававы отдохновенія*, повѣсть *Федора* и многія другія.

А. Кораблинскій.

19-е Января

1856.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Стихотворенія В. Жуковскаго, *Часть I, II, III, IV и V*; С. Петербургъ, 1836 года.

(Окончаніе).

Жуковскій, въ прозѣ, занимаетъ у насъ столь же высокое мѣсто, какъ и въ поэзіи. Немногія крипическія статьи его могутъ быть образцами ясности взгляда, чистоты вкуса, благородства и безпристрастія въ приговорѣ. Вездѣ видѣнъ человекъ, проникнутый чувствомъ своего высокаго призванія — призванія преклонять сердца людей ко внушеніямъ истины и красоты. Сколько добра могла бы принести нашей юной липературѣ крипика, излагаемая въ такомъ духѣ! Это дѣйствительно была бы школа вкуса, важнѣе всѣхъ липературныхъ теорій! — Проза *Жуковскаго* проникнута тѣмъ же духомъ, какъ и его поэзія; вездѣ стремленіе къ безконечному, къ чистѣйшей идеальной красотѣ; вездѣ мысль столь свѣпла, столь очищена отъ всего мелкаго, столь, если позволено будетъ такъ выразиться, плѣнительна своею голубиною бѣлизною, что читая его, исполняешься неволью оправданнаго вѣрованія въ лучшій жребій и во все бла-

гое на земли. Мысль эта облекается и въ одежде ея достойной. Прозанческій слогъ Жуковскаго дышетъ тою же свѣжестію красокъ, тою же истиною въ каждомъ изгибѣ выраженія, пѣмъ же искусствомъ оплѣняющъ каждую мысль свойственными ей чертами, не сливая ихъ, и наконецъ пѣмъ же утонченнымъ чувствомъ эстетическаго приличія, какъ и его поэтическія. Прочтите, если хотите убѣдиться въ этомъ, изображеніе Рафаэлевой Мадонны, путешествіе по Саксонской Швейцаріи, опрыски писемъ изъ Швейцаріи. Но мы не можемъ не раздѣлить здѣсь съ читателями наслажденія, которое испытали, читая и перечитывая нѣсколько разъ *Взглядъ на землю съ неба*; вспрѣпивъ эпозъ взглядъ съ сердцемъ, чувствуешь, что и небо доступно землѣ. Вотъ изображеніе великаго назначенія человечества:

«Есть свѣтлая сторона. Мы ее не знаемъ, но вѣримъ, что она есть. И сія вѣра подобна дѣйствію начинающагося утра на завороненныя очи спящаго юноши, когда еще играютъ надъ нимъ сновидѣнія ночи.

«Въ сей спорной обитаятъ первенцы любви Божіей. Ихъ бытіе для насъ непоспимимо. Они блаженствуютъ въ созерцаніи яснаго для нихъ Создателя.

«Однажды, среди великолѣпнаго созданія, одинъ изъ сихъ обитателей свѣта стоялъ, преклоня взоры, въ задумчивомъ размышленіи.

«Что съ тобою, братъ мой? спросилъ подлетѣвшій къ нему товарищъ блаженства. На лицѣ твоёмъ что-то не дѣлается. Какое видѣніе наполняетъ и какъ будто тревожитъ твою душу?—

«Братъ мой!— отвѣчалъ вопрошенный— я на мгновеніе отворотилъ глаза мои отъ окружающаго насъ свѣта; я погрузился во глубину бездны, и чувство, никогда не испытанное, наполнило душу мою. Досель она знала одну спокойную радость—теперь она распрогана; досель я только обожалъ Создателя—теперь мое чистое обожаніе обратилось въ благодарность, соединенную съ сладкимъ уныніемъ.

«Отклоня вниманіе отъ окружающаго насъ лучезарнаго океана, я взглянулъ на

одну изъ капель, брызжущихъ отъ безчисленныхъ волнъ его. И что же! Каждая изъ сихъ капель есть бездна свѣтила и каждое изъ сихъ свѣтилъ, едва примѣтныхъ моему взору, окружено миліонами другихъ, кружащихся около него легкою, свѣтлою пылью и въ порядкѣ повинующихся ему, какъ владыкъ.

«Я устремилъ вниманіе на одну изъ сихъ свѣтлыхъ пылиннокъ, и что же опять увидѣлъ? Она, какъ и всѣ другія, даетъ жизнь своему особенному міру; пылинки несравненно мельчайшія и уже не свѣтлыя, а только озаренныя, около неѣ движутся въ удивительномъ устройствѣ; я видѣлъ, какъ однѣ изъ нихъ рождались и были въ минуту рожденія совершенно темныя, какъ другія мало по малу свѣплѣли, какъ нѣкоторые, обратившись въ свѣтлыя, приобщались къ другимъ, подобно имъ сіяющимъ, и какъ около нихъ начиналось новое рожденіе.

«На одной изъ сихъ темныхъ, только что родившихся пылиннокъ, остановился взоръ мой. Немного прошло мгновеній, и уже она нѣсколько тысячъ разъ обратилась кругомъ своего свѣтила, кругомъ той лучезарной пылинки, которая исчезаетъ въ вихрѣ свѣтлаго праха, окружающаго каждую изъ тѣхъ болѣе лучезарныхъ пылиннокъ, кои безчисленно блещутъ въ замѣченной мною каплѣ.

«И что же произошло въ сіи споль быстрыя мгновенія? Сначала, повиная движенію, влекущему еѣ около владычествующаго ею блистательнаго средоточія, сія бѣдная пылинка была сама по себѣ мрачною и какъ будто мертвою. Вдругъ началось на ней движеніе; поверхность ея нѣсколько разъ измѣнилась; наконецъ все пришло въ порядокъ; движеніе утихло; она получила нѣкоторый постоянный образъ, и нѣсколько времени поверхность ея была какъ будто пустынною, и всё, что на ней происходило, казалось свойственнымъ *нигтожному* бытію пылинки. . . . Но вдругъ нѣчто таинственное тамъ совершилось: съ высоты моею, съ сладостнымъ участіемъ брата, почувствовалъ я, что тамъ на пылинкѣ, ничтожной, началась жизнь, подобная моею

жизни, и что среди ея ничтожества тихо раздалось по Имя, которое здесь споль громозвучно поражаетъ насъ среди нашего величія, раздалось и было услышано! И я увидѣлъ живыя творенія, увидѣлъ, какъ онѣ начались, какъ размножались, какъ исчезали, уступая мѣсто одни другимъ; какъ наконецъ овладѣли всею поверхностью своего непримѣтнаго міра, и какъ все на поверхности его снова преобразилось.

«Но сіи живыя творенія сначала казались мнѣ окруженными какимъ-то мракомъ, мнѣ самому непонятнымъ. И вдругъ увидѣлъ я лучъ, сверкнувшій надъ поверхностью ихъ пылинки. И лучъ сей повѣзался мнѣ свѣтозарие всей окружающей меня бездны свѣта.

«О милый братъ! что же пылинка сія, темная, исчезающая въ одной изъ сіяющихъ капель того свѣтозарнаго океана, который передъ нами волнуется, котораго пламенная волна громомъ своимъ сливаются въ пѣнопѣніе Вседержителя? И что мгновенные обитатели сей пылинки?

«Но они живутъ, и живутъ чудесною жизнью! И въ брешной своей жизни они имѣютъ еще и то, чего мы въ величій своемъ не имѣемъ. Наша участь есть безмятежное блаженство; а имъ—имъ дано спрдаііе! При семъ словѣ благоговѣйный прещепъ наполняетъ душу мою. Спрдаііе—для нихъ оно неоспориимо, а я съ высоты моей постигаю всю божественную его тайну. Спрдаііе, творецъ великаго — оно знакомитъ ихъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ блаженствѣ нашемъ не узнаемъ; съ таинственнымъ вдохновеніемъ Вѣры, съ упѣхою Надежды, съ сладостнымъ упоеніемъ Любви.

«Мы обитатели свѣта, мы въ своей безмятежной вѣчности не вѣдаемъ тѣхъ волнений, той борьбы, того стремленія къ лучшему, которыя наполняютъ минувшую жизнь ихъ во прахъ. Что для насъ *есть*, что для насъ *всегда* было—то еще для нихъ *будетъ*: о томъ уладительно говоритъ имъ Надежда! Создатель поселилъ насъ вблизи Своего непроницаемаго свѣтила, и мы его *знаемъ* — для нихъ же Онъ скрылъ Себя въ таинственномъ мракѣ смятеннаго бытія

ихъ: заключенные въ тѣсныхъ предѣлахъ своего ничтожнаго міра, они не постигаютъ и еще не могутъ постигать Его всеобъемлющаго Промысла; но они Его чувствуютъ, они къ Нему стремятся сквозь тысячи преградъ, отдѣляющихъ отъ Него ихъ душу, и они нѣкогда найдутъ Его и также постигнутъ, какъ мы Его постигаемъ. Ихъ Вѣра есть побѣда, одерживаемая душою и возвышающая душу. Здѣсь, блаженствуя любовію къ Создателю, мы не властны не любить Его, споль близкаго къ намъ, споль совершенно намъ понятнаго. А ихъ любовь, во прахъ, въ ничтожествѣ, въ спрдаііи — какое чудесное преобразование даруетъ она бытію ихъ въ этомъ правѣ! какъ украшаетъ она для нихъ и самый прахъ, гдѣ посреди измѣненія и плѣнности все говоритъ имъ о Промыслѣ вѣчномъ.

«И что же?... Съ симъ таинствомъ Спрдаііа, образующаго душу, соединяется другое, споль же великое таинство Смерти, которая всему, что окружаетъ ихъ въ тѣсныхъ предѣлахъ обитаемой ими пылинки, даетъ и цѣну и прелесть. Смерть, спрашилище мечтательное, ужасомъ упраты привизываетъ ихъ къ бытію мгновенному. Содрогаясь передъ нею, они тѣмъ сильнѣе, какъ будто къ сокровищу, ни чѣмъ не замѣняемому, прильпляютъ къ бѣдному своему праху, и тѣмъ охотнѣе пріемлютъ уроки испытующаго ихъ Спрдаііа.

«Но въ минутому разлуки съ жизнью, они узнаютъ и тайну Смерти: она является имъ уже не спрашилищемъ, губителемъ насоящаго и будущаго, а яснымъ воспоминаніемъ минуващаго, которое съ ними вмѣстѣ вылетаетъ изъ праха, вѣчный поварищъ новай жизни.

«Вопъ что, мой братъ, погрузило меня въ унылое размышленіе, споль изумившее меня посреди окружающаго насъ блаженства. Нѣсколько мгновѣній я прожилъ иноую жизнь. Минувшій обитатель праха, я испыталъ все, что тамъ называется жизнью: понялъ въ Спрдаііи сладость Надежды, спокойствіе Вѣры, веселіе Любви, понялъ знаменованіе Смерти... и наслаждался тѣмъ, чего нѣтъ въ безмятежномъ нашемъ величій.

«И теперь, какое новое зрѣлище предо мною! И такъ, всѣ яркія капли сего лучезарнаго океана сунуть бездны міровъ оживленныхъ! И такъ, сіи препенущія въ каждой капль пылинки сунуть храмы Вседержителя, равно великолѣпныя съ нашимъ небомъ! И такъ, каждая пылинка кипитъ живыми созданіями, копорыя всѣ наши брагья!»

«Онъ умолкнулъ.... онъ поднялъ глаза.... передъ нимъ явилось опять *всѣ* Мирозданіе, необъятный океанъ свѣта, коего волны быстро лепили и гармоническимъ громомъ своимъ славили Вседержителя.»

А. Никитенко.

MODES.

Une femme très élégante portait au dernier bal de lord G... une robe de satin blanc broché d'or à larges bouquets; le corsage drapé croisé. De petites manches bouffantes relevées en cœur jusque sur l'épaule; dessous ces manches bouffantes, des manches tout à fait justes en crêpe blanc, descendant presque jusque sur la saignée, et bordées d'un rang de diamans. Les manches bouffantes et le corsage étaient retenus par des agrafes de diamans d'une beauté rare; une ceinture de satin blanc uni, flottante et frangée de diamans; sur la tête une couronne à la *Norma* en roses simples de velours ponceau; dans l'intérieur de chaque rose un gros diamant; des diamans au cou et aux oreilles; des souliers de satin blanc brodés d'or avec un diamant pour rosette. C'est la parure la plus riche qu'on ait encore vu apparaître cet hiver. Cette dame est Américaine, et a les plus beaux bras et les plus beaux diamans de Paris.

Les petits chapeaux à la *Stuart* font fureur pour les femmes de moyen âge; tout ce qui a quarante ans fait sa cour à mesdames *Larochelle*, *Petit*, *Hocquet* et *de Golberg*, pour avoir de ces petits chapeaux, qu'elles font avec tant de grâce et de bon goût. Quand on est coiffé par ces fameuses faiseuses et habillé par les *Oudot Manoury*, *Jenny Raybaud* et *Michaud*, on brave les injures des années, et en rentrant chez soi on se dit avec une certaine satisfaction dont toutes les femmes de bonne foi conviendront: *j'ai eu des succès ce soir...* Avec cela on ne gronde pas sa femme de chambre et on se couche en agréable humeur.

Puisse cette lettre vous trouver ainsi disposée, ma chère et bonne *Nancy*.

Votre affectionnée. — *Sarah*.

Pl. No 8. Coiffure ornée de barbes et de fleurs. — Robe de satin broché, garnie de bouffantes Dubarry et d'Agrafes en camée.

МОДЫ.

На последнемъ балѣ лорда G... одна щеголиха была въ бѣломъ апласномъ платьѣ, зашпканномъ большими золотыми букетами; лифъ драпированъ крестообразно. Маленькіе пышные рукава, приподнятые сердцемъ до плеча; сверху бѣлые креповые, совсѣмъ въ обтяжку, доходящіе почти до локтей и обшитые бриліантами въ одинъ рядъ, пышные рукава и лифъ подхвачены были бриліаншовыми застежками рѣдкой красоты; поясъ длинный изъ гладкой бѣлой апласной ленты, съ бриліантовою бахромою; на головѣ вѣнокъ à la *Norma* изъ просыхъ розъ, сдѣланныхъ изъ пунцоваго бархата; въ срединѣ каждой розы большой бриліантъ; на шеѣ и въ ушахъ бриліанты; бѣлые апласные башмаки, вышитые золотомъ, съ бриліантомъ вмѣсто розетки. Это самый богатый нарядъ прошивъ всѣхъ нарядовъ нынѣшней зимы. Эта дама Американка; у нея красивѣйшія руки и красивѣйшіе бриліанты во всемъ Парижѣ.

Маленькія шляпки à la *Stuart* въ удивительномъ употребленіи для дамъ среднихъ лѣтъ; всѣ, что имѣютъ сорокъ лѣтъ, поклоняются г-жамъ: *Larochelle*, *Petit*, *Hocquet* и *Golberg*, чтобы получить эти маленькія шляпки, дѣлаемые ими такъ ловко и съ такимъ вкусомъ. Когда уборъ сдѣлашь этими извѣстными искусницами и одежда *Oudot Manoury*, *Jenny Raybaud* и *Michaud*, тогда пренебрегаютъ обидами лѣтъ, и возвращаясь домой, говорятъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, въ чемъ согласяся всѣ просердечныя дамы: *я имѣла успѣхъ сегодня вѣчеромъ...* Съ этимъ же бранятъ свою горничную и ложатся спать въ добромъ расположеніи духа. Желаю, чтобы писало это заспадо тебя въ такомъ же расположеніи, моя милая и добрая *Нанси*. — Любящая тебя *Sara*.

Карп. No 8. Прическа съ цвѣтами. — Апласное платье, ошдѣланное бужами *Дубарри* и аграфами каме.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 22.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
скавою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 14 ДНЯ 1836 ГОДА.

Скончался Чужехватъ. — Не ужто? — Въ самомъ дѣлѣ.
— Да гдѣ же умеръ онъ? — Онъ умеръ на постелѣ.
— Ну кто-бъ подумать могъ, чтобъ эшопъ человекъ
Горизонтально кончилъ вѣкъ?

П. Сулароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ХАРАКТЕРЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

(Изъ Англійскаго журнала.)

Если-бъ мы хотѣли опредѣлить харак-
теръ нашего времени однимъ словомъ, то
не назвали бы его — ни рыцарскимъ, ни фи-
лософическимъ, ни нравственнымъ вѣкомъ,
но вѣкомъ механическимъ, потому, что это
есть именно его отличительное свойство.
Дѣйствительно, вѣкъ нашъ, есть вѣкъ ма-
шинъ, въ разномъ значеніи этого слова; вѣкъ,
въ который всѣ силы ума человеческого на-
пряжены къ тому, чтобы усовершенство-
вать великое искусство — приспособлять
средство къ цѣли; ничто почти не дѣлается,
какъ прежде, съ помощію рукъ; но всё про-
изводится по ученымъ соображеніямъ, и по
законамъ науки, такъ что для самой про-
стой работы изобрѣтены облегчительныя
методы и инструменты, ускоряющіе ея
производство. Бѣдный ремесленникъ лишается
хлѣба отъ того, что его замѣняетъ ре-
месленникъ бездушный, но дѣйствующій

съ неутомимымъ проворствомъ и силою. —
Железные когти схватываютъ челнокъ,
вырванный изъ рукъ ткача, и двигаютъ
имъ съ невѣроятною скоростью; морякъ
подбираетъ паруса, бросаетъ весло и ве-
литъ другому моряку, обладающему испо-
линскою силою, нести себя по морямъ на
паровыхъ крыльяхъ его; огненный Бермин-
гамскій насосъ, явившійся въ волшебныхъ
спранахъ Воспока, превзошелъ баснословные
чудеса ихъ; и земля бурь и кораблекрушеній
содрогнулась отъ громовыхъ спрыль его.
Машины изобрѣтены нынѣ для всего; самая
лошадь начинаетъ казаться ненужною, съ
пѣхъ поръ, какъ *Горней* замѣнилъ ея своею
огненною лошадью — и скоро куры переве-
дущся на пшичьихъ дворахъ нашихъ, бла-
годаря недавно открытому способу, выво-
диль цыплятъ посредствомъ паровъ. Сло-
вомъ, мы преодолеваемъ всѣ препятствія,
облегчаемъ себѣ путь по морямъ, передви-
гаемъ горы, и скоро воспоржесивуемъ надъ
всею природою!

Нѣтъ сомнѣній, что могущество челове-
ка удивительно распространяется, и жизнь

съ часу на часъ дѣлается удобнѣе и пріятнѣе. При данномъ количествѣ работы, мы нынче пишаемъ лучшею пищею, лучше одѣваемся и гораздо покойнѣе живемъ, чѣмъ прежде; — но до чего доведетъ насъ такое чрезвычайное развитіе умственныхъ силъ нашихъ?—Какой переворотъ произведетъ оно въ цѣломъ составѣ общества — и что наконецъ послѣдуетъ изъ этаго безпрестаннаго приращенія богатства, въ однихъ рукахъ, — между тѣмъ, какъ разстояніе между богатымъ и бѣднымъ классомъ людей, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе увеличивается? Мы предлагаемъ эти вопросы экономистамъ; они гораздо важнѣе и многосложнѣе всѣхъ тѣхъ, которые до этаго были предлагаемы на ихъ разсмотрѣніе, и слѣдовательно заслуживаютъ особенное ихъ вниманіе. На сей разъ мы замѣтимъ только то, что духъ механизма распространилъ вліяніе свое даже на область — совершенно ему чуждую, такъ что не только всё вышнее и вещественное, но самые отвлеченные и умственные предметы подчинены теперь законамъ механики. Какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ, оставлены старыя методы и ничто не дѣлается просто, слѣдуя одному произвольному ходу природы; но ~~дѣл~~ всего есть свой снарядъ, своя многосложная машина; такъ что даже самое воспитаніе совершается у насъ механически, посредствомъ Ланкастерской или Гамильтонской машины, съ помощію карточекъ, разрисованныхъ фигуръ и аллегорій. Преподаваніе наукъ, это таинственное сообщеніе знанія съ невѣжествомъ, не есть уже, какъ прежде, постоянное изученіе частныхъ способностей, безпрестанное измѣненіе методовъ, и приравленіе различныхъ способствъ къ одной и той же цѣли. Нѣтъ! Но просто пошлый, неизмѣнный, безошибочный навыкъ, годный для всѣхъ понятій, для каждой мѣры ума, и который дѣйствуетъ на цѣля массы посредствомъ механизма, для того устроенаго. — Если кто желаетъ сообщить свѣту какое нибудь важное ученое открытіе, или новую истину, то онъ не можетъ предложить её просто, съ помощію однихъ умственныхъ способностей

своихъ; но долженъ созвать многочисленное собраніе, учредить комитеты, печатать объявленія, давать публичные обѣды, словомъ, занять или соорудить родъ какого-то нравственнаго механизма, чтобы посредствомъ его имѣть право говорить и дѣйствовать, безъ чего предпріятіе его будетъ также удачно, какъ мануфактура Индѣйской колоніи ткачей, переселенныхъ въ Ланкастерскую провинцію. Сверхъ того каждая машина имѣетъ свою движущую силу въ одномъ изъ главныхъ водворовъ общества, и нѣтъ между нами ни одной маленькой секты, изъ которыхъ бы каждая, не издавала своего еженедѣльнаго, ежемѣсячнаго журнала — и всё это вмѣстѣ, какъ въпрена мельница, вертится безпрестанно и мелитъ муку на цѣлое поварищество.

И такъ, самостоятельная сила человѣка не значитъ ничего, и ему ничто не удастся, если онъ не присоединится къ существующему обществу; чтобы пахать землю свою его волами. Нынѣ, болѣе нежели когда нибудь, жить — значитъ соединиться съ тою или другою партіею, или составить ее для себя. Художества, искусства и самая литература имѣютъ свой механизмъ; правда, между нами перевелись гениальные произведенія живописи, но за то живописцы помогаютъ геометры, которые чертятъ планы для картинъ ихъ; если же они желаютъ перевести ихъ на мѣдь, то гравёръ имѣетъ всегда въ запасъ готовый небеса, и художникъ можетъ выбрать изъ нихъ небо какое ему угодно, ясное или покрытое грозными тучами. Музыканты, за недоспакомъ дарованія, обладаютъ огромнымъ запасомъ гармоническихъ соображеній и разнаго рода мѣдныхъ и деревянныхъ машинъ, изъ которыхъ одни служатъ для выраженія спрассей пылкихъ, другія для нѣжныхъ и кропкихъ ощущеній сердца. Литература имѣетъ свой коммерческій обѣдъ — свою торговую биржу, на которую собираются издатели, тайные и явные оценщики и хвалители, — и нѣтъ ни одного сочиненія, которое бы не только печаталось, но писалось и продавалось безъ помощи механизма. — Самое просвѣщеніе сообщается

массамъ посредствомъ машинъ, и въ нашъ вѣкъ королева *Христина* не имѣла бы нужды привозить къ себѣ *Декарта*, или *Фридрихъ* великій не спалъ бы удерживая у Двора своего *Вольтера*, осыпая его деньгами и подарками. О нѣтъ! Въ наше время, Государю, желающему образованъ народъ свой, споить только прибавить на него подавъ, и на эту сумму потчасъ являясь у него ученые заведенія; слѣдовательно вы видите, что геній механизма всегда споить возлѣ насъ, облегчая намъ всѣ трудности, и возлагая бремя наше на желѣзные плечи свои.

Всѣ эти обстоительства, о которыхъ мы намекнемъ только слегка, доказываютъ перемѣну, происшедшую во всей общественной системѣ нашей, и потому они чрезвычайно важны. Не только дѣйствія, но самыя мысли и чувства наши подчинены механизму, и мы можемъ замѣтить это общее направленіе умовъ, во всѣхъ великихъ явленіяхъ нашего вѣка; мы видимъ его въ духѣ его, въ наукахъ, которыхъ онъ предпочитаетъ; въ намѣреніи, съ которыми онъ ободряетъ ихъ; въ его полипикѣ, искусствахъ, религии, нравственности, даже въ самомъ практическомъ и положительномъ характерѣ его; словомъ, во всей умственной и физической его дѣятельности.

Взглянемъ напримѣръ на нынѣшнее состояніе наукъ въ Европѣ; доказано, что умозрительныя и нравственныя науки находясь у насъ въ совершенномъ упадкѣ, между тѣмъ какъ физическія болѣе и болѣе процвѣтаютъ. Великая наука разумнаго человеческого почти вездѣ въ пренебреженіи; Французы первые оставили обширныя поля Метафизики, и царство *Мальбранша*, *Паскаля*, *Фенелона* славится теперь однимъ *Кузенелъ*; напрошивъ того, различныя отрасли наукъ почныхъ и вещественныхъ, занимаютъ всѣхъ людей, обладающихъ великимъ и сильнымъ понятіемъ. Между нами, Метафизика, слабая въ колыбели, не могла достигнуть зрѣлости и не пережила обспроумнаго и любезнаго профессора *Стюарта*. Одна Германія занимается еще Психологіею, и если не съ блестящимъ успѣ-

хомъ, то по крайней мѣрѣ довольно ревностно; въ цѣлой же Европѣ вообще не ломаютъ головы надъ опвлеченностями, и предпочитаютъ имъ знанія, доставляющія вещественную пользу. Физика, Химія, Физиологія, короче сказать, Механика, во всѣхъ видахъ ея, — вопъ наука, исключительно принадлежащая нашему вѣку. Самая Математика имѣетъ въ себѣ что-то механическое, чего въ ней не было прежде. Теперь, по методѣ ея преподаванія, излщное познаніе ея во всѣхъ ея отрасляхъ, зависить менѣе отъ генія, даннаго природою, чѣмъ отъ навыка управлять механизмомъ ея. Мы не унижаемъ здѣсь достоинства какого нибудь *Лапласа*, какого нибудь *Лагранжа*, и не отвергаемъ великихъ результатовъ, полученныхъ ими отъ дифференціала и интегрального счисленія; но всё таки это есть родъ какой-то ариѳметической мельницы, которую работники приводятъ въ движеніе съ помощію рукоятки; слѣдовательно, можно почти навѣрное сказать, что математическія науки процвѣтаютъ нынѣ болѣе, нежели когда нибудь, но истиннаго познанія въ математикѣ — мало.

Ни въ чемъ не обнаруживается глубокая въра наша въ механическія соображенія такъ явно, какъ въ полипикѣ нашего времени. Правительство, по естеству своему, имѣетъ въ себѣ много механическаго, и вопъ почему мы обыкновенно называемъ его машиною общества, главнымъ колесомъ, съ которыми всѣ прочія колеса должны соображать свое движеніе; въ смыслѣ метафорическомъ, это опредѣленіе справедливо; — но не должно забывать однакожъ, что попеченіе правительства должно простирасться не на однѣ матеріальныя выгоды общества. — Впрочемъ, это одна изъ тѣхъ истинъ, которыхъ уже не входятъ въ философскія умозрѣнія нашего вѣка.

Но что вся эта пошлая система механизма прошивъ науки о первоначальныхъ и опвлеченныхъ силахъ души нашей, и о пайныхъ побужденіяхъ страха, любви, энтузіазма, религии; словомъ, всего того, что носитъ на себѣ печать безконечно — жизненнаго?

Что она въ сравненіи съ тѣмъ глубокимъ знаніемъ, которое опытомъ изслѣдываетъ развитіе душевныхъ силъ нашихъ, когда онъ дѣлающія въ ней непосредственными побужденіями и производящъ желаніе награды, страхъ наказанія и пр.? — И такъ, скажемъ въ заключеніе, что безъ нравственности самыя мудрыя поспановленія человѣческія не могутъ имѣть никакой пользы, и что безразсудно полагаться единственно на однѣ механическія соображенія.

T.

СЛОВЕСНОСТЬ.

А Н Н А.

Разсказъ.

На берегу моря, въ бѣдной хижинѣ, жилъ почтенный спарець. — Онъ имѣлъ дочь, которая составляла всё его богатство, и красотою превосходила всѣхъ подругъ своихъ; она отличалась отъ нихъ, какъ бѣлая лебедь отъ прочихъ пшницъ; — и спарикъ не могъ нарадоваться на милую *Анну* свою. Онъ любовался ея спонкимъ спаномъ, величавою осанкою, свѣтлыми глазами, въ которыхъ блистала прекрасная душа ея. — О, какъ хорошо бывало его сердцу; когда веселая и ласковая *Анна* входила къ нему по упру — и бросалась ему на шею!

Однажды явился въ хижину ихъ молодой юноша, съ черными кудрями, съ пламенными взорами, съ пылкимъ сердцемъ; — онъ увидѣлъ *Анну* и полюбилъ её — *Анна* тоже, полюбила юношу, и — съ этой минушы они клялись не разсваваться.

Альфонсъ, оставшись ранѣ сиропю, преданъ порочнымъ удовольствіямъ, и въ короткое время прожилъ небогатое достояніе родителей своихъ.

Но, увидя *Анну*, онъ рѣшился укропить буйныя спраспи свои. — Я буду работать, сказалъ онъ, чтобы жена моя не знала бѣдности.

Но отецъ *Анны* не соглашался на бракъ ихъ.

Въ одну ночь, *Анна* бѣжала съ *Альфонсомъ* изъ дому родительскаго и оставила престарелаго отца своего. Безразсудная видѣла блаженство въ одной любви — и, спремилась за оболъстительнымъ призракомъ, какъ просодушное дитя, которое бѣжитъ за бѣспящимъ мотылькомъ, не видя пропасти у ногъ своихъ.

Анна забыла ласки отца и упивалась любовью и ласками *Альфонса*.

Скоро прекрасные дни щастья улетѣли, — бѣдность, совсѣми ужасами своими, преспадала любовникамъ, и печаль наложила на нихъ желѣзную печать свою.

Анна, изнуренная горестью, впала въ спную горячку.

Альфонсъ сидѣлъ возлѣ неё, блѣдный и очаланный. — Ужасно видѣть спраданіе милого существа, и не имѣть средспвъ помощи ему! — Видѣть на смертномъ одрѣ шу, что жизнь дороже намъ собственной жизни нашей!

Попухшій взоръ его былъ усспремленъ на *Анну*. Она помилась, но не ропшала; онъ облегчалъ ея спраданія поцѣлуями своими и нѣсколькими каплями воды.

Контрабандистъ сжаллся надъ ними, и предложилъ взять *Альфонса* съ собою. — Онъ хотѣлъ плыть далеко и надѣялся ворошиться съ прибылью.

Альфонсъ не боялся опасности; — онъ думалъ только объ *Аннѣ*. — Онъ видѣлъ, что голодъ сидѣлъ у жесткаго ея изголовья, и щастный оставилъ *Анну*.

Къ вечеру поднялась буря; въперъ, вращась около утесовъ, качалъ лодки, сплывшія на якоряхъ и вздувалъ пѣнистыя волны; — бѣлая чайка съ крикомъ носилась надъ моремъ.

Альфонсъ не терялъ надежды.

Наступила ночь, — *Альфонсъ* не возвращался; *Анна* чувствовала голодъ и спужу. Она ждала *Альфонса*; — она прислушивалась къ звыванію въпра и къ спуку дождевыхъ капель въ окна хижины. Внутренній жаръ палилъ грудь ея.

Наконецъ она лишилась чувствъ.

Надъ ней сидѣла добрая сосѣдка, пришедшая навѣстить ея;—бѣдная *Маргарита* испугалась и побѣжала за священникомъ;—онъ пришелъ съ книгою, — спалъ на колына у кровати и пропѣвшимъ голосомъ началъ читать охходную.

Въ хижинѣ было тихо;—только шумѣла буря, только раздавался голосъ священника и хрипѣніе умирающей.

«Господи, облегчи тяжкія муки ея и прими душу спраждущей!»

—Аминь!—сказала *Маргарита*.

«*Альфонсъ, Альфонсъ!*» проговорила умирающая.

Въ эту минуту спрашно заревѣлъ вѣтеръ,—окна задрожали,—въпхавъ дверь отворилась настежь, и буря, ворвавшись въ хижину, задула лампаду, слабо освѣщавшую это жилище спраданія и горести.

Больная вскочила, и потомъ упала опять на подушку.

Спарушка засвѣтила лампаду и подошла къ кровати—*Анна* уже не дышала!

На другой день по утру священникъ ходилъ по берегу. Онъ смотрѣлъ на море и искалъ въ дали лодки контрабандиста.

Волна бросила къ ногамъ его мертвое тѣло, избитое о кремнистыя скалы—и покрытое ранами.

Это былъ трутъ *Альфонса*. И священникъ соединилъ супруговъ въ одной могилѣ.

T.

В Е К С Е Л Ъ - Ч У Д О В И Щ Е .

29-е Марта 1834 года на Парижской биржѣ за диво показывали вексель, писанный на спрашную сумму 350,000 фунтовъ стерлинговъ, т. е. на 90,000,000 рублей. Французы прозвали его *effet monstre*. Эпотьъ вексель-чудовище, эпотьъ великанъ въ своемъ родѣ, полученъ изъ Нью-Йорка *Ротшильдомъ* на Голландскаго банкира *Баринга*.

Н О В О Е Х Л Ъ Б Н О Е Р А С Т Е Н І Е .

Въ Парижѣ, въ шамоннемъ ботаническомъ саду, производили опыты надъ новымъ растеніемъ, которое названо *германъ хлѣбнымъ зерномъ*. Оно заслуживаетъ поговѣ, чшобы сельскіе хозяева занялись имъ въ особенностн. Оно, какъ по опыту доказано, имѣетъ передъ всѣми Европейскими мучными растеніями по важное преимущество, чшо доставляетъ несравненно богатѣйшую жапву, болѣе вытерпливаетъ непоспоянство погоды, болѣе содержитъ муки и солому родитъ длиннѣе.

В О Е Н Н А Я С Т А Т И С Т И К А .

С У Х О П У Т Н Ы Е С И Л Ы С А Р Д И Н С К А Г О К О Р О Л Е В С Т В А .

Народонаселеніе 4,300,000 душъ.

П О М И Р Н О М У П О Л О Ж Е Н І Ю .

4 роты конной гвардіи	172 чел.
1 пѣшая рота Швейцарской гвардіи	100 —
1 бригада гвард. гренадеръ	1,350 —
1 бригада гвардейскихъ егерей	700 —
Главный Штабъ арміи	28 —
Крѣпостной Штабъ	141 —
Генеральный Штабъ	25 —
5 баталіоновъ арміилтерій; изъ нихъ одинъ легкой арміилтерій	1,966 —
Инженерный Штабъ и рота минеровъ	133 —
9 бригадъ линейной пѣхоты	12,150 —
6 баталіоновъ егерей	4,200 —
Гарнизонная пѣхота	1,622 —
2 полка драгунъ	3,528 —
2 полка легкоконныхъ	
Королевскіе карабинеры (или жандармы пѣшіе и конные)	3,100 —

Вся армія, по мирному положенію, заключаешь въ себя 29,615 чел.

П О В О Е Н Н О М У П О Л О Ж Е Н І Ю .

4 роты конной гвардіи	172 —
1 пѣшая рота Швейцарской гвардіи	100 —

1 бригада гвард. гренадеръ	4,050 чел.
1 баталіонъ гвард. егерей	700 —
Главный Шпабъ арміи	28 —
Кръпостной Шпабъ	141 —
Генеральный Шпабъ	28 —
5 баталіоновъ арміилерін; изъ нихъ одинъ легкій	3,352 —
Фуришпашъ	2,086 —
Инженерный Шпабъ и рота минеровъ	153 —
9 бригадъ линейной пѣхоты	36,450 —
6 баталіоновъ егерей	4,200 —
Гарнизонная пѣхота	1,622 —
2 полка драгунъ	} 3,328 —
2 полка легкоконныхъ	
Королевскіе карабинеры (или жандармы пѣ- ше и конные)	3,100 —

Вся Сардинская армія заключаетъ въ себѣ
по военному положенію 61,490 чел.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОЗА.

(Изъ Парни).

Lorsque venus, sortant du sein des mers,
Sourit aux Dieux charmés de sa présence,
Un nouveau jour éclaira l'univers,
Dans ce moment la rose prit naissance.

Parry.

Въ пошъ славный день, когда изъ пѣны зыбкой
Венера родилась, чшобъ украшашъ любовь,
И встрѣшила воспорженныхъ боговъ
Съ волшебною, небесною улыбкой;
Когда вселенную дель новый озарилъ, —
Въ шо самое чудесное мгновенье
И розы сладостной свершилося рожденье,
И еиміамъ ея на небо воспарилъ.
Тогда она лицею превышала
Своею нѣжною, пріятной бѣлизной,
И прелесшью чудесной, неземной,
Подлунный міръ она очаровала.
Вдругъ, буйный Вакхъ однажды уронилъ
На розу пышную изъ изумрудной яляги
Блестящій брызгъ пурпурной влаги, —

И краску навсегда цвѣпокъ перемѣнилъ.
Венеру онъ околдовалъ чудесно,
И Паеоса теперь имъ изукрашенъ садъ;
Его плѣнительный, душистый аромашъ
Оспрадите амврозіи небесной.
Имъ нѣжныя какъ пухъ рисуются уста,
И въ сладкія минуты нѣги, щасстья,
Въ минуты сна, въ минуты сладострасстья,
Имъ блещеть роскошно дѣвъ юныхъ красота,
И нѣжно пошупа задумчивые взоры,
Имъ раздумлившихся, безмолвный, скрояный
спыдъ
Предъ обольщеніемъ заспѣчиво горитъ,
Какъ лѣшнею порой лучъ радостный Авроры.

И. Галантинъ.

Апр. 1835 г.

ШАРАДА.

Имперіи большой мой *первый* слогъ началъ,
Второй: Брипанецъ пошъ, чье имя славно стало
На берегахъ Невы; кпо, дѣйствуя огнемъ
Противъ сердитыхъ волнь, пухъ сократилъ на
морѣ.

Всего же музыку щитающъ торжествомъ-
Давали и дадутъ на Русской сценѣ вскорѣ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

53.

Не могу постигнуть, опъ чего не полю-
билися почтеннѣйшему, безприсраспнѣй-
шему, благороднѣйшему В. В. В. Замыт-
ки въ *Лит. Прибавленіяхъ къ Русскому Ин-*
валиду? Мы съ нимъ почти во всемъ согла-
сны; онъ говоритъ, что — «Библиотека для
ттенія подкапываетъ репунацію Ломо-
никова, Гоголя-Яновскаго, Кукольника, Бу-
нашева и другихъ, непринлежащихъ къ ея
приходу.»

И я говорю тоже.

Владиміръ Михайловичъ утверждаетъ,
что — «Библиотека для ттенія — лучший изъ
наспоящихъ журналовъ.»

И я утверждаю тоже.

Г. В. В. В. мыслишь, — «что Самолюбие — страсть общая; что ею заражена и Библиотека. Но зачемъ же увѣряешь, что до Библиотеки не было ничего хорошаго, что не было даже чинашелей, что Библиотека ихъ гонившя?»

И я мыслю тоже.

Г. В. В. В. пишешь, что — «г. Крипикъ (въ журналъ Библиотека для чтенія, занимающійся разборомъ книгъ) владѣешь обширною ученостью, самыми разнообразными свѣдѣнїями; что эшо дѣлаешь честь ему безъ сомнѣнїя; но вопъ бѣда;» замѣчаешь г. В. В. В.: «онъ думаетъ, что никто не знаетъ того, что онъ знаетъ. Для чего онъ пишешь крипику на вашу книгу? Не для того, чтобы показатъ, что вы хотѣли сдѣлать, и что вы сдѣлали, совсѣмъ нѣтъ! Ваша книга — не цѣль для него, а только средство показатъ, что онъ знаетъ болѣе васъ. Въ его крипикъ вы исчезаете, остается онъ одинъ. Эгоизмъ удивительный! Только и видите, что мы, да мы, да опять мы, а авторъ съ книгою въ споронъ. Прочитайте двадцать страницъ крипики: вы узнаете тысячу новыхъ вещей, оспроумно изложенныхъ, а о книгѣ будете судить только по опривкамъ, которые взялъ у автора крипикъ, безъ всякой связи. Опъ эшой увѣренности въ чужое безсиліе и незнаніе, опъ эшой самонадѣянности происходитъ шо глубокое, непритворное презрѣнїе къ чужимъ трудамъ, которое Крипикъ Библиотеки щещно силится скрывать. Опъ эшаго онъ бѣетъ авторовъ *палками въ лобъ, жгутами по спинѣ*; отдаешь книги на разсмотрѣнїе своему Ванькѣ (въоряшно, кучеру или дворнику — вопросъ нерѣшенный!) — смѣется, издѣвается надъ сочиненїями, наряжаетъ ихъ *въ шуты*, и хвалишь сочиненіе, говоря, что оно писано *по-людски.*»

И я писалъ и пишу тоже!

Г. В. В. В. удивляется «незнанію общественныхъ формъ и липературныхъ прили-

чій, при умѣ и образованности г-на Крипики Библиотеки для чтенія.»

И я удивляюсь тоже!

Г. В. В. В., какъ опкровенный и благородный липераторъ, сожалѣешь о томъ, — «что на всѣ крипическія достоинства крипики Библиотеки наложено яркое пятно одного недоспапка, — разрушительнаго эгоизма, опъ котораго въ рукахъ г-на Крипики бѣлое спановишя чернымъ, а черное бѣлымъ.»

И я сожалью тоже!

Января 20,
1836.

А. Кораблинскій.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Противъ хорошей книги сколько бы ни вооружались неосновательные крипики, а она всё-таки будетъ понята и оцѣнена публикою, эшимъ судіею безприспраснымъ, благороднымъ. Мы первые предрекли успѣхъ книгъ *В. П. Бурьянова*, подъ названїемъ *Прогулка съ дѣтлами по земному шару*, и очень рады, что, съ нашей легкой руки, будучи поддержана прочими благонамѣренными рецензентами въ *Съверной Пчелѣ* и въ *Журналъ Общеполезныхъ свѣдѣнїй*, она имѣла, не взирая на нѣкоторыя свои недоспапки, соспояціе въ промахахъ, происшедшихъ опъ поропливости молодаго издашеля, успѣхъ необыкновенный. Нѣтъ еще двухъ мѣсяцовъ, какъ книга эша въ продажѣ, а уже не оспаеися почти экземпляровъ. Надобно сказать правду, что патриотизмъ, которымъ книга эша преисполнена, заспавляетъ забыватъ небольшїя опечашки, промахи, и дѣлаешь еѣ доступною во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведенїяхъ. Изъ нихъ нѣкоторыя приобрѣли еѣ въ значительномъ числѣ экземпляровъ для своихъ библиотекъ, другїя же получили въ даръ опъ почтеннаго негоціанта Русскаго, Василья Григорьевича *Жукова*, усмопѣрѣваша пользу эшой книги для воспитанїя Русскаго

юношества въ чувстввахъ любви и преданности къ опечеспву и къ пресполу.—

В.

М О Д Е С.

Croiriez-vous, ma chère *Nancy*, qu'après cette apparition du printemps dont je vous ai parlé, nous soyons à la neige, et que manteaux, doilletés, fourrures soient plus que jamais à l'ordre du jour; les recherches sont détestables, et chacun gémit sur le retour de l'hiver. Vous vous rappelez sans doute que je vous ai parlé dans ma dernière lettre des porte-bouquets de M. *Bourguignon*; il vient de nous donner encore un meilleur *plais de son métier*; ce sont les résilles à la *Cléopâtre*; rien n'est plus joli et plus gracieux; elles ne laissent pas, comme les autres résilles, les derrière de la tête à découvert, au contraire, elles emboîtent la coiffure et viennent se terminer en pointe sur le front, où elles sont retenues par une agrafe de pierreries. On fait aussi des bouquets de perles pour garniture de robe, que l'on place sur le côté du jupon pour retenir une draperie; c'est une preuve du bon goût du moment, que ce retour au perles, car rien n'est plus distingué et ne sied mieux au visage que cet ornement. Aussi nos bons coiffeurs, *Jouenne*, *Sergent* et *Georges*, s'en servent-ils beaucoup dans leurs coiffures, et rien de plus élégant que deux rangs de perles placés sur le front, et retenant de chaque côté des tempes des branches de fleurs ou des nœuds de velours. Des barbes de blonde se portent également avec cette coiffure. Puisque je parle de blonde, je vous dirai que beaucoup de robes d'étoffes épaisses se garnissent de volans de blonde; ce qui s'harmonise parfaitement avec les manchettes et les mantilles, dont presque toutes les robes sont maintenant ornées. Vous savez, ma chère sœur, ce que disait *Perlet* dans le *Comédien d'Etampes*: «On parla tout à coup de ne plus faire cuire les pommes.» J'adapte cette phrase à la réduction des manches, et je dis: «On parla tout à coup de les faire toutes plates.» Et nous y voilà! nous y marchons, à mon grand désespoir! *Amadis* va de nouveau régner sur les *Gaules*, et l'on fait déjà des manches longues avec couture en dedans et en dehors, des manches à coudes enfin!... Aussi tous les vilains bras frémissent-ils dans leur enveloppe *dissimulante*; et, comme le renard qui avait perdu sa queue, crient-ils *haro* sur cette mode désespérante.

М О Д Ы.

Повѣришь ли ты, милая *Nancy*, что послѣ этаго появленія весны, о которомъ я тебѣ говорила, мы опять въ *стыгу*, и что плащи, дублеты, мѣха, болѣе, нежели когда нибудь въ употребленіи; повторенія несносны, и всѣ поспѣютъ опъ возобновленія зимы. Ты вѣрно помнишь, что я говорила тебѣ въ послѣднемъ письмѣ о *porte-bouquets* г-на *Bourguignon*; онъ выдалъ намъ еще лучшій образецъ своего искусства, это сътки à la *Cléopâtre*; ничего нѣтъ красивѣе и ловчѣе; онѣ не оставляютъ, какъ другія сътки, голову сзади открытою; напрошивъ, онѣ обхватываютъ прическу и оканчиваются на лбу мыскомъ, гдѣ прихватываются застежкой изъ камельевъ. Дѣлаютъ также букеты изъ бусъ для отдѣлки платьевъ, которые подхватываютъ драперіи съ боку юбки; это возвращеніе къ бусамъ служитъ доказательствомъ теперешняго хорошаго вкуса; потому что ничего нѣтъ отличнѣе этаго украшенія и ничто такъ неидетъ къ лицу. Опъ того наши первые убиратели волосъ, *Jouette*, *Sergent* и *Georges*, весьма много употребляютъ ихъ въ своихъ прическахъ; ничего не можетъ быть щеголеватѣе двухъ рядовъ бусъ, положенныхъ по лбу, прихватывающихъ на вискахъ вѣтки прической или банты; изъ бархата съ этой прической также носятъ блондовые лопости. Говори о блондѣ, скажу тебѣ, что многія платья изъ плотныхъ матерій обшиваютъ блондовыми оборками; что весьма соотвѣтствуетъ манжетамъ и маншильямъ, которыми отдѣлываются почти всѣ платья. Ты знаешь, милая сестра, что *Perlet* говорилъ въ *Comédien d'Etampes*: «Заговорили вдругъ, чтобъ не печь яблоковъ.» Я приспособлю эту фразу къ переменѣ рукавовъ, и говорю: «заговорили вдругъ дѣлать ихъ совсемъ гладкіе.» И вотъ къ моему опчаянію, мы принялись уже за нихъ! Амадисъ снова будетъ царствовать надъ Галлами; длинныя рукава дѣлаютъ уже со швомъ внутри и снаружи, наконецъ рукава съ локтями!... Потому всѣ дурныя руки содрогаются въ ихъ скрывающей оболочкѣ, и какъ лиса, потерявшая свой хвостъ, воютъ прошивъ этой ужасной моды.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листѣ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 23.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модѣ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 18 ДНЯ 1856 ГОДА.

Вельможа Ропозѣй во дни свои щасливый
Любилъ однихъ скопцовъ,
Дивисься, нечему!—весь свѣтъ почши шаковъ:
Мы всѣ самолюбивы!

И. Дмитриевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КАНАСЪ.

(Повѣсть.)

Крестины поворожденнаго графа *Бенеvente* празднованы были въ Гренадѣ цѣлую недѣлю сряду; помѣстья и власъ маркиза *Бенеvente* проспирались отъ Алмеріи до Лохы; онъ и молодая, прекрасная жена его, умѣли сплести любовь васалловъ и всеобщее уваженіе соотечественниковъ своихъ; слѣдовательно каждый принималъ участіе въ ихъ радостяхъ, и праздники, даваемые въ честь ихъ, не перерывались.—Наконецъ они были заключены игрою, называемою *канасъ*.

Игра эта, введенная въ Испанію Маврами, еста родъ каруселя, на которомъ значныя молодые люди, одѣтые въ рыцарское платье, сражаются деревянными копьями, называемыми *канасъ*.—Эта игра еще и понынѣ существуетъ въ Андалузій. Испанцы сохранили долѣ насъ прелестную свѣжестъ юныхъ вѣковъ своихъ, и въ 1802 году вѣри-

ли въ храбрость Каспилянъ также искренно, какъ въ пѣ дни славы и величія, когда гордая Испанія была царицею вселенной.—Многіе смѣялись эпэму—но я удивлялась!

Нѣтъ! я не находила ничего смѣшнаго въ неуспрашимости, съ которою Испанцы сражались съ быками, подвергая опасности жизнь свою. Народная забава эпа, которая имѣетъ мѣсто нынѣ только въ поржественные праздники, по еспъ въ день коронаціи, по случаю крестинъ, или сватъбы одного изъ членовъ королевской фамиліи, была, до Французской войны, обыкновеннымъ увеселеніемъ жипелей во всѣхъ Испанскихъ провинціяхъ.

Маркизь *Бенеvente*, желалъ въ свою очередь опиллатить жипелямъ Гренады великолѣпнымъ праздникомъ, велѣлъ повѣспитъ, что 15-го Юня опкроетъ у него риспалитце, на которое онъ вызываетъ всѣхъ и каждаго, желающаго *переломитъ съ нимъ копье*. Вызовомъ его было слѣдующее предложеніе: *Супруезъ, любимый стрною подругою, во сто разъ ближенте щастливаго любовника*. Оспориваю-

щие рыцари могли сражаться съ поднятымъ или опущеннымъ забраломъ—по произволу.

Мѣсто для поприща приготоовлено было въ самой Алгамбрѣ на дворѣ, называемомъ Лосъ-Алибесъ (по естѣ дворъ водоёмовъ), и всё было устроено такъ, какъ во времена *Зеэриса* и *Абенсераговъ*. На Львиномъ дворѣ сущеспивоали еще двѣ галереи, построенныя полукружіемъ, которыя въроятно, во время древнихъ игръ, занимались калифомъ и его придворными. Маркизь не щадилъ ничего на то, чтобы праздникъ его великолѣпиемъ своимъ могъ дать понятіе о пышности роскошнаго двора *Боабдила* и *Абенсераговъ*. Прекрасная зала дворца, украшенная во вкусъ тѣхъ вѣковъ, была совершенно приведена въ прежнее сосполніе, и всѣ рѣдкія произведенія Мавританскаго искусства явились въ первобытной красотѣ своей. По стѣнамъ видны были мраморныя вѣшвы и гирлянды цвѣтовъ, вырѣзанныя изъ камня; полы покрылись богатыми коврами, мраморныя диваны парчевыми подушками; легкіе изъ серебраго флѣра занавѣсы, зашканные шелкомъ, развѣвались на полу-округленныхъ окнахъ и передъ дверьми, надъ которыми написаны были стихи изъ Корана, очень хорошо сохранившіеся. Золотыя и лазуревыя арабески сіяли при блескѣ тысячи благоуханныхъ свѣчъ; вездѣ курились ароматы востока, шумѣли водомѣпы, и пихіе звуки шорбана и гитарь, соединяясь съ мелодіею голосовъ, довершали очарованіе. Словомъ, всё въ этомъ восхищительномъ жилищѣ напоминало нѣгу и могущество калифовъ, золотые дни Багдада, эпои колыбели волшебныхъ сказокъ—или славу Дамаска съ живописными его окружноспями.

Алгамбра дышетъ воспоминаніями давно минувшаго. Тамъ, съ неизьяснымъ чувствомъ, ходите вы по длиннымъ галереямъ, служившимъ нѣкогда темницею прекрасной *Зораиды*; рѣшетка, до которой допрогивались нѣжныя ручки ея, и на которую, можетъ быть, часто падали слѣзы прелестной *Одалиски*, стоить еще посреди небольшой залы, въ одной изъ башенъ Комарѣса; тамъ всё—въ цѣлости; тамъ и баня *Зораиды*, съ

мраморною плитою, на которой курились благоуханія—и наполнивъ комнату, окружали султаншу легкимъ, голубовавшимъ облагомъ; недоспааетъ только шелковаго шапра, защищавшаго еѣ отъ солнца; по кольца, на которыхъ висѣлъ онъ, еще сущеспвуютъ. Въ парадныхъ залахъ на Львиномъ дворѣ—на мѣстѣ водоёмовъ, въ садахъ, въ бесѣдкахъ—всюду видны оспатки какого нибудъ великолѣпнаго пиршества, которое, кажется, вчера только дапо было въ Алгамбрѣ; зала въ Комарѣсѣ блеспитъ бѣлою мраморною рѣзбою; она украшена легкими гирляндами изъ маргаритокъ, сдѣланными изъ порфира — и стихами изъ Корана, эпитами прекрасными изрѣченіями, которые, какъ живые говорящіе памятники, рассказываютъ намъ о прежнемъ владычествѣ Мавровъ въ Гренадѣ и восточныхъ нравахъ ея.—Конечно, нѣтъ земли въ Европѣ, гдѣ бы голосъ старины не напоминалъ о ничтожествѣ мірскаго величія и человѣческихъ предпріятій; но нигдѣ онъ такъ краспорѣчиво не говоритъ о суепности свѣтскихъ удовольствій, какъ въ эписхъ опустѣлыхъ дворцахъ, гдѣ сіяетъ мраморъ, сыплются алмазы фонтановъ; и стѣны, покрытыя лазурью и золотомъ, храпятъ еще слова любви, на нихъ начертанныя. Здѣсь любовь вездѣ; она дышетъ въ воздухѣ, она наполняетъ душу вашу мечтами своими, — и вы невольно предаетесь ея очарованію. Алгамбра—рай, обещанный пророкомъ для вѣрующихъ.

Донъ Фернандъ возобновилъ всё, почти баспословное великолѣпие Алгамбры во времена *Абдулрамана*, эпоаго храбраго, роскошнаго и прекраснѣйшаго изъ калифовъ. Благодаря издержкамъ маркиза и знатной суммѣ денегъ, данной на эпо благодарными жителями Гренады, древній Мавританскій дворець, казалось, воскресъ, и явился въ день праздника со всѣмъ волшебствомъ своимъ.

Дона Клара, жена маркиза, должна была вручить побѣдипелю награду—шпагу, украшенную алмазами, съ эмалевымъ ея портретомъ на эфесѣ. *Дона Клара* была одѣта съ чрезвычайнымъ вкусомъ и великолѣпиемъ. Платье ея изъ серебраго флѣру, надѣтое

на другое изъ блага апласа, застегивалось на плечахъ, груди и палии сафирными аграфами, осыпанными бриліантами; ожерелье маркизы, шпильки, поддерживавшія черныя ея волосы, собранныя на верху головы подъ бриліантовый гребень— всё было изъ самыхъ дорогихъ алмазовъ, перемѣшанныхъ съ сафиромъ, и въ этомъ публичномъ парадѣ доня *Клара* ослѣпляла красотою своею и обворожала какою-то неизъяснимою прелестію.— Смотря на неё, сердце *Фернанда* билось, какъ будто бы онъ шелъ сражаться для того, чтобы получить ея руку.

Поприще открылось ровно въ полдень; шелковая пурпуровая палатка, возвышавшаяся надъ мѣстомъ сраженія, защищала отъ палящихъ лучей солнца. Жаръ былъ несносный; однакожь не смотря на зной, маркизь, которій отличался ловкостью и искусствомъ во всѣхъ играхъ, побѣдилъ всѣхъ противниковъ своихъ. Переломя пятнадцатъ канасовъ или простыньковыхъ палочекъ, сдѣланныхъ на подобіе копья, и сядя на парчевой подушкѣ у ногъ *Клары*, онъ ждалъ новыхъ соперниковъ,— какъ вдругъ протяжный звукъ трубы возвѣстилъ прибытіе новыхъ рыцарей, которые просили позволенія оспаться неизвѣстными во все продолженіе праздника. Донъ *Фернандъ* отвѣчалъ имъ черезъ судью турнира, что это было совершенно въ ихъ волю, и что если бы имъ извѣстно было условіе игры, то они знали бы, что участвовавшіе въ ней могли сражаться съ открытымъ или опущеннымъ забраломъ — какъ кому угодно.

Все это говорено было съ важностію, достойною времени рыцарства и правовъ *Боабдула*, *Зегриса* и королевы *Зораиды*.

Незнакомцы, казалось, совершенно вошли въ характеръ роли своей, и одежда, какъ ихъ самихъ, такъ и конюховъ ихъ, строго согласовались съ преданіемъ.— Ихъ было семь человекъ; первые два тотчасъ признали маркиза побѣдителямъ,— нопретій, привлекая глаза всѣхъ сплнностью своею и плѣнительною ловкостью движеній, прежде нежели начать бой и поклониться маркизу— подошелъ къ возвышенію, на которомъ си-

дѣла *Клара*, и положилъ было ногу на первую ступень, чтобы взбѣжать на эспраду, но какая-то мысль удержала его, и онъ остановился.— Постоявъ нѣсколько минутъ, онъ преклонилъ голову передъ царицею турнира и вдругъ бросился на маркиза, съ такою жестокостію, что зрители ахнули отъ удивленія. Донъ *Фернандъ*, ослабѣвшій отъ усталости, защищался съ прудомъ, и не могъ понять, почему соперникъ его преслѣдовалъ его съ такою злобою, и такъ, что если-бъ всё это было не одна игрушка, то онъ бы вѣрно искалъ убить маркиза; наконецъ *Фернандъ* долженъ былъ уступить, и незнакомецъ толкнулъ его такъ сильно, что бѣдный маркизь упалъ на землю. Побѣдитель взглянувъ на него съ ужасною ненавистію, даже не подалъ руки, чтобы помочь ему; потомъ гордо подошелъ къ эспрадѣ, взбѣжалъ на неё опроченью, и, преклоня колѣно передъ *Кларою*, казался въ такомъ сильномъ волненіи духа, что голова его упала на ея руки, въ ту минуту, какъ она надѣвала ему на плечо шарфъ, къ которому прицѣплена была шпага.— Получа её, онъ вдругъ проворно поднялъ забрало—и *Клара* узнала *Лудовика*.

—Нешастный!—прошептала она.

«Не говори мнѣ ничего.... я возвращался сюда съ добрымъ расположеніемъ—я не хотѣлъ мстить—но смотри—и суди сама!»

И онъ глазами показалъ на столбъ, къ которому приближъ былъ вызовъ *Фернанда*: *Супругъ, любимый вѣрно подругою, во сто разъ блаженнѣе счастливаго любовника*.

Лудовикъ опустилъ опять шлемъ свой, съ жаромъ поцѣловалъ руку маркизы, и сойдя поспѣшно съ возвышенія, присоединился къ поварищамъ; наконецъ всѣ они вскочили на лошадей и поскакали во всю прыть, оспавя зрителей въ несказанномъ удивленіи.

Донъ *Фернандъ* сдѣлался угрюмъ и печаленъ; онъ подошелъ къ женѣ своей и грубымъ голосомъ спросилъ её:

«Сударыня! кто этакъ дерзкій человекъ?»

Клара поблѣднѣла и не отвѣчала ни слова.

«Что онъ сказалъ вамъ?» повторилъ маркизъ, дрожа отъ ярости.

— Онъ со мною не говорилъ, — вымолвила наконецъ *Клара*.

«Ты лжешь! — Онъ заодно съ побоею; но ты мнѣ заплашишь за мое безчестіе!»

— О дочь *Лудовикъ*! О братъ мой! Гдѣ ты въ эту минушу! —

Нещасная *Клара* умирала отъ страха, представляя себѣ встрѣчу *Фернанда* съ двоюроднымъ его братомъ — встрѣчу ужасную! *Лудовикъ* любилъ ея; безумецъ!... На рукъ ея горѣлъ еще бѣшенный поцѣлуй его; каждый звукъ его голоса — былъ напишанъ пою непреодолимою спрасътью, которую скрыть невозможно. Бѣдная женщина ужасалась — она спрашивала свое сердце, и предвидѣла будущее.

Само собою разумѣется, что праздникъ кончился печально; внезапное происшествіе, возмущившее общую веселость, придадо ему совсѣмъ другую фізіономію — и всё предвѣщало *Кларъ*, что вечеръ наединѣ съ *Фернандомъ* будетъ ужасенъ. Голосъ сердца открывалъ ей тайну спрашную; нещасная не смѣла сорвать съ нея покрывала, но чувствовала ея присутствіе, и душа ея, нѣкогда чистая и непорочная, пренетала при мысли о пресупленіи — о нещастіи, а можетъ быть, о томъ и другомъ вмѣстѣ!

T.

С И Н І Й И Б Ъ Л Ы Й.

Впередъ, впередъ, товарищи! Синіе идутъ на насъ по дорокъ отъ Рошъ-Бриара!

Такъ кричалъ *Перо*, солдатъ Вандейской арміи, которая, какъ извѣстно, составила было опять въ 1815 году.

Въ эту самую минушу храбрый воинъ палъ отъ щпыка одного сержанта *Наполеонова* гренадерскаго полка.

Нѣсколько дней спустя послѣ того — въ той же споронѣ раздался крикъ:

Впередъ, вольтижеры первой арміи. На насъ идутъ Бѣлые.

Это кричалъ *Рено*, поппь самый, который ранилъ Вандейца. Но *Перо* выхватилъ короткую саблю свою, разрубилъ имъ лицо неприятеля, и тѣмъ онемилъ ему за свою рану.

Прошло нѣсколько лѣтъ... Всѣ, участвовавшіе въ великой драмѣ междоусобицъ, возвратились въ дома свои. По заключеніи мира, почести и награды — заплашили имъ за рапы, полученные на полѣ брани.

Вандейцу опредѣлена большая пенсія.

Сержантъ *Рено*, повышенный чиномъ, уволенъ съ жалованьемъ. Сильный и здоровый, онъ принялся за работу и скоро умножилъ доходъ свой.

Оба они жили въ Борѣ въ одномъ домѣ и въ одномъ экипажѣ. Встрѣчаясь каждое утро на лѣспницѣ, они учтиво кланялись другъ другу — и ввечеру шли вмѣстѣ бѣлое вино. Если одинъ изъ нихъ запѣвалъ марсельезу — по другой пассивывалъ *Vive Henry IV!* и это было всегда первою искрою жаркаго спора. — Прежніе враги не одинъ разъ были головы вспунишь въ рукопашный бой, — но къ щастію ихъ, миролюбивые сосѣди прибѣгали на шумъ и ссора оканчивалась съ прибылью для пракирщика.

Вандейцу дана была только временная пенсія; она прекратилась въ 1830 году, и *Перо* впалъ въ нищету.

Однажды поупру, сержантъ *Рено* поклонился сосѣду своему съ необыкновенно-веселымъ видомъ и предложилъ ему вмѣстѣ позавтракать.

Перо былъ печаленъ, — онъ отказался отъ упренней рюмки вина, съ горестью думая, что скоро будетъ не въ состояніи плащить сержанту пою же учивостью.

«Вы рано идете со двора сегодня, г-нъ сержантъ!»

— Да, мой старій *Бѣлый* (такъ онъ называлъ обыкновенно Вандейца), я иду рано со двора попому, что скоро мнѣ придется кормить не одного себя. —

«А, вы женись!»

— Да, почпши такъ. —

«На комъ же?»

— На комъ? — опивчалъ старый солдатъ, проныгивая руку сосѣду. — «На шебъ, мой старый непріятель. Трехъ-цвѣтная кокарда хочеть взять себѣ въ подруги бѣлую. Твоя пенсія прекратилась, а моя оспается: мы раздѣлимъ её пополамъ. Припомъ же руки у меня здоровы, силы есть; я буду ходить въ городъ на работу, а ты съ больными ногами сиди дома. Однако-жь мы всё таки будемъ по старому спорить и даже драхься, когда сердце заговорить; а если нужно, то и умремъ, я за *Наполеона*, ты за *Генриха IV*, — только не умремъ съ голоду, въ эпомъ я шебъ ручаюсь. —

И союзъ эпомъ уже шесть лѣтъ существоеть свято и пенарушимо.

Солдатъ *Наполеоновой* арміи кормить прудами своими Вандейца, который, сидя покойно дома, спряпаеть на кухню и чинить общее платье. Иногда старинные споры возобновляются въ концѣ обѣда; друзья кричатъ, бранятся и называютъ это закускою. Потомъ каждый, ворча и нахмурия брови, ложится спать. На другой же день, какъ будто ничего не бывало, сержантъ опирается работать для поварища.

Намъ кажется, что комиссія, учрежденная г. *Монтюломи* для раздачи награды за добродѣтельные поступки, не могла бы лучше употребить денегъ, для эпого предмета назначенныхъ, какъ отдавъ ихъ нынѣшній годъ великодушному гренадеру.

Г.

МАТЬ И ДОЧЬ.

(Разговоръ)

Дочь.

Посмотрите, маменька! какое чудо!... Видите-ли рядъ эпохъ домиковъ?... Какія у нихъ окна!.. Какъ они блещуть!... Точно алмазы подъ розовымъ флѣромъ!... Подойдемъ ближе, милая маменька!

Мать.

Подойдемъ!

И подошли... Но что-жъ открылось? — Окна были какъ окна, даже грязныя; домики бѣдные; никакого блеска и признаковъ не было! — —

Дочь.

Опъ чего-жъ эпо, милая маменька? Я сама видѣла, и вы сами видѣли. Объясните, если можете.

Мать.

Могу. Слушай! Въ окна эпохъ убогихъ домиковъ ударили лучи заходящаго солнца; мы сползли съ боку и очарованы были чудеснымъ опблескомъ, но не надолго: солнце закапилось; мы подошли ближе — и ты видишь, есть ли тутъ чему дивиться?

Смысль.

Солнце — вельможа; рядъ бѣдныхъ домиковъ — толпа людей обыкновенныхъ. На кого изъ толпы обратится покровительство, тотъ и блещеть! Но солнце милости зайдетъ — и блескъ исчезнетъ! — Подходятъ ближе къ предмету удивленія — и не находятъ ничего! — Все заимствованное — непрочно!

Ф. Глинка.

ШЕКСПИРЪ И РАСИНЪ.

Дидротъ говорилъ однажды съ большимъ уваженіемъ о *Шекспирѣ*. — «Какъ можно?» возразилъ *Вольтеръ*: «эпого нескладнаго поэта предпочитаетъ *Виргилію* и *Расину*? Не уже ли,» продолжалъ онъ: «вы оставите *Апполона Бельведерскаго*, чтобъ смотрѣть на безобразную спашую св. *Христофора* въ соборной Парижской церкви?» *Дидротъ*, подумавъ немного, опивчалъ: положимъ такъ, но не испугались бы вы, еслибъ эпоа безобразная спашуя вдругъ пронулась съ мѣста и своими калосальными ногами начала шагать по церковному помосту? — *Вольтеръ* замолчалъ, будучи пораженъ такимъ разительнымъ сравненіемъ.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ ШВЕЙЦАРІИ.

Народонаселеніе 2,081,159 душъ.

Швейцарія постоянной арміи не имѣетъ.

Участки, посылаемые всѣми кантонами, соспавляютъ вообщемъ 33,758 чел.

Это число распределено нижеслѣдующимъ порядкомъ:

Баталіонныя Штабы	666 чел.
Пѣхоты	27,245 —
Конницы	736 —
Спрѣлковъ	2,000 —
Артиллеріи	1,704 —
Фуришата (1,828 лошадей)	1,194 —
Саперовъ	142 —
Понтонёровъ	72 —
	33,758 чел.

Резервъ.

Пѣхоты	29,239 чел.
Артиллеріи	1,136 —
Фуришата	717 —

Во всей же арміи Швейцарскаго Союза считается 64,850 чел.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

55.

Мы не можемъ разспаться съ дѣльною, основательно и почти безпристрастно написанною критическою статью первой книжки *Сынъ Отечества*.

Г. В. В. В. поспавляетъ на видъ своимъ читателямъ, — «что критикъ (1) журнала *Библиотеки для чтенія* презираетъ не однихъ писателей: онъ проникнулъ пѣмъ же чувствомъ неуваженія и къ читателямъ.»

И я поставлю на видъ Русской публики тоже.

(1) Критическіе разборы новыхъ книгъ и литературная льшонисъ пишутся разными особами, но всегда въ одномъ духѣ и однимъ слогомъ, шакже какъ повѣсти, сказки, рассказы. Этого слогъ, эту манеру можно называть *Духомъ Библиотеки для чтенія*. Ими занимаются иногда О. И. Сеньковский, Морозовъ, А. Бл-кинъ, а чаще всего баронъ Брамбеусъ.—К.

Г. В. В. В. замѣчаетъ, что—«*Библиотека* щипаетъ Русскихъ XIX вѣка неспособными понимать порядочныя книги, она ихъ приготавливаетъ, и сама, отъ простоты сердца, признается въ эпозъ съ дѣпскимъ чисто-сердечіемъ.»

И я замѣгаю тоже.

«Хопипелл» съ негодованіемъ продолжаетъ г. В. В. В.: «чтобы г. критикъ *Библиотеки* создалъ *огромную репутацію*; онъ еѣ сдѣлаетъ одною спатьею! И потомъ, когда она ему наскучитъ, онъ начнетъ еѣ убивать колкою насмѣшкою, вѣрнымъ орудіемъ, пропивъ котораго ничто въ мирѣ успоить не можетъ (2). Сегодня онъ даетъ вамъ кумиръ, называя его великимъ, а чрезъ два мѣсяца снимаеъ съ него вѣнецъ славы съ такою усмѣшкою, что вамъ спѣдно будетъ поклоняться этому кумиру. Гдѣ же тутъ уваженіе къ читателю? Говоритъ одно, а потомъ со-всѣмъ пропивное, увѣряя, что все прежде было одна шупка, выдуманная для пошѣхи, отъ нечего дѣлаеъ. Между критикомъ *Библиотеки* и его читателемъ вѣчно первое Апрель.»

И я негодую на эту новую хамелеонистику (3)!

«Нѣтъ сомнѣнія, что *Литературная Льшонисъ* была бы занимательною частію *Библиотеки*,» утверждаетъ г. В. В. В.: «еслибъ критикъ не употреблялъ своего остроумія (4) во зло. Нерѣдко онъ *остритъ* черезъ чуръ и доходитъ до неприличныхъ выходокъ, опвергаемыхъ изящнымъ вкусомъ. Онъ улыбаясь говоритъ вамъ: *это изданіе лажеское, особенно приспособленное къ самымъ съгаль; ему съ намѣреніемъ дана форма рѣль,*

(2) Однакоже слава Гоголя, Павлова, Бенедиктова, Кукольника усполя пропивъ язвительныхъ насмѣшекъ барона Брамбеуса. Ссылаемся на цѣлую Россію!—К.

(3) Прежня хамелеонистика происходила почти всегда отъ недосмотра и отъ того, что журнальспатьею спсно пропивъ води ихъ, навязываютъ свои мнѣнія о книгахъ досужіе офѣнчики, а нынѣшняя пропиворѣчитъ сама себѣ съ умысла.—К.

(4) Остроумія и вкуса нѣтъ рѣшиительно въ спатьяхъ барона Брамбеуса. Въ нихъ много обнаруживается ума, начитанности, учености; всего же бодте памяти.—К.

*чтобъ можно было просверлить книгу насквозь
ножомъ и выткать салютную свѣгу.»*

И я утверждаю тоже.

Далье, г. В. В. В. преслѣдуешь барона изъ пѣснины въ пѣсницу, громилъ его же собственнымъ оружіемъ и не даешь ему вздохнуть свободно. — «Въ другомъ мѣспѣ, крипикъ *Библиотеки*, женишь *Бралибеуса* на переводчицѣ очень хорошей книги, крестилъ ихъ дѣшею и спавилъ имъ памятникъ изъ *сихъ* и *онихъ*. Гдѣ шупъ приличіе, уваженіе къ дамамъ, о копоромъ такъ часто полкуешь сама *Библиотека для чтенія?*» съ жаромъ укоряешь его почтенный защитникъ прекраснаго пола и благочинія.

И я, выписавъ двѣ соппи грязныхъ опривковъ изъ оспроумныхъ сочиненій *Бралибеуса*, спрашивалъ: гдѣ шупъ приличіе и уваженіе къ дамамъ, о копоромъ такъ часто полкуешься въ *Библиотеку для чтенія!* И я удивлялся, находя въ его спавляхъ вещи, о копорыхъ не смѣютъ заикнуться самые дерзкіе мущины въ порядочномъ обществѣ, и копорые приводятъ журналистъ, краснѣя отъ стыда и поневолю.

За что же крипикъ Сына Ошечества гнѣваеися на крипика *Литературныхъ Прибавлений?*

А. Кораблинскій.

20-е Января
1836.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛЬБОМЪ К. А. И.

Скажете, что альбомъ? — Собранье
Похвалъ и леспн на заказъ.

Вся цѣль его существованья —
Бышь выспавкою на показъ.

Владѣтельница изъ щещеславья
Его имѣющъ у себя,

Для моды больше; — наша-жъ брабья
Въ немъ спраспно любилъ не любя.

Сорилъ въ немъ чувствами, какъ Крезы;
Кипилъ въ нихъ пламень, а не кровь;
На дѣль же пустыя грезы,
Одинъ наборъ кудрявыхъ словъ!

И хочешь, — чтобъ свои я чувства
На выставку въ альбомъ вписалъ!
И до того дошелъ безумства,
Чтобъ ихъ въ полпу другихъ бросалъ!

Въ полпы холодный, пусный.
О! то, что я въ душѣ храню,
Тѣ чувства чистыя, святыя,
Я слишкомъ дорого цѣню.

Альбома вишязямъ плачевнымъ
Я мыслей не отдамъ на судъ;
Имъ цѣну-ль чувствамъ дамъ душевнымъ:
Они — ихъ вѣрно не поймушь.

Въ альбомѣ-ль ихъ предназначенье?
Я памъ хочу на памать жить,
Гдѣ ни пожаръ, ни наводненье
Меня не въ силахъ истребить.

О! докажи свое вниманье,
Изъ книги вырви сей листокъ,
И обо мнѣ, — для вспоминанья,
Оставь лишь въ сердцѣ уголокъ.

Д. А. — ет.

С H A R A D E.

En deux syllabes mon premier,
Utile produit de la terre,
Fait la fortune du fermier
Et celle du propriétaire.
Instrument d'un avengle sort,
Mon second, funeste ou propice,
Peut porter un joueur à se donner la mort,
Ou réjouir son avarice.
Mon troisième, en style un peu vieux,
Après la gloire, était d'un chevalier l'idole.
Mon tout peut enrichir, flatter l'ambitieux;
Son règne, en général, épouvante et désole.

Въ No 22-мъ, помѣщенная шарада значилъ: *Ро-Бертъ.*

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Всеобщій Атласъ, *отпечатанный въ 1836 году.*

На сихъ дняхъ вышелъ въ свѣтъ полезный и пріятный подарокъ для юношества: это прекрасный *Всеобщій Атласъ*, исправленный и дополненный извѣстнымъ съ самой выгодной стороны опечественной публикѣ *Ф. И. Позняковымъ*. Атласъ этотъ напечатанъ впорымъ изданіемъ и состоитъ изъ 37 листовъ или картъ. Взгляните на 7 новыхъ картъ, выгравированныхъ *г. Фроловымъ*; карты эти дополнили и улучшили трудъ *г. Познякова*. Мы поставляемъ пріятною обязанностію рекомендовать опечественной публикѣ этотъ Всеобщій Атласъ *г. Познякова*, изъ 37 картъ состоящій и изданный гг. братьями *Заикиными*, и ручаемся какъ за правильность сочиненія картъ, такъ и за исполненіе ихъ гравировкою и даже раскраскою. Нѣкоторыя карты заглядѣнье въ художественномъ отношеніи, таковы карты Африки, Азій, Германіи, Нидерландовъ, Бельгіи, Греціи, Англии и Италіи; но выше всѣхъ ихъ та карта, которая на одномъ листѣ изображаетъ всѣ пять частей свѣта. Рѣшительно можно сказать, что Атласъ *г. Познякова* оспариваетъ до нынѣ у насъ на Руси лучшимъ, и болѣе другихъ къ Географіи *Арсеньева* приспособленнымъ. Еще разъ рекомендуемъ его всѣмъ заведеніямъ, какъ частнымъ, такъ и общественымъ, женскимъ и мужскимъ, гражданскимъ, специальнымъ и военнымъ.

M O D E S.

Les bonnets sont une fureur cet hiver; toutes les femmes, de quelque âge qu'elles soient, ont adopté ce genre de coiffure; les petits bonnets du matin sont d'une grande simplicité; il est de bon goût de les porter entièrement dépourvus de rubans; on les fait en mousseline avec des nœuds et des barbes pareilles, garnies soit de petits tulles, soit de petites valenciennes. Pour le soir, ils varient à l'infini; les plus nou-

vèaux sont ceux appelés à la *Babet*; qui sont plats de fond et sur le front, ayant pour toute garniture deux barbes qu'on laisse pendre ou qu'on relève à la hauteur des joues. On met souvent avec ces bonnets une petite guirlande de fleurs qui vient seulement jusqu'aux oreilles; d'autres bonnets ont un diadème de fleurs recouvert d'une gaze transparente: on les appelle à l'*Isabeau*, parce que presque toutes les ravissantes têtes, peintes par ce peintre célèbre, sont enveloppées de gaze et de fleurs. Il y a quelque chose de vaporeux et d'incertain dans cette coiffure qui sied parfaitement. Avant d'abandonner le chapitre de la coiffure, je vous parlerai des chapeaux à la *Saint-Mégrin*. C'est une espèce de chapeau d'homme, à bords assez larges et non relevés, en velours noir, avec deux plumes blanches non recourbées et placées sur le côté; c'est une imitation du *chapeau vendéen* dont je vous ai parlé.

М О Д Ы.

Чепчики удивительно въ какомъ употребленіи нынѣшней зимою; всѣ женщины, какихъ бы дѣтъ ни были, приняли этотъ головной уборъ; маленькіе упреніе чепчики весьма просты: носить ихъ совсѣмъ безъ лейпъ щитаются въ хорошемъ вкусѣ; ихъ дѣлаютъ изъ кисеи съ такими же бантами и лопостями, общіиные узенькимъ тюлемъ или кружевами. Для вечера, они чрезвычайно разнообразны; самыя новѣйшія называются à la *Babet*: чепчикъ весь гладкой, а вмѣсто великой опѣлки лопоспи, которыя просто висятъ или приподымаются въ ровень съ щеками. Часто съ этими чепцами надѣваютъ небольшія гирлянды цвѣтовъ, которыя доходятъ только до ушей; другіе же чепчики съ діадемою изъ цвѣтовъ, покрышою легкимъ газомъ: ихъ называютъ à l'*Isabeau* потому, что почти всѣ прелестныя головы, писанныя этимъ славнымъ живописцемъ, обернуты газомъ и цвѣтами. Въ этомъ уборѣ есть что-то облачное, недовершенное, что чрезвычайно идетъ. Прежде, нежели оставлю статью уборовъ, скажу себѣ нѣсколько словъ о шляпкахъ à la *Saint-Mégrin*. Это родъ мужской шляпы, съ широкими и незавороченными полями: изъ чернаго бархата, съ двумя бѣлыми незагнутыми перьями, пришилленными на боку; это подражаніе *Вандейской* шляпы, о которой я себѣ говорила.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 24.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 21 ДНЯ 1836 ГОДА.

Не веселья!... въ мой лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку:

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ ДЛЯ ОМНИБУСОВЪ.

Говорящъ, будто бы на эшихъ дняхъ
вышло въ Лондонъ, касательно омнибусовъ,
слѣдующее постановленіе:

1. Не класъ ногъ на лавки, не занимаешь
одному цѣлаго угла, не опускаешь спекла,
потому что съверный виперъ можешь
дуть въ плечо сосѣда; имѣть при себѣ го-
ловыя деньги, чтобы попчасть расплашишь-
ся, если бы вздумалось выпши изъ кареты
и ипши пѣшкомъ, потому что не всѣ же-
лають вхашъ шагомъ и теряешь время; са-
дись въ омнибусъ пакъ, чтобы ноги не
описывали угла, простирающагося на 45
градусовъ, въ прошивномъ случаѣ, одинъ
человѣкъ спалъ бы занимаешь мѣсто за дво-
ихъ; не плевать на солому, и помнишь, что
омнибусъ не конюшня, а карета, заведен-
ная для переѣзда по государству просвѣ-
щенному, гдѣ люди хвастаются учивостью.
Не заспавляешь сморшителя мѣняешь для се-
бя деньги: омнибусъ не мѣняльная лавочка.
Оказывать всякое уваженіе дамамъ, и не за-
спавляешь краснѣшь молодыхъ дѣвушекъ, съ

копорыми нѣтъ защитниковъ, и копорыя
по неволѣ должны слушать неблагоприсой-
ности (*); если кто везетъ съ собою соба-
ку, то надобно, чтобы она по крайней мѣрѣ
была маленькая и держана всегда на привязи.—
Не имѣть съ собою большихъ узловъ:
омнибусъ не ломовая пѣлега. Если кто хо-
четъ спорить и кричать, топъ долженъ
дождаться, пока выдесть изъ омнибуса, по-
тому что, какъ бы ни прятень казался ему
собственный его голосъ, но всё таки онъ
можешь надоесть сосѣдамъ или мѣшашъ имъ
спать. О полишкѣ и религии говоришь съ
надлежащею умѣренностью, не забывая, что
каждый имѣетъ свое мнѣніе и что оно дол-
жно бытъ уважено. Осперегаешь чван-
ства; не важничашъ передъ другими, и по-
мнишь, что кто вдесть за 6 Гривенъ (пен-
совъ), тогда какъ въ другомъ экипажѣ про-
ѣздъ спойлъ бы ему 6 рублей, топъ не дол-
женъ спѣсивиться; если же самолюбіе увѣря-
етъ его, что онъ выше бѣдныхъ своихъ спуп-

(*). Не худо бы замѣнить это и журналистамъ, у ко-
торыхъ грубыя поговорки и басистыя фразы, а отъ
нихъ несетъ луколы на всю комнату. (См. Библіо-
теку для чтенія 1835.)

никовъ: по вѣрно кошелекъ его не совѣшывалъ ему нанять дорогую и покойную карету.

Г.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЕРСИДСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ ДИНАСТІИ СОФІЕВЪ ОТЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ДОМА, ОТЪ ДИНАСТІИ КАПЕТОВЪ (1).

Посвящается изыскателю Русскихъ древностей, Сергѣю Михайловичу Скромилюкъ, оказавшему безсмертныя услуги Отечества и исторіи.

Династія Софіевъ въ Персіи началась съ 1499 года.

Первый Софій *Измаилъ I* царствовалъ съ 1499 по 1523 годъ. Второй *Тахмасъ* по 1575 годъ. Третій *Измаилъ II* по 1577 годъ. Четвертый *Магомедъ-Козабенде* по 1585 годъ, и проч.

Персидскіе Софіи не безъ причины хвалятся своимъ происхожденіемъ; на воспокъ нтъ его знаменитѣй. Они ведутъ начало по прямой линіи отъ *Гуссейна*, вѣрораго сына *Алія*, двоюроднаго брата лжепророка *Магомеда*, рожденнаго отъ *Фатимы*, дочери сего лжепророка. Но Французы, въ извѣстнѣяхъ, напечатанныхъ ими въ Парижѣ въ 1771 году, утверждаютъ, что Les Sophis de Perse descendent des maisons de France et de Savoie, par *Marthe*, fille d'*Usun-Cassan*, Roi de Perse et de *Catherine de Comnène*, qui par les *Paléologues*, Comtes de Savoie et de Bourgogne, descendoit d'*Ermentrude de Vermandois*, Comtesse de *Rouci* (2), Princesse du Sang Royal de France; puisque la mère d'*Ermentrude* étoit fille du Roi *Louis d'Outremer* et avoit pour ayeule *Hildebrant*

(1) Оно для насъ любопытно, потому что путь замѣшана Русская графиня, и потому, что можетъ служить нашимъ изыскателямъ древностей руководитвомъ, какъ составлѣть и уничтожать родословныя и уничтожать лѣтописи, по ихъ прихоти.—Р.

(2) Rouci; также имѣется и о вел. княжѣ *Аннѣ*, дочери Русскаго вел. князя, бывшей въ супружествѣ за Французскимъ королемъ.—Р.

de France, tante de *Hugues Capet*. То есть Софіи Персидскіе происходятъ изъ домовъ Французскаго и Савойскаго, чрезъ *Мару*, дочь *Узун-Кассана*, царя Персидскаго (3) и *Катерины Колленъ* (4), которая чрезъ Палеологовъ, графовъ Савойскихъ и Бургонскихъ, происходила отъ *Эрментруды* Вермандуанской, графини Русской, принцессы Королевской Французской крови, потому что мать *Эрментруды* была дочь *Лудовика Утремера*, имѣвшаго (5) между предками *Гильдебранту* Французскую, шепку *Юга-Капета*.

Ясно ли?

Р.

НОВЫЙ БРЕДЪ ФРАНЦУЗОВЪ О РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

«Въ одномъ Французскомъ журналѣ наши мы,» говорятъ издатели *Сив. Пегги*: «презанимательную статью о Русской литературѣ. Авторъ получилъ, должно быть, довольно вѣрные факты; но исказилъ ихъ до чрезвычайности. Онъ особенно хвалитъ *Ленинцова*, *Дершевина*, *Котрова* и *Жонкусава*, также баснописца *Кирлова*. Между прозаиками выставлены *Ларализмъ*, графъ *Романовъ* и нѣкоторые другіе!!!

ПРОДАЖА РУКОПИСИ НА ВѢСЬ.

Къ книгопродавцу *С**** литераторъ (изъ многоплоднаго семейства *Оедотовъ Кузьмичевыхъ*) припашилъ четыре огромныхъ тома историческаго, сапирическаго, нравоошительнаго романа. *С**** просмотрѣлъ его и на другой день отдалъ литератору обратно съ отказомъ.—Согласитесь, что мое сочиненіе на вѣсь продать можно;—замѣтилъ ему авторъ.—«На вѣсь? Вы умно придумали; оно довольно тяжело;» подхватилъ оспрякъ книгопродавецъ.

(3) *Узун-Кассанъ* царствовалъ въ Персіи, по изгнаніи отсюда попомковъ *Гамерлана*, въ 1471 году.—Р.

(4) Изъ шести *Колленовъ* первый царствовалъ съ 1501, а послѣдній скончался въ 1183 году.—Р.

(5) *Лудовикъ IV Утримеръ* царствовалъ съ 936 по 961 годъ.—Р.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕСТНОСТЬ И НИЩЕТА.

(Повѣсть.)

Маленькая комнатка въ бѣдной хижинѣ свидѣтельницаствовала о крайней нищетѣ ея жишель; однакожь глаза встрѣчали въ ней какіе-то слѣды прежняго довольства, которые представляли разительную противоположность съ совершеннымъ недоспапкомъ, многихъ необходимыхъ потребностей хозяйства. Со всѣмъ тѣмъ въ комнатѣ было чисто, опрятно; тамъ не видно было ничего смѣшнаго, ничего неумѣстнаго; однимъ словомъ, это была благородная нищета, которая рассказывала о великихъ несчастіяхъ и раздражала душу.

Тутъ жили люди, не привыкшіе къ бѣдности — раззорившіеся не опъ мотовства или разврата, но два существа, полные благородства и честности, опъ которыхъ зависѣло бытъ богатыми, но которые умирали съ голоду, опъ того, что оспались вѣрными тому, кому клялись въ вѣрности; два существа, оспавшіеся опъ великаго вѣка своего, и думавшіе, что слово *гестъ* имѣетъ еще въ нынѣшнемъ свѣтѣ какое нибудь значеніе. — Правду сказать, оба они были тогда чрезвычайно молоды и неопытны.

За четыре года передъ тѣмъ, изъ числа въ число и въ эпопъ самый часть, блестящія пары танцовщиковъ кружились по паркетамъ великолѣпнаго дома, возвышавшагося въ одной изъ лучшихъ улицъ Парижа. На эпопъ пышномъ праздникѣ были рѣдкіе цвѣты, прекраснѣйшія женщины и молодые воины, покрытые золотыми орлами, звѣздами, лентами (это было въ 1812 году). На огромныхъ бронзовыхъ часахъ ударило двѣнадцать, и молодая прелестная дѣвушка встала съ своего мѣста, и въ сопровожденіи матери, вышла изъ залы краснаго и прецеца опъ внутренняго смущенія. Въ передней ожидалъ еѣ юноша въ мундирѣ Императорской гвардіи, а у крыльца великолѣпный экипажъ. Хорошая мать обняла милую дочь, и обѣ проливали слезы, достойныя ан-

геловъ. — Она будетъ счастлива моимъ счастьемъ, — сказалъ юноша голосомъ, полнымъ чувствва — и взглянулъ на небо, гдѣ въ эту минуту уже взвѣшивался тяжкій жребій ихъ — и готовилось для нихъ мѣсто возлѣ спрадалцевъ міра, принявшихъ тамъ награду за долги испытанія.

Танцовщики, оспавшіеся въ залѣ, замѣнивъ отсутствіе молодыхъ, приняли хвалитъ ихъ, и похвалы ихъ были искренны и справедливы; большая часть были сослуживцы молодого, которые знали его коронко и любили за прекрасныя его качества. — Никогда можетъ быть не было столько говорено о счастьи, какъ въ эпопъ вечеръ, будто бы еще о сю пору не доказано опыномъ, что всѣ предвидѣнія человѣческія нищетны, и что судьба, которая никогда не лжетъ, коварно издѣвается надъ ними.

Прошло четыре года — и... гдѣ праздники? гдѣ веселые друзья? гдѣ добрая мать, гордившаяся ангеломъ-дочерью? И, если всё это составляетъ счастье, гдѣ счастье?... Увы! друзей ужъ нѣтъ на свѣтѣ; ихъ вѣрная кровь обагрила печальныя долины Ватерло, — а мать умерла съ печали, благословивъ дѣтей своихъ и произнося послѣднюю молитву за великаго изгнанника. *Наполеонъ* былъ ея благодѣтелемъ, и она, добрая, пресная сердцемъ, не забывала его.

Теперь подойдемъ къ алькову, котораго занавѣсы плотно задернуты. На столѣ, возлѣ алькова, горитъ лампада и стоитъ нѣсколько склянокъ съ лекарствомъ. Далѣе въ креслахъ сидитъ человекъ, опуствя голову на грудь и закрывъ лицо руками. Печаль лишила его волосъ и наложила тяжелую печать свою на всю его наружность. Спрашное молчаніе царствуетъ въ комнатѣ; его прерываетъ только вѣтеръ, который бушуетъ въ поляхъ и свиститъ въ каминѣ, гдѣ давно уже не было огня. Сухой и частый кашель слышится изъ алькова сквозь заставску.

Докторъ только что вышелъ и унесъ съ собою пять франковъ — послѣднія деньги, которые оспавались недаспнымъ. Онъ получены ими того же дня поупру за карпину, которую покущикъ шупъ же продалъ за

два лундора. На другомъ концѣ комнаты виднѣнъ спанокъ съ недокончаннымъ пейзажемъ.

Человѣкъ, сидящій у алькова, кажется въ ужасномъ волненіи.—Не доживешь до утра!... она — жена моя... не доживешь! Докторъ сказалъ эпо... я заплакалъ ему за то... О! она умретъ—такъ должно быть! Эпопъ кашель, эпопъ раздирающій кашель уморилъ её... припомъ бѣдность — ужасная бѣдность... я ли не прудился — не работалъ день и ночь! —

Онъ вспалъ—прошелъ раза два по комнатамъ и продолжалъ:

—Ничего не оспалось... ничего! мундиръ мой, аксельбанты, эполеты, шпага, всё продано! и на всё эпо я не могъ выкупить жизни ея... Крестъ, полученный мною на полъ чести, проданъ, и я не могъ спасти жены моей, не могъ продлить ни на одинъ часъ существованія эпого ангела.... Злодѣи! они хотѣли купить у меня честь!... Если бы кто хотѣлъ купить у меня кровь мою до послѣдней капли, я бы съ радостью продалъ её, чтобы сохранить жизнь друга моего; но честь! — но присягу! — вопъ, конечно, опъ чего такъ много генераловъ прежней арміи спали теперь богаты; они не такъ щекопливы, какъ я... Измѣнили знаменамъ.... слава.... измѣнили пому — кпо.... Эпо ужасно, ужасно..... лучше умереть!

—И такъ, черезъ нѣсколько минутъ, за эпимъ занавѣсомъ рѣшился учась моя... и скоро, скоро кончился для меня и щасье, и печали, и любовь, и спраданія! —

Въ эпо минупу за альковомъ слабый голосъ произнесъ имя его. Несчастный вздрогнулъ и бросился къ кровати.

«Мнѣ холодно, перенеси меня поближе къ огню!»

Ахъ! огня давно не было въ каминъ—и въ домъ не оставалось ни копѣйки, чтобы достать дровъ. Въ эпо ужасную минупу бѣдный мужъ опдалъ бы жизнь свою за монету. Онъ спарался опогрѣть руки умираю-

щей въ рукахъ своихъ, согрѣвалъ дыханіемъ холодющія ея ноги, и спарался заглушить свои рыданія. О! кто придетъ на помощь спрадальцу! щедрые и великодушные Государи не знаютъ, что происходитъ въ эпой бѣдной хижинѣ!

Вдругъ громкій звукъ колокольчика потрясъ всѣ стѣны комнаты; больная вздрогнула—приподнялась и упала опять на кровать—мертвая!... Между тѣмъ продолжали звѣнѣть, и несчастный вдовець потащился къ двери, какъ лунастикъ подъ влияніемъ магическаго сна; дойдя до порога, онъ упалъ безъ чувствъ на землю, и когда полицейскій приставъ и свита его вошли въ комнату—тогда на допросы его могли отвѣчать только два еще неоспывшие трупа

T.

ДѢВОЧКА - ЛУНАТИКЪ.

Въ Парижѣ—въ первыхъ числахъ прошлаго мѣсяца, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, тихого и кропкаго нраву, но склонная къ задумчивости и размышленію, занемогла сильною корью. Однажды въ 7 часовъ вечера, лежа въ безпамятствѣ (въ комнатѣ было все тихо), она вдругъ привспала, съла на постель возлѣ сестры своей, также спрадавшей корью, и несказанно пріятнымъ голосомъ запѣла какой-то священный гимнъ, котораго слова, ясно произносимыя ею, удивили и восхитили присутствовавшихъ. Никакая мелодія не можетъ сравняться съ эпимъ ангельскимъ пѣніемъ, которое выражало поску родилпелей, безпокоившихся о бользни милыхъ дѣшей своихъ. Окончивъ гимнъ, больная легла опять и заснула; — когда же на другой день спрашивали её, что она пѣла, тогда она не заиналась опвѣчала, что спала безъ просыпу—и не помнитъ ничего, даже и пого, что спилось ей въ эпо время. Всего удивительнѣе то, что дѣвочка эпо никогда прежде не пѣвала, и не знала никакихъ правилъ поэзіи; стихи же пѣнаго ею куплета, если вѣрить слушаателямъ—были чисты, звучны, и безъ всякой погрѣшности.

Феномень эпоть не подлежащъ никакому сомнѣнію, потому что свидѣтелями его были отецъ и мать дѣвочки, шестнадцатилѣтняя сестра ея, десятилѣтній братъ и лекарь, который пошчасъ записалъ это происшествіе.—Я никогда, — говорилъ онъ: не слыхивалъ, чтобы кто нибудь пѣлъ такъ пріятно и прогашельно.— Гимнъ, котораго словъ онъ не успѣлъ написать, былъ воззваніе больной къ Богу.

Т.

МОРОЗНОЕ УТРО НА СѢВЕРѢ.

(Картина съ природы.)

Съ Сѣвера видно было сѣверное сіяніе: одна часть густо-синяго неба вдругъ начинала блѣднѣть, и свѣтлозарные столпы или конусы, выказываясь одни за другими, по сходились, по удалялись одинъ отъ другаго, нылали и сокращались. Въ ночи легкій 15° морозъ вывѣздилъ небо, уяснилъ воздухъ. Упробило прелестно: до солнца и еще до разсвѣта восточная часть небосклона была совершенно подобна огромной перламутровой паличрѣ, на которой расперты самый алый баканъ и самое свѣтлое желтовидное золото. На семь-по злато-розовомъ полѣ взошло солнце и освѣтило бѣловидныя снѣжныя поля, усѣянныя серебристою пылью и алмазными искрами инея. Оледѣлыя деревья казались паникадилами, а безснѣжная гладь озеръ имѣла видъ необъяннаго поюза, сіяя, по мѣстамъ, радужными оппѣнками. Изъ шрубъ, въ домахъ, высоко и прямо подымался дымъ, котораго сизые надпрубные столпы окрашивались ударявшими вкось лучами солнца. Люди ходили скорѣе обыкновеннаго; одежды опушались бѣлымъ звѣздистымъ инемъ; лица цвѣли. Таково морозное утро на Русскомъ Сѣверѣ.

Ө. Глинка.

1829.

ОГОНЬ ВЪ СТИХАХЪ И СТИХИ ВЪ ОГНѢ.

Случилось *Вольтеръ* бытъ зимою у одного щеславнаго стихотворца, который при-

нялъ его въ непопленной комнапѣ и читалъ ему длинныя и скучныя списхи, наконецъ спросилъ: какъ онъ объ нихъ думаетъ? «М. г.» отвѣчалъ ему озлбшій *Вольтеръ*: «еслибъ было побольше огня въ вашихъ списахъ, или побольше списовъ вашихъ въ огнѣ, то мы бы не озлбли.»

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

МОРСКІЯ СИЛЫ СОЕДИНЕННЫХЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТОВЪ ВЪ 1835 ГОДУ.

При открытіи послѣдняго засѣданія конгреса секретарь морскихъ силъ представилъ слѣдующій отчетъ о состояніи флота и морскихъ чиновъ Соединенныхъ Штатовъ. На лицо состоитъ теперь: одинъ линейный корабль, 4 фрегата, 8 корветтовъ и 6 голетъ — въ дѣйствительной службѣ, т. е. въ морѣ; а 5 кораблей, 2 фрегата и 6 корветтовъ въ починкѣ (*тиліберовкѣ*); необходимо 1,362,000 долларовъ, чтобы они могли выйти въ морѣ.

Сверхъ этихъ судовъ находятся еще на *стапеляхъ*, т. е. строится: 7 кор. и 7 фрег.; пошребно для окончанія ихъ 1,527,640 долларовъ.

И такъ, если конгресъ назначитъ сумму въ 2,889,640 долларовъ, что составитъ около чепырнадцати съ половиною миліоновъ рублей, по флотъ Соед. Штатовъ составитъ: изъ 13 кор., 13 фрег., 14 корветтовъ и 6 голетъ, не считая того, что прежнія суда будутъ спаряться отъ временіи, и находясь въ морѣ, могутъ бытъ повреждены и даже вовсе разбишы.

Впрочемъ, кромѣ означенныхъ выше судовъ, Правительство имѣетъ еще въ разныхъ портахъ матеріаловъ: на пятнъ линейныхъ кораблей, 11 фрегатовъ, 7 корветтовъ и 2 голета, которые могутъ бытъ построены пошчасъ послѣ спуска на воду теперь спрокущихся судовъ.

Всѣхъ морскихъ чиновъ въ Соед. Штатахъ 6,072 человекъ, а прибавя къ тому еще недавно образованный корпусъ морскихъ солдатъ въ 1,873 человекъ—всего будетъ 7,945 чел.

Бассейны или доки въ портахъ Бостона и Норфолка принесли всю ожидаемую отъ нихъ пользу, и потому г. секретарь предлагаетъ пошроить еще третій докъ въ Нью-Йоркѣ. — Онъ же проситъ дозволить ему выпроить двѣ или три паровыя бапарей (*Batteries à Vapeur*), для испытанія этого новаго способа защиты портовъ.

С. К.

(Изъ *Annales Maritimes et Coloniales.*)

13-е Ноября
1835.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

56.

Членъ Императорской Россійской Академіи и многихъ ученыхъ обществъ, С. В. *Руссова*, неупомимо, съ благороднымъ жаромъ патріотизма и скромностію истиннаго ученаго, преслѣдуетъ новую секцію юныхъ пиломцевъ юной словесности, опровергающихъ древность Новгорода, называющихъ *Несторову* лѣтопись поддѣльною, опущающихъ Русскія области отъ маперіи Россіи. Римляне созидали себѣ баснословное происхождение, Китайцы оподвигаютъ начало своего государства за сотни тысячъ лѣтъ; пакалъ ложь, происпекая изъ народной гордости, весьма простительна. Но наши юные испытатели древности, надрываясь, стараются подрить священное зданіе родословной Руси, ни малѣйшему сомнѣнію для благоразумныхъ людей не подверженное, съ хронологіею согласное, опечетственными и чужеспранными лѣтописцами засвидѣтельствованное; грамопами, договорами, происшествіями, названіями городовъ, именами главныхъ дѣйствующихъ лицъ, монетами и памятниками поддѣлываемое. Мы худо поступаемъ съ драгоценными источниками нашей исторіи. Поспыдимся другихъ народовъ! Многие изъ нихъ не имѣли даже письменъ и кланялись испуганамъ, когда Россіяне имѣли уже на своемъ языкѣ Библию, молились на немъ Богу истинному, писали законы и лѣтописи; но первые, общими усиліями своихъ писателей—создали себѣ древнюю свою исторію. Конечно, ихъ историческія храмины часто созидаются на пескѣ—и при дуновеніи критики должны рухнуть; но благородное ихъ намѣреніе дѣлаетъ имъ честь. Мы же, обладая чистыми, вѣрными, въ простотѣ Христіанскаго сердца написанными лѣтописями, стараемся доказать, что онѣ фальшивыя и поддѣланы съ умысла къмъ-по.

Въ минувшемъ 1835-мъ году въ одномъ журналѣ напечатана была статья, въ эпомъ неосновательномъ духѣ написанная.

Авторъ ея, между прочимъ, увѣряетъ, что—«до 1377-го года Новгородъ не имѣлъ никакихъ лѣтописей.»

Г. *Руссова* возражаетъ: «въ Московской типографской библіотекѣ находится до нынѣ книга древнихъ Русскихъ законовъ, вмѣстѣ съ извѣстными вопросами *Кирика* и лѣтописью патріарха *Никифора*, къ которой присоединены извѣстія, до Россіи относящіяся. Изъ современной надписи, на этой книгѣ сохранившейся, видно, что она написана по повелѣнію Новгородскаго князя *Димитрія*, стараніемъ архіепископа *Климентя*. Князь же *Димитрій* и архіепископъ *Климентъ* жили въ XIII столѣтіи, т. е. цѣлымъ вѣкомъ ранѣе 1377-го года.»—Вотъ съ какою неосновательностію судить и раять о древней Руси г. *Бодіанскій*, авторъ этой статьи!

9-е Феврала

1836.

57.

Г. *В. В. В.* въ крипикѣ на крипики, или въ перекрипикѣ, напечатанной въ 1-й книжкѣ *С. О.*, на 1836 годъ издаваемаго, обличающаго рецензента *Библіотеки для чтенія* въ заносчивости, въ помѣ, что онъ зараженъ жельчю бесполезной полемики, въ хвастливости (спр. 51), самъ какъ будто испугался жесткости эпихъ эпипетовъ и спѣшилъ (спр. 55) комплименстами и мадригалами уврачевать раны, которыя нанѣсъ онъ самолюбію барона *Браубеуса* (*).—«Во всѣхъ эпихъ неловкихъ и неприличныхъ выходкахъ,» говоритъ г. *В. В. В.*: «мы не смѣемъ обвинять г. Крипика. Это неумышленный недоспапокъ; это слѣдствіе незнанія Свята, незнанія приличій, недоспапка вкуса.»

И въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ* некогда не называли этого недоспапка *уми-*

(*). Справедливость пребудетъ сказать, что не вся рецензія и не вся Литературная Лѣтопись принадлежатъ *Браубеусу*.—В.

шленнымъ; но увѣрили, что это слѣдствіе
незнанія Свѣта, незнанія приличій и оп-
сущивіе образованнаго, разборчиваго вкуса.

Г. В. В. В. очень мило оправдываетъ ре-
цензента, слагая всю вину на редакцію.—
«Редакція *Б. для г.* отвѣчаетъ за всѣ эпич-
ескіе промахи.» Да, еслибъ редакціею былъ *И. А.*
Крыловъ, *Н. И. Грегъ*, *М. П. Погодинъ*; но
можетъ ли остановить заносчиваго писа-
теля, спаршаго себя—г. *Коринъ*, когото имя
почти неизвѣстно въ литературѣ?

Г. В. В. В. вмѣняетъ въ обязанность ре-
дакціи: «удерживать Кришика, когда онъ
увлекается своимъ оспроуміемъ, и доспа-
мленъ спрокосными обидными, оскорбительными
или неприличными.»

Совѣтъ прекрасный; но бесполезный:

Совѣты и вездѣ почти на эпу спать!

Господину *В. В. В.* кажется—«что такихъ
обидныхъ, оскорбительныхъ, неприличныхъ
спасей, къ несчастію, слишкомъ много въ
Библиотеку для чтенія, и что онъ безобра-
зливъ веселостью и замысловатостью *Литера-
турной* льбописи.»

Ни одинъ здравомыслящій человекъ не спа-
нетъ въ эпосъ проповѣдывать г-ну *В. В. В.*;
а всякой, вмѣстѣ съ нимъ, пожелаетъ, что-
бы ихъ было поменьше въ наступившемъ году.

А. Кораблинскій.

11-е Февраля

1836.

С. Петербургъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СМЕРТЬ ПЛОВЦА.

«Зачѣмъ, зачѣмъ за облаками,
Исчезла ты, моя звѣзда,
Въ ночь мигъ рѣшительный, когда
Средь скалъ, подернутыхъ волнами,

Я долженъ плыть въ моемъ челнѣ,
Ошважнымъ парусомъ несомомъ,
На морѣ вовсе незнакомомъ
Пловцу неопытному—миѣ?»

«Звѣзда! твоимъ чудеснымъ блескомъ
Не озаренъ мой темный путь;
Моя встревоженная грудь
Дрожитъ, вздымаясь съ каждымъ всплескомъ,
Гонимымъ вѣтромъ черныхъ волнъ.
Грохочетъ громъ ужъ въ опдаленіи...

Увы! одно, одно мгновеніе....
И гдѣ со мною уплыль челнъ!

«Погибну я ужаснымъ рокомъ!
И можетъ быть здѣсь на скалахъ
Мои друзья найдутъ мой прахъ
На морѣ чуждомъ и далекомъ;
Быть можетъ...» Но ужасный мигъ;
Разлился молнии бѣлый пламень,
Спрълюю челнъ, взлетѣлъ на камень;
Исчезъ пловецъ—и спонъ захихъ.

Ахъ! долго по морю носило
Межъ оплещенныхъ, шумныхъ волнъ
Полуразбитый, уплыль челнъ,
Пловца завѣрное вѣтрпло
И одинокое весло;
Пока, бѣлаясь межъ скалами
И вѣтромъ бурнымъ и волнами
Далеко ихъ не занесло.

Іюнь, 1835 г.

Ив. Галанинъ.

ШАРАДА.

Мой *первый* слогъ предлогъ, *второй* слогъ
подъ рукою
У юности, въ ночь часъ, какъ съ дѣвушкой живою
Въ веселомъ обществѣ, онъ въ рѣзвый вальсъ
Лепитъ,
Когда волнуясь грудь, крепъ легкой шевелишь;
Съ пѣмъ вмѣстѣ слогъ сей есть комедіи зна-
ченье;
А *все*, какъ женщина, достойна уваженія!

Въ № 25-мъ, помѣщенная шарада значить: *Epi-dé-mie.*

НОВАЯ КНИГА.

Князь Скопинъ-Шуйскій, или Россія въ началѣ XVII столѣтія, *Историческій романъ, сочиненіе 2-го О... Ш... въ 4 томахъ. 1835 года. Съ эпиграфали:*

«О такомъ знаменитомъ чловѣцѣ проплакала вся земля неупѣшно, и горькаго того рыданія не можно изглагоати днесь.» *Авралій Палицынъ.*

«Опъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи, никпо изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ.» *Карамзинъ.*

Цѣна за 4 часпи 20 руб., съ пересылкою въ города 25 руб. Продаеся въ книжномъ магазинѣ И. Т. *Лисенкова*, подъ No 3 и 4-мъ въ домѣ Пажескаго Его Императорскаго Величества Корпуса, пропивъ Госпинаго двора.

Опрывокъ изъ эпаго романа помѣщенъ былъ въ Февраль мѣсяцъ выѣшняго года въ *Библиотеку для чтенія*, подъ названіемъ: Чернецъ Уаръ, и при немъ было напечатано слѣдующее письмо В. А. *Жуковскаго*: «Авторъ позволилъ мнѣ прочитатъ всѣ 4 тома своей рукописи: это чтеніе доставило мнѣ величайшее удовольствіе, и я убѣжденъ, сколько могу вѣрить собственному чувству, что такое же дѣйствіе произведетъ и надъ другими читателями. Заманчивость происшествій, въ которыхъ наблюдено строгое согласіе съ исторіею; вѣрное соображеніе дѣйствующихъ лицъ и времени, въ которое они дѣйствуютъ; пріятность и простота слога, согрѣшаго теплымъ патристическимъ чувствомъ, составляютъ главное достоинство сего романа.»

7 Декабря напечатанъ въ *Сверной Пчелѣ* разборъ эпаго вновь вышедшаго романа, П. А. *Плетневъ* и. Вообще весьма лестный отзывъ о немъ оканчивается такъ: «Книга сія можетъ сдѣлаться самымъ пріятнымъ и самымъ назидательнымъ чтеніемъ всѣхъ возрастовъ и половъ; родители съ испинною

радостію вручатъ еѣ и пылкимъ юношамъ и спыдливымъ дѣвцамъ, и будупъ увѣрены, что чтеніе романа не оскорбитъ ихъ невинности.

M O D E S.

Il y a un luxe inoui dans les dentelles; outre les points de *Bruxelles*, d'*Alençon* et d'*Angleterre*, on voit des dentelles d'or et d'argent de l'effët le plus riche et le plus merveilleux: ces dernières sont parfaitement appliquées sur les laines et soieries, brochées ou imprimées or et argent; on ne s'en sert guère sur les robes légères, qui ont pris tout à fait le dessus sur les robes épaisses pour le bal, surtout depuis qu'on les porte en tunique. Voilà une gracieuse mode! elle permet de multiplier les garnitures de mille ingénieuses manières; c'est une mine féconde ouverte à l'habileté et au bon goût des couturières, et dont elles savent bien tirer parti.

Il me semble, ma chère *Nancy*, que mon sujet m'a entraînée un peu loin ce soir; je m'aperçois qu'il ne me reste tout juste de place que pour vous dire que je vous aime.—*Sarah.*

Pl. No 9. Costumes d'hommes.

M O Д Ы.

На кружева неслыханная роскошь; кромѣ кружевовъ Бриссельскихъ, d'*Alençon* и Англійскихъ, появляются золотыя и серебряныя самаго богатаго и чудеснаго вида; эти послѣднія чрезвычайно идутъ къ шерстянымъ и шелковымъ матеріямъ, зашканнымъ или печатнымъ серебромъ и золотомъ; ихъ употребляютъ только для легкихъ плашьевъ, которые совершенно взяли перевѣсъ надъ плотными для баловъ, особливо съ шѣхъ поръ, какъ дѣлаютъ ихъ шюниками. Вотъ прелестная мода! она позволяетъ размножать опдѣлки весьма зашѣливымъ образомъ; это изобильный источникъ для искусства и вкуса швей, и которыми онѣ весьма умѣютъ пользоваться.

Мнѣ кажется, милая *Nancy*, что предметъ мой увлекъ меня немного далеко сегодня вечеромъ; я замѣчаю, что мнѣ остается только мѣсто, чтобъ сказать, что я люблю тебя.—*Sara.*

Карш. No 9. Мужскія моды.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 25.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Марта 25 дня 1836 года.

За Эвридикою и въ адъ Орфей сходилъ,
Для Эвридики онъ и жизни не щадилъ;
А я—какъ смерть возьмешь къ себѣ мою жену,
Я—даже въ самый рай за ней не загляну.

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СЛУЧАЙ НА МАСЛЯНИЦѢ ВЪ 1836 ГОДУ.

Въ прошедшее воскресенье въ вечеру, въ одной Парижской рестораціи г. *Адольфъ М.*, студентъ правъ, поссорился съ сыномъ одного изъ первыхъ юристовъ Франціи, и хотя причина ссоры ихъ была совершенно бездѣльная; но не менѣе того за нею послѣдовалъ вызовъ. Назначена дуэль въ Венсенскомъ лѣсу, и соперники распались, чтобы запаслись секундантами.

Назавтра въ 8 ч. утра, *Адольфъ М.* пріѣхалъ первый на назначенное мѣсто; прошло четверть часа, но пропивникъ его не являлся; прошелъ часъ—и молодой студентъ начиналъ уже дѣлать съ товарищами своими очень невыгодныя заключенія на щѣтъ его храбрости, какъ вдругъ послышался спукъ кареты—и скоро подѣхалъ фіакръ, который съ шрудомъ тащилъ двѣ клячи. Молодые люди взглянули—и вообразите ихъ удивленіе, когда изъ кареты вылезли одинъ за другимъ: *Пальсъ, Ку-иа Анго и проказникъ.*

«Что значить эта глупая комедія, м. г.?» сказалъ студентъ почти съ сердцемъ.—О, сударь, это не комедія, боюсь вамъ,—опивчалъ *Пальсъ*: я опыскавъ моихъ секундантовъ въ Музардовомъ маскарадѣ, я самъ хопѣлъ въ послѣдній разъ подурачившися прежде, нежели распанусь съ жизнію. Сегодня поупру солнце заспало насъ за ужиномъ, въ этой дурацкой одеждѣ, и мы, чпобы не опоздать, рѣшились ѣхать пакъ, какъ были. Воптъ шпаги—я къ вашимъ услугамъ, м. г., извольте смѣрнуть оружіе.—

Дуэль началась;—но *Адольфъ М.* не могъ удержаться отъ смѣха, глядя на масляничный нарядъ своего пропивника и, расхопавшись, бросилъ шпагу.—Какъ зачинщикомъ спора былъ онъ, то первый призналъ себя виноватымъ и предложилъ миръ *Пальсу*, который принялъ его съ радостью. Оба пропивника обнялись—и всѣ шестеро молодыхъ людей отправилисъ завтракать въ ближайшую ресторацію, при рукоплесканіи нѣкоторыхъ жителей Венсена, бывшихъ свидѣтелями эпои шутовской дуэли.

Т.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРАЗДНИКЪ 1 ОКТЯБРЯ ВЪ МИНХЕНѢ.

Поднявшись на холмъ, мы увидѣли въ пыльномъ облакѣ оспроконечныя кровли Минхена; позади города бѣлѣлись на горизонтѣ Тирольскія горы, которыя по мѣрѣ нашего приближенія, подымались выше и выше и какъ будто вспавали, чтобы насъ встрѣшить. Наконецъ показался длинный фасадъ Пинакошеки и высокая колокольная каедральной церкви съ спранною крышкою ед, или лучше сказать огромною шляпою, которая не покрываетъ, а давитъ еѣ собою. Черезъ нѣсколько минулъ мы спустились въ равнину, на которой выстроены новый городъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что живое удовольствіе, доставляемое намъ пупешествіемъ, происходитъ отъ разнообразія предметовъ и противоположности ихъ между собою.— Я только что проѣхалъ безплодныя долины Турничіи, и славныя лѣса Тевтобурга, гдѣ нѣкогда мечъ *Арминія* наносилъ тяжкіе удары Римскому могуществу. Тамъ никакой шумъ, никакой опголосокъ суепящейся толпы не напоминаетъ о близости жилища человѣческаго; густыя вѣтви деревъ сплелись какъ темный сводъ могилы, и прескъ вѣковыхъ дубовъ, мѣшаясь съ завываніемъ вѣтра, одинъ нарушаетъ мерсвую тишину и глубокое молчаніе.

Вѣчная горестъ легла на эту землю, обгренную кровью. Изъ ущелинъ горъ собираются на вызовъ преданія грозныя тѣни, и парятъ надъ долиною; но едва оставите вы эту печальную пустыню, какъ встрѣчаютъ васъ шумъ многолюднаго города, и ничто не можетъ сравняться съ впечатлѣніемъ, которое дѣлаетъ на васъ эта рзкая противоположность. Безпрѣспанное движеніе толпы, стукъ каретъ, говоръ тысячи голосовъ, всё это по пріѣздѣ моемъ въ Минхенъ, восхипило меня и, такъ сказать, расположило къ удовольствіямъ праздника, который приготовлялся для завтрашняго дни.

Каждый годъ, въ печеніе болѣе прирцапи лѣтъ, жители Минхена торжествуютъ 1-е

Октября народнымъ празднествомъ, учрежденнымъ правительствомъ для поощренія земледѣлства, промышленности и искусства въ тѣлесныхъ упражненіяхъ.

На другой день, поушру въ 11 часовъ, я пришелъ въ залу ратуши, которая построена еще въ началѣ XVI столѣтія, и убрана совершенно во вкусъ тѣхъ временъ. Картины, висящія по стѣнамъ ея, списаны съ тѣхъ, которыя находятся въ королевскомъ музеемъ. Всѣ онѣ представляютъ охотничьи сцены, на которыхъ человѣческія фигуры писаны рукою *Рубенса*, а звѣри *Снидерсомъ*. Голубой потолокъ, усыянный звѣздами, сдѣланъ сводомъ, и потому въ залѣ царствуетъ вѣчный сумракъ.

Черезъ нѣсколько минулъ вошло множество мальчиковъ, одѣтыхъ въ плаще среднихъ вѣковъ. Каждый изъ нихъ держалъ шелковое знамя, увѣшенное разноцвѣтными лентами и знакомъ, опредѣляющимъ его назначеніе; на нихъ чипались надписи: *награда за скачку, награда за скотоводство, земледѣліе* и проч.—Потомъ вошелъ отрядъ войска, выспролся, сдѣлалъ нѣсколько эволюцій и подъ веселый маршъ церемоніальнымъ порядкомъ вышелъ изъ залы; пажи составляли аріергардъ, и всё шествіе попянулось по Кауфингерской улицѣ.

Я шелъ также за ними—и любовался. Всѣ эти знамена, раскрашенныя, раззолоченныя, сіяли при яркихъ лучахъ солнца; пестрыя подпы народа по обѣимъ сторонамъ улицы, уподоблялись издали цвѣтущимъ берегамъ рѣки, и процессія, двигавшаяся въ среднѣ, казалась какимъ-то блестящимъ флотомъ, тихо несшимся по водамъ. Прибавьте къ этому, что всѣ этажи домовъ были сверху до низу унизаны живописными головами зрипелей, и каждое окно представляло живую семейственную картину, гдѣ, возмѣ блывласыхъ старцевъ, смѣялись прелестныя дѣтскія личики!

Не зная города, я двигался за толпою по одному направленію съ нею, и такимъ образомъ достигъ луга св. *Терезы*, назначеннаго для праздника. Этотъ лугъ, или большая площадь, простирается къ юго-западу

опъ Минхена и имѣеть на западной сторонѣ своей высокую насыпь, съ которой можно видѣть всю долину; отсюда обыкновенно смотрѣть на парады, скачки и феерверки, которые бывають на лугу по торжественнымъ днямъ. Большая часть равнины была покрыта шалашиами, у дверей которыхъ разставлены были скамейки и столы, украшенные высокими елями, срубленными въ сосѣднихъ лѣсахъ. Множество разнощиковъ съ подвижными лавочками наполняли воздухъ пронзительнымъ крикомъ своимъ; народъ спѣшилъ, суешился, радовался, плясалъ—и всё это вмѣстѣ составляло такую разногласицу, такую смѣсь человеческихъ голосовъ, лая собакъ, смѣха, звуковъ музыки и писку и визгу всякаго рода—что несчастный, лишенный слуха опъ рожденія, излечился бы здѣсь опъ недуга своего и, зажавъ уши, опрометью побѣжалъ бы съ площади.

Жаръ былъ несносный; въ одну минушу шалаши наполнились поспѣшителями, и пѣ, которые не могли помѣспиться внутри, расположились на открытомъ воздухѣ вокругъ столовъ. Тогда по пѣсни, шушки, рассказы, полились пѣнистыми кружками—и пунцовыя лица добрыхъ Германцевъ, болѣе и болѣе разгорались. Мущины, женщины, дѣти, Баварцы, Тирольцы, Жиды, поселяне, нищие, господа, прѣхавшіе въ богатыхъ эклипажахъ и зажиточные мѣщане, пришедшіе пѣшкѣмъ, всѣ безъ разбора, безъ чиновъ, безъ различія соспѣдній, пѣспились около столовъ и съ жадностью глотали любимый напитокъ съвера. Можно смѣло предположить, что если-бъ древніе Германцы выдумали Греческую миеологию, то безъ сомнѣнія Венера ихъ вышла бы изъ пивной пѣны—и ознаменовала мѣспомъ рожденія своего не Пафосъ или оспровъ Кипръ, а пивной копель на какой нибудь Нѣмецкой пивоварнѣ. Само собою разумѣется, что пирующие не забывали сосисекъ, выпчины и бутерброда.

Я ходилъ, смотрѣлъ и веселился. Награды, приготовленные для побѣдителей, въ ожиданіи сигнала, были разставлены на лугу и опличались своею спранныостью.—Это

были коченья капусты почти баснословной величины, гигантскія поколѣнія тыквы, огурцовъ, картофелю и пр.; но путь же находились и земледѣльческія орудія, посуда, и множество ящиковъ съ шелковыми червями; попому, что правительство особенно поощряеть пѣхъ, кто занимается разведеніемъ эшихъ полезныхъ и драгоценныхъ насѣкомыхъ. Далѣе за загородками показывали дикихъ звѣрей, изъ которыхъ многіе красотою своею и соразмѣрностію всѣхъ частей, равнялись почти съ красотою человеческою.

Наконецъ ударилъ часъ по полудни, заиграла труба—и народъ бросился къ большой палаткѣ, гдѣ должна была происходить раздача награждений. Въ это время солнце бросало лучи свои прямо на насъ—и ни одно облачко не защищало насъ опъ палющаго зноя. Судьи собрались въ палатку, зрители пѣспились вокругъ, и сердца просподушныхъ земледѣльцевъ бились въ груди ихъ, ожидая, когда судья поспѣшвенно провозгласить имя того, кто опличилъ себя на мирномъ поприщѣ сельской славы. Мы особенно замѣспили одного стараго скотника, который подошелъ просто, спокойно и тащилъ за собою быка такой ужасной величины, что древніе Греки вѣрно бы посвятили его Юпитеру Олимпійскому. Какъ жертва язычниковъ, онъ былъ украшенъ цвѣтами, шелъ удрученный собственною своею тяжестью и по временамъ споналъ глухо и протяжно, какъ далекій водопадъ, каплящійся съ вершины утеса.

Вдругъ музыка умолкла и народъ поспѣшно очистилъ мѣспю для скачки: шестнадцать молодыхъ поселанъ явились передъ нами. Не думайте однакожь, чтобы это были какіе нибудь ловкіе, щеголеватые жокеи, одѣтые по Англійски. О нѣтъ—большая часть изъ нихъ были дюжіе, тяжелые крестьяне, на скверныхъ лошадяхъ, которые накануне уже доставили имъ побѣду въ присутствіи деревенскаго старшины. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть, какъ они ломались, кривлялись, и погоняли лошадей своихъ руками и ногами. Я мысленно сравнивалъ

ихъ съ карикатурами, скачущими во всю прыть одна за другою, и дивился, какъ рѣзко изображались на грубыхъ лицахъ ихъ спрѣхъ, надежда, завись и всѣ спрѣхы соперничества. Наконецъ скачка кончилась и побѣдители получили денежную награду, которую, правду сказать, заслужили они не искусствомъ своимъ, а тѣмъ развѣ, что доставили зрителямъ случай насмѣяться досыта.

Въ ту мину, какъ судья, казалось, раздалъ всѣ награжденія; вдругъ на плохой клѣчъ выскочилъ откуда-то человекъ совершенно въ родѣ Санхо-Пансы, и подскакавъ рысью къ палаткѣ, важно и настойчиво пребоавъ себя награды. Громкій смѣхъ и рукоплесканія встрѣтили рыцаря, который не только эпилъ не обидѣлся, но еще казался довольнымъ такимъ лестнымъ приемомъ для его самолюбія. Онъ получилъ отъ судьи крону — то есть около шести франковъ, но за что — эпаго я не знаю.

Т.

ВЪ Р А С Е Р Д Ц А .

Священная пишина царствовала на Монпарнаскомъ кладбищѣ; я шла боковою алеєю и съ благоговѣниемъ спускала на мягкій дернъ, на которомъ блестѣли капли упренней росы, и, какъ свѣтлые бриллианты, отражали лучи восходящаго солнца.

На поворотѣ дороги, я увидѣла блѣднаго молодого человека, и узнала въ немъ мужа одной милой женщины, бывшей мнѣ подругою, но о которой я давно не имѣла никакого извѣстия.

Примѣтивъ меня, онъ сошелъ съ холма, на которомъ сидѣлъ, и послѣ первыхъ привѣтствій сказалъ мнѣ печальнымъ голосомъ:

«Вы конечно пришли сюда не за тѣмъ, зачѣмъ я... Вы не ищете грустныхъ воспоминаній!»

— О Боже! не ужьли эпа могила... —

«Вы угадали... здѣсь покоится моя *Евгенія!*»

Я взглянула на памятникъ — попомъ на *Эрнеста*, и онъ понялъ, что я желала знать подробности смерти *Евгеніи*. Онъ привелъ меня на холмъ, и опрокинувъ пуспой цѣпочный ящикъ, сѣлъ на него, возлѣ меня, у гробницы.

«Вамъ извѣстно,» сказалъ онъ: «что когда я женился на *Евгеніи*, сердце мое было истерзано тою несчастною спрѣхью, которая погубила лучшіе годы жизни моей; оно отдохнуло возлѣ доброй, чувствительной *Евгеніи*, — но ахъ!.. мнѣ суждено было испытать жестокое наказаніе, за прежнія мои заблужденія, и небо скоро отняло у меня ангела, котораго послало мнѣ только для того, чтобы спасти меня отъ мрачнаго унынія, отереть съ лица моего слезы порока, и пролить свѣтъ утѣшенія въ темную мою душу!»

«Медленная лихорадка испощала жизненные силы *Евгеніи*, и всѣ пособія врачей были бесполезны; больная чувствовала безнадежность своего положенія — и утѣшала меня. — Милый другъ, — сказала она мнѣ однажды: я надѣялась встрѣпить не одну еще весну въ здѣшнемъ мѣрѣ; думала, что услышу еще отъ тебя много новыхъ пѣсень — и долго, долго еще буду гордиться ими! — Но что дѣлать? Богу угодно опоздать меня къ себѣ прежде времени. Онъ повелѣваетъ тѣлу моему обратиться въ прахъ — душѣ моей оплестъ къ Нему, и воля Его уже совершается надо мною. О милый! покоримся ей безъ ропота и даже съ благодарностью, потому что она всегда ведетъ насъ къ добру. Не плачь, намъ остается нѣсколько блаженныхъ минутъ для любви нашей; не станемъ оправлять ихъ гореспною мыслию о разлукѣ... Но нѣтъ! мы не разлучимся; безсмертный духъ, покинувъ брѣнную оболочку свою, сообщается съ милою душою, оставленною имъ на землѣ, и я часто буду слѣпать къ тебѣ изъ горней моей обители. Воздухъ, свѣтъ, облака — всё въ природѣ можетъ облечь веществомъ духъ невещественный; я буду блестящій метеоръ, который вдругъ пролетитъ надъ головой твоей; я буду тѣнь, отраженная побою, въширокъ, порх-

нувшій мимо меня, лучъ солнца, согрѣвающій грудь мою. Голосъ мой соединился съ журчаньемъ потока, съ пѣніемъ птички, съ пропѣвнымъ стономъ осенняго вѣтра — и всегда — вездѣ, во всѣхъ измѣненіяхъ буду говорить тебѣ, что и на небесахъ я не перестала любить тебя. —

«Въ эпи миновы глаза *Евгеніи* блиспали небеснымъ огнемъ и щѣки горѣли пламенемъ лихорадки. Смотри на неѣ, любуюсь ея божественною красою, я почти не вѣрилъ докпорамъ, и надѣялся, что молодость спасетъ еѣ. Но увы! заблужденіе мое продолжалось не долго, скоро смертная блѣдность заслупила мѣсто обманчиваго румянца, и ужасная испина явилась мнѣ во всѣхъ чертахъ ея.

«Мысль о будущемъ состояніи ея души никогда не покидала *Евгеніи*, и самъ я находилъ какое-то неизъяснимое утѣшеніе въ любимыхъ мечтахъ ея. Между тѣмъ образъ жизни нашей не перемѣнялся, и всё шло обыкновеннымъ порядкомъ. Никакое печальное напоминаніе смерти не окружало болѣзненнаго одра спрадалицы; напрошивъ, всё около неѣ дышало спокойствіемъ, тишиною и веселило взоры. Комната ея была убрана, каминъ каждое утро украшался свѣжими и прекрасными цвѣтами, и окна спальни распворены въ садъ. Иногда я читалъ ей книгу о подражаніи *Г. Х.*, иногда повторялъ наизусть стихи, и она слушала ихъ, слушала съ удовольствіемъ; но по вечерамъ любила музыку, и я часто по просьбѣ ея игралъ на арфѣ... Однажды рѣсницы ея опустились, слеза канула на спруны и акордъ замеръ на нихъ; руки мои онѣмѣли; я бросился къ ногамъ ея и зарыдалъ; въ эпу минушу я чувствовалъ, что смерть летала надъ нею!

«Но она ободрилась и спала утѣшаясь меня. — Играй опять, — говорила она: играй, что нибудъ повеселѣе! —

«Наконецъ настала ужасная часъ — и тихій ангелъ принялъ душу ея и опнесъ на небо, какъ благоуханный вѣмѣамъ Превѣчному!»

Поэтъ замолчалъ; воспоминанія, облеченныя въ свѣтлое одѣяніе фантазіи, пробудили всѣ умолкнувшія спруны души его.

— Сохраните навсегда эпу силу вѣры и поэзіи, — сказала я. — Она превращаетъ для насъ гармонию природы въ вѣчное служеніе Творцу — и въ глазахъ нашихъ измѣняетъ многое! —

«О, я не сказалъ вамъ ничего;» возразилъ онъ: «вы не знаете еще тѣхъ тайнъ сердечной вѣры, того высшаго служенія природы и Творцу ея, которыя открылись мнѣ на гробѣ *Евгеніи*! — Вотъ уже цѣлый годъ прошелъ по смерти ея, и всё эпо мирное убѣжище влечетъ меня къ себѣ съ равною силою. Часто прихожу я сюда до восхожденія солнца, чтобы вѣнчать упрѣнному гимну природы при ея пробужденіи. Тогда всѣ обѣщанія *Евгеніи* живо представляются душѣ моей — и я жду ихъ исполненія. Нѣтъ! я не жду, я наслаждаюсь ея присутствіемъ; я вѣспѣваю еѣ въ каждомъ распутившемся цвѣткѣ, въ пѣстрой бабочкѣ, въ порханіи вѣтерка, въ благоуханіи травъ и распений. Она здѣсь, думаю я, — она впила въ себя эпи ароматы, чтобы излить ихъ на меня и окружить меня своею атмосферою; она поетъ мнѣ въ образѣ малиновки, которая качается на вѣткѣ, у тихой ея могилы; — я смотрю въ долину, смотрю на небо, и вдругъ какой-то неземной, воздушный призракъ, паритъ въ легкомъ облакѣ и исчезаетъ въ лучахъ недосязаемаго свѣта. Часто по вечерамъ, когда восходитъ луна, окруженная мириадами свѣтилъ небесныхъ, одна звѣздочка, отдѣляясь отъ другихъ, свѣтитъ такъ ярко, такъ привѣпно, что я по неволѣ зову еѣ къ себѣ, зову *Евгенію* — и мнѣ кажется, что звѣздочка сходитъ ниже и смотритъ на меня еще привѣще, еще нѣжнѣе. — Ночью милая пѣнь спойтъ надъ изголовьемъ моимъ и сылетъ на него райскіе цвѣты. Она тихо укачиваетъ меня и сонному испощаетъ чистую, ангельскую любовь свою!»

Для чего эпа святая, высокая поэзія сердца не дана равно всѣмъ несчастнымъ! — Какой свѣтъ утѣшенія пролила бы она въ исперзанную душу ихъ. О! я понимаю еѣ, я передамъ ее спрадалцамъ, и они узнають,

какъ сладко и упѣшипельно надѣяшься! — Вѣрующей бѣжипъ опчаянія, которое убиваетъ душу; онъ ищетъ оправды въ великихъ и несомнѣнныхъ истинахъ религіи.

T.

НАКАЗАННАЯ СПѢСЬ.

Фанфоронъ со всеми обходился спѣсиво и хвастался знаинымъ происхожденіемъ. Однажды случилось ему въ разговоръ задрѣть спараго, заслуженнаго маіора, который вышелъ изъ першнія, сказалъ ему: «Знаю, государь мой, что вы происходите отъ самой старинной фамиліи, родоначальникомъ которой былъ Адамъ, богатѣйшій въ свое время помѣщикъ; знаю также, что вы приняпы въ лучшемъ обществѣ; касательно же покойнаго вашего родителя, скажу, что онъ славился гостепримствомъ и что домъ его былъ открытъ для всякаго, потому что онъ содержалъ харчевню.»

МЫСЛИ.

Книга есть другъ, который выбираетъ свободныя для насъ часы, чтобы говорить съ нами, и не сердится, если мы иногда перерываемъ рѣчь его.

Большая часть людей скучаютъ цѣлую жизнь свою и жалуются на кратковременность жизни.

Великіе люди склонны къ любви людей обыкновенныхъ потому, что все способно спи въ нихъ сильнѣе и совершеннѣе; следовательно, они съ большею ясностію видятъ качество достоѣнаго предмета, и привязываются къ нему тѣмъ пламеннѣе, чѣмъ дальше и короче знаютъ его. Припомъ же истинно великіе умы рѣдко увлекаются вещественными выгодами жизни.

Любовь составляетъ блаженство женщинъ, потому что она даетъ имъ власть надъ нами, и изъ невольницъ—дѣлаетъ ихъ гордыми властительницами.

Топъ, кто вѣчно занимается чужими дѣлами, походипъ на человека, приспально смопрягаго въ пчелиный улей.—Пчелы вылетаютъ и больно жалятъ любопытнаго за нескромность его.

Вся разница между дурнымъ и хорошимъ обществомъ есть слѣдующая: то, что говорится въ маленькой комнатѣ, пересказываея въ богатой гостиной;—тамъ за маленькимъ—здѣсь за большимъ споломъ; въ первомъ случаѣ при двухъ огаркахъ, во второмъ при свѣпѣ восковыхъ свѣчъ и бронзовыхъ канделябровъ.

Презрѣніе, которое Богъ имѣетъ къ богатствамъ міра и земнымъ почестямъ, доказывается людьми, которымъ Онъ посылаетъ ихъ.

Люди называютъ скупымъ не того, кто не любитъ большихъ издержекъ, а того, кто жалѣетъ денегъ на бездѣлицу.—Небольшая сумма въ годъ—избавила бы многихъ отъ спыда прослыть скупягами.

T.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРІИ.

Пѣхота.

Султанская гвардія	6,000 чел.
68 баталіоновъ регул. пѣхоты	68,000 —
8 баталіоновъ легкой пѣхоты	8,000 —
Морскихъ солдатъ, отправляющихъ сухопутную службу	40,000 —
Легкія Азіатскія войска	6,000 —
Корпусъ волонтеровъ	5,000 —

Всей пѣхоты: 133,000 чел.

Конница.

Конной гвардіи	1,500 —
Спаги (на жаловань)	25,000 —
Резервная конница	20,000 —

Тямаріоты	120,000 чел.
Волонтеры	3,000 —

Всей конницы: 196,500 чел.

Артиллерія.

Гвардейская артиллерія	2,000 —
----------------------------------	---------

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

58.

Чѣмъ болѣе размышляю, тѣмъ менѣе понимаю, за что не понравился я почтенному г. *В. В. В.*? Я пишу къ нему досподожное почтеніе, почти во всемъ съ нимъ согласенъ на щепъ криптики въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ; согласенъ даже въ малѣйшихъ подробностяхъ; напримѣръ:

1-е. Онъ объявилъ свое неудовольствіе барону *Брамбеусу* за то, что онъ, говоря о изданной Б. М. *Федоровымъ* дѣпской книжкѣ, посулилъ за изданіе ея *пять ореховъ*. Мы давно весьма безприсраспно оуждаемъ пощъ барона въ его крипикахъ. Прилично ли относиться такъ о сочиненіяхъ человека, оказавшаго услуги отечественной словесности; человека, котораго уважалъ Н. М. *Карамзинъ*, уважаетъ А. С. *Шишковъ*?

2-е. На страницѣ 55-й г. *В. В. В.* съ негодованіемъ замѣчаетъ, что—«въ *Библиотеку для чтенія* издапель Панорамы получилъ такой цохвальный пиптуль, что мы, изъ уваженія къ почтенному автору, не смѣемъ даже повторить его.»

А я развѣ не возсавалъ пропивъ эшаго, развѣ, въ продолженіи почти трехъ лѣтъ не убѣждалъ господъ *Брамбеуса*, *Морозова*, *Тюнджи-Оглу*, *А. Бѣлкина*: обращаться съ публикою и писателями повѣжливѣе? Развѣ не указывалъ я имъ на рѣзкость выраженій и на неосновательность приговоровъ въ литературной лѣпописи и криптикѣ? Мнѣ прискорбно было находить все это въ журналѣ, въ которомъ блиспали (теперь уже не блещутъ!) пворенія *Жуковского*, *Пушкина*, *Крылова*, *Баратынскаго*, *Скобелева*, *Д. В. Давидова*, кн. *Одоевскаго*, *Масальскаго*, *Загоскина*.

3-е. Г. *В. В. В.* на той же страницѣ продолжаетъ: «Въ рецензіи на *Лѣтопись Факультетовъ* употреблено такое слово, котораго даже мужики не употребляютъ между собою, а извѣстно, что они не очень разборчивы. Криптикъ *Библиотеки для чтенія* пребуетъ,» продолжаетъ г. *Строевъ* 2-й: «чтобы писали разговорнымъ языкомъ, и увѣряетъ насъ, будто бы самъ такъ пишеть. Мы желали бы знать, въ какой образованной бесѣдѣ слышалъ онъ это словечко, которое выкинуто даже изъ нѣкоторыхъ лексиконовъ?»

Чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ менѣе опгадываю: за что гнѣваелся на меня почтенный г. *В. В. В.*?

А. Кораблинскій.

10-е Февраля

1836.

С. Петербургъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Я разучился уповать,
 Навѣки съ радостью проснилъся,
 Я переспалъ давно желать,
 Съ бѣдой и съ горемъ породнился,
 И свыкъся съ люпою тоской,
 Какъ узникъ съ тѣсною шюрмой,
 Какъ шрупъ съ могилою сырой...
 Я загубилъ воспоминанья,
 И въ чахломъ полѣ бышія
 Остался жертвою спрданья;
 И для всего ужь умеръ я.
 Но иногда я вдругъ скучаю,
 Хочу чего-то и боюсь,
 Чего-то грустно ожидаю,
 Чему-то впайтъ веселюсь.

М. Делидовъ.

Слуцкъ.

E N I G M E.

Je suis petit, léger et de mince valeur,
De vos plus grands secrets souvent dépositaire;
Je ne sers qu'une fois, toujours avec mystère;
J'ai des frères sans nombre, et n'ai pas une sœur.

Въ No 24-мъ, помѣщенная шарада значить: *Наталія*.

M O D E S.

Vous me dites, ma chère *Nancy*, que, confiante dans mon goût, plusieurs de nos amies désirent que par écrit je leur envoie des toilettes *toutes faites*. Je m'incline avec reconnaissance devant cette marque de haute confiance et avec l'importance d'un général qui décrit un plan de bataille. Je taille ma plume, et je commence: — Une robe en satin gris-perle, garnie de trois rouleaux de satin rose espacés de la largeur de la main; ces mêmes rouleaux montent sur le devant de la jupe en se rapprochant du haut, et forment tunique. Le corsage croisé avec mantille de blonde à double rang, ayant sur l'épaule cinq petits nœuds de ruban de satin rose. Les manches courtes, plates, recouvertes de rouleaux pareils à ceux qui garnissent la robe. Pour coiffure, des nœuds de velours rose, cheveux plats et diadème de camées, ainsi que la parure. Une robe en tulle illusion, fermée sur le côté par cinq nœuds de velours vert; les manches formées de petits bouillons de tulle, dont les intervalles étaient remplis par un nœud de velours vert. Le corsage plat, avec une échelle de liserés verts faisant corset. Dans les cheveux, une guirlande de feuillage et groseilles d'or; coiffure à la grecque. — Une robe en velours bleu épinglé; de petites manches courtes relevées sur l'épaule, avec des nœuds de perles; sous ces manches, on en voyait une autre en blonde descendant jusqu'aux coudes, bordée d'un rang de perles; le corsage croisé, rattaché par des nœuds de perles, et descendant en pointe; au lieu de ceinture, une rangée de perles. Sur la tête, une résille Cléopâtre fixée sur le front, avec une magnifique étoile de diamans; au cou, aux oreilles, des perles et des diamans. — Une robe de gaze rose forme de tunique, entourée d'une guirlande de petites roses sans feuilles; le haut du corsage entouré de même, et les petites manches alternées de crevées et de roses.

Une couronne à la *Norma*. La robe de dessous en satin rose, fort courte, et rallongée par une haute bande transparente qui laissait apercevoir la cheville.

M O D Ы.

Ты говоришь мнѣ, милая *Nancy*, что, доверяя моему вкусу, многія изъ нашихъ пріятельницъ желаютъ, чтобы я съ описаніемъ прислала имъ полныя наряды. Я чувствительна благодарна за такое доказательство ихъ высокой довѣренности, и съ важностью генерала, описывающаго планъ баталиі, очиниваю перо и начинаю: — атласное платье перловаго цвѣта, отдѣланное тремя руло изъ розоваго атласа, разстояніемъ одно отъ другаго въ ладонь ширины; эти же руло подняты спереди юбки и, сближаясь кверху, составляютъ шюникъ. Лицъ съ косою полою, отдѣланъ двойною блондовою мапшилкою; на плечахъ по пяти маленькихъ баншиковъ изъ розовыхъ атласныхъ денпѣ. Рукава короткіе, гладкіе, покрытые такими же руло, какъ платье. На головѣ банты изъ розоваго бархата, волосы гладкіе, діадема изъ аншиковъ, равно и приборъ. Платье изъ шюма *illusion*, схваченное на боку пятью бантами изъ зеленаго бархата; рукава сдѣланы изъ маленькихъ бусъ изъ шюля, въ промежуткахъ банты изъ зеленаго бархата; лицъ гладкой, съ льстницею изъ зеленыхъ узенькихъ руло, что составляло корсетъ. Въ волосахъ гирланда изъ листьевъ и золотой смородины, прическа Греческая. — Платье изъ голубаго булавчатаго бархата. Маленькіе короткіе рукава, приподнятые на плечо, бантами изъ бусъ; подъ этими рукавами видны были другіе блондовые, спущенные до локтей, обшитые однимъ рядомъ бусъ; лицъ съ косою полою, и съ мыскомъ, прихваченный бантами изъ бусъ; вмѣсто пояса, рядъ бусъ. На головѣ, съшка *Cléopâtre*, прихваченная на лбу великолѣпною бриллиантовою звездою; на шеѣ и въ ушахъ жемчугъ и бриллианты. Розовое газовое платье въ видѣ шюника, обшитое вокругъ гирландою изъ мелкихъ розъ безъ листьевъ, также и верхъ лица, а маленькіе рукава отдѣланы попеременно розами и прорѣзаны. Гирланда à la *Norma*. Нижнее платье розовое атласное, чрезвычайно короткое и надставленное снизу широкою прозрачною полоскою, отъ чего видна была щиколка ноги.

(Окончаніе сего письма съ слѣд. листъ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 26.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 28 ДНЯ 1836 ГОДА.

Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧАСОВНЯ СВЯТАГО БЕНЕДИКТА.

(Хроника.)

Юра можетъ назваться порпикомъ Альповъ, потому что отъ нее начинается уже необозримая цѣпь ихъ. Между множествомъ прекрасныхъ Альпійскихъ долинъ, особенно прелестна та, которая идетъ отъ потока Гери, или древняго Гериака, до озера Антони или Антеи. — Въ этой живописной равнинѣ построены городокъ Саленсъ, бывший некогда главнымъ городомъ Франшь-Конте, и названный такъ потому, что онъ долго удерживалъ права свои и независимость. Въ этомъ городкѣ, гдѣ я родился, на помѣ мѣстѣ, гдѣ стоишь теперь живописный замокъ Рауцъ, въ которомъ пролегли ясные дни дѣтства моего; жила давно, очень давно, то есть за цѣсколько вѣковъ назадъ, бѣдная вдова, по имени *Трамбери*, съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ. Она воспитывала его въ страхъ Божіемъ и учила благословлять волю Создателя, не смотря на ужасную нищету, которая ихъ обрече-

няла. Спарушка въ этомъ случаѣ поступала благочестиво и умно, потому что ропотъ и непорѣвнѣе не только не облегчаютъ несчастія, но раздражаютъ насъ, и часно доводятъ до гибельнаго отчаянія; между тѣмъ какъ смиреніе и покорность Провидѣнію, даютъ силы переносить испытанія жизни и наполняютъ сердце наше спокойствіемъ и надеждою. Бѣдная вдова скоро удостоверилась въ этой несомнѣнной истинѣ.

Бѣда говорятъ идетъ за бѣдою; скоро несчастія одно за другимъ обрушились на вепхую хижину бѣдной спарушки; наводненіе и пожаръ лишили ея всего, кромѣ малаго сына, и глазъ, изъ которыхъ безпрестанно текли горькія слезы.

Но не смотря однакожь на такую жестокость судьбы, спарушка не переставала молиться Богу, и находила въ молитвѣ крѣпость и утѣшеніе. Наконецъ горесть и дряхлость тѣмъ распространили ея здоровье, и она пролежавъ полтора года на сырой постели, лишилась движенія рукъ и ногъ; — однако и тогда не забывала она хвалить Твор-

ца за всё, что онъ посылалъ ей, и часто, по-дозвавъ сына, приказывала ему спановиться на колына у кровати и чипать за нею молитвы.

Всё, что вытерпѣли мать и сынъ въ первые годы ихъ нещастія, невыразимо. Въ это время еще не было тѣхъ благодѣтельныхъ заведѣній для спраждающаго человечества, гдѣ беззащитная вдова и невинный младенецъ—находятъ пропитаніе и убѣжище; слѣдовательно спарушка съ сыномъ своимъ часто не имѣла куска хлѣба; когда же *Маркъ* подросъ и маленькія руки его приобрѣли силу и проворство, тогда онъ спалъ работашъ, чтобы кормить мать свою, и спудился прилежно, не зная отдохновенія; но что можетъ выработать бѣдный ребенокъ, безъ всякой посторонней помощи? Онъ едва-едва добывалъ столько, чтобы мать его не умерла съ голоду, и часто вздыхалъ при мысли, что ему не на что купить ей какого нибудь лакомства. Однажды, когда она съ спудомъ грызла черствый сухарь, онъ задумался и, посмотрѣвъ на неё, спросилъ: «Мамушка! неужли тебѣ ничего не хочется, кромѣ хлѣба?»—Ничего, дитяшко.—«О нѣтъ! вѣрно если бы было у насъ что нибудь...»—Ну да! если бы была рыба, то я бы, кажешся, охотно отвѣдала её.—«Рыба!... я могу наловить её для тебя!.. О мамушка, и достану для тебя рыбы!»—И въ слѣдующее воскресенье *Маркъ* побѣжалъ въ Бомъ и Мошлезиръ, и тамъ подъ скалами наловилъ руками мелкой рыбы, и вечеромъ съ неописанною радостью принесъ матери.— Легко можно вообразить чувства бѣдной спарушки; она, рыдая, обняла милаго сына и просила Бога наградить его за упышеніе, которое онъ доставлялъ ей. Съ этого дня *Маркъ* каждое воскресенье ходилъ за рыбою, и никогда не возвращался съ пустыми руками. Но скоро однакожь пришло ему на мысль, что во время бури или разливія воды невозможно брать рыбу руками; по долгомъ размышленіи, онъ вспомнилъ, что видалъ, какъ ловацъ её съями и удою; немедленно купилъ уду, и спалъ ходить съ нею въ уединенную и прекрасную равнину, которая простирается по берегамъ Фурью-

зы, опть эрмишажа св. *Иосифа* до эрмишажа св. *Бенедикта*.

Рыбная ловля, почти неизвѣстная еще въ долину, гдѣ жилъ *Маркъ*, доставляла ему порядочный доходъ, и онъ, совершенно занявшись ею—въ короткое время сдѣлался искуснымъ рыбакомъ. Примѣру его слѣдовали другіе—и такимъ образомъ для всего кантона открылась новая промышленность.—*Маркъ* первый нашелъ, что раки, улитки и множество мелкихъ рыбъ, наполняющихъ источники, доставляютъ человеку легкую и здоровую пищу.

Любя спраспно мать свою, проводя жизнь на лонѣ природы, *Маркъ* былъ доволенъ и щасливъ; но увы! какое щастье прочно на землѣ?

Разъ, въ знойный день, сидя въ тѣнистой рощѣ, молодой рыбакъ чинилъ уду свою и напѣвалъ веселую пѣсню. Въ это же время сельской нотаріусъ прогуливался въ лѣсу съ семействомъ, и, увидѣвъ *Марка*, заговорилъ съ нимъ, и узналъ, какимъ образомъ, изъ любви къ матери, онъ научился ремеслу своему. Слушая его, нотаріусъ дивился, жена его плакала, но молоденькая дочь ихъ казалась равнодушною, хотя не проронила ни одного слова изъ разсказа рыбака. Впечатлѣніе, произведенное на нее добродѣтельнымъ юношею, было тѣмъ сильнѣе, что и въ тѣ времена дѣвушки щастельно скрывали пашу сердце своихъ и не повѣряли её родителю. Что касается до *Марка*, то онъ взглянувъ на *Клавдину*, не могъ позабыть её, и съ той минуты совершенно перемѣнился: спалъ задумчивъ, безпокоенъ—и думалъ безспреспанно о *Клавдинѣ*. Бывало, подходя къ хижицѣ, гдѣ бѣдная мать его помилась на спрадальческой постель, онъ издали привспивовалъ её нѣсиями, потомъ подбѣгалъ, бросался ей на шею и забавлялъ её смѣшными разсказами. Теперь, напрошивъ пого, входилъ тихо—и хотя цѣловалъ мать съ большею еще нѣжностію, но не улыбался, а плакалъ,—не пѣлъ, не смѣшилъ её, но сидѣлъ молчаливый, блѣдный, усспремивъ попухшіе глаза свои на одно мѣсто.— Спарушка, глядя на него, вздыхала, и тихо

просила Господа, чтобы онъ исцѣлилъ его душу. Она знала о любви его, знала и то, что *Клавдина* не могла быть его женою — и съ тихою покорностью воля Всевышняго — плакала и молилась.

Не одни они одинакожь умирали отъ печали, и другая жертва горести медленно сходила въ могилу. Бѣдная *Клавдина*, пронупая до глубины сердца сыновнею нѣжностью *Марка*, любила его со всемъ пламенемъ той безпорочной, чистой любви, которая въ прекрасныхъ душахъ рождается отъ состраданія къ несчастію, соединенному съ добродѣтелью. — *Клавдина* спрадала еще болѣе *Марка*; она никому не смѣла говорить о любви своей и помилась въ молчаніи; что, казалось, могло переменить участь ихъ?.. что, кромѣ развѣ какого нибудь сверхъ-естественнаго чуда или ужаснаго поспрясенія природы? — Вы удивитесь, но это исполнилось!

Наступилъ радостный праздникъ Пасхи — и вдругъ ужасная буря заревѣла на горахъ и въ долинахъ, и небо, казалось, пролилось потоками на землю. Непаріусъ, который былъ по дѣламъ своимъ въ окрестностяхъ святаго *Бенедикта*, приближалъ опростею домой, и едва спустился на порогъ, какъ волны хлынули во внутренность дома. Онъ хотѣлъ вышпи, но вода съ ужасною силою полкнула его назадъ, и онъ съ прудомъ могъ съ женою и дѣтьми добраться до верхняго жилья, гдѣ они провели цѣлую ночь въ неизъяснимомъ безпокойствѣ, потому что буря не утихала.

Несчастные въ страхъ и отчаяніи, видѣли ужасную массу волнъ, которая, умножаясь безпрестанно, съ шумомъ ударила въ стѣны, потрясая ихъ до основанія и ежеминутно грозя унести домъ съ собою. Въ эту минуту одинъ изъ дѣтей взглянувъ на долину, представлявшую собою бурное озеро, закричалъ испуганнымъ голосомъ: «Маменька, смотри, смотри — это чья-то голова! Это человекъ — онъ поплывъ!» — Гдѣ, гдѣ? — спросила мать. — «Вонъ тамъ... повыше!» — Но я не вижу ничего. — «Погоди; ты теперь не можешь видѣть его, потому что онъ пропалъ подъ водою, — но онъ опять пока-

жется... Смотри; смотри теперь... вопль его! видишь ли его голову?» — Боже милосердый, такъ точно, это несчастный упоаетъ! Отойди, душенька! пойдёмте отсюда прочь! я не могу видѣть этого! — «Онъ плыветъ, маменька! подождемъ! Ахъ! да онъ плыветъ, да! да! онъ плыветъ сюда; вопль его близехонько... Маменька! это *Маркъ!* это рыбакъ.» — *Маркъ!* — закричала мать; «*Маркъ, Маркъ, Маркъ!*» повторили за нею всѣ, и *Клавдина* задрожала, когда онъ вдругъ очутился передъ ними. «Благодѣтель, спаситель, помоги намъ,» воскликнули нѣсколько голосовъ вмѣстѣ — и всё семейство бросилось къ молодому человеку. Переведя духъ, онъ взглянулъ на *Клавдину*, и глаза его сказали ей: *Клавдина*, встрѣишь ли ты мнѣ жизнь свою? — Она поняла его, и молча посмотрѣла на отца. *Маркъ* также понялъ её — и подбѣжавъ къ спарику, остановился, схватилъ его руки и обвилъ ихъ вокругъ шеи своей, говоря: держись за меня, но не слишкомъ крѣпко, только не выпускай меня изъ рукъ, не смотри ни на какую опасность, и помогай мнѣ плыть, оппалкивая ногою волны. Теперь съ Богомъ! — Съ этими словами онъ вскочилъ на окно, глазами измѣрилъ вышину его и глубину воды, и вдругъ бросился въ неё съ пошей своей. Всѣ ахнули отъ ужаса и побѣжали на кровлю, чтобы лучше его видѣть. Необыкновенная сила и бодрость *Марка* давно прославили его между поселянами; сражаясь съ волнами со всею опытностію искуснаго пловца, онъ по успуналъ имъ и скрывался въ ихъ пучинѣ, но вдругъ, выплывая наверхъ, снова боролся съ ними, и наконецъ, преодолевъ всѣ опасности, благополучно доплылъ до земли. Тутъ встрѣтило его другое зрѣлище. Жители села и окрестныхъ деревень, которые знали о любви его къ *Клавдинѣ*, и принимали въ ней живое участіе, догадавшись, что онъ побѣждалъ изъ дому на помощь дѣвушкѣ, собрались на скалы, окружающія долину, чтобы въ случай нужды пособить ему. «Спасай *Клавдину* — спасай *Клавдину*,» кричали они ему оппуда. *Маркъ* бросился оцѣпъ въ воду, и возвратился къ дѣвушкѣ, но она, увидя его, отспутила назадъ и закрыла лицо ру-

ками.» Спасай *Клавдину*, спасай её—скоро будешь поздно!» продолжали кричать на утесъ. Онъ бросился на колѣна и умолялъ её не переплыть времени.— О *Маркъ*, ты забылъ мамушку!—отвѣчала она со слезами. Именно мамери твоей, я заклинаю тебя спаси её.—*Маркъ* подошелъ къ женѣ нотаріуса, но она подавалъ ему маленькаго сына своего, просила взять его. Онъ переплылъ съ нимъ на берегъ и потомъ спасъ её и прехъ сестеръ *Клавдинъ*. Между тѣмъ опасность увеличивалась; быспроша волнъ часть опъ часу спановилась сильнѣе, и вода начала уже подыматься до крышки дома.— Оспавалось спасать еще при жертвы. Одинъ изъ дѣшей оспунился и упалъ съ кровли; рыбакъ былъ недалеко.—*Маркъ!*—вскрикнула *Клавдина*: я надѣюсь на тебя; братъ мой не погибнетъ!—Онъ спремглавъ кинулся въ пучину, схватилъ мальчика за волосы и доплылъ съ нимъ до берега.

Волны съ яростью качали домъ и кровля чупъ держалась.

«*Клавдина*, смотри!» закричалъ *Маркъ*, указывая на крышку, которая шаталась подъ ихъ ногами.

—О *Маркъ!* не ужьли я обманулась, полагаю на доброту твою... на твою любовь?—сказала она прерывающимся голосомъ.

Домъ прещалъ, крышка шаталась; *Маркъ* въ отчаяніи ломалъ себѣ руки.

—Спасай ихъ, спасай ихъ! я умру вмѣстѣ съ побою!—говорила *Клавдина* тѣмъ некоразимымъ голосомъ смертельной поски, *М*порый не пониметъ тому, кто не знаетъ еще всѣхъ тайнъ любви и чрезмѣрнаго нещастія.

Маркъ въ упоеніи поднялъ руки и глаза къ небу. «О, я постигаю теперь жизнь ангеловъ!» сказалъ онъ: «*Клавдина!* ты права; спасемъ ихъ и потомъ умремъ вмѣстѣ.»

Онъ схватилъ изъ колыбели слабаго младенца и возвратилъ его мамери, которая со слезами радости приняла его.—Но гдѣжъ, *Клавдина?*—сказала она опомнившись: *Маркъ*, *Маркъ*, отдай мнѣ *Клавдину* мою!—

Пучина кипѣла, вершѣлась; волны, гонимыя бурей, съ ужаснымъ ревомъ перегоняли одна другую, и въ ту самую минуту, какъ *Маркъ* приблизился уже къ дому, крышка слетѣла и нещастная *Клавдина*, исчезла въ безднѣ. *Маркъ*, не теряя головы, вѣтшился въ кровлю руками, зубами, и носился съ нею во все стороны, какъ слабое насѣкомое, прилипшее къ листку, который кружился въ воздухѣ. Наконецъ *Клавдина* показалась; онъ переплываетъ валь—другой валь скрылъ её опъ глазъ его; *Маркъ* слѣдитъ за волнами; она показалась опять, но далеко; онъ плыветъ, плыветъ—спрудности возрастаютъ болѣе и болѣе; новые потоки, или, лучше сказать, масса тысячи потоковъ хлынула съ утесовъ и усилила спремление воды; опасность непреодолима, но *Маркъ* не перяетъ бодрости и собираетъ послѣднія силы. Онъ смѣло лепитъ по водамъ, мощными руками оппалкивая опъ себя волны. Наконецъ видитъ вдали бѣлое плащье, бросается, схватываетъ *Клавдину*; но нещастная уже при послѣднемъ издѣханіи. Отчаянный, испущенный *Маркъ* сплился приспать къ берегу; онъ плыветъ, плыветъ—небо казалось умилосердилось, земля близка—еще одно усиліе—и они спасены,—какъ вдругъ набѣгаетъ валь—и поглощаетъ ихъ: *Клавдина*, видя неизбежную смерть, склоняетъ голову на грудь друга; *Маркъ* прижимаетъ её къ сердцу; «Боже! Боже!» вскричалъ онъ—и оба тихо погрузились въ бездну.

«О Боже! о Боже!» повпорили тысячи голосовъ на утесѣ.

Тѣла *Марка* и *Клавдинъ* нашли на другой день въ шроспникахъ Аннелъскаго озера, и похоронили у часовни эрмишажа.

Разъ, въ щасливые дни дѣтства моего, я гулялъ въ эрмишажѣ св. *Бенедикта*; бабка моя, женщина добрая и набожная, вела меня за руку и указавъ на два камня, заросшіе мохомъ, сказала: посмотри, малюпка, вопъ здѣсь лежатъ *Маркъ*, а шупъ *Клавдина*; ты вѣдь помнишь ихъ испорію? имена ихъ еще можно разглядѣть на плить. Я нагнулся къ надписямъ, а бабушка спала на колѣнахъ и начала читать молишву.

Возвращаясь домой, я сказалъ ей: вы мнѣ никогда не говорили, что сдѣлалось съ несчастною матерью бѣднаго *Марка*.

— Подивись чуду! дитя мое, — отвѣчала бабушка: бѣдная старуха, узнавъ о смерти сына, вдругъ исцѣлилась отъ недуга своего и стала опять ходить, какъ будто никогда не опинимались у неѣ ноги. — Но она лишилась ума и памяти и помнила только объ одномъ; одна мысль вѣчно жила въ душѣ ея, и каждый годъ, на другой день Свѣтлаго Воскресенья, — несчастная, одѣтая въ праздничное платье, разряженная, какъ рядятся сумасшедшія, бѣгала отъ одного двора къ другому и спуска въ окна домовъ, кричала поселланамъ: идите, добрые люди, — идите со мною въ эрмижажъ св. *Бенедикта*; сегодня большій праздникъ; мой *Маркъ* давно насъ дожидается. — «Идемъ, идемъ,» отвѣчали добрые люди, и дѣйствительно всѣ шли за нею. Дорогою безумная попеременно то пѣла пѣсни, то плакала или читала молитвы по усощимъ, — и они, глядя на неѣ, пѣли, молились или плакали; а глупые мальчишки смѣялись и шутили надъ сумасшедшею.

Вотъ что сказывала мнѣ бабушка. — Въ тѣ еще времена жили Саленса установили ходить ежегодно, въ понедѣльникъ Святой недѣли въ эрмижажъ святаго *Бенедикта* — и тамъ надъ гробами *Марка* и *Клавдины* пѣли панихиду. Этотъ священный обрядъ сохранился и понынѣ.

Любопытно слушать, съ какимъ краснорѣчіемъ поселанки въ этотъ день говорятъ о привязанности рыбака къ доброй матери, между тѣмъ какъ старушки хвалятъ ея благочестіе, а любовники не могутъ наговориться о любви *Марка* и *Клавдины* и несчастной судьбѣ ихъ.

T.

О ЖИТЕЛЯХЪ НОВОЙ КАЛИФОРНИИ.

Грубый и даже звѣрскій характеръ, свойственный жителямъ Новой Калифорніи, происходитъ отъ привычки ихъ къ сильнымъ плеснымъ упражненіямъ и отъ недостатка воспитанія. Они не имѣютъ уваженія къ женщинамъ, склонны къ ревности,

и пребываютъ отъ семействъ своихъ совершенно рабской покорности. Это слѣпое повиновеніе родителемъ никогда не ослабѣваетъ въ дѣтяхъ, и во всякомъ возрастѣ жизни, сынъ не только почитаетъ, но боится престарѣлаго отца своего, какъ строгаго и неумолимаго властелина. Съ иностранцами они ласковы, гостепріимны и услужливы; женщины же въ Калифорніи кропки, прудолюбивы, привязаны къ мужьямъ, и неусыпно пекутся о дѣтяхъ своихъ.

Иностранецъ, оспановившійся въ домѣ Калифорнца, щипается членомъ семейства и пользуется общою довѣренностью; старики называютъ его сыномъ, а молодые братьямъ своимъ.

Калифорнцы всѣ родня между собою, и попому живутъ въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Нравы ихъ напоминаютъ вѣкъ патриархальный; они не знаютъ различія состояній и преимуществъ богатства; тотъ, кто промышленностію своею нажилъ больше другихъ, не производитъ ни удивленія, ни зависти; отъ того воровство между ими чрезвычайно рѣдко, а смертоубійству не было еще примѣровъ.

Они не очень любятъ работать, но справны къ плодоиженіямъ, и цѣлые дни ѣздятъ верхомъ на пасвы свои, по горамъ, или на охоту.

Собираясь по вечерамъ, они играютъ въ каршы, и весело проигрываютъ нѣсколько піасровъ, когда нѣтъ случая издержать ихъ на чтонибудь другое. На праздникахъ своихъ танцуютъ, поютъ, играютъ на скрипкахъ, на гитарѣ, на арфѣ; но женщины сидятъ всегда особо отъ мужчинъ. — Кромѣ *Юты* и *Арабы*, которыя танцуются, говоря наизустъ стихи, у нихъ есть еще любимый танецъ, который обыкновенно танцуетъ одна женщина въ кругу зрителей. Въ это время они бросаютъ подъ ноги сильфиды мелкую монету — и одинъ изъ мужчинъ надѣваетъ ей на голову шляпу и набрасываетъ на плеча ея епанчу свою, которую отъ послѣ выкупаютъ нѣсколькими реалами. Сверхъ того Калифорнцы часто забавляются правлею быковъ, медвѣдей, лоша-

диними скачками и пр., на которыхъ присупсвуютъ и женщины.

Спаискіе и военные носятъ сѣрое платье. Они носятъ волосы очень длинныя, и завязываютъ ихъ назади пучкомъ. Одежда ихъ состоитъ изъ голубой суконной куртки съ красною выпушкою и металлическими пуговицами, съ голубыми бархатными панталонами и шелковымъ кушакомъ огненнаго цвѣта. На ногахъ имѣютъ они сапоги изъ оленьей кожи, или, лучше сказать, родъ шпидлешъ, похожихъ на шъ, которые носятъ Капалапцы, испещренные вышитыми и рисованными узорами, и платятъ за нихъ отъ 8 до 16 пиастровъ за пару. Бѣлый жилетъ ихъ застегивается пуговицами съ гремящими; рубашка обшита кружевами, галстухъ по концамъ вышитъ блестками и оканчивается кисточками. Они носятъ маленькую пуховую шляпу и епанчу, называемую *понго*.

Одежда женщинъ проста, но опрятна и щеголеватая. Черныя волосы ихъ, заплетенныя въ двѣ косы, висятъ до самыхъ пятъ; платье ситцевое или изъ пестрой кисеи, а на шеѣ бѣлая косынка — вопшъ весь нарядъ ихъ. На ногахъ носятъ онѣ бумажныя чулки снѣжной бѣлизны и башмаки изъ голубаго сукна. Выходя надѣваютъ на голову *ребозъ*, то есть длинную Мексикацкую шаль, и не знаютъ никакихъ галантерейныхъ вещей, кромѣ жемчужнаго ожерелья; однако-жь, со времени появления односпанныхъ кораблей, нѣкоторые молодые дѣвушки начали украшать головы свои черепаховыми гребенками, и промѣняли *ребозъ* на Индѣйскія шали.

Умѣренность есть отличительное качество Калифорнцевъ; для нихъ хорошій столъ не наслаждение, и обыкновенная пища ихъ состоитъ изъ жареной говядины, овощей, молока и фруктовъ. Нѣкоторые изъ Креоловъ переняли у Индѣйцевъ обыкновеніе употреблять вмѣсто хлѣба *тортильасы*, или лепешки, изъ кукурузы; они называютъ Французскими булками хлѣбъ, замѣшанный на водѣ, а свой мѣшаютъ на говяжьемъ жирѣ. На свадебныхъ пирахъ подаютъ баранину, живность, дичину, рыбу и водку; а иногда, но очень рѣдко, вино, которое недавно еще вошло въ употребленіе. Женщи-

ны за столъ не садятся, а занимаются разпоряженіемъ обѣда и спирянею; на нихъ лежитъ всё домашнее хозяйство, потому что въ Калифорніи никто не держитъ ни невольниковъ, ни наемныхъ слугъ, и самыя богатые изъ жителей съ прудомъ могутъ доставать изъ Индіи работниковъ, чтобы ходить за скотомъ.

T.

ВО ФРАНЦІИ ЗАНИМАЮТСЯ НЕ ОДНИМИ СКАЗКАМИ ДА РОМАНАМИ, А ВМѢСТѢ И КНИГАМИ ВАЖНЫМИ, НАЗЫВАЕМЫМИ.

Издавая романы, повѣсти всѣхъ цвѣтовъ и красокъ, записки, часто поддѣльныя, въ Парижѣ не бросаютъ и положительной учености. *Бюффонъ* издается шестрадами, по двѣ въ недѣлю. Всѣхъ шестрадей будетъ 110 текста и 70 шестрадей таблицъ. Ученый издатель, *Ришаръ*, профессоръ Парижскаго Медицинскаго училища, общаетъ приложеніе въ концѣ и сравнительныя таблицы порядка, принятаго *Кювье*, *Броньяромъ* и *Гаю*.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ ГЕССЕНСКАГО ВЕЛИКАГО ГЕРЦОГСТВА.

Народонаселеніе 747,198 душъ.

По мирному положенію.

Пѣхота.

1 рота лейбъ-гвардіи	65 чел.
4 полка пѣхотныхъ. Каждый полкъ имѣетъ 2 баталіона, а баталіонъ 5 ротъ, изъ которыхъ 1 сирѣжковая	4,965 —

Конница.

1 легкоконный шести-эскадронный полкъ	912 —
<i>Артиллерія, Инженерство, Фуришаты.</i>	
2 роты пѣшей артиллеріи	} 386 —
Полурота конной артиллеріи	
1 рота фуришатская	} 98 —
1 рота саперовъ	

Вся армія заключаетъ въ себѣ 6,426 чел.

По военному положенію.

Пѣхота.

1 рота лейбъ-гвардіи	65 чел.
4 пѣхотныхъ полка	7,405 —

Конница.

1 легкоконный полкъ. Въ немъ	1,332 —
--	---------

Артиллерія, Инженерство, Фуришата.

2 роты пѣшей артиллеріи	} 644 —
1 батарея конной артиллеріи	
3 роты фуришата	
1 рота саперовъ	98 —

Во всей Гессенской Вел. Герцогской
арміи числится 9,544 чел.

Примѣчаніе. Въ мирное время оспаещя подъ ружьемъ
1,500 чел. Оспаельные пользуются опшпускомъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

59.

Въ № 28-мъ Живописнаго Обозрѣнія достопамятныхъ предметовъ, въ спашь: Рѣкъ земнаго шара—Волга нашѧ попала въ число Азіатскихъ рѣкъ.—Конечно это не ошибка, потому что ужъ такъ ошибиться нельзя,—а небрежность, невниманіе издашелей и машинальность переводчика спашьи (съ Англійскаго языка); но небрежность пѣмъ болѣе непрощительная, что опносптся къ нашей мапушкѣ Волгѣ—и пѣмъ еще, что Живоп. Обзор. журналъ всегда исправный и занимательный, имѣетъ множесство чпшашелей, и потому издашели его должны дожить вниманіемъ публики и бытъ какъ можно *внимательные* къ шрудамъ своимъ.

Кспашпи, въ томъ же No на спраницѣ 223 сказано—будпо *Петръ Великій* умеръ 1725 г. 17-го Января по новому спшлю, спѣдовательно 6-го Января по старому, ибо въ томъ сполѣшпи было 11 дней разницы между спшлями. Но извѣспно, что *Петръ Великій* скончался 28-го Января 1725 по сп. сп. или 8-го Февраля нов. спшля.

Сергій Кувшннниковъ.

11-е Февраля
1836.
Воронежъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О — ВУ.

(*При выступленіи его въ походъ*).

Съ прощальнымъ словомъ: до свиданья,
Твой голосъ замеръ на ухахъ,
Волнують грудь швою рыданья
И слѣзы блещутъ на глазахъ.
Братъ! не тоскуй: въ часъ грозной битвы
Съ побой заступники швои:
Благословенія любви
И дружбы жаркія молишвы!

Фонъ-Бейеръ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ гремишь, *второй* еспъ восклицанье,

А *третій* за царя, опечесство не разъ
Предпринимали мы; о немъ воспоминанье
Хранишь Бородино и война разсказъ.
Все *цѣлое* мое, еспъ вымысль сладкозвучный
Пльнишеля сердце, поэпа нашихъ дней;
Въ немъ приведенъ въ примѣръ преступникъ злополучный,
Какъ жертва жалкая несповыхъ спраспей.

Въ № 25-мъ, помѣщеннаѧ загадка значить: *Pain à cacheter.*

М O D E S.

Une robe de mousseline de l'Inde fort courte, mais encore plus courte sur le devant que par derrière, d'une excessive ampleur, garnie de cinq chefs d'or. Le corsage, les manches ornés de chefs; la robe de dessous en satin blanc, passant celle de dessus d'un demi-pied, et bordée d'un très gros rouleau ouaté. — Une redingote en batiste de soie blanche, doublée de satin bleu, garnie d'une blonde soutenue par des liserés de satin bleu; les manches longues et larges ouvertes en dedans, bordées de chaque côté par une petite blonde et un liseré, et fermées par des nœuds de ruban de satin bleu. Une coiffure en cheveux, ornée de nœuds de satin bleu brochés en argent, et trois rangs de petites perles sur le front. Voilà quelques modèles, ma chère sœur, que l'on pourra multiplier en les modifiant, simplifiant et augmentant; c'est un canevas sur lequel je laisse à mes jolies compatriotes le soin de varier les dessous. Une jolie mode aussi, mais qu'il faut se hâter de porter, parce que le temps presse

pour elle, ce sont les redingotes polonaises en velours ou satin, que l'on garnit en marabouts, et dont les manches *amadis* sont surmontées d'un gros rouleau entouré soit de rangs de perles, soit de gaucès assorties à la couleur de la robe. Ce rouleau est, à mon sens, une hideuse mode, en ce qu'on le place sur l'entourure, et qu'il remonte les épaules et retrécit la poitrine. Avec ces sortes de robes qui se portent surtout pour le spectacle, on voit des chapeaux à la *Fornarina* en velours, dont le fond enbotte le derrière de la tête, et revient en descendant en pointe presque jusqu'au menton; le devant très relevé dégage entièrement le front. Ces chapeaux sont ordinairement entourés de perles et ornés de plumes. Nos bonnes faiseuses, les *Jenny-Raybaud*, *Oudot-Manoury*, *Huchez*, *Levacher*, à peine remises du travail des plaisirs de l'hiver, se mettent à créer du nouveau pour Longchamps, ce champ de départ des modes de l'été. Que le dieu qui préside à la façon de ces jolies redingotes de printemps, à ces robes de promenade si simples, et en même temps si élégantes, qui laissent deviner toutes les grâces de la promeneuse, que le dieu des capotes à nœuds flottans, des chapeaux de paille de riz aux guirlandes de fleurs, nous soit en aide pour ces trois jours mémorables qui règlent nos destinées *fashionables, masculines et féminines*... L'année dernière; Longchamp se passa sous le neige et la fourrure; espérons-le, cette année sous un ciel bleu et des écharpes de gaze.

Adieu, ma chère sœur; ma pensée suit cette lettre, et cette pensée, vous la savez. — Sarah.

М О Д Ы.

Платье изъ Индійской кисеи, весьма короткое, но спереди коротче, нежели сзади, чрезвычайно широкое, обшитое пыльно золотыми полосками. Лифъ и рукава обшиты или же; нижнее платье белое атласное, длиннее верхняго на пол-рука, и обшитое шелковымъ руло на ватъ.—Рединготъ изъ бѣлаго шелкового батиста, подложенъ голубымъ атласомъ; рукава длинные и широкіе, разрезанные, обѣ стороны обшиты *lisère* узенькой блондой, и схвачены бантами изъ голубыхъ атласныхъ лентъ. Прическа убрана бантами изъ голубыхъ атласныхъ лентъ, зашпанныхъ сереб-

ромъ и прѣмя нитками мелкыхъ бусъ по лбу. Вонь нѣсколько образцовъ, любезная сестра, которые можно размножить, сдѣлавши нѣкоторыя измѣненія, проспите, или прибавя что нибудь—это канва, которую мои хорошенькія соотечественницы могутъ разнообразить узорами. Также еще красивая мода, но которую надо поспѣшить употреблять, потому что время для неѣ проходитъ: это Польскіе рединготы бархатные или атласные, обшитые марабу, надъ рукавами *amadis* шолковые руло, обернутые бусами, или шнурками подъ цвѣтъ матеріи. Это руло, по моему мнѣнію, самая безобразная мода; его кладуть на прямую, ось чьего плеча кажутся выше, а грудь уже. Съ этого рода платьями, которые особенно надѣваются въ спектакль, видны бархатныя шляпки à la *Fornarina*, которыхъ шпиль, схватывая задъ головы, доходящъ въ видѣ мыска почти до подбородка; перѣдъ, весьма приподнятый, открываетъ совершенно лобъ. Эти шляпки обыкновенно обшиты бусами и перьями. Наши искусныя, *Jenny-Raybaud*, *Oudot-Manoury*, *Huchez*, *Levacher*, едва отдохнувшія отъ работъ для зимнихъ удовольствій, начинаютъ выдумывать новосты для Лонгшана, этого начала льпныхъ модъ. Желательна, чтобъ боги, назидающія надъ фасонами этихъ щеголеватыхъ весеннихъ рединготовъ, надъ этихъ пышными и вѣстѣ щеголеватыми платьями, позволяющими отгадывать все прелести гуляющей, чтобъ богиня капотовъ съ развѣвающимися бантами, бастовыхъ шляпокъ съ гирландами пѣпловъ, пришла къ намъ на помощь для этихъ прехъ значительныхъ дней, утверждающихъ наши *мужскія и женскія модныя судьбы*... Въ прошедшемъ году, мы провели Лонгшанское гулянье въ снѣгу и въ шубахъ; будемъ ожидать еще пышнѣшій годъ подъ голубымъ небомъ и въ газетныхъ шартахъ.

Прощай, милая сестра; мысль моя слѣдуетъ за письмомъ, а мысль эпа, ты еѣ знаешь. — Сара.

При семь номеръ прилагаются: *Оглавленіе* ^{двѣдцати} первой части, или первой 1836 года, и *Заглавній листъ* къ второй части сего же года *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*.

КОНЕЦЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ЧАСТИ, или ПЕРВОЙ 1836 ГОДА.

С. Петербургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. —

Печатанъ позволяется: 24 Марта 1836 года. — Ценсоръ А. Никитенко.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ПЕРВОЙ

НА

1856 ГОДЪ.

І. ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Разсужденіе, копорымъ доказывається, что въ природѣ прекрасно только то, что кругло; пер. <i>Т.</i>	спри.	49.
Кассиръ; пер. <i>Т.</i>		73.
Сочинишель мелодрамъ; пер. <i>Т.</i>		137.
И въ Англіи лакомятся сырымъ мясомъ		158.
Хипрый спекулашоръ		—
Характеръ нашего времени; пер. <i>Т.</i>		169.
Поспановленіе для омнибусовъ		185.
О происхожденіи Персидскихъ Государей династїи <i>Собіевъ</i> отъ Французскаго Королевскаго Дома; соч. <i>Р.</i>		186.
Новый бредъ Французовъ о Русской словесности		—
Продажа рукописи на вѣсь		—
Случай на масляницѣ 1856 года		193.

ІІ. СЛОВЕСНОСТЬ.

Крестъ на могилѣ погибшаго; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	1, 9 и 17.
Павель Ландеръ; соч. <i>Н.</i>	12.
Пудель, разнощикъ газетныхъ листковъ	15.
Посидѣлки; пер. <i>Т.</i>	20.
Три жены; пер. <i>Т.</i>	25.
Парсенъевъ	28.
Присяжный; пер. <i>Т.</i>	35.
Поспановленіе моды; пер. <i>Т.</i>	35.
Письмо Анны Болейнъ	36.
Бережливосць <i>Петра Великаго</i>	37.
Раскаленная келья; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	41 и 50.
Тираны не спяшь	53.
Колодникъ; рассказъ; пер. <i>Т.</i>	57.
Простота въ одеждѣ <i>Петра Великаго</i>	60.
Семь славныхъ подвиговъ г-на Смита	61.
Шесть лѣтъ; пер. <i>Т.</i>	65, 74 и 81.
Старая шляпа; пер. <i>Т.</i>	67.
Ежедневная опривка и полученіе журналовъ и писемъ въ Парижскомъ и Лондонскомъ почтампахъ	77.
Неумышленная донощица; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	85.
Рассказъ на персправѣ черезъ Прушь; соч. <i>Владиславева</i> . 97 и 105.	
Французы начинаютъ образуиваться	100.
Президентъ Монпескьё	—
Цѣшокъ на гробъ служанки журналиста; соч. <i>П. Смирнова</i>	108.
Замки и посполыде дворы	109.

За Богомъ молишва не пропадаетъ; рассказъ; соч. <i>Грудзинскаго</i>	спри.	113 и 121.
Мухи и дураки		118.
Иванъ Лапопникъ; сказка; соч. <i>В. Луганскаго</i>		129.
Сеспры двойчашки; повѣсть; пер. <i>Т.</i>		139.
Письмо къ издамелю отъ 9 Февраля 1856 года		142.
О свекловичномъ сахарѣ		143.
Красный человекъ; рассказъ; пер. <i>Ю. Дж.—ни</i>		145.
Кающійся грѣшникъ		150.
Современное происшествіе	154 и 162.	
На гробъ <i>И. В. Слѣнина</i> ; соч. <i>В.</i>		164.
Анна; повѣсть; пер. <i>Т.</i>		172.
Весель-чудовище		173.
Новое хлѣбное растеніе		—
Канасъ; повѣсть; пер. <i>Т.</i>		177.
Синій и Бѣлый; военный рассказъ		180.
Мать и дочь; соч. <i>Ө. Глинки</i>		181.
Шекспиръ и Расивъ		—
Честность и выщета; пер. <i>Т.</i>		187.
Дѣвочка-дунашикъ; пер. <i>Т.</i>		188.
Морозное упрю на Сѣверѣ; соч. <i>Ө. Глинки</i>		189.
Огонь въ сѣнахъ и сѣнки въ огнѣ		—
Праздникъ 1 Октябрия въ Минхенѣ; пер. <i>Т.</i>		194.
Вѣра сердца; пер. <i>Т.</i>		196.
Наказанная спѣсь		198.
Мысли		—
Часовня слѣпаго Бенедикта; повѣсть; пер. <i>Т.</i>		201.
О жипеляхъ новой Калифорніи; пер. <i>Т.</i>		205.
Во Франціи занимаюшя не одними сказками да романами, а вмѣстѣ и книгами важными, назидательными. 206.		

ІІІ. СПИСОКЪ

<i>Членами Императорской Россійской Академіи, уже окончившими свое земное поприще.</i>	
Дѣйствительнымъ	69, 78, 93, 100 и 109.
Почетнымъ	118.

ІV. ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

Шведскія морскія силы въ 1853 году	4.
Авспрійская армія, по военному положенію	22.
Авспрійская армія, по мирному положенію	28.
Сухопутныя военныя силы Прусскаго Королевства	57.

Морскія силы Великобританіи	спрн. 46.	Къ Новому 1836 году; соч. <i>В. Тихомирова</i>	спрн. 102.
Сухопутныя силы Шведскаго и Норвежскаго Королевства	55.	Вельможа; соч. <i>И. Крылова</i>	111.
Морскія силы Франціи	61.	A la belle inconspue,—экспромптъ; соч. <i>П. Хотялицева</i>	120.
Военныя силы Виртембергскаго Королевства	70.	Къ престлпницѣ; соч. <i>Ө. Менацова</i>	127.
Сухопутныя силы Баварскаго Королевства	78.	Романсъ; соч. <i>Н. Д—ова</i>	135.
Сухопутныя силы Саксонскаго Королевства	93.	Змѣя и кроликъ; соч. <i>Суханова</i>	144.
Сухопутныя силы Неаполитанскаго Королевства	101.	Химикъ; пер. <i>М. Делидова</i>	151.
Сухопутныя силы Великобританіи	110.	Эпиграмма; соч. <i>Фонъ-Бейера</i>	164.
Австрійскія морскія силы	118.	Роза; пер. <i>И. Галанина</i>	171.
Сухопутныя силы Дашскаго Королевства	126.	Въ альбомѣ К. А. И.; соч. <i>Д. Л—ва</i>	183.
Морскія силы Неаполитанскаго Королевства	134.	Смерть пловца; соч. <i>И. Галанина</i>	191.
Сухопутныя и морскія силы Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ	143.	Предчувствіе; соч. <i>М. Делидова</i>	199.

Сухопутныя силы Баденскаго Великаго Герцогства	150.
Морскія силы Дашскаго Королевства	164.
Сухопутныя силы Сардинскаго Королевства	173.
Сухопутныя силы Швейцаріи	182.
Морскія силы Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ	189.
Сухопутныя силы Турецкой Имперіи	198.
Сухопутныя силы Гессенскаго Великаго Герцогства	206.

V. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

27. 28.	7 и 15.
29. 30.	22 и 23.
31. 32. 33.	29 и 38.
34. 35. 36.	47 и 54.
37. 38.	61 и 62.
39. 40.	70 и 79.
41. 42.	93 и 94.
43. 44. 45.	102 и 110.
46. 47.	111 и 119.
48. 49.	127 и 134.
50. 51.	143 и 151.
52. 53.	157 и 164.
54. 55.	174 и 182.
56. 57.	190.
58. 59.	199 и 207.

VI. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Горячій источникъ; соч. <i>В. Бенедиктова</i>	7.
Къ Аделаидѣ; соч. <i>В. Бенедиктова</i>	—
Заря; соч. <i>А. Хомякова</i>	15.
Завѣщаніе; пер. <i>Я. Др—ова</i>	23.
Эпиграмма	30.
Чужбина	39.
Зевесъ и Гиганты; соч. <i>Суханова</i>	55.
На присутствіе его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго въ Собраніи Императорской Россійской Академіи; соч. <i>Б. Федорова</i>	62.
Безсонница; <i>М. Делидова</i>	—
Запѣи; соч. <i>М. Суханова</i>	71.
Розань	80.
Курганъ Марии; пер. <i>Ю. Познанскаго</i>	94.

VII. НОВЫЯ КНИГИ.

Бешпи и Томсъ или Докшоръ Еннеръ и его открытіе, нравоуч. повѣсть, перев. изъ соч. г. <i>Ниритца</i>	23.
Русскія повѣсти, разсказы и драматическія сочиненія для юнаго возраста, кн. 1-я; соч. <i>Б.</i>	32.
Дѣтскій Павильонъ, составл. на 1836 г. <i>Б. Федоровичъ</i> ; соч. <i>Б.</i>	39.
Плаваніе по Бѣлому морю въ Соловецкій монастырь,— <i>Я. Озерецковаго</i>	53.
Біографія Императора <i>Александра I</i> ,— <i>Н. Грега</i> ; соч. <i>В. Б.</i>	63.
Повѣсти и разсказы <i>Вл. Владиславлева</i>	80.
Описаніе Кордуанскаго и Эддаспонскаго маяковъ, составл. <i>Р. Скаловскиль</i>	96.
Спископворенія <i>В. Жуковскаго</i> , час. I, II, III, IV и VII; соч. <i>А. Никитенко</i>	157 и 165.
Прогудка съ дѣтьми по земному шару,— <i>В. П. Бурьянова</i> ; соч. <i>В.</i>	175.
Всеобщій Апшасъ, 1836 года	184.
Князь Скопинъ-Шуйскій, или Россія въ началѣ XVII столѣтіи; соч. г-жи <i>О... Ш....</i>	192.

VIII. ШАРАДЫ, ОМОНИМЫ, ЛОГОГРИФЫ, ЗАГАДКИ, АНАГРАММА.

Русскія.—*Шарады*: 1) Пол-тина; 2) Вой-на; 3) Музыкантъ; 4) Ро-Бертъ; 5) На пагія; 6) Гром-о-бой.—*Омонимы*: 7) Бабки; 8) Голова; 9) Вѣки; 10) Кій; 11) Пуля.—*Логогрифы-Анаграммы-Шарады-Омонимы*: 12) Кошъ, опъ, покъ воды), покъ (на гумнѣ).

Французскія.—*Шарады*: 1) Ruban; 2) Carton; 3) Epidémie.—*Логогрифы*: 4) Couvert; 5) Balancier; 6) Damoiseau; 7) Flambeau; 8) Clocher.—*Загадки*: 9) Lustre; 10) 11) Pain à cacheter.

IX. М О Д Ы.

Спашии о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Песербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ кажда домъ листкѣ; выдано 9 искусно-выгравированныхъ, на лучшей веленовой бумагѣ превосходно отпечатанныхъ и раскрашенныхъ карпинокъ, и сверхъ того *девѣ прибавочныхъ*.